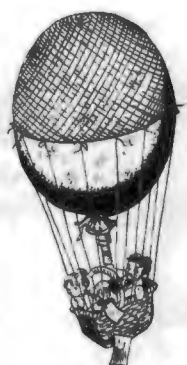

8413
H 83

МЭРИ НОРТОН

Добывайки

МЭРИ НОРТОН

ДОБЫВАЙКИ

ДОБЫВАЙКИ В ПОЛЕ

ДОБЫВАЙКИ НА РЕКЕ

ДОБЫВАЙКИ В ВОЗДУХЕ

Иллюстрации Игоря Панкова

ЭКСМО
Москва
2013

Нортон М.

Н 82 Добывайки / Мэри Нортон ; ил. И. Панкова ; пер. с англ. Г. Островской. — М. : Эксмо, 2013. — 640 с. : ил.

УДК 82-93
ББК 84(4Вел)

Литературно-художественное издание
эдеб-көркемдік басы
Для младшего школьного возраста
мектеп жасындағы кіші балаларға арналған

Мэри Нортон

ДОБЫВАЙКИ
(орыс тілінде)

Перевод с английского Галины Островской
Художник Игорь Панков

Ответственный редактор **В. Карпова**. Художественный редактор **И. Лапин**
Компьютерная графика **И. Успенский**. Технический редактор **М. Печковская**
Компьютерная верстка **И. Ковалева**. Корректор **Д. Горобец**

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: Издательство «ЭКСМО-ЖШҚ», 127299, Москва, Ресей, Клара Цеткин көш., үй 18/5.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тәуел бейнесі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және еңім бойынша арыс-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РБЦ-Алматы» ЖШҚ, Алматы қ., Домбровский көш., 3-ө, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 251 59 88, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 59 12 эк. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өзінің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылған

Подписано в печать 25.07.2013. Формат 84x108 1/16.
Гарнитура «Нью-Стандарт». Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6.
Тираж 3000 экз. Заказ 1846

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-65608-0

9 785699 656080 >

The Borrowers © Mary Norton 1952;
The Borrowers Afield © Mary Norton 1955;
The Borrowers Afloat © Mary Norton 1959;
The Borrowers Aloft © Mary Norton 1961
This edition is published by arrangement with
Aitken Alexander Associates Ltd. And Van Lear
Agency

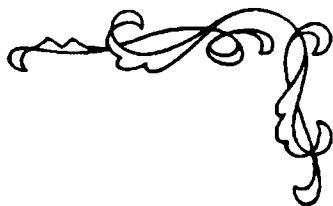
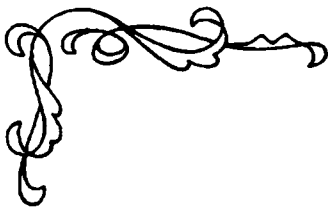
© Г. Островская, перевод на русский язык,
наследники, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-65608-0

ДОБЫВАЙКИ

Глава первая

Первая рассказала мне о них миссис Мей. Нет, не мне. Не могла же это быть я — эта вспыльчивая, неаккуратная, своевольная девочка с дерзким взглядом и дурной привычкой кусать ногти. Кажется, её звали Кейт. Да, так и есть — Кейт. Хотя как её звали, не так уж важно, она почти не участвует в нашей истории.

Миссис Мей занимала две комнаты в квартире родителей Кейт в Лондоне; она была, я думаю, их дальняя родственница. Спальня её помещалась на втором этаже, а гостиной служила комната, где они раньше завтракали. В таких комнатах хорошо по утрам, когда солнечные лучи играют на хрустящих гренках и апельсиновом джеме, но после полудня солнце исчезает — и комната светится странным серебристым светом, словно уже наступили сумерки. Тогда в ней появляется что-то печальное, но девочкой Кейт любила всё печальное и частенько проskalзывала к миссис Мей, перед тем как отправиться пить чай, и миссис Мей учила её вязать тамбуром.

Миссис Мей была старая — суставы у неё почти не сгибались — и... нет, не строгая, просто она твёрдо знала, что хорошо, а что плохо,

а это заменяет строгость. Кейт никогда не бывала своевольной с миссис Мей, неаккуратной и вспыльчивой, и миссис Мей учила её многим вещам, кроме вышивания: как намотать шерсть овальным клубком, как красиво заштопать дырку, как прибрать у себя в ящике и положить поверх всего лист шуршащей папиросной бумаги от пыли.

— Почему ты сегодня такая тихая, детка? — спросила однажды миссис Мей у Кейт, сидевшей безо всякого дела на кожаной круглой подушке. — Что с тобой? Ты что, потеряла дар речи?

— Нет, — сказала Кейт, дёргая пуговку на туфле. — Я потеряла крючок для вязанья. — Они делали шерстяное вязаное одеяло из отдельных квадратов; надо было связать ещё тридцать штук. — Но, кажется, я знаю, куда положила его, — поспешила она добавить, — на нижнюю полку книжного шкафа.

— На нижнюю полку? — переспросила миссис Мей; её крючок неуклонно двигался вперёд, поблёскивая при свете огня. — Недалеко от пола?

— Да, — сказала Кейт, — но я искала на полу. И под ковриком у постели. Везде. Клубок остался. Там, где я его положила.

— Вот те на! — воскликнула миссис Мей. — Неужели они есть и в этом доме?

— Кто — они? — спросила Кейт.

— Добывайки, — ответила миссис Мей, и Кейт почудилось, что на лице миссис Мей промелькнула улыбка.

Кейт уставилась на неё с некоторым страхом.

— А такое бывает на свете? — спросила она через минуту.

— Какое — такое?

Кейт моргнула.

— Ну... такие существа, которые живут в твоём доме и... берут твои вещи?

Миссис Мей опустила вязанье на колени.

— А ты как думаешь? — спросила она.

— Не знаю, — сказала Кейт, глядя в сторону и изо всех сил дёргая пуговку на туфле. — Конечно, их не может быть. И всё же... — она подняла голову, — и всё же иногда я думаю, что они есть.

— Почему ты так думаешь? — спросила миссис Мей.

— Потому что столько вещей исчезает неизвестно куда. Французские булавки, например. Целые фабрики делают булавки, люди каждый день покупают булавки, и всё же, когда тебе нужна булавка, ты никогда не можешь её найти. Где они все? Вот сейчас, в эту минуту? Куда они деваются? А иголки! — продолжала она. — Не могут же все иголки, которые мама купила за всю свою жизнь... уж, наверно, не меньше нескольких сотен... валяться по дому.

— Нет, не могут, — согласилась миссис Мей.

— А все остальные мелочи, которые мы покупаем! Каждый раз заново. Карандаши, и спички, и сургуч, и шпильки для волос, и напёрстки...

— И шляпные булавки, — вставила миссис Мей, — и промокательная бумага.

— Промокашки — да, — согласилась Кейт, — но не шляпные булавки.

— Тут ты не права, — сказала миссис Мей, вновь берясь за вязанье. — Без шляпных булавок им не обойтись.

Кейт изумлённо взглянула на неё.

— Не обойтись? — повторила она. — Почему?

— Ну, на то есть две причины. Во-первых, шляпная булавка удобное оружие, а во-вто-

рых... — Миссис Мей вдруг рассмеялась. — Но это все звучит так дико и... — она помедлила, — и было так давно!

— Расскажите мне, — попросила Кейт, — расскажите, откуда вы знаете о шляпных булавках. Вы хоть раз видели их?

Миссис Мей бросила на неё удивлённый взгляд.

— Конечно... — сказала она.

— Да не булавки! — нетерпеливо воскликнула Кейт. — А этих... как вы их называли... добываек.

Миссис Мей перевела дыхание.

— Нет, — быстро сказала она. — Никогда.

— Ну так кто-нибудь другой видел! — вскричала Кейт. — И вы это знаете! Вижу, что знаете.

— Тише, — сказала миссис Мей. — Ни к чему так кричать! — Она взглянула на обращённое к ней снизу лицо, улыбнулась и, отведя глаза, уставилась в пространство. — У меня был брат... — начала она неуверенно.

Кейт забралась на подушку с ногами.

— И он их видел?!

— Не знаю, — сказала миссис Мей, покачивая головой. — Правда, не знаю... — Она разгладила свою работу. — Он так любил нас дурачить... меня и сестру. Он рассказывал нам такие небылицы... Он был убит, — добавила она тихо, — много лет назад на северо-западной границе. Погиб, как теперь говорят, смертью храбрых...

— Он был ваш единственный брат?

— Да, младший брат. Я думаю, именно поэтому, — она замолчала на миг, всё ещё улыбаясь своим мыслям, — он и выдумывал такие невероятные, такие фантастические истории. Он завидовал нам, я полагаю, потому что мы были

старше и лучше умели читать. Он хотел нас удивить; возможно, он даже хотел нас напугать. И всё же, — она поглядела в огонь, — было что-то... возможно, потому, что мы выросли в Индии, где столько таинственных легенд... что-то, заставлявшее нас верить ему. Иногда мы знали, что он нас просто дурачит, но иногда мы не были до конца уверены в этом. — Она наклонилась и аккуратно смела золу, высыпавшуюся за каминную решётку. Затем, всё ещё держа в руках метёлочку, снова уставилась на огонь. — Он был не очень крепкий мальчик; в первый же год, когда он приехал в Англию, чтобы пойти в школу, он заболел ревматизмом, пропустил целый семестр, и его отправили на поправку к нашей двоюродной бабушке тёте Софи. Она жила за городом. Позже я тоже туда ездила. Это был такой странный старый дом... — Миссис Мей повесила метёлочку на медный крючок, где она

всегда висела, и, отряхнув платком руки, снова взялась за вязанье. — Зажги-ка лучше лампу, — сказала она.

— Ещё рано зажигать, — умоляюще проговорила Кейт, наклоняясь к ней. — Пожалуйста, рассказывайте дальше. Пожалуйста...

— Но я уже рассказала тебе.

— Нет, не рассказали. Этот старый дом... он там увидел... этих... этих?..

Миссис Мей рассмеялась.

— Там ли он увидел добываек? Да, так он нам сказал... хотел заставить нас в это поверить. Мало того, он, по его словам, не только видел их, но близко познакомился с ними, стал, так сказать, частью их жизни; по правде говоря, сам в каком-то смысле сделался добывайкой.

— О, пожалуйста, пожалуйста, расскажите мне. Постарайтесь вспомнить. С самого-самого начала.

— Но я и не забывала ничего, я всё прекрасно помню. Как ни странно, я помню это лучше, чем многие настоящие события своей жизни. Быть может, это тоже настоящие события. Не знаю. Понимаешь, когда мы возвращались в Индию, мы с братом спали в одной каюте... сестра делила каюту с гувернанткой. Ночи были такие жаркие и душные, что часто мы не могли уснуть, и брат часами рассказывал мне о добывайках, повторял их разговоры, вновь и вновь описывал подробности... старался представить, как они поживают, что делают и...

— Они? Кто они?

— Хомили, Под и маленькая Арриэтта.

— Под?

— Да. Даже имена у них звучали неправильно. Они думали, что у них собственные имена, непохожие на человеческие, но вы сразу слы-

шали, что и имена взяты ими у людей. Даже у дядюшки Хендрири и его дочери Эглтины. Всё, что они имели, было добыто у людей, у них не было ничего собственного. Ничего. И при этом они были очень обидчивы и очень высокого о себе мнения и думали, что они хозяева земли.

— Не понимаю.

— Они думали, что мы, люди, созданы только для того, чтобы исполнять всякую чёрную работу... рабы-великаны, предоставленные в их распоряжение. Во всяком случае, так они говорили друг другу. Но брат утверждал, что в глубине души они боялись. Он считал, что от этого они и сделались такими маленькими. От страха. С каждым поколением они становились меньше и меньше и прятались всё глубже и глубже. В давние времена здесь, в Англии, наши предки рассказывали много историй о маленьком народе¹.

— Да, я знаю, — отозвалась Кейт.

— В наши дни, — неторопливо продолжала миссис Мей, — если они и существуют, то найти их можно, вероятно, только в старых, спокойных домах, далеко от больших городов и шума, в домах, где жизнь идёт по установившемуся раз и навсегда порядку. Порядок для них — порука безопасности; им очень важно знать, в какие комнаты можно заходить и когда. Они не останутся надолго в доме, где живут неаккуратные взрослые, непослушные дети и домашние животные.

Тот старый дом был, конечно, для них идеальным... хотя некоторые из них считали, что он чуть-чуть холодноват и слишком пуст. Тётя Софи

¹ Так в Англии называли эльфов.

была прикована к постели, после того как упала с лошади во время охоты лет двадцать назад. А кроме неё там были только миссис Драйвер, экономка и кухарка, да Крэмппфирл, садовник. Изредка появлялась на короткое время какая-нибудь служанка. И всё. Когда мой брат приехал туда, ему ещё долго пришлось лежать в постели, и первое время добывайки, по-видимому, не знали о его существовании.

Он спал в бывшей детской, за классной комнатой. В то время классной комнатой больше не пользовались, мебель стояла в чехлах, и там было полно всякого старья — сундуки и сундучки всех размеров, сломанная швейная машина, парта, портновский манекен, стол и несколько стульев, пианола; дети, которые когда-то на ней играли — дети тёти Софи, — уже давно выросли, женились, вышли замуж, умерли или разъехались по свету. Дверь между детской и классной комнатой всегда стояла открытой настежь, и с кровати брату была видна большая картина над камином, изображавшая битву при Ватерлоо, и на стене в углу — шкафчик со стеклянными дверцами, в котором стоял на полках кукольный сервиз, очень старый и хрупкий. Если дверь из классной комнаты тоже оставляли открытой, он видел освещённый коридор, который вёл к лестнице. Каждый день под вечер на площадке лестницы появлялась миссис Драйвер с подносом в руках, где лежало печенье и стоял высокий гранёный графин с доброй старой мадерой. Она несла его в спальню тёти Софи и на обратном пути прикручивала газовый рожок в коридоре, так что оставался лишь маленький голубой язычок, а затем, тяжело ступая, медленно спускалась по лестнице и исчезала внизу.

Там, внизу, в холле стояли часы, и всю ночь мальчик слышал, как они отбивают время. Это были высокие напольные часы, куранты, очень старые.

Каждый месяц в дом приходил мистер Фрит из Лейтон-Баззарда и заводил их, как это раньше делал его отец, а ещё раньше — дед. Говорили (а мистер Фрит знал это наверняка), что за восемьдесят лет часы ни разу не остановились, и можно было предположить, что они ни разу не останавливались и до того. Главное было — не сдвигать их с места. Стена за курантами была обшита дубовой панелью, а пол из плитняка так стёрся от частого мытья за все эти годы, что часы, говорил мне брат, стояли словно на каменной платформе.

А под курантами в самом низу дубовой панели была дырочка...

Глава вторая

Это была дыра Пода... ворота в его крепость... Вход в его дом. Не думайте, что дом был поблизости от часов, вовсе нет. К нему вели длинные, тёмные и пыльные переходы с деревянными дверцами между балками и металлическими воротцами против мышей. Чего только не использовал Под для этих воротец — створку складной тёрки, крышку от шкатулочки для монет, квадратные кусочки дырчатого цинка от старого ящика для хранения мяса, проволочную хлопушку для мух... «Я вовсе не боюсь мышей, — не раз говорила Хомили, — но я не выношу их запаха». Напрасно Арриэтта просила позволить ей завести мышку, маленького мышоночка, которого она выкормила бы с рук... «как Эглтина». Хо-

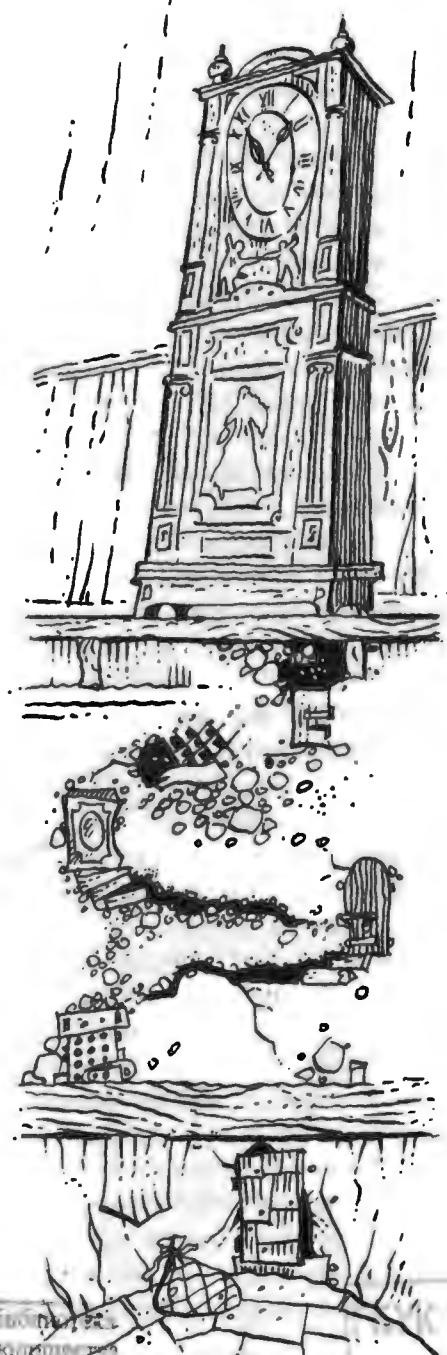
мили сразу же начинала грохотать крышками от кастрюль и восклицала: «И вспомни, что с ней случилось!» — «Что? — всякий раз спрашивала Арриэтта. — Что случилось с Эглтиной?» Но на это никто не давал ей ответа.

Только Под знал дорогу к дыре под часами — не дорога, а настоящий лабиринт. Только Под умел открывать воротца. На них были сложные задвижки-застёжки, сделанные из заколок для волос и французских булавок, и только Под знал их секрет. Его жена и дочка вели жизнь без тревог и забот в уютной квартирке под кухней, далеко от опасностей, которыми мог грозить дом над их головой. В кирпичной стене ниже уровня кухонного пола была решётка, сквозь которую Арриэтте был виден сад — кустики гравийной дорожки и клумбы, где весной цвели крокусы и куда ветер приносил лепестки с цветущих деревьев. Позднее там расцветал куст азалии, и иногда прилетали огромные птицы... Они клевали что-то, ухаживали друг за другом, а порой дрались.

— Ну виданное ли это дело — часами сидеть и глазеть на птиц, — ворчала Хомили. — А когда мне что-нибудь от тебя нужно, тебе всегда недосуг. В моём доме, у моих мамы и папы, не было никакой такой решётки, и слава богу! Ну-ка сбегай принеси мне картошки.

Так она говорила и в тот день, когда, прикатив картофелину из кладовой по пыльному проходу под половицами, Арриэтта сердито пнула её ногой, так что картофелина влетела в кухню, где Хомили стояла, наклонившись над плитой.

— Да что это с тобой?! — сердито воскликнула Хомили, обращившись к Арриэтте. — Ещё немного, и я была бы в кастрюле с супом. И когда я говорю «картошки», я имею

Областная библиотека
для детей и юношества
г. Екатеринбург

Филиал

в виду — картошки, а не картошку. Возьми-ка ножницы и отрежь мне ломтик.

— Откуда я знала, сколько тебе нужно, — пробормотала Арриэтта, а Хомили, возмущённо фыркнув, сняла с гвоздя на стене половинку сломанных маникюрных ножниц и стала срезать картофельную кожуру.

— Ты погубила эту картофелину, — ворчливо сказала она. — Теперь её нельзя будет откатить назад, раз я её разрежала.

— Подумаешь, важность, — сказала Арриэтта. — Да их там целая куча.

— Вы только послушайте её! Целая куча! Ты понимаешь или нет, — серьёзно и даже торжественно продолжала Хомили, откладывая «нож», — что твой отец рискует жизнью всякий раз, когда добывает картофель?!

— Я хотела сказать, что их целая куча у нас в кладовой.

— Ладно, что бы ты ни хотела сказать, не вертись у меня под ногами, — проговорила Хомили, снова принимаясь снова по кухне, — мне надо готовить ужин.

Арриэтта вышла в столовую — там в очаге уже ярко пылал огонь, и комната выглядела весело и уютно. Хомили гордилась своей столовой. Стены её были оклеены обрывками писем, найденных в мусорной корзине, и Хомили расположила их так, что строчки бежали сверху вниз вертикальными полосками. На стенах висели разноцветные портреты королевы Виктории — марки, несколько лет назад добытые Подом из коробочки на бюро в кабинете. Там стояли лакированная, обитая внутри бархатом шкатулка для украшений, которая служила им стулом-ла-рём, и незаменимая в хозяйстве вещь — комод, сделанный из спичечных коробков. Там был по-

крытый красной плюшевой скатертью круглый стол, который Под смастерил из деревянного донца коробочки для пилюль, взяв в качестве ножки резную подставку от шахматного коня. (Пропажа этого коня в своё время вызвала большую суматоху в доме, когда старший сын тёти Софи, неожиданно приехавший к ней на несколько дней, пригласил викария «сразиться после обеда». Роза Пикхэтчет, служанка, заявила, что она немедленно от них уходит. Вскоре после этого обнаружилось, что недостаёт кое-каких других мелочей; с тех пор в дом не брали служанок, и миссис Драйвер царствовала безраздельно.) Сам конь — так сказать, его бюст — стоял в углу на подставке-катушке; он выглядел очень изысканно и придавал комнате тот особый оттенок, который может дать только скульптура.

Возле очага в деревянном пенале была библиотека Арриэтты. Она состояла из набора тех миниатюрных томов, которые так любили в Англии во времена королевы Виктории. Арриэтте они казались огромными, как церковная Библия. Среди них были: изданные Брюсом «Географический справочник Мальчика-с-пальчика», включающий самые современные для начала века названия, и «Словарь Мальчика-с-пальчика» с краткими объяснениями научных, философских и технических терминов, томик «Комедии Вильяма Шекспира для Мальчика-с-пальчика» с предисловием об авторе, ещё одна книжка с чистыми страницами, которая называлась «Памятные заметки», и последняя — по списку, но не по значению, — любимейшая книга Арриэтты — «Дневник Мальчика-с-пальчика с пословицами и поговорками», где для каждого дня года было своё изречение, а в предисловии давалось жизнеописание человека по прозвищу Мальчик-

с-пальчик, который женился на девушке по имени Мерси Лавиния Бамп. На титульном листе была гравюра, изображавшая их экипаж, запряжённый парой лошадей, каждая из которых была величиной с мышь. Арриэтта была умной девочкой. Она знала, что лошади не могут быть такими же маленькими, как мыши, но она не представляла, что Мальчик-с-пальчик оказался бы добывайкам не таким уж крошкой.

Арриэтта научилась читать по этим книгам, а писать — копируя буквы с обоев на стене, для чего ей приходилось сворачивать голову набок. Хотя она и умела писать, она не всегда делала записи в дневнике, однако почти каждый день снимала его с полки, чтобы прочитать очередное изречение. Сегодня там была написано: «Тише едешь — дальше будешь». Арриэтта отнесла книгу к очагу и села, поставив ноги на решётку.

— Что ты делаешь, Арриэтта? — позвала её из кухни Хомили.

— Пишу дневник.

— А! — воскликнула Хомили.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросила Арриэтта. Она могла не бояться — Хомили любила, когда она пишет, Хомили поощряла все виды культуры. Сама она, бедняжка, даже букв не знала.

— Ничего, ничего! — сказала мать, грохоча крышками. — Успеется.

Арриэтта вынула карандаш. Это был маленький белый карандашик с привязанной к нему шёлковой ленточкой, снятый с бальной программки, но в руках Арриэтты он казался не меньше скалки.

— Арриэтта! — снова позвала из кухни Хомили.

— Да?

— Подбрось-ка немного угля в огонь.

Арриэтта крепкохватила книгу обеими руками и с усилием сняла её с колен. Они держали топливо — угольную крошку и измельчённое свечное сало — в оловянной горчицице и подбрасывали его в очаг ложечкой для горчицы. Арриэтта чуть-чуть наклонила ложечку и стряхнула несколько крупинок, чтобы не затушить огонь. И осталась стоять у очага, наслаждаясь теплом. Это был замечательный очаг; дедушка Арриэтты смастерил его из цевочного колеса, которое когда-то было частью пресса для приготовления сидра. Спицы колеса расходились в разные стороны, а в центре находилось гнёздышко для самого очага. Над ним был колпак из воронки, подвешенной раструбом вниз. Через эту воронку некогда наливали керосин в керосиновую лампу, стоявшую в холле. Целая система труб, отходящих от горлышка воронки, уносила дым наверх, в кухонный дымоход. Разжигали очаг полешками-спичками, а уж потом подбрасывали угольную крошку; и когда он разгорался и железо раскалялось, Хомили ставила на спицы серебряный напёрсток с супом, чтобы он потихоньку кипел, а Арриэтта калила орехи. Какие это были славные, уютные зимние вечера! Арриэтта с огромной книгой на коленях — иногда она читала родителям вслух, — Под с сапожной коллодкой в руках (он был сапожник и шил туфли из лайковых перчаток... теперь, увы, только для своей семьи) и Хомили, наконец-то переделавшая всё по хозяйству, со своим вязаньем.

Хомили вязала им нижнее бельё, фуфайки, жакеты и чулки на булавах с головками, а иногда на штопальных иглах. Возле её кресла всегда стоял огромный, высотой в стол, моток

шёлка или простых ниток. Иногда, когда она слишком резко дёргала нитку, моток опрокидывался и выкатывался через открытые двери прямо в тёмный проход. Тогда Арриэтту посылали прикатить его обратно, аккуратно наматывая по пути. Пол в столовой был покрыт тёмно-красной промокательной бумагой, она была мягкая, красивая и впитывала всё, что на неё проливали. Время от времени Хомили её меняла... когда можно было раздобыть новую наверху; но с тех пор как тётя Софи слегла в постель, миссис Драйвер редко вспоминала о промокательной бумаге, разве что когда в доме ожидали гостей. Хомили любила вещи, которые избавляли её от стирки, ведь не так-то просто сушить бельё, когда живёшь в подполье. Воды, правда, у них было предостаточно — и холодной, и горячей — благодаря батюшке Пода, который отвёл трубки от кухонного котла. Купались они в фарфоровой супнице. Кончив купаться, вылив воду и вытерев ванну, полагалось закрыть её крышкой, чтобы никому не вздумалось складывать в неё грязные вещи. Мыло, целый большой брусок, висело на крюке в кладовой, и они отрезали от него по кусочку. Хомили любила дегтярное мыло, но Под и Арриэтта предпочитали сандаловое.

— А сейчас что ты делаешь, Арриэтта? — опять окликнула дочку Хомили.

— Всё ещё пишу.

Арриэтта снова обеими руками взяла книжку и взгромодила её себе на колени. Она лизнула кончик огромного карандаша и, глубоко задумавшись, уставилась в пространство. Она разрешала себе написать (когда вообще вспоминала о своём дневнике) одну-единственную строчку в день, потому что у неё никогда в жизни — в этом она была уверена — не будет больше дневника

и, если она напишет двадцать строчек на каждой странице, ей хватит этого дневника на двадцать лет. Арриэтта вела дневник уже два года и сегодня, 22 марта, прочитала свою последнюю запись: «Мама сердится». Она ещё подумала, затем под словом «мама» поставила знак «—” —», а под словом «сердится» — «беспокоится».

— Что, ты сказала, ты делаешь, Арриэтта? — окликнула её Хомили.

Арриэтта закрыла дневник.

— Ничего, мама, — сказала она.

— Тогда будь умницей, наруби мне луку... Отец что-то запаздывает сегодня...

Глава третья

Арриэтта со вздохом отложила дневник и пошла на кухню. Она взяла у Хомили кольцо лука и, повесив его на шею, принялась искать кусочек бритвенного лезвия.

— Фу, Арриэтта! — воскликнула Хомили. — На чистую кофточку! Ты хочешь, чтобы от тебя пахло, как от мусорного ведра? На, возьми ножницы...

Арриэтта переступила через луковое кольцо, словно это был детский обруч, и принялась рубить его на части.

— Отец запаздывает, — снова проговорила Хомили, — и это я виновата. Лучше бы я не...

— Что «не»? — спросила Арриэтта. Глаза её налились слезами, в носу щипало; она громко шмыгнула носом и подумала, как было бы хорошо вытереть его о рукав.

Хомили откинула назад прядь жидких волос. Мысли её витали где-то далеко.

— Это всё та чашка, что ты разбила... — сказала она.

— Но я разбила её давным-давно... — начала Арриэтта, моргая глазами и снова громко шмыгая носом.

— Знаю, знаю. Ты тут ни при чём. Это всё я. Не в том дело, что ты разбила чашку, а в том, что я сказала отцу...

— Что ты ему сказала?

— Ну, я просто сказала... там же есть ещё чашки, в этом сервизе, сказала я, там, наверху, в угловом стенном шкафчике в классной комнате.

— Не вижу в этом ничего плохого, — возразила Арриэтта, кидая кусочки лука один за другим в кипящий суп.

— Но он очень высоко висит, этот шкафчик, туда надо забираться по портьерам. А твой отец в его годы... — И она вдруг села на пробку с металлической головкой от бутылки с шампанским. — Ах, Арриэтта, лучше бы я никогда не упоминала об этой чашке!

— Не волнуйся, — сказала Арриэтта, — папа знает, что ему по силам. — Она вытащила резиновую пробку от флакончика из-под духов, которой было заткнуто отверстие в трубе с горячей водой, и выпустила несколько капель в жестяную крышечку от пузырька из-под пилюль. Затем добавила туда холодной воды и принялась мыть руки.

— Может, и так, — сказала Хомили. — Но я без конца твердила ему про эту чашку. Ну зачем мне она?! Твой дядюшка Хендрири никогда не пил не из чего, кроме простой желудёвой чашки, а он дожил до преклонного возраста, и у него хватило сил переехать на другой конец света. У моих родителей был один-единственный костяной напёрсток, из которого пили

все по очереди. Но если у тебя была настоящая фарфоровая чашка... ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Да, — ответила Арриэтта, вытирая руки о полотенце, сделанное из бинта.

— Главное — портьеры. Ему не взобраться по портьеру в его годы... по этим бомбошкам...

— Со шляпной булавкой взберётся, — возразила Арриэтта.

— С булавкой! И этому тоже я его научила! Возьми шляпную булавку, — сказала я ему, — привяжи кусочек тесьмы к головке и подтягивайся на ней. Это когда я просила, чтобы он добыл часы с изумрудами в Её спальне. Хотела знать, сколько времени печётся пирог! — Голос Хомили задрожал. — Твоя мать дурная женщина, Арриэтта. Эгоистка, вот она кто.

— Знаешь что? — внезапно воскликнула Арриэтта. Хомили смахнула слезу.

— Что? — еле слышно сказала она.

— Я могу взобраться по портьеру.

Хомили встала.

— Хорошенькое дело! Да как ты смеешь говорить мне такие вещи?!

— Но я могу, могу, могу! Я сумею добывать всё что надо.

— Ах! — чуть не задохнулась Хомили. — Гадкая девчонка! Как у тебя только язык поворачивается?! — И она снова рухнула на табуретку из пробки. — Вот до чего, значит, дошло!

— Мапочка, не надо, пожалуйста, — взмолилась Арриэтта, — ну не расстраивайся же так!

— Как ты не понимаешь... — с трудом начала Хомили; она уставилась на стол, не в состоянии найти убедительные слова, наконец подняла к дочери осунувшееся лицо. — Детка моя, — сказала она, — ты не знаешь, о чём говоришь. Добывать

совсем не так легко. Ты не знаешь... и, слава богу, никогда не узнаешь, — голос её упал до боязливого шёпота, — как там, наверху...

Арриэтта ничего не сказала. Но через минуту спросила:

— А как там, наверху?

Хомили вытерла лицо передником и пригладдила волосы.

— Твой дядюшка Хендрири, — начала она, — отец Эглтины... — И тут она остановилась. — Послушай!.. Что это?

Издали донёсся еле слышный звук... словно защёлкнули щеколду.

— Отец! — воскликнула Хомили. — Ой, на что я похожа! Где гребешок?

У них был даже гребешок — крошечный серебряный старинный гребешочек для бровей, выпавший когда-то из ларчика в верхней гостиной. Хомили быстро провела им по волосам, сполоснула красные, заплаканные глаза, и когда появился Под, она, улыбаясь, разглаживала обеими руками передник.

Глава четвёртая

Под медленно вошёл в комнату всё ещё с мешком на спине, прислонил к стене шляпную булавку с болтающейся тесёмкой и поставил посреди кухонного стола чашку из кукольного сервиза, выглядевшую здесь салатницей или суповой миской.

— Ой, Под... — начала было Хомили.

— Блюдце тоже принёс, — сказал Под. Он опустил с плеч мешок и развязал его. — Принимай! — И он вытащил из мешка блюдце. — Как раз в пару.

У него было круглое, как булочка с изюмом, лицо, но сейчас щёки его как-то обвисли.

— Ой, Под, — сказала Хомили, — ты неважно выглядишь. Ты здоров?

Под сел на табурет.

— Вполне, — сказал он.

— Ты забрался по портьеру? — спросила Хомили. — Не надо было этого делать. Это слишком тебя разволновало.

Под скорчил непонятную гримасу, глаза его, как на шарнирах, повернулись к Арриэтте. Хомили уставилась на мужа, открыв рот, затем обернулась к дочке.

— Ну-ка в постель, Арриэтта, — деловито сказала она. — Быстренько, быстренько, будь умницей, а я принесу тебе ужин.

— Ну-у, — протянула Арриэтта, — разве мне нельзя посмотреть, что папочка ещё добыл?

— У него ничего больше нет. Только еда. Быстренько в постель! Чашку с блюдцем ты уже видела.

Арриэтта пошла в столовую, чтобы убрать на место дневник, и замешкалась, прилаживая свечку на перевёрнутую кверху остриём кнопку, служившую им подсвечником.

— Что ты там возишься? — ворчливо промолвила Хомили. — Дай её сюда. Ну вот видишь, как надо её ставить? Быстренько ложись и не забудь аккуратно сложить свои вещи.

— Спокойной ночи, папочка, — сказала Арриэтта, целуя его в плоскую бледную щёку.

— Осторожней со светом, — по привычке сказал он, следя за дочкой круглыми глазами, пока она не прикрыла за собой дверь.

— Ну, Под, — сказала Хомили, когда они остались одни. — В чём дело? Что случилось?

Под без всякого выражения взглянул на неё.

— Меня увидели, — сказал он.

Хомили, словно слепая, протянула вперёд руку, нащупала край стола и, держась за него, медленно опустилась на табурет.

— Ой, Под! — простонала она.

Наступило молчание. Под пристально смотрел на Хомили, Хомили уставилась на стол. Но вот она подняла белое как мел лицо.

— Как — увидели? Плохо?

Под заёрзал на месте.

— Не знаю. Меня увидели. Это уже плохо.

— Ни одного из нас, — медленно проговорила Хомили, — не видели после дядюшки Хендрири, а его, говорят, за сорок пять лет видели первого. — Она вдруг уцепилась обеими руками за стол, видно, ей пришла в голову какая-то ужасная мысль. — И всё равно, Под, я отсюда не уйду!

— Никто тебя и не просит, — сказал Под.

— Уйти и жить, как Хендрири и Люпи, в барсучьей норе! На другом конце света... среди земляных червей!

— Всего в двух полях отсюда, за рощей, — сказал Под.

— Орехи — вот вся их еда. И ягоды. Я не удивлюсь, если они едят мышей...

— Ты и сама ела мышей, — напомнил ей Под.

— И всюду сквозняки, и свежий воздух, и дети растут без присмотра, как дикари. Подумай об Арриэтте! — сказала Хомили. — Вспомни, как мы её воспитали. Единственный ребёнок. Она там погибнет. Для Хендрири это не так страшно.

— Почему? — спросил Под. — У него пятеро.

— Вот именно потому, — объяснила Хомили. — Когда у тебя пятеро детей, за их воспи-

танием не очень-то уследишь. Но главное сейчас не это... Кто тебя увидел?

— Мальчик, — сказал Под.

— Что? — воскликнула Хомили.

— Мальчик. — Под изобразил руками в воздухе силуэт. — Ну... мальчик...

— Но в доме же нет... Какой мальчик?

— Не понимаю. Что значит какой? Мальчик в ночной рубашке. Просто мальчик. Ты же знаешь, что такое мальчик.

— Да, — ответила Хомили. — Я знаю, что такое мальчик. Но вот уже лет двадцать, как в доме нет никаких мальчиков.

— Не было, — сказал Под. — А теперь есть.

Хомили молча уставилась на него, и Под храбро встретил её взгляд.

— Где он тебя увидел? — спросила наконец Хомили.

— В классной комнате.

— А-а... когда ты доставал чашку?

— Да.

— У тебя разве нет глаз? — спросила Хомили. — Ты не мог сперва посмотреть по сторонам?

— В классной комнате никогда никого не бывает. Больше того, — продолжал он, — и сегодня тоже не было.

— А где же он был?

— В постели. В детской, или как там она у них зовётся. Вот где. Сидел в постели. А дверь была открыта.

— Ну, мог бы заглянуть и в детскую.

— Да как же я мог — на портьере, на полу от пола!

— Это там он тебя увидел?

— Да.

— С чашкой?

— Да. Я не мог двинуться ни вверх, ни вниз.

— Ах, Под, — сказала Хомили. — Не надо было мне тебя пускать. В твои годы...

— Да нет, не в этом дело, — сказал Под, — ты меня неправильно поняла. Наверх я взобрался с лёгкостью. Взлетел как птичка, можно сказать, и бомбошки не понадобились. А вот потом... — Он наклонился к ней. — Когда в руке у меня была чашка, если ты понимаешь, что я имею в виду. — Он снял чашку со стола. — Она не очень-то лёгкая. Её можно держать за ручку вот так... но она тянет... или тонет, если так можно выразиться, вниз. Её нужно держать в двух руках. Кусок сыра или яблоко — другое дело. Я их просто роняю... толкну, они и упадут, а я слезу потихоньку да и подберу их. А с чашкой в руке... понимаешь теперь? И когда спускаешься, надо глядеть, кудаставишь ногу. А некоторые бомбошки на портьере оторваны. Не знаешь, за что и ухватиться, чтобы не упасть...

— Ах, Под, — проговорила Хомили, чуть не плача, — что же ты сделал?

— Ну, — ответил Под, снова садясь, — он взял у меня чашку.

— Что?! — в ужасе воскликнула Хомили.

— Понимаешь, он сидел в постели и смотрел на меня. Я провёл там, на портьере, не меньше десяти минут, потому что часы пробили четверть...

— Но что значит — он взял чашку?

— Ну, он слез с кровати и подошёл ко мне. «Я возьму чашку», — сказал он.

— Ой! — выдохнула Хомили, глядя на него во все глаза. — И ты дал ему?

— Он сам взял, — сказал Под, — да так осторожно... А когда я спустился, отдал обратно. Хомили закрыла лицо руками.

— Да не расстраивайся ты так! — взволнованно сказал Под.

— Он мог тебя поймать! — сдавленным голосом произнесла Хомили, и плечи её затряслись.

— Мог. Но он только дал мне обратно чашку. «Возьмите, пожалуйста», — сказал он.

Хомили подняла на него глаза.

— Что нам теперь делать? — спросила она.

Под вздохнул.

— А что мы можем сделать? Ничего. Разве что...

— Ах, нет, нет! — воскликнула Хомили. — Только не это. Только не переселяться. Да ещё теперь, когда я всё здесь так уютно устроила, и часы у нас есть, и всякое другое.

— Ну, часы можно взять с собой, — сказал Под.

— А Арриэтта? Как насчёт неё? Она совсем не такая, как её двоюродные братья. Она умеет читать, Под, и шить...

— Он не знает, где мы живём, — сказал Под.

— Но они ищут! — воскликнула Хомили. — Вспомни Хендрири. Они принесли кошку и...

— Полно, полно, — сказал Под, — зачем вспоминать прошлое?

— Но и забывать о нём нельзя. Они принесли кошку и...

— Верно, — сказал Под, — но Эглтина была совсем другая, чем Арриэтта.

— Другая? Она была её ровесница.

— Они ничего ей не рассказывали, понимаешь? Вот тут-то они и допустили ошибку. Они делали перед ней вид, будто на свете нет ничего, кроме нашего подполья. Они не рассказывали ей о миссис Драйвер или Крэмпфирле. И уж словечком не обмолвились о кошках.

— В доме и не было кошки, — напонила ему Хомили, — пока они не увидели Хендрири.

— Но потом-то она была, — сказал Под. — Детям нужно всё говорить, так я считаю, не то они сами начинают разузнавать, что к чему.

— Под, — сердито промолвила Хомили, — мы ведь тоже ничего на рассказывали Арриэтте.

— Ну, она многое знает, — тревожно ответил Под. — У нас же есть решётка в садик.

— Она не знает об Эглтине. Она не знает, что значит, когда тебя увидят.

— Ну что ж, когда-нибудь расскажем ей. Мы ведь всегда собирались это сделать. К чему спешить?

Хомили поднялась с места.

— Под, — произнесла она. — Мы расскажем ей всё сегодня.

Глава пятая

Арриэтта не спала. Она лежала под своим вязаным одеялом, уставившись в потолок. Это был очень интересный потолок. Отец смастерил для Арриэтты спальню из двух коробок из-под сигар, и на потолке были нарисованы прекрасные дамы в развевающихся газовых платьях, которые дули в трубы на фоне ярко-голубого неба. Внизу зеленели перистые пальмы, и крошечные белые домики стояли вокруг площади... Это была великолепная картина, особенно когда горела свеча, но сегодня Арриэтта глядела на неё, не видя. Стенки коробки из-под сигар не очень толсты, и Арриэтта слышала родительские голоса, то поднимавшиеся чуть не до крика, то падавшие до шёпота. Она слышала своё имя, слышала, как Хомили воскликнула: «Орехи и ягоды — вот вся их еда!» — а спустя немного встревоженный вопрос: «Что нам теперь делать?»

Когда Хомили подошла к её кровати, Арриэтта послушно закуталась в одеяло и пошлёпала босиком в тёплую кухню. Она села на низкую скамеечку и, обхватив колени руками, поглядела сперва на отца, затем на мать. Хомили подошла к ней и, опустившись на колени, обняла худенькие плечи.

— Арриэтта, — торжественно начала она, — ты знаешь о том, что там, наверху?

— О чём — о том? — спросила Арриэтта.

— Ты знаешь о двух великанах?

— Да, — сказала Арриэтта. — Старая тётя Софи и миссис Драйвер.

— Верно, — сказала Хомили. — И Крэмпфирл в саду. — Она положила загрубевшую от работы ладонь на стиснутые руки Арриэтты. — Ты знаешь о дяде Хендрири?

Арриэтта задумалась.

— Он уехал на край света, — сказала она.

— Переселился, — поправила её Хомили, — на другую квартиру. С тётей Люпи и детьми. В барсучью нору... дыру на склоне, где растёт боярышник. А почему он это сделал, как ты думаешь?

— О! — воскликнула Арриэтта, и лицо её просияло. — Чтобы быть на воздухе... лежать на солнышке... бегать по траве... качаться на ветках, как птицы... высасывать из цветов мёд...

— Глупости, Арриэтта, — сердито вскричала Хомили, — это дурные привычки! И у твоего дяди Хендрири ревматизм. Он переселился, — продолжала она, делая ударение на этом слове, — потому что его увидели.

— О!.. — воскликнула Арриэтта.

— Его видела двадцать третьего апреля тысяча восемьсот девяносто второго года Роза Пикхэтчет в гостиной на полочке над камином. Надо же было выбрать такое место! — добавила вдруг Хомили удивлённо, словно говоря сама с собой.

— О!.. — опять воскликнула Арриэтта.

— Я никогда ни от кого не слышала, никто не счёл нужным мне сообщить, почему он вообще туда забрался. Всё, что там стоит, говорит твой отец, видно с пола или с ручек бюро,

если стать боком и держаться за ключ. Так отец и поступает, если заходит в гостиную.

— Говорили, он полез за пилюлями от печени, — сказал Под.

— Что ты имеешь в виду? — удивлённо воскликнула Хомили.

— Пилюлями от печени для Люпи, — устало объяснил Под. — Кто-то пустил слух, — продолжал он, — что на каминной полке в гостиной лежат пилюли от печени...

— Вот как? — задумчиво проговорила Хомили. — Я никогда об этом не слышала. Ну и всё равно это был глупый и безрассудный поступок, никому не нужный риск. Оттуда не спустишься иначе как по шнуру от колокольчика. Говорят, Роза смахнула с него пыль метёлочкой, и он стоял так неподвижно рядом с фарфоровым купидоном, что она ни за что не обратила бы на него внимания, если бы он не чихнул. Она была ещё недавно в доме и не знала всех статуэток. Она так завизжала, что мы услышали её даже здесь, под кухней. После того её было не заставить вытирать пыль — разве только со столов и стульев.

— Я редко захожу в гостиную, — вставил словечко Под. — Не стоит труда. Там всё стоит на своём месте, и если что пропадёт, они сразу заметят. Конечно, бывает, остаётся что-нибудь на столе или на полу возле стула, но только если там были гости, а у них давно уж не бывает гостей... лет десять или двенадцать. Я могу сейчас, не сходя с места, перечислить тебе всё, что есть в гостиной, начиная с горки у окна до...

— А сколько в этой горке красивых вещей, — прервала его Хомили, — и многие из литого серебра. Там есть серебряная скрипка со

струнами и смычком... как раз под рост нашей Арриэтте.

— Что толку в вещах, — сказал Под, — которые лежат под стеклом.

— А разве ты не можешь разбить стекло? — спросила Арриэтта. — Самый уголочек, чуть-чуть ударить, крошечный ку... — Голос её прервался, она увидела, с каким удивлением, даже ужасом смотрит на неё отец.

— Послушай-ка, Арриэтта, — начала сердито Хомили, но тут же взяла себя в руки и ласково похлопала дочку по плечу. — Она же не понимает, что такое — добывать, — объяснила она Поду. — Она не виновата. — Хомили снова обернулась к Арриэтте: — Чтобы добывать, нужна сноровка, это своего рода искусство. Из всех семейств, которые жили в этом доме, остались мы одни — и знаешь, почему? Потому что твой отец — самый искусный из всех добываек, искуснее его в наших краях не было с... ну, со времён, когда ещё твой дедушка жил на свете. Даже твоя тётя Люпи не могла этого отрицать. Когда он был помоложе, я своими глазами видела, как он прошёл весь обеденный стол из конца в конец уже после того, как прозвучал гонг к ужину, и взял с каждого блюда орех, или конфету, или ещё что-нибудь из десерта и спустился по складке скатерти до того, как в дверь вошёл первый человек. Просто так, для забавы, да, Под?

Под слегка улыбнулся.

— Смысла-то в этом не было, — сказал он.

— Пусть, а всё ж таки кто, кроме тебя, отважился бы на это?

— Я был тогда моложе, — вздохнул Под и повернулся к Арриэтте. — Мы не ломаем ни-

чего и не бьём, так не делается. Это уже не будет называться добывать.

— Тогда мы были богатые, — сказала Хомили. — Ах, какие у нас водились красивые вещи! Ты ещё крошкой была, Арриэтта, ты не помнишь. У нас был ореховый гарнитур из кукольного домика, и набор рюмок из зелёного стекла, и музыкальная табакерка. К нам приходили родственники, и мы устраивали балы. Помнишь, Под? И не только родственники. У нас бывали даже Клавесины. Все бывали, кроме этих Надкаминных из кабинета. Мы танцевали тогда до упаду, а молодёжь чуть не до утра сидела у решётки. Наша табакерка играла три песенки — «Клементина», «Боже, спаси королеву» и «Почтовый галоп». Все нам завидовали тогда, даже Надкаминные.

— А кто это такие? — спросила Арриэтта.

— Неужели я тебе не рассказывала о них? — воскликнула Хомили. — Об этих чванливых господах, что жили высоко на стене за резной обшивкой над каминной доской в кабинете? Ну и публика это была! Мужчины без конца курили, потому что там всегда стояли открытые табакерки. Они вечно старались забраться повыше по резьбе, а потом соскользнуть вниз и вообще всячески выставлялись. А женщины их тоже воображали о себе невесть что и без конца любовались собой в зеркале над камином. Они никогда никого к себе не приглашали, да я бы и сама не пошла. У меня от высоты голова кружится, а твоему отцу не нравились их повадки. Он никогда не позволял себе прикладываться к рюмочке, а там, в кабинете, не только табак стоял открыто, но и графины с виски, и говорили, что Надкаминные сосали виски че-

рез пёрышки для чистки трубок, которые всегда лежали на каминной полке. Не знаю, может, это и не так, но говорили, что Надкаминные устраивали вечеринки каждую среду, после того как управляющий заходил туда по делам. Говорили, они валялись пьяные на зелёном сукне, которым был обтянут стол, среди жестяных коробок и бухгалтерских книг...

— Полно тебе, Хомили, — запротестовал Под, он терпеть не мог сплетен. — Я их такими не видел.

— Но согласишься, что они на это способны. Под, ты сам сказал, когда я вышла за тебя замуж, чтобы я не ходила к ним в гости.

— Потому что они жили так высоко, — сказал Под, — только поэтому.

— А лентяи они были! Уж этого ты не станешь отрицать? Никакого домашнего хозяйства они не вели. Грелись у камина и ели только завтрак, ведь ничего другого в кабинет не подают.

— Что с ними случилось? — спросила Арриэтта.

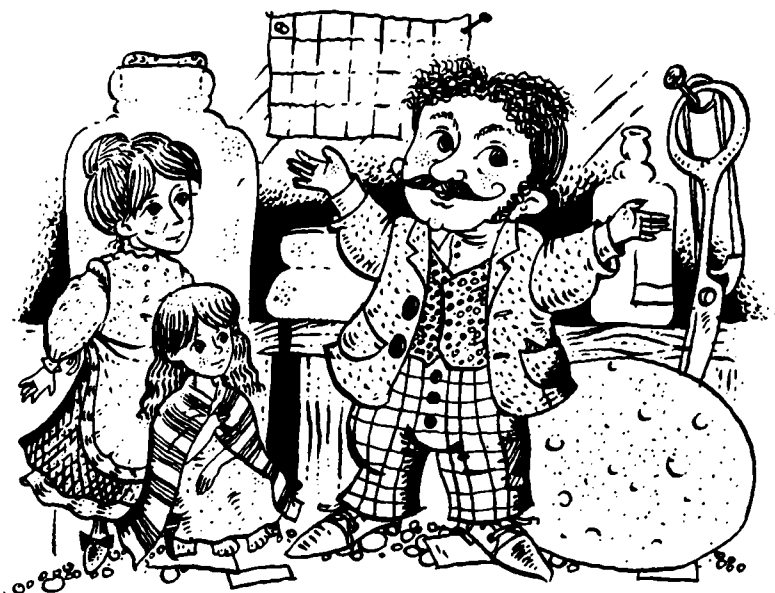
— Ну, когда Хозяин умер, а Она слегла в постель, кабинет никому больше не был нужен. Пришлось им уйти. А что ещё им оставалось делать? Ни еды, ни огня. Там ужасно холодно зимой, когда не топят камин.

— А Клавесины? — спросила Арриэтта.

Хомили задумалась.

— Ну, они были другими. Я не говорю, что они не важничали, как и Надкаминные, потому что они тоже много понимали о себе. Твоя тётя Люпи, которая вышла за дядю Хендрири, была Клавесин по первому мужу, а уж кому и знать, как не нам, как она задирала нос.

— Право, Хомили... — начал Под.

— И без всяких к тому оснований. Ведь она была просто Захомутицей, перед тем как вышла за Клавесина.

— Разве она вышла не за дядю Хендрири? — спросила Арриэтта.

— Да, позднее. Она была вдова с двумя детьми, а он был вдовец с тремя. И не гляди на меня так, Под. Ты же не станешь отрицать, что она без конца пилила бедного Хендрири — считала, что унизила себя, выйдя замуж за одного из Курантов.

— Почему? — спросила Арриэтта.

— Потому что мы, Куранты, живём под полом, вот почему. Потому что мы не выговариваем слова, как школьный учитель, и не едим тартинок с анчоусами. Что с того, что мы живём под кухней! Это вовсе не значит, что мы необразованные, вовсе нет. Куранты такая же старинная

семья, как Клавесины. Запомни это хорошенько, Арриэтта, и пусть только кто-нибудь попробует сказать тебе, что это не так! Твой дедушка умел считать и писать цифры до... до скольких, Под?

— До пятидесяти семи, — сказал Под.

— Вот видишь! — сказала Хомили. — До пятидесяти семи! И твой отец тоже умеет считать, сама знаешь. Он умеет считать и записывать цифры до самого конца. Где у них конец, Под?

— Ровно на тысяче, — ответил Под.

— Вот видишь! — вновь воскликнула Хомили. — И азбуку знает, ведь это он тебя выучил буквам. И научился бы читать — правда, Под? — если бы ему не пришлось смолоду добывать. Твоему дяде Хендрири и твоему отцу пришлось подняться наверх и начать добывать, когда им было всего по тринадцать лет. Как тебе сейчас, Арриэтта. Только подумай!

— Мне тоже хотелось бы... — начала Арриэтта.

— Поэтому у него не было таких хороших условий, как у тебя, — продолжала не переводя дыхания Хомили, — и только потому, что Клавесины жили в гостиной... они переехали туда в тысяча восемьсот тридцать седьмом году, в дыру за деревянной панелью в том месте, где раньше стоял клавесин, если он вообще там стоял, в чём лично я сомневаюсь... а на самом деле их фамилия была Утюг или что-то в этом роде, и они изменили её на Клавесин и...

— А что они ели? — спросила Арриэтта. — Там, в гостиной?

— Сладости к чаю, — ответила Хомили. — Одни сладости к чаю. Нечего удивляться, что дети у них были такие болезненные. Конечно, в прежние времена было лучше... к чаю подава-

ли сдобные булочки, и лепёшки, и сладкий пирог, и варенье, и джем. А один старый Клавесин даже помнил, как по вечерам там пили молочный пунш! Но им, бедолагам, приходилось добывать всё в такой спешке! В сырые дни, когда человеки сидели чуть не весь день в гостиной, чай приносили и уносили, а Клавесины и близко к столу подойти не могли... а в тёплые дни чай подавали в саду. Люпи рассказывала мне, что порой день за днём они питались одними чёрствыми крошками да пили воду из цветочных ваз. Так что не надо так уж на них нападать, немножко поважничать да разговаривать, как господа, было для них единственным утешением. Ты слышала, как говорит тётя Люпи?

— Да... Нет... Не помню.

— О, тебе нужно было слышать, как она произносит слово «паркет», — это дощечки, из которых сделан пол в гостиной. «Паркэт... парркэт», — говорила она. Ох, и умора же была! Если подумать, твоя тётя Люпи воображала о себе больше всех остальных...

— Арриэтта дрожит от холода, — сказал Под. — Мы не для того подняли девочку с постели, чтобы говорить про тётю Люпи.

— Верно, верно, — виновато промолвила Хомили. — Тебе следовало меня остановить. Ну-ка, мой ягнёночек, закутайся получше в одеяло, а я налью тебе чашку вкусного горячего бульона!

— И всё же, — сказал Под, в то время как Хомили наливала бульон, — и для того тоже.

— Что — тоже? — спросила Хомили.

— Подняли её, чтобы поговорить о тёте Люпи тоже. О тёте Люпи, дяде Хендрири и... — он приостановился, — Эглтине.

— Пусть сначала выпьет бульон.

— Никто не мешает ей пить, — сказал Под.

Глава шестая

— Мы с мамой подняли тебя, — начал Под, — чтобы рассказать о том, что делается наверху.

Арриэтта, держа чашку с бульоном в обеих руках, поглядела на него через край.

Под кашлянул.

— Ты сказала недавно, что небо тёмно-коричневое и в нём есть трещины. Это не так. — Он взглянул на неё чуть ли не осуждающе. — Оно голубое.

— Я знаю, — сказала Арриэтта. — Я видела его через решётку.

— Разве тебе видно через неё небо?

— Продолжай, — прервала его Хомили, — расскажи ей о воротах.

— Ну, — тяжело роняя слова, проговорил Под, — а если ты выйдешь из этой комнаты, что ты увидишь?

— Тёмный коридор, — сказала Арриэтта.

— А что ещё?

— Другие комнаты.

— А если пойдёшь дальше?

— Ещё коридоры.

— А если ты будешь идти и идти по этим коридорам вперёд, и направо, и налево, и снова вперёд и дойдёшь до самого конца, что ты увидишь?

— Ворота, — сказала Арриэтта.

— Крепкие ворота, — сказал Под, — ворота, которые тебе не открыть. Для чего они?

— Чтобы к нам не попали мыши, — сказала Арриэтта.

— Верно, — неуверенно произнёс Под, словно согласился с ней только наполовину. — Но

мыши пока никому не причинили вреда. Ещё для чего?

— От крыс? — предположила Арриэтта.

— Здесь нет крыс, — сказал Под. — А что ты думаешь о кошках?

— Кошках? — удивлённо повторила Арриэтта.

— И о том, не для того ли эти ворота, чтобы удержать тебя здесь?

— Удержать меня здесь? — в полном замешательстве промолвила Арриэтта.

— Наверху очень опасно, — сказал Под. — А ты, Арриэтта, — всё, что у нас есть, понимаешь? Не то что Хендрири... у него и сейчас двое своих детей и двое детей Люпи. А раньше, — добавил Под, — у него было трое. Трое своих.

— Отец имеет в виду Эглтину, — сказала Хомили.

— Да, — подтвердил Под. — Об Эглтине. Они никогда не рассказывали ей о том, что делается наверху. У них не было окошка, как у нас. Они говорили ей, что небо прибито над головой гвоздями, что в нём есть щели...

— Надо же так по-дурацки воспитывать ребёнка, — пробормотала Хомили. Она фыркнула и пригладила Арриэтте волосы.

— Но Эглтина была неглупая девочка, — продолжал Под, — она им не поверила. И вот однажды она поднялась наверх, чтобы увидеть всё своими глазами.

— А как она выбралась? — с любопытством спросила Арриэтта.

— Ну, тогда у нас не было так много ворот. Только одни, под курантами. Видно, Хендрири забыл их запереть. Так или иначе, Эглтина вышла наружу...

— В голубом платье, — добавила Хомили, — и жёлтых лайковых туфельках, которые ей сшил твой отец, с пуговицами из чёрных бусин. Они были такие хорошенькие!

— Так вот, — продолжал Под, — в любое другое время всё могло бы обойтись хорошо. Она бы вышла, осмотрела всё кругом, может быть, немножко испугалась бы и вернулась обратно... несолоно хлебавши... но здоровой и не-вредимой.

— Но за это время многое произошло, — сказала Хомили.

— Да, — подтвердил Под, — она не знала, потому что никто не сказал ей, что её отца увидели, и что наверху завели кошку, и...

— Они ждали неделю, — сказала Хомили, — они ждали месяц, они не теряли надежды ещё целый год, но с тех пор никто никогда не видел Эглтину.

— Вот что, — сказал, помолчав, Под и внимательно посмотрел на дочь, — вот что случилось с твоей двоюродной сестрой.

Снова настала тишина, только суп булькал на очаге да слышалось, как тяжело дышит Под.

— Это разбило сердце твоего дяди Хендри-ри, — сказала наконец Хомили. — Он больше никогда не поднимался наверх... боялся найти там жёлтые лайковые туфельки. Им оставалось одно — переехать.

Несколько минут Арриэтта молчала, но вот она подняла голову и спросила:

— Почему вы рассказали мне об этом? Сегодня? Сейчас?

Хомили поднялась, не находя себе места, подошла к печке.

— Мы вообще об этом не говорим, во всяком случае не часто. Но сегодня мы решили... —

Внезапно она повернулась к Арриэтте. — Мы должны честно тебе сказать: сегодня твоего отца увидели наверху.

— О!.. — воскликнула Арриэтта. — Кто?

— Ну, кто-то, о ком ты никогда не слышала. Но дело не в этом, дело в том, что...

— Вы думаете, они заведут кошку?

— Вполне возможно, — сказала Хомили.

Арриэтта поставила на пол чашку с супом — она была ей чуть ли не до колен — и уставилась в неё; на её лице появилось какое-то странное, мечтательное выражение.

— А мы не можем переехать? — наконец осмелилась она спросить.

Хомили всплеснула руками и повернулась к стене. У неё перехватило дыхание.

— Ты не понимаешь, о чём ты говоришь! — закричала она, обращаясь к висевшей на стене сковородке. — Червяки, и горностаи, и холод, и сырость, и...

— Но представь, что я вышла наружу и кошка слопала меня. Тогда вы с папой переехали бы? Ведь так? — спросила Арриэтта, и голос её дрогнул. — Ведь так?

Хомили снова повернулась, на этот раз — к Арриэтте. У неё был очень сердитый вид.

— Я тебя отшлёпаю, Арриэтта Курант, если ты не перестанешь болтать глупости!

Глаза Арриэтты наполнились слезами.

— Я только подумала, — сказала она, — что мне тоже хотелось бы уйти отсюда... не слопанной... — И слёзы покатились у неё по щекам.

— Хватит, — сказал Под, — сейчас же прекрати. Отправляйся в постель, Арриэтта, неслопанная и неотшлёпанная. Мы поговорим обо всём этом утром.

— Я вовсе не боюсь! — сердито вскричала Арриэтта. — Я люблю кошек. Спорю, что кошка не ела Эглтину, что Эглтина просто убежала, потому что ей противно было сидеть взаперти... день за днём... неделю за неделей... год за годом... Так же, как мне! — добавила она и разрыдалась.

— Взаперти! — удивлённо повторила Хомили. Арриэтта прикрыла лицо руками.

— Ворота... — всхлипывала она, — ворота, ворота, ворота...

Под и Хомили уставились друг на друга поверх её склонённой головы.

— Не надо было заводить этого разговора сегодня, — сказал Под уныло. — Да ещё так поздно, перед сном...

Арриэтта подняла залитое слезами лицо.

— Поздно или рано, какая разница! — вскричала она. — О, я знаю, папа удивительно ловко всё добывает. Я знаю, что мы сумели остаться, хотя все остальные должны были уйти. Но к чему это нас привело? Не думаю, что это так уж умно — всю жизнь жить одним в большом полупустом доме, в подполье, где не с кем поговорить, не с кем поиграть, нечего видеть, кроме пыльных коридоров, нет никакого света, кроме света свечей и очага да того света, что проникает сюда через щели. У Эглтины были братья, была ручная мышка, у Эглтины были жёлтые лайковые туфли с чёрными пуговками, и Эглтина вышла отсюда... пусть один раз!

— Шшш! — ласково сказал Под. — Не так громко.

Половицы у них над головой зашкрипели, слышались тяжёлые шаги взад и вперёд, взад и вперёд. Послышался стук кочерги и ворчание миссис Драйвер. «Чтоб ей пусто было, этой пли-

те, — бормотала она. — Опять восточный ветер поднялся. — Затем, повысив голос, она позвала: «Крэмпфирл!»

Под сидел, сумрачно уставившись в пол; Арриэтта вздрогнула и плотнее закуталась в вязаное одеяло; Хомили испустила долгий и тяжкий вздох. Внезапно она подняла голову.

— Девочка права! — решительно сказала она.

У Арриэтты сделались круглые глаза.

— Ой, нет... — начала она. Она даже испугалась. Правы родители, а не дети. Она знала: дети могут говорить что им вздумается и получать от этого удовольствие, всегда зная, что они не правы и с ними не случится ничего плохого.

— Понимаешь, Под, — продолжала Хомили, — для нас с тобой всё было иначе. Здесь были другие семьи, другие дети... В ванной комнате — Умывальники, помнишь? И эта семья, что жила за хлеборезкой... я забыла их фамилию. И мальчики из чулана. И тогда был подземный ход в конюшню, по которому к нам приходили дети Захомутников. Нам было... как бы это сказать... веселей.

— Пожалуй, — сказал Под. — В некотором роде — да. Но куда это нас привело? Где все они сейчас?

— Я не удивлюсь, если многие из них живут и не тужат, — резко сказала Хомили. — Времена изменились, и дом этот изменился. Добыча у нас теперь не та, что прежде. Помнишь, многие ушли, когда здесь рыли канаву для газопровода. Через поле и лес и ещё дальше. Настоящий туннель до самого Лейтон-Баззарда.

— Ну и что они там нашли? — сердито спросил Под. — Гору кокса.

Хомили отвернулась от него.

— Арриэтта, — сказала она по-прежнему решительно, — предположим, когда-нибудь... мы выберем такой день, когда в доме никого не будет, ну и, конечно, если они не заведут кошку, а у меня есть основания полагать, что они её не заведут... предположим, когда-нибудь отец возьмёт тебя с собой, когда пойдёт добывать, ты хорошо будешь себя вести, да? Будешь делать всё, что он скажет тебе, быстро и тихо и без возражений?

Арриэтта вспыхнула и крепко сжала руки.

— О!.. — восторженно начала она, но Под тут же прервал её:

— Право, Хомили, мы должны сперва подумать. Нельзя говорить такие вещи, не обдумав всё хорошенько. Меня увидели, не забывай об этом. Сейчас неподходящее время брать девочку наверх.

— Кошки не будет, — сказала Хомили, — на этот раз мы не слышали никакого визга. Не то что тогда, с Розой Пикхэтчет.

— Всё равно, — уже сдаваясь, произнёс Под, — какой-то риск остался. И я ни разу не слышал, чтобы девочка ходила добывать.

— Я так смотрю на это, — сказала Хомили, — и это только сейчас пришло мне в голову: если бы у нас был сын, ты бы взял его наверх, да? Ну а сына у нас нет, только Арриэтта. Представь, с тобой или со мной что-нибудь случится, что будет тогда с ней, если она не научится добывать сама?

Под уставился себе на колени.

— Да, — сказал он через минуту, — я понимаю, что ты имеешь в виду.

— И это будет ей интересно, и она перестанет томиться.

— Томиться? По чему?

— По голубому небу, траве и всему такому.

Арриэтта шумно вздохнула, и Хомили быстро обернулась к ней.

— Пустые мечты, Арриэтта, я всё равно не перееду отсюда ни ради тебя, ни ради кого другого.

— Да-а, — протянул Под и рассмеялся. — Вот оно что!

— Тише, — предостерегающе шепнула Хомили и взглянула на потолок. — Не так громко. Ну, поцелуй отца, Арриэтта, — быстро сказала она, — и в постель!

Свернувшись калачиком под одеялом, Арриэтта чувствовала, как радость тёплым потоком заливает её с ног до головы. Она слышала голоса родителей за стеной то громче, то тише: голос Хомили звучал ровно, уверенно, в нём была убеждённость — это был победный голос. Один раз Арриэтта услышала, как заскрипел стул, это поднялся Под. «Мне это не по душе», — проговорил он. Затем Хомили шепнула: «Тише». И сверху донеслись неверные шаги и грохот кастрюль.

Арриэтта в полудрёме глядела на свой разукрашенный потолок. «Цветок Гаваны», — гордо провозглашали знамена. «Высший сорт... Самое лучшее качество». И дамы в прозрачных одеждах, ликуя, дули в трубы торжествующе и беззвучно, возвещая грядущую радость...

Глава седьмая

Следующие три недели Арриэтта была на редкость хорошей. Она помогла матери прибрать в кладовых; она подмела коридоры; она рассортировала бусы (они использовались вместо пуговиц) и разложила их по металлическим крыш-

кам от баночек из-под аспирина; она нарезала старые лайковые перчатки на квадраты, из которых Под потом шил туфли; она наточила иголки из рыбьих косточек тоньше пчелиного жала; она повесила бельё сушиться у оконной решётки, и оно тихо покачивалось там под лёгким ветерком; и наконец наступил день, когда Хомили, мывшая щёткой столешницу кухонного стола, распрямила спину и позвала:

— Под!

Он вышел из мастерской, держа в руке сапожную колодку.

— Погляди только на эту щётку! — вскричала она. Щётка была из жёсткого волокна, переплетённого косицами с тыльной стороны.

— Ага, — сказал Под, — совсем вытерлась.

— Все костяшки ободрала, пока вымыла стол, — сказала Хомили.

Под встревожился. С того дня, как его увидели, он добывал только на кухне, и то самое необходимое — топливо и еду. Под плитой наверху была заброшенная мышиная нора, и ночью, когда огонь в плите был погашен, Под использовал её как спуск, чтобы не носить вещи кругом. После несчастного случая на портъере они подставили под дыру комод из спичечных коробков, взгромоздили на него табурет, и с помощью Хомили, которая подталкивала и подпихивала его снизу, Под выучился пролезать через спуск наверх. Теперь ему не надо было рисковать, пробираясь в кухню через холл и коридоры, он мог просто выскочить из-под огромной чёрной плиты и взять зубок чеснока, или морковку, или аппетитный ломтик ветчины. Но не надо думать, что это было очень просто. Даже если огонь в плите был погашен, часто на полу оставалась горячая зола и даже угли, а однаж-

ды, когда он выбирался наружу, миссис Драйвер чуть не смела его в кучу мусора огромной метлой, и он скатился вниз прямо на голову Хомили, обжёгшийся и напуганный, и долго не мог откашляться, наглотавшись пыли. А в другой раз огонь по какой-то неизвестной причине горел во всю мочь, и Под вдруг оказался в настоящем пекле, где на него сыпались добела раскалённые глыбы угля. Но обычно ночью плита была холодная, и Под спокойно выбирался на кухню.

— Миссис Драйвер нет дома, — сказала Хомили. — У неё сегодня выходной. А Она (они всегда называли тётю Софи — Она) спокойно лежит у себя в спальне.

— Да их-то я не боюсь, — сказал Под.

— Неужто мальчишка ещё в доме?! — воскликнула Хомили. — Быть не может.

— Не знаю, — сказал Под. — Всегда есть риск, — добавил он.

— И всегда будет, — возразила Хомили. — Помнишь, однажды ты был в угольном чулане — и приехал фургон с углём?

— Но про этих двух — про миссис Драйвер и про Нее — я всегда знаю, где они.

— Ну что до этого, — воскликнула Хомили, — мальчик ещё лучше! Мальчика за милую слышно. Что ж, — продолжала она, помолчав, — делай как знаешь. А только непохоже на тебя толковать о риске...

Под вздохнул.

— Ладно, — сказал он и пошёл за своим походным мешком.

— Возьми девочку! — крикнула Хомили ему вслед.

Под обернулся.

— Право, Хомили... — начал он встревоженно.

— Почему нет? — ворчливо спросила Хомили. — Сегодня самый подходящий день. Ты не пойдёшь дальше парадной двери. Если ты волнуешься, оставь её под курантами, она в одну секунду сможет нырнуть вниз и убежать. Дай ей хоть выглянуть наружу. Арриэтта!

Арриэтта вбежала в комнату. Под попытался снова возразить жене.

— Послушай, Хомили!.. — протестующе начал он.

Но Хомили словно и не слышала его.

— Арриэтта, — весело сказала она, — хочешь пойти с папой добыть для меня щетинки на щётку из коврика для ног в холле?

Арриэтта подпрыгнула на месте.

— Ах! — воскликнула она. — Мне можно?

— Сними передник, — продолжала Хомили, — и переобуйся. Когда идёшь добывать, нужна лёгкая обувь. Надень, пожалуй, свои красные лайковые туфли.

И когда Арриэтта, кружась, выбежала из комнаты, она обернулась к Поду.

— Всё будет в порядке, — сказала она, — вот увидишь.

Арриэтта шла за отцом по тёмным переходам, и сердце всё чаще и чаще билось у неё в груди. Сейчас, когда наступил наконец этот долгожданный миг, она еле могла совладать с волнением. Она вся дрожала, ей казалось, что у неё внутри совсем пусто, что она ничего не весит.

У них было три мешка на двоих. «На случай, — объяснил ей Под, — если мы найдём что-нибудь интересное. Всегда нужно иметь запасной мешок, чтобы не упустить счастливый шанс». Когда они подошли к первым воротам, Под положил мешки на землю, чтобы открыть щеколду. Она была сделана из французской булавки, большой и слишком тугой, чтобы открыть её руками. Арриэтта смотрела, как отец повис всем телом на защёлкнутом острие, так что ноги у него болтались в воздухе, затем, перебирая руками, стал двигаться по острию к головке, пока булавка не открылась; в тот же миг он спрыгнул на землю.

— Ты бы этого не смогла, — сказал он, отряхивая руки, — ты слишком лёгкая. И мама не смогла бы. Ну пошли, только тихо.

Они миновали ещё много ворот, и все их Под оставлял открытыми.

— Никогда не запирай ворота, когда идёшь наверх, — шёпотом объяснил он ей, — тебе может понадобиться быстро вернуться.

Наконец Арриэтта увидела впереди тусклый свет. Она потянула отца за рукав.

— Это оно? — шепнула Арриэтта.

Под остановился.

— Спокойней, спокойней, — предупредил он её. — Да, это дыра под курантами.

Арриэтта почувствовала, что у неё перехватило дыхание, но внешне она никак не выдала себя.

— Туда ведут три ступени, — продолжал Под, — они довольно крутые, так что смотри не оступись. Когда окажешься под курантами, оставайся там; будь внимательна и не своди с меня глаз. Если всё спокойно и никого поблизости нет, я подам тебе знак.

Ступеньки были высокие и не совсем ровные, но Арриэтта взобралась на них легче, чем Под. Когда она протиснулась сквозь зазубренные края дыры, глаза её вдруг ослепило расплавленным золотом — это на каменных плитах холла лежало весеннее солнце. Она стала во весь рост, и пол исчез из виду; она оказалась в огромной пещере — футляре часов, где наверху смутно виднелись в темноте очертания висевших на цепях гирь. Мрак и пустота вокруг были наполнены размеренными, тяжёлыми, гулкими звуками, они успокаивающе отдавались у неё в ушах; а высоко над головой Арриэтта увидела маятник, он слегка поблёскивал в полумраке, осторожно, ритмически раскачиваясь взад-вперёд. Арриэтта почувствовала на глазах горячие слёзы, сердце её внезапно переполнилось гордостью: так вот какие они — куранты. Их часы... в честь которых их семья звалась Курантами. Вот уже двести лет, как они стоят на этом месте, терпеливо охраняя вход в их дом, басовито отстукивая время.

На светлом фоне сводчатого выхода чётко вырисовывалась фигура Пода, низко припавшего к земле.

— Не своди с меня глаз, — так он ей сказал, и Арриэтта тоже послушно сжалась в комок.

Она вновь увидела сверкающий золотом каменный пол холла — он уходил далеко-далеко от неё, — увидела края ковров, лежащих как многоцветные острова на расплавленном море солнца, и ещё дальше она увидела во всём великолепии солнечного света открытые парадные двери — словно вход в волшебную страну, о которой она мечтала всю жизнь. За дверями была трава — настоящий лес, и где-то высоко — колеблемые ветерком зелёные ветки деревьев.

Глаза Пода сделали полный круг.

— Подожди! — шепнул он. — И смотри в оба. И вдруг его не стало.

Арриэтта следила за тем, как он катится по залитому солнцем полу, быстро, как мышь или уносимый ветром листок... и внезапно она увидела его маленьким. «Но ведь он не маленький, — сказала она себе, — он на полголовы выше мамы». Она заметила, как он обогнул коричневый коврик для ног у порога и скрылся в тени у двери. Казалось, он превратился в невидимку. Арриэтта смотрела и ждала. Было совсем тихо. Вдруг в часах, в тёмной пустоте над её головой, раздался какой-то звук — не то скрип, не то скрежет, — а затем послышался бой. Часы пробили три раза, неторопливо, звучно. «Нравится вам это или не нравится, — казалось, говорили они, — но сейчас три часа, ровно три».

Внезапное движение у дверного порога, укрытого в тени, — и Арриэтта снова увидела Пода: с мешком в руках он стоял у коврика для ног, который доходил ему до колен, золотисто-корич-

невый, как ржаное поле. Арриэтта увидела, как он взглянул на часы, затем поднял руку.

Ах, какие тёплые были каменные плиты пола, по которым она бежала... каким радостным — солнечный свет на её лице и руках... каким страшным — необозримое пространство вокруг! Под подхватил её, прижал к груди и ободряюще похлопал по спине.

— Ну же, ну же, — сказал он, — отдышись... Вот и умница!

Всё ещё задыхаясь, Арриэтта поглядела вокруг. Она увидела огромные ножки стула, вздымающиеся вверх, увидела укрытую тенью нижнюю сторону сиденья, словно балдахин над головой, увидела гвозди, и брезентовые ленты, и болтающиеся кое-где концы шёлковой обивки, и бечёвку; она увидела крутые обрывы ступеней, огромными уступами уходящие в высоту, увидела резные ножки стола и тёмную пещеру под сундуком. И всё это время в тишине звучал голос курантов, отсчитывающих секунды, вселяя в неё уверенность и покой.

А потом Арриэтта обернулась и посмотрела в сад. Она увидела гравийную дорожку, устланную цветными камнями величиной с грецкий орех, и пробивающиеся среди них кое-где зелёные травинки — прозрачные от солнца зелёные копья. Позади дорожки она увидела крутой травянистый склон, за ним — густую живую изгородь, а за изгородью — фруктовые деревья в цвету.

— Вот тебе мешок, — хриплым шёпотом сказал Под, — пора браться за дело.

Арриэтта послушно стала выдёргивать из коврика для ног волокна; они были жёсткие и очень пыльные. Под работал быстро и мето-

лично; набрав пук волокон, он тут же клал его в мешок.

— Если придётся внезапно убегать, надо, чтобы не осталось никаких следов, — объяснил он ей.

— Больно рукам, да? — сказала Арриэтта и чихнула.

— Мне нет, они у меня загрубели, — ответил Под, и Арриэтта снова чихнула.

— Пыльно, да? — сказала она.

Под выпрямился.

— Нет смысла дёргать там, где волокно свалилось, — сказал он, глядя на неё. — Нечего удивляться, что тебе больно рукам. Послушай, — добавил он через секунду, — оставь. Ведь ты первый раз в жизни поднялась наверх. Посиди на ступенях и полюбуйся.

— Ах, нет... — начала Арриэтта. «Если я не буду помогать, — подумала она, — папа не возьмёт меня в следующий раз».

Но Под настаивал.

— Мне даже лучше самому всё надёргать, — сказал он. — Могу выбрать то, что надо, понимаешь? Ведь щётку-то делать мне.

Глава восьмая

Ступени были тёплые, но крутые. «Если я спущусь на дорожку, — подумала Арриэтта, — мне потом будет не взобраться обратно». Поэтому несколько минут она сидела спокойно. Но вот она заметила скобу для сапог.

— Арриэтта, — негромко позвал её Под. — Куда ты подевалась?

— Я спустилась по скобе, — ответила она.

Под вышел из холла и посмотрел вниз.

— Ладно, — сказал он, — но помни: никогда не спускайся по тому, что не прикреплено. Представь: кто-нибудь из них подойдёт и переставит скобу на другое место... Как ты попадёшь обратно?

— Она слишком тяжёлая, чтобы её переставлять, — сказала Арриэтта.

— Может быть, — ответил Под, — но сдвинуть её всё же можно. Понимаешь, что я имею в виду? Есть правила, дочка, и тебе нужно выучить их назубок.

— Эта дорожка, — спросила Арриэтта, — идёт вокруг всего дома? И склон тоже?

— Да, — ответил Под. — Ну и что из того?

Арриэтта поковыряла землю носком красной лайковой туфельки.

— Моя решётка, — объяснила она. — Моя решётка, верно, сразу за углом. Моя решётка выходит на этот склон.

— Твоя решётка! — воскликнул Под. — С каких это пор решётка стала твоей?

— Ты не разрешишь мне, — продолжала Арриэтта, — зайти за угол и позвать маму через решётку?..

— Нет, — сказал Под. — И думать не смей об этом. Никаких решёток! Никаких «зайти за угол»!

— Тогда мама увидела бы, — продолжала Арриэтта, — что со мной всё в порядке.

— Ну ладно, — сказал Под и улыбнулся. — Только быстро. Я тебя здесь посторожу. И не кричи.

Арриэтта пустилась бежать. Дорожка была хорошо утрамбована, и её легкие туфельки, казалось, совсем не касались камней. Как замечательно бегать! Под полом не побежишь — там ходишь, ползаешь, пробираешься, но не бежишь.

Арриэтта чуть не пробежала мимо решётки, но вовремя увидела её, сразу, как завернула за угол. Да, это была она — почти у самой земли, глубоко врезанная в старую стену дома; перед ней зеленело неровное пятно плесени.

Арриэтта подбежала к решётке.

— Мама! — закричала она, прижав нос к железным прутьям. — Mamочка!

Она подождала немного и снова позвала. На третий раз Хомили услышала её и подошла к окну. Волосы её были растрепаны, в руках она с трудом несла крышку от банки из-под солёных огурцов, полную мыльной воды.

— Фу-ты, — сердито сказала она, — и напугала же ты меня! Что случилось? Что ты тут делаешь? Где твой отец?

Арриэтта дёрнула головой направо.

— Там, за углом... у парадной двери.

Она была так счастлива, что ноги её, не видные Хомили, сами собой плясали по земле. Наконец-то она по другую сторону решётки... снаружи... и глядит оттуда внутрь!

— Да, — сказала Хомили, — они всегда распахивают настежь парадные двери в первый весенний день. Ладно, — деловито продолжала она, — беги теперь к папе. И скажи ему, что, если двери в кабинет открыты, я не буду возражать против кусочка красной промокашки. Отойди-ка, мне надо выплеснуть воду.

«Вот откуда здесь плесень, — подумала Арриэтта, во всю прыть направляясь к отцу, — от воды, которую мы выплёскиваем через решётку».

Под облегчённо вздохнул, увидев её, но, когда она передала ему слова Хомили, нахмурился.

— Как, она думает, я заберусь на конторку без шляпной булавки? Промокательную бумагу снизу не подберёшь, надо забираться наверх;

пора бы ей уже это знать! Ну пошли. Поднимайся сюда.

— Позволь мне остаться внизу, — умоляюще произнесла Арриэтта. — Самую чуточку. Пока ты не кончишь. В доме никого нет. Кроме Нее.

— Кто знает, а вдруг Она вздумает встать с постели и спуститься с палкой вниз? Кто знает, а вдруг миссис Драйвер не ушла сегодня из дома... Может быть, у неё голова болит? Кто знает, а вдруг мальчишка всё ещё здесь?

— Какой мальчишка? — спросила Арриэтта.

На лице Пода отразилось смущение.

— Какой мальчишка? — неопределённо повторил он и затем продолжал: — Может быть, Крэмпфирл?..

— Но ведь Крэмпфирл не мальчишка, — сказала Арриэтта.

— Да, — согласился Под, — его мальчишкой не назовёшь, нет, — он немного подумал, — не назовёшь его мальчишкой. Нет, он не мальчишка... не совсем!.. Ладно, — сказал Под, уходя внутрь, — побудь там ещё немножко. Только никуда не уходи!

Арриэтта подождала, пока он войдёт в холл, затем огляделась вокруг. О радость! О счастье! О свобода! Солнце, трава, тёплый ветерок и посередине зелёного склона, там, где он заворачивал за угол, огромное вишнёвое дерево в цвету! Под ним на дорожке густым слоем лежали розовые лепестки, а у самого ствола рос бледно-жёлтый, как сливочное масло, первоцвет.

Арриэтта бросила украдкой взгляд на ступени, затем, лёгкая, как танцовщица, понеслась в своих красных лайковых туфельках к лепесткам. У них были загнутые края, как у раковин, и они тихонько качались, когда она дотрагивалась до них.

Она подняла несколько лепестков и сложила их один в другой... всё выше и выше, как карточный домик, а потом вновь рассыпала.

Отец снова вышел на крыльцо.

— Не уходи далеко, — сказал он.

Арриэтта увидела, как у него шевелятся губы, и улыбнулась в ответ; слов его она не расслышала: она уже была слишком далеко.

Зеленовато-серый жук бежал к ней по дорожке, сверкая под солнцем. Она коснулась ладошкой его панциря, и жук застыл в неподвижности; она убрала руку, и он быстро двинулся дальше. Деловито семеня, на повороте показался муравей. Арриэтта запрыгала перед ним, чтобы его подразнить, и загородила ему ногой дорогу. Он устоял на ней, не зная, что делать, поводя усиками, затем с обиженным и сердитым видом побежал в другую сторону. На траву под деревом опустились две птицы, больше Арриэт-

ты ростом, ссорясь громкими, пронзительными голосами. Одна из них улетела, но другая всё ещё была видна в траве на склоне над головой Арриэтты. Арриэтта осторожно стала пробираться вверх между травинками. Ей было немного страшно. Когда она раздвигала траву руками, большие капли воды капали ей на юбку, а красные лайковые туфельки скоро совсем промокли. Но Арриэтта шла вперёд и вперёд в чащобе лесных фиалок, мха и стелющихся по земле листьев клевера, время от времени спотыкаясь об узловатые корни трав. Травинки, такие острые на вид, оказались мягкими на ощупь и легко смыкались за ней. Но когда Арриэтта добралась до дерева, птица испугалась её и улетела. Арриэтта села на пожухлый лист первоцвета. Воздух был напоён ароматом цветов. «Никто не хочет играть со мной», — подумала она. В трещинках и ложбинках листьев первоцвета прятались крупные хрустальные бусины росы. Когда Арриэтта нажимала на лист, они перекачивались, как крокетные шары. На склоне, под пологом высокой травы было тепло, даже жарко, сухо пахла земля. Встав, Арриэтта сорвала цветок первоцвета. Розоватый стебель толщиной с её руку, гибкий и покрытый нежным серебристым пушком, казался живым, а когда она подняла цветок, как зонтик, над головой, она увидела сквозь покрытые жилками лепестки слабо просвечивающее солнце. На куске коры Арриэтта заметила мокрицу и легонько ударила её гибким цветком. Мокрица тут же свернулась в тугой мячик и мягко покатилась вниз в сырую траву. Но Арриэтта и дома часто играла с мокрицами, их было полно под полом. Хомили всегда бранила её за это, она говорила, что от них пахнет, как от старых ножей. Арриэтта легла на спину

среди первоцвета — там не так пекло солнце и было прохладней, — затем, вздохнув, повернула голову и поглядела наверх между стеблями травы. И тут сердце чуть не выскочило у неё из груди. Над ней на склоне что-то двигалось. Что-то блестело. Что это могло быть?

Глава девятая

Это был глаз. Во всяком случае, оно было похоже на глаз. Ярко-синий, как небо над головой. Такой же, как у неё, только огромный-преогромный. Сердитый глаз. Задохнувшись от страха, Арриэтта села. Глаз моргнул. Длинная бахрома светлых загнутых ресниц опустилась над ним и вновь взлетела вверх. Арриэтта осторожно двинула ногой — сейчас она скользнёт бесшумно в траву и скатится по склону.

— Ни с места!.. — раздался голос; голос, как и глаз, был огромный, но вместе с тем приглушённый, он звучал как ветер, врывающийся к ним через решётку в грозовые мартовские ночи.

Арриэтта застыла. «Так вот оно, — подумала она, — самое худшее, самое ужасное, что могло случиться: меня увидели. То, что было с Эглитной, будет сейчас со мной».

Наступило молчание; сердце громко стучало у Арриэтты в ушах, но даже сквозь его удары она слышала, как воздух вновь с глухим шумом наполнил огромные лёгкие.

— ...Не то, — продолжал голос по-прежнему шёпотом, — я ударю тебя прутиком.

И вдруг Арриэтта успокоилась.

— Почему? — спросила она.

Как странно звучал её голос: он прозвенел в воздухе, тонкий и чистый, как звон хрустального колокольчика.

— А чтобы ты не прыгнула на меня, — раздался наконец удивлённый шёпот, — чтобы не поцарапала меня своими противными тощими руками.

Арриэтта уставилась на глаз, но с места не двинулась.

— Почему? — снова спросила она, и опять вопрос её прозвенел как колокольчик... только теперь звон был холодный, как лёд, и колючий, как иголка.

— Так бывает, — сказал голос. — Я сам видел. В Индии.

Арриэтта подумала о своём «Географическом справочнике Мальчика-с-пальчика».

— Но мы сейчас не в Индии, — сказала она.

— Ты вышла из дома?

— Да, — сказала Арриэтта.

— Откуда, из какой комнаты?

Арриэтта пристально поглядела прямо в глаз.

— Не скажу, — храбро промолвила она наконец.

— Тогда я ударю тебя прутиком.

— Ударь! — сказала Арриэтта. — Ударь!

— Я подниму тебя и сломаю пополам.

Арриэтта встала на ноги.

— Давай! — сказала она и сделала два шага вперёд.

Раздался короткий вздох, и земля под её ногами задрожала: он откатился от неё и сел в траве — гора в зелёной вязаной рубашке. У него были светлые прямые волосы и золотистые ресницы.

— Стой, где стоишь! — закричал он.

Арриэтта сердито уставилась на него. Так вот что это такое... мальчишка. От страха она казалась сама себе лёгкой-прелёжкой.

— Тебе, верно, девять? — спросила она через минуту.

Он вспыхнул.

— Вот и нет! Десять! — Он поглядел на неё, тяжело дыша. — А тебе сколько?

— Четырнадцать, — сказала Арриэтта, — будет в июне, — добавила она, не отрывая от него взгляда.

Снова наступило молчание. Арриэтта ждала, всё ещё дрожа.

— Ты умеешь читать? — спросил наконец мальчик.

— Конечно, — ответила Арриэтта. — А ты разве нет?

— Н-нет, — запинаясь, проговорил он. — То есть да... То есть... я приехал из Индии.

— Ну и что с того? — спросила Арриэтта.

— Если ты родился в Индии, у тебя два языка. А если у тебя два языка, ты не можешь читать. Можешь, но не очень хорошо.

Арриэтта глядела на него во все глаза. «Ну и чудище, — думала она, — настоящая гора».

— А из этого вырастаешь? — спросила она.

Он чуть подвинулся, и она почувствовала, как от его тени на неё пахнуло холодом...

— О да, — ответил он, — постепенно это проходит. У моих сестёр тоже было два языка, а теперь больше нет. Они могут прочесть какую хочешь книжку из тех, что лежат в классной комнате.

— И я могу, — быстро проговорила Арриэтта. — Если кто-нибудь будет её держать и переворачивать страницы. У меня один язык. Я всё могу читать.

— А вслух — тоже можешь?

— Конечно, — сказала Арриэтта.

— Ты подождёшь, пока я сбегаю наверх и принесу книгу?

— Что ж, — сказала Арриэтта; ей очень хотелось показать ему, как хорошо она читает, но тут в её глазах промелькнул испуг. — Только... — с запинкой продолжала она.

— В чём дело? Что «только»? — Мальчик уже был на ногах. Он возвышался над ней, как башня.

— Сколько в этом доме дверей? — Она, прищурившись, глядела на него против света.

Он опустил на одно колено.

— Дверей? — переспросил он. — Наружных дверей?

— Да.

— Ну, парадная дверь, чёрный ход сзади, дверь из комнаты, где хранятся охотничьи ружья, дверь из буфетной... и французские окна в гостиной.

— Понимаешь, — сказала Арриэтта, — там, в холле, мой отец. Он работает у парадной двери. Он... он не любит, когда ему мешают.

— Работает? — спросил мальчик. — А что он делает?

— Добывает материал, — сказала Арриэтта, — для щётки.

— Тогда я пойду через чёрный ход. — Он сделал несколько шагов, но вдруг остановился и снова подошёл к ней. Минуту он стоял в замешательстве, затем, покраснев, спросил: — Ты умеешь летать?

— Нет, — удивлённо ответила Арриэтта. — А ты?

Он покраснел ещё гуще.

— Конечно, нет, — сердито сказал он. — Я не эльф и не фея.

— И я тоже нет, — сказала Арриэтта. — Их вообще не существует. Я в них не верю.

Мальчик как-то странно на неё посмотрел.

— Ты в них не веришь?

— Нет, — сказала Арриэтта. — А ты?

— Конечно, нет!

«Право же, — подумала она, — какой сердитый мальчик».

— Моя мама в них верит, — сказала она, стараясь умиловить его. — Она говорит, что видела однажды одного эльфа. Ещё когда была девочкой и жила со своими родителями за песчаной кучей у гончарни.

Мальчик присел на корточки, и она почувствовала его горячее дыхание на своём лице.

— На что он был похож? — спросил он.

— Ростом со светлячка и с крылышками, как у стрекозы. У него было крошечное личико, рассказывала мама, оно светилось и словно искрилось, и крошечные ручки. Личико всё время менялось, улыбалось и как будто мерцало. Казалось, рассказывала она, что он что-то говорит, очень быстро, но ей не было слышно ни звука.

— Ах! — воскликнул мальчик. — Как интересно! А куда он подевался?

— Исчез, — сказала Арриэтта. — Когда мама его увидела, ей показалось, что он запутался в паутине. Но было темно. Это случилось после чая. А зимой в пять часов уже темно.

— О-о-о!.. — протянул мальчик и, подняв с земли два лепестка вишни, сложил их сэндвичем и принялся медленно жевать. — Представь, — сказал он, уставившись глазами в стену дома, — что ты увидела посередине портьеры маленького человечка величиной с карандаш,

с синей заплатой на штанах и с кукольной чашкой в руке... ты бы не подумала, что это эльф?

— Нет, — сказала Арриэтта, — я бы подумала, что это мой папа.

— Да? — произнёс мальчик и нахмурился. — А у твоего папы синяя заплата на штанах?

— Не на парадных. На тех, в которых он ходит на работу.

— О-о-о!.. — снова протянул мальчик. — А много таких человечков, как он?

— Нет, — ответила Арриэтта. — Мы не похожи друг на друга.

— Я хочу сказать — таких крошечных.

Арриэтта рассмеялась.

— Ну, не будь дурачком, — сказала она. — Не думаешь же ты, что на свете много человек такой величины, как ты!

— Куда больше, чем таких, как ты! — запальчиво возразил он.

— Честно... — начала Арриэтта и снова рассмеялась. — Неужели ты на самом деле думаешь... ты только представь себе, что бы было тогда на свете! Такие огромные стулья... я их видела. Представляешь — делать такие стулья для всех! А материя на одежду?.. Её понадобились бы целые мили... А огромные дома... такие высокие, что и потолка не видно... а огромные кровати... А еда!.. Сколько понадобилось бы еды! Целые озера супа, трясины желе, горы мяса и овощей!

— А вы разве не едите супа? — спросил мальчик.

— Конечно, едим, — засмеялась Арриэтта. — У моего папы был дядя, у которого была лодочка, и он катался в кастрюле с бульоном и подбирал всё, что там плавало зря. А иногда забрасывал удочку на дно, чтобы подцепить

кусочек костного мозга. Но потом кухарка заподозрила неладное, когда ей стали попадаться в супе согнутые булавки. Однажды он чуть не потерпел крушение, когда налетел на затонувшую сахарную кость. Дядя потерял вёсла, в лодке сделалась течь, но он закинул удочку на ручку кастрюли и подтянулся к её краю. Сколько там было бульона!.. Дна не видно! А кастрюля! Я хочу сказать, такие громады скоро всю бы землю объели... ничего бы не осталось. Вот почему хорошо, говорит папа, что они вымирают... «Нам много не надо, говорит папа, несколько штук — и всё, чтобы нас обеспечить. Хорошенького, говорит он... — она приостановилась, стараясь вспомнить слова отца, — понемножку». Он говорит...

— погоди, — прервал её мальчик, — что значит «нас обеспечить»?

Глава десятая

И Арриэтта рассказала ему о том, как они добывают то, что им нужно, какая это трудная и опасная работа. Она рассказала ему о кладовых в подполье, о подвигах Пода в его молодые годы, о его ловкости и мужестве; описала те далёкие времена, ещё до её рождения, когда Под и Хомили были богаты и у них была музыкальная табакерка, покрытая золотой филигранью, и крошечная птичка, сделанная из пёрышек зимородка, вылетающая из табакерки, — она хлопала крылышками и пела песенку, и кукольная мебель, и малюсенькие стаканчики из зелёного стекла, серебряный чайник из горки в гостиной, атласное покрывало и вышитые простынки... «Они у нас до сих пор есть, — сказала

Арриэтта, — это Её носовые платки...» Она, как мало-помалу догадался мальчик, была тётя Софи наверху. Он узнал, как Под добывал вещи в Её спальне, пробираясь при свете камина среди безделушек на туалетном столике; он даже залезал наверх по пологу и расхаживал у Нее по одеялу. А Она следила за ним глазами, а иногда даже разговаривала с ним, потому что, объяснила Арриэтта, каждый день в шесть часов вечера Ей приносили графинчик доброй старой мадеры, от которой к полуночи не оставалось ни капли. Никто её не винил, даже Хомили, потому что, как говорила Хомили, у Нее, бедняжки, так мало осталось удовольствий в жизни. И после первых трёх рюмок, объяснила Арриэтта, Она не верила ничему, что видели её глаза!

— Она думает, что папа вылезает из графина, — сказала Арриэтта. — Когда-нибудь, когда я стану постарше, он и меня возьмёт к Ней, и Она подумает, что я тоже вылезла из графина. Ей это будет приятно, говорит папа, Она к нему привязалась. Однажды он взял к Ней маму, и тётя Софи очень обрадовалась и потом всё спрашивала, почему мама больше не приходит, и говорила, что ей разбавляют мадеру водой, потому что один раз она видела маленького мужчину и маленькую женщину, а теперь видит лишь одного мужчину.

— Хорошо бы, если бы она и про меня думала, что я вылез из графина, — сказал мальчик. — Она учит меня писать, диктует мне диктанты. Я вижу её только по утрам, а по утрам она сердитая. Она посылает за мной, смотрит, чистые ли у меня уши, и спрашивает миссис Драйвер, выучил ли я урок.

— А на что похожа миссис Драйвер? — спросила Арриэтта. (Как восхитительно было разго-

варивать вот так, небрежно, о миссис Драйвер!.. Как храбро с её стороны!)

— Она толстая, у неё растут усы, и когда она купает меня, она изо всей силы трёт мочалкой по синякам и ссадинам и говорит, что — дай только срок! — отшлёпает меня туфлей. — Мальчик выдрал пук травы и стал его разглядывать. Арриэтта заметила, что губы его дрожат. — А моя мама очень хорошая, — продолжал мальчик. — Она живёт в Индии... А почему вы потеряли все свои богатства?

— Понимаешь, наверху, в кухне, лопнул кипятильник, и наш дом залило горячей водой. Все вещи прибило к оконной решётке. Папа работал день и ночь не покладая рук. Сначала в горячей воде, потом в холодной. Пытался спасти имущество. Это было в марте, и внизу был ужасный сквозняк. Папа простудился и заболел: он не мог больше ходить наверх. Поэтому работать пришлось дядюшке Хендрири и другим, и мама отдала им все наши вещи одну за другой за их труды. Птичка из музыкальной табакерки испортилась от воды, пёрышки выпали, и наружу вылезла колючая пружина. Папа поставил пружину на дверь, чтобы та плотней закрывалась и не было сквозняка, а пёрышки мама приладила к своей кротовой шляпке. Потом родилась я, и папа снова стал добывать. Но теперь он быстрее устаёт и не любит лазать по портьерам, особенно когда оторваны бомбошки...

— Я ему немного помог, — сказал мальчик, — тогда, с чашкой. Он весь дрожал. Я думаю, он испугался.

— Папа испугался?! — сердито воскликнула Арриэтта. — Испугался тебя?!

— Может, он не любит высоты? — сказал мальчик.

— Он любит высоту, — возразила Арриэтта. — Чего он не любит — так это портьер. Я же тебе сказала. Он от них устаёт.

Мальчик сидел на корточках, задумчиво жуя травинку.

— Добывать — вы так это называете? — сказал он наконец.

— А как иначе это можно назвать? — спросила Арриэтта.

— Я бы назвал это — красть.

Арриэтта рассмеялась. Она смеялась до упаду, до слёз.

— Но нас же зовут — добывайки, — объяснила она, — как вас — человеки — или как там? Мы часть этого дома. Ты ещё скажи, что камин крадёт уголь у ведёрка для угля.

— Тогда что такое воровство?

У Арриэтты сделался серьёзный вид.

— Предположим, дядя Хендрири добыл часы с изумрудами с Её туалетного стола, а папа забрал их и повесил у нас на стене. Вот это воровство.

— Часы с изумрудами! — воскликнул мальчик.

— Неважно что; я сказала «часы», потому что у нас висят такие часы в столовой, но их папа добыл своими руками. Это может быть что угодно — кусок сахара хотя бы. Но мы никогда ничего не воруем.

— Только у людей! — сказал мальчик.

Арриэтта снова рассмеялась. Она до того досмеялась, что ей пришлось спрятать лицо в цветок.

— Ой, умора! — чуть не плача от смеха, сказала она. — Ну и чудак же ты! — Она подняла глаза на его недоумевающее лицо. — Людей нарочно сделали для добываек... как хлеб для масла!

Мальчик несколько минут сидел молча. Под порывом ветра зашелестели вишни, закачались розовые цветы.

— Нет, я этому не верю, — сказал он наконец, глядя, как слетают вниз лепестки. — Я не верю, что нас сделали для вас, ни капельки не верю; и не верю, что мы вымираем!

— Ну какой ты непонятливый! — нетерпеливо воскликнула Арриэтта, глядя ему в подбородок. — Где твой здравый смысл? Ты — единственный человек, которого я видела, хотя я знаю, что есть ещё трое — Она, миссис Драйвер и Крэмпфирл. Но я знаю кучу добываек — Надкаминных, и Клавесинов, и Захомутников, и Утюгов, и Плинтусов, и Подсундучных, и... и... и преподобного Джона Стаддингтона, и...

Мальчик посмотрел вниз.

— Джона Стаддингтона? Но это же наш двоюродный дедушка.

— Эта семья жила за его портретом, — продолжала Арриэтта, слушая его вполуха, — а ещё здесь жили Запечники, и Гонги, и...

— Хорошо, — прервал он её. — А ты их видела?

— Я видела Клавесинов. А моя мама сама из Гонгов. Другие жили здесь ещё до моего рождения...

Мальчик наклонился ещё ниже.

— Так где же они теперь, ну-ка, скажи.

— Дядюшка Хендрири живёт за городом, — холодно произнесла Арриэтта, отодвигаясь от его огромного лица, она заметила, что оно было покрыто светло-золотистым пухом. — Вместе со своими детьми Клавесинами и Курантами.

— Ну а где другие?

— Кто где, — сказала Арриэтта, а про себя подумала: а правда — где? От мальчика падала на неё наискосок большая тень, и Арриэтта вдруг вздрогнула, словно от холода.

Он снова отодвинулся, его большая светлослая голова закрывала от неё небо.

— Так вот, — медленно произнёс он, и глаза его были холодны как лёд. — Я видел только двух добываек — твоего отца и тебя, но я видел сотни, и сотни, и сотни, и сотни...

— Нет, — прошептала Арриэтта.

— ...Людей. — И он снова сел.

Арриэтта застыла на месте. На мальчика она не глядела. Немного погодя она сказала еле слышно:

— Я тебе не верю.

— Ну так слушай, — сказал он.

И мальчик рассказал ей о железнодорожных станциях и футбольных матчах, об автогонках, о демонстрациях и о концертных залах. Он рассказал ей про Индию и Китай, Северную Америку и Великобританию. Он рассказал ей про летние ярмарки.

— Не сотни, — сказал он, — а тысячи, миллионы, миллиарды больших, огромных, громадных людей. Теперь веришь?

Арриэтта испуганно глядела на него; она так задрала голову, что у неё заболела шея.

— Не знаю, — прошептала она.

— А что до вас, — продолжал он, опять наклоняясь к ней, — я думаю, на свете больше нет добываек. Я думаю, вы трое — единственные, кто остались в живых, — сказал он.

Арриэтта спрятала лицо в чашечке первоцвета.

— Этого не может быть, — прошептала она. — А дядя Хендрири? А тётя Люпи и двоюродные братцы?

— Все перемёрли, спору на что хочешь, — сказал мальчик. — Мало того, — продолжал он, — мне никто не поверит, что я видел даже тебя. И ты будешь самой последней, потому что

ты самая молодая из вас. Наступит день, — торжественно улыбаясь, сказал он, — когда ты будешь единственной добычкой на свете. — Он сидел неподвижно, ожидая ответа, но Арриэтта не подняла на него глаз. — Ну вот, теперь ты ревёшь! — заметил он через минуту.

— Они не умерли, — сказала Арриэтта сдавленным голосом; она шарила в кармане в поисках носового платка. — Они живут в барсучьей норе через два поля отсюда, за рощей. Мы не ходим к ним в гости, потому что это для нас далеко. И нам могут встретиться горностаи, и коровы, и лисы, и... вороны...

— За какой рощей? — спросил мальчик.

— Не знаю! — Арриэтта чуть не кричала. — Туда надо идти вдоль газопровода... по полю, которое называется Паркинс-Бек! — Она высморкалась. — Я пошла домой, — сказала она.

— Не уходи, — попросил мальчик, — побудь ещё здесь.

— Нет, пойду, — сказала Арриэтта.

Мальчик покраснел.

— погоди, пока я принесу книжку, — умоляюще произнёс он.

— Я не стану читать тебе, — сказала Арриэтта.

— Почему?

Она сердито посмотрела на него.

— Потому...

— Послушай, — сказал он, — я пойду на то поле. Пойду и найду дядюшку Хендрири. И двоюродных братцев. И тётю, как там её зовут. И если они живы, я тебе об этом скажу. Ну как, хочешь? Ты можешь написать им письмо, и я отнесу его в норку...

Арриэтта взглянула на него, широко открыв глаза.

— Правда? — радостно прошептала она.

— Провались я на этом месте! Можно я пойду принесу книгу? Я пойду с чёрного хода.

— Хорошо, — не слушая его, сказала Арриэтта. Глаза её сияли. — Когда мне отдать тебе письмо?

— Когда хочешь, — сказал мальчик, вставая во весь рост. — Ты где живёшь?

— Под... — начала Арриэтта и вдруг замолчала. Почему её вдруг снова охватил озноб? Только ли из-за его тени, которая загораживает от неё солнце, — ведь он стоит, как башня, у неё над головой. — Я положу его куда-нибудь, — торопливо сказала она. — Я положу его под ковёр в холле.

— Под который? Тот, что у входа?

— Да.

И он исчез. А Арриэтта осталась сидеть на солнце, по самые плечи в траве. То, что с ней произошло, было так невероятно, так огромно, что она не могла охватить это мыслью, не могла поверить, что это действительно случилось. Её не только увидели — с ней говорили; с ней не только говорили, она сама...

— Арриэтта! — послышался голос.

Она испуганно вскочила на ноги и обернулась — на дорожке стоял Под и глядел на неё.

— Спускайся вниз, — шепнул он.

Несколько мгновений она глядела на него во все глаза, словно не узнавая; какое круглое у него лицо, какое доброе!

— Быстренько, — повторил он.

На этот раз голос его звучал тревожнее, и она послушно юркнула в траву и скользнула вниз по крутому склону, не выпуская цветка из рук.

— Положи эту штуку, — сердито сказал Под, когда Арриэтта наконец стояла с ним рядом. —

Ты не можешь тащить с собой такой большой цветок. Тебе надо мешок нести. Зачем ты туда забралась? — ворчливо продолжал он, в то время как они шагали по гравию дорожки. — Я бы мог тебя там и не заметить. Надо торопиться, у мамы давно готов чай.

Глава одиннадцатая

Хомили уже поджидала их у последних ворот. Она причесалась и благоухала дегтярным мылом. Она выглядела моложе, чем всегда, и как-то празднично.

— Ну как?! Ну как?! — несколько раз повторила она, забирая у Арриэтты мешок и помогая Поду запереть ворота. — Ну как, понравилось тебе? Ты хорошо себя вела? А вишня расцвела? А куранты играли? — Казалось, она хочет прочитать ответ на лице Арриэтты, но кругом было слишком темно. — Пошли скорее. Чай давно готов. Дай мне руку...

Чай и правда был готов, стол накрыт в столовой, в очаге пылал яркий огонь. Какой привычной была эта комната, какой уютной... и вдруг она показалась девочке незнакомой! В отблесках огня возникла строка на стене: «...было бы так чудесно, если бы...» «Если бы что?» — часто спрашивала себя Арриэтта. Если бы наш дом был не таким тёмным, подумала она, это было бы чудесно. Она смотрела на самодельные свечи, наколотые на перевёрнутые кнопки, которые Хомили поставила как подсвечники на стол, на старенький чайник из пустого жёлудя с носиком из гусяного пера и ручкой из проволоки — время отполировало его до блеска. Чего только не было на столе! Два поджаренных ломтика каш-

тана, которые они будут есть с маслом, как гренки, и холодный варёный каштан, который Под нарежет, как хлеб, целая тарелка сушёной смородины, как следует набухшей у огня, крошки от булочки с корицей, хрустящие и золотистые, чуть присыпанные сахаром, и — о восторг! — перед каждым из них на тарелке — консервированная креветка. Хомили поставила парадные серебряные тарелки (шиллинги для Арриэтты и себя и полкроны — для Пода).

— Не копайся, Арриэтта, садись за стол, если ты уже вымыла руки! — воскликнула Хомили. — О чём ты замечталась?

Арриэтта пододвинула к столу катушку и медленно опустилась на неё. Она смотрела, как мать берётся за носик чайника, — это всегда был интересный момент. Более толстый конец пера находился внутри чайника, и, перед тем

как наливать, надо было слегка дёрнуть на себя носик — тогда он крепко закупоривал отверстие и вода не проливалась на стол. Если вода всё же просачивалась наружу, надо было дёрнуть перо посильнее и чуть-чуть повернуть.

— Ну, — сказала Хомили, осторожно наливая кипяток в чашки, — Расскажи нам, что ты видела.

— Она не так уж много видела, — сказал Под, отрезая ломтик варёного каштана, чтобы есть с ним креветку.

— Она не видела украшений над камином?

— Нет, мы не заходили в кабинет.

— А как же промокательная бумага, которую я просила?

— Я её не принёс.

— Хорошенькое дело... — начала Хомили.

— Хорошенькое или нет, — сказал Под, методично пережёвывая каштан, — а только у меня были мурашки. Да ещё какие!

— Что это такое? — спросила Арриэтта. — Что за мурашки?

— На затылке и в пальцах, — сказала Хомили. — Отец чувствует их, когда... — она понизила голос, — когда кто-нибудь поблизости есть.

— О!.. — произнесла Арриэтта и съёжилась.

— Вот потому-то я и повёл её скорее домой, — сказал Под.

— А там был кто-нибудь? — встревоженно спросила Хомили.

Под сунул в рот большой кусок креветки.

— Наверное, был, хотя я никого не видел.

Хомили перегнулась через стол.

— А у тебя были мурашки, дочка?

Арриэтта вздрогнула.

— Ах! — воскликнула она. — Разве они у нас у всех есть?

— Да, только в разных местах, — ответила Хомили. — У меня они начинаются у лодыжек и ползут до колен. У моей матушки начинались под подбородком и охватывали всю шею...

— ...И завязывались сзади бантом, — вставил Под с набитым ртом.

— Ну какой ты, право, — запротестовала Хомили. — Это же факт. Нечего смеяться. У всех Гонгов так. Вроде воротника, — говорила она.

— Жаль, что он её на задушил, — сказал Под.

— Ах, Под, Под, будь справедлив, у неё были свои хорошие стороны.

— Стороны! — воскликнул Под. — Да с какой стороны ни смотри, хорошего там видно не было.

Арриэтта облизнула губы и перевела тревожный взгляд с отца на мать.

— У меня не было никаких мурашек, — сказала она.

— Ну, — отозвалась Хомили, — может, это была ложная тревога.

— Нет-нет, не лож... — начала Арриэтта, но, увидев внимательный материнский взгляд, запнулась, — я хочу сказать, раз у папы они были... А вдруг у меня их вообще не будет?

— Ты ещё маленькая, — сказала Хомили. — Всё в своё время. И мурашки тоже у тебя появятся. Становись под скатом на кухне, когда миссис Драйвер разгребает уголь в плите. Стань на табурет или что-нибудь другое, чтобы быть поближе к потолку. Увидишь, как они по тебе поползут... Всё дело в практике.

После чая, когда Под взялся за сапожную колодку, а Хомили за мытьё посуды, Арриэтта бросилась к дневнику. «Я открою его, — подумала она, дрожа от нетерпения, — на любом месте».

Дневник раскрылся на девятом и десятом июля. «Поспешишь — людей насмешишь» — гласила надпись за девятое число. А наверху следующей страницы она прочитала: «Куй железо, пока горячо». Эту страничку Арриэтта и вырвала. Перевернув её, она прочитала изречение, относящееся к одиннадцатому числу: «Нет розы без шипов». «Нет, — подумала она, — уж лучше десятое: «Куй железо, пока горячо». И, зачеркнув последнюю свою запись (*«Мама не в духе...»*), она написала под ней:

«10 ИЮЛЯ

Куй железо, пока горячо

Дорогой дядя Хендрири, надеюсь, у тебя всё в порядке, и у братцев тоже всё в порядке, и у тёти Люпи. У нас всё в порядке, и я уже учусь добывать. Твоя любящая племянница Арриэтта Курант.

Напиши, пожалуйста, мне письмо на обратной стороне бумажки».

— Что ты делаешь, Арриэтта? — окликнула её из кухни Хомили.

— Пишу дневник.

— А! — коротко отозвалась Хомили.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросила Арриэтта.

— Успеется, — ответила Хомили.

Арриэтта сложила письмо и аккуратно засунула его между страниц «Географического справочника Мальчика-с-пальчика», а в дневнике записала: *«Ходила добывать. Написала д. Х. Разговаривала с М.»*. После чего села у очага и, уставившись в огонь, принялась думать...

Глава двенадцатая

Но одно дело было написать письмо и совсем другое — засунуть его под дверной коврик. В течение нескольких дней Пода нельзя было уговорить подняться наверх, он с головой ушёл в ежегодную генеральную уборку кладовых — чинил перегородки, мастерил новые полки. Обычно Арриэтта очень любила эти весенние чистки, когда они разбирали свои запасы, извлекали на свет полузабытые сокровища и находили новое применение старым вещам. Она с наслаждением перебирала лоскутки шёлка, разрозненные лайковые перчатки, огрызки карандашей, ржавые лезвия, шпильки и иголки, высохшие винные ягоды, орешки фундук, покрытые белым налётом кусочки шоколада и ярко-красные палочки сургуча. Однажды Под смастерил ей щётку для волос из зубной щётки, а Хомили сшила шаровары из двух пальцев от шерстяной перчатки, «чтобы могла ходить утром гулять». Там были десятки трубочек цветного шёлка, и катушек с бумажными нитками, и маленьких клубочков шерсти всех цветов, металлические перья для ручек, которые Хомили использовала как совки для муки, и огромное количество бутылочных пробок.

Но на этот раз Арриэтта нетерпеливо бродила вокруг и — когда только могла — подходила к решётке посмотреть, не появился ли мальчик. Она теперь всегда держала письмо при себе, засунув под кофточку, и листок уже обтрепался по краям. Один раз мальчик пробежал мимо; она видела его ноги в шерстяных чулках; он издавал горлом звуки, похожие на пыхтенье какой-то машины, и, завернув за угол, испустил пронзительное «у-у-у-у-у-у!.. у-у!..» (паровозный

гудок, как он потом ей объяснил), поэтому и не услышал, как она его позвала. Как-то вечером Арриэтта выскользнула из дома и прокралась к первым воротам, но, как она ни раскачивалась на булавке, отстегнуть её не смогла.

Каждый раз, подметая столовую, Хомили ворчала по поводу промокашки.

— Я понимаю, что надо забираться на стул и на портьеры, — говорила она Поду, — но сколько времени уйдёт, чтобы добыть с секретера кусок промокашки? Четверть часа, не больше, особенно если ты прихватишь шляпную булавку с тесьмой... Поглядеть на наш пол, так можно подумать, что мы живём в мышиной норе. Никто не может упрекнуть меня, что я чересчур запасливая хозяйка, — продолжала Хомили. — Где уж мне, не из такой я семьи, но я люблю, чтобы в доме было уютно.

И вот на четвёртый день Под сдался. Он положил молоток (молоточек-язычок от электрического звонка) и сказал Арриэтте:

— Пошли...

Как она рада была увидеть наконец кабинет — дверь, к счастью, стояла настежь, — как интересно, усевшись на толстом ковре посреди комнаты, рассматривать камин, и каминную доску, и знаменитые украшения над ней — все эти полочки, и колонки с капителями, и пилястры, и фронтоны! «Так вот где они жили, — подумала Арриэтта, — эти любители удовольствий, весёлые и гордые, которые ни с кем не водили знакомства!» Она представила себе Надкаминных — женщин с осиными талиями и взбитыми волосами, как носили при короле Эдуарде, — представила, как беззаботно скользили они вниз по пилястрам, смеющиеся, лёгкие, проворные, как любовались собой во вделанное над ками-

ном зеркало, где отражались нарядные табакерки, и гранёные графины, и полки с книгами, и стол, покрытый плюшевой скатертью. Она видела в воображении Надкаминных мужчин — светловолосых, с длинными усами и нервными тонкими пальцами. Они курили, и пили вино, и рассказывали друг другу остроумные истории. Значит, Хомили никогда не приглашали к ним наверх! Бедняжка Хомили с длинным носом и всегда растрёпанными волосами... Они бы взглянули на неё холодно своими улыбающимися глазами, подумала Арриэтта, усмехнулись и, напевая про себя, отвернулись бы в другую сторону. Они ели только то, что подавали на завтрак: гренки, яйца, сыр, колбасу и хрустящий поджаренный бекон, — пили крошечными глоточками кофе и чай. «Где они сейчас? — подумала Арриэтта. — Куда могли переселиться такие существа?..»

Под подкинул булавку так, что она вонзилась в мягкое сиденье стула, и в тот же миг уже поднимался по ножке, откинувшись всем телом назад и перебирая тесьму руками. Затем, вытянув булавку из сиденья, вновь кинул её, как дротик, высоко над головой в собранную складками ткань портьеры. «Пора!» — подумала Арриэтта и, нащупав под кофточкой драгоценное письмо, выскользнула из комнаты. В холле оказалось темнее, чем в первый раз, потому что дверь была закрыта, и когда Арриэтта бежала к коврику для ног, сердце громко билось у неё в груди. Коврик был тяжёлый, но она подняла один угол и подпихнула туда письмо ногой. «Ну, вот!» — сказала она и огляделась. Вокруг были одни тени. Тени и громкое тиканье часов. Она поглядела через огромную равнину пола туда, где вдалеке поднималась ввысь огромная

лестница. «Ещё один мир поверх этого мира, — подумала она, — мир над миром». И её пронизала дрожь.

— Арриэтта, — тихо позвал Под, и она успела вбежать в комнату как раз вовремя, чтобы увидеть, как он, подтягиваясь по тесьме, быстро поднялся по портьеру и повис чуть повыше секретера, затем легко спрыгнул на откидную доску, широко расставив ноги, и намотал несколько витков тесьмы себе на талию на всякий случай. — Я хотел, чтобы ты посмотрела, как это делается, — сказал Под, переводя дух. Когда он толкнул промокательную бумагу вниз, она легко поплыла по воздуху и наконец опустилась на пол в нескольких шагах — человеческих шагах — от секретера, свежая, ярко-розовая на выцветшем ковре.

— Начинай скатывать, — шепнул Под, — я сейчас спущусь.

И Арриэтта, став на колени, принялась скатывать промокашку, пока рулон не сделался слишком тугим и тяжёлым для неё. Под быстро скатал его до конца и перевязал тесьмой, затем заколол тесьму булавкой. Взяв тяжёлый рулон с двух концов, они понесли его, как маляры несли бы стремянку, под куранты и дальше, вниз и вперёд...

Хомили даже не поблагодарила их, когда, тяжело дыша, они опустили рулон на пол перед дверью в столовую. У неё был испуганный вид.

— Ну наконец-то! — сказала она. — Слава богу! В доме опять этот мальчик. Я только что слышала, как миссис Драйвер говорила о нём Крэмпфирлу.

— О!.. — воскликнула Арриэтта. — Что она говорила?

Хомили внимательно взглянула на неё. Арриэтта побледнела, она только сейчас поняла, что нужно было спросить: «Какой мальчик?» — но сказанного не воротишь.

— Ничего особенно страшного, — ответила Хомили, желая успокоить её. — Просто я узнала, что он ещё в доме. Ничего особенного. Миссис Драйвер сказала, что, если он ещё раз перевернёт все ковры в холле, она отшлёпает его туфлей.

— Перевернёт ковры в холле? — эхом повторила за ней Арриэтта.

— Да. Она сказала Крэмпфирлу, что он три дня подряд переворачивает ковры в холле. Она сразу заметила это, сказала она, по тому, как они лежат. Вот эти её слова про холл и встревожили меня, потому что ты и отец... Что с тобой, Арриэтта?.. Ты так побледнела... Ну, полно, помоги передвинуть мебель, и мы постелим новый ковёр.

«Ах, — грустно думала Арриэтта, помогая матери вынимать вещи из спичечного комода, — три дня подряд он искал моё письмо и ничего не находил. Он, наверно, и надежду потерял... и больше не посмотрит».

В тот вечер она чуть ли не целый час стояла под скатом потолка, делая вид, что практикуется на мурашки, а на самом деле слушая разговор миссис Драйвер с Крэмпфирлом. Она узнала, что ноги миссис Драйвер замучили её до смерти, и жалко, что она не заявила об уходе ещё прошлой весной, и не выпьет ли Крэмпфирл ещё глоточек, всё равно в погребке вина больше, чем Ей выпить до конца Её дней, и если кто-нибудь воображает, что миссис Драйвер будет мыть окна на втором этаже, так он сильно ошибается... Но на третий вечер, не успела Арриэтта

слезть с табуретки, чтобы не упасть от усталости, как услышала голос Крэмпфирла:

— Если хотите знать, что я думаю, так я думаю, что он завёл хорька.

И Арриэтта быстренько забралась снова на табурет и затаила дыхание.

— Хорька! — пронзительно вскрикнула миссис Драйвер. — Хорошенькое дело! Где же он его держит?

— Этого я не скажу, — отвечал ей Крэмпфирл низким, рокочущим басом. — Я одно знаю: он бродил по полям за Паркинс-Бек, все склоны облазал и вроде бы звал кого-то из кроличьих норок.

— В жизни такого не слыхивала! — сказала миссис Драйвер. — Дайте ваш стакан.

— Самую малость, — сказал Крэмпфирл. — Хватит. На печень действует... слишком сладко... это вам не пиво, тут и спору нет. Да, — продолжал он, — когда он увидел, что я иду с ружьём, он притворился, будто вырезает себе палку. Но я-то его уже давно заприметил и слышал, как он кричал. Носом прямо в кроличью норку. Провались я на этом месте, если он не завёл хорька! — Арриэтта услышала, как он отпил и поставил стакан на стол. — Да, — сказал он наконец, — хорька по имени какой-то дядя.

Арриэтта невольно дёрнулась всем телом, секунду удерживала равновесие, размахивая руками, и упала с табурета. Табурет с грохотом откатился к стене, ударился о комод и перевернулся.

— Что это? — спросил Крэмпфирл.

Наверху наступила тишина; Арриэтта затаила дыхание.

— Я ничего не слышала, — сказала миссис Драйвер.

— Вроде бы где-то там, под полом, возле плиты.

— Ничего страшного, — сказала миссис Драйвер. — Это угли падают. Часто бывает. Другой раз даже вздрогнешь, когда сидишь тут одна... Ну-ка передайте мне ваш стакан, осталась самая малость... чего уж тут, надо кончать...

«Они пьют добрую старую мадеру», — подумала Арриэтта и, осторожно подняв табурет, стала рядом, глядя наверх. Сквозь трещину в потолке ей был виден свет, исчезающий время от времени, когда заслоняли свечу.

— Да, — продолжал Крэмпфирл, возвращаясь к своему рассказу, — и когда я подошёл к нему с ружьём, он и говорит мне с таким невинным видом, верно, чтобы сбить со следа: «Тут нет где-нибудь поблизости барсучьей норы?»

— Хитрюга! — сказала миссис Драйвер. — Чего только не придумают эти мальчишки!.. Барсучья нора!.. — И она засмеялась своим скрипучим смехом.

— У нас тут и правда была раньше барсучья нора, — продолжал Крэмпфирл, — но когда я показал ему, где её искать, он вроде и внимания не обратил. Просто стоял и ждал, когда я уйду. «Ну что ж, посмотрим ещё, чья возьмёт», — подумал я и сел на землю. Так мы и сидели — он и я.

— Ну и что дальше?

— Пришлось ему в конце концов уйти. И хорька оставить. Я ещё подождал, но хорёк так и не вылез. Я уж во все глаза глядел... и свистел. Жаль, не расслышал я, как он его звал. Вроде какой-то дядюшка... — Арриэтта услышала резкий скрип стула. — Пойду-ка я, — сказал Крэмпфирл, — запрю кур.

Хлопнула кухонная дверь, и над головой вдруг послышался грохот — это миссис Драйвер ворошила угли в плите. Арриэтта тихонько поставила табурет на место и пошла на цыпочках в столовую, где нашла одну мать.

Глава тринадцатая

Хомили гладила, низко склонившись над гладильной доской, с грохотом ставя утюг на подставку и то и дело откидывая волосы с глаз. По всей комнате на французских булавах, которые Хомили приспособила под плечики, висело выстиранное бельё.

— Что там случилось? — спросила Хомили. — Ты упала?

— Да, — ответила Арриэтта, тихонько садясь на своё место у очага.

— Ну как мурашки? Уже появляются?

— Не знаю, — сказала Арриэтта. Она обхватила руками колени и положила на них подбородок.

— Где твоё вязанье? — спросила Хомили. — Что с тобой делается последнее время? Ума не приложу! Всё время бить баклуши... Может, тебе нездоровится?

— Ах! — воскликнула Арриэтта. — Оставь меня в покое!

И на этот раз — в кои-то веки! — Хомили ничего больше не сказала. «Это весна, — подумала она, — со мной тоже иногда так бывало в её годы».

«Мне нужно увидеть мальчика, — думала Арриэтта, уставившись невидящими глазами в огонь. — Я должна узнать, что случилось. Я должна услышать, всё ли у них в порядке.

Я не хочу, чтобы мы вымирали. Я не хочу быть последней из добываек. Я не хочу... — здесь Арриэтта совсем уткнулась лицом в колени, — всю жизнь жить вот так... в темноте... под полом...»

— Без толку готовить ужин, — сказала Хомили, нарушая тишину, — отец отправился в Её комнату. А тебе известно, что это значит.

Арриэтта подняла голову.

— Нет, — сказала она, едва слушая. — А что это значит?

— А то, — сердито ответила Хомили, — что он вернётся часа через полтора, а то и позже. Он любит бывать у Неё, болтать с Ней о том о сём, рассматривать вещи на Её туалетном столе. И это не опасно, когда мальчишка уже ушёл спать. Отцу не нужно ничего определённого, — продолжала она, — всё дело в новых полках, которые он смастерил. Говорит, они выглядят слишком уж пустыми, может, он добудет для них какую-нибудь мелочишку...

Арриэтта вдруг села прямо, вытянулась в струнку: её неожиданно пронзила мысль, да такая, что перехватило дыхание и задрожали колени. «Часа полтора, а то и больше, сказала мама... И всё это время ворота будут открыты!»

— Ты куда? — спросила Хомили, когда Арриэтта пошла к дверям.

— В кладовые, — сказала Арриэтта, прикрывая свечу рукой от сквозняка. — Я ненадолго.

— Не разбросай там ничего! — крикнула вдогонку Хомили. — И осторожнее с огнём!

Идя по проходу, Арриэтта подумала: «Я не говорила неправды. Я иду в кладовые... поискать шляпную булавку. А если я найду булавку (и кусок бечёвки... тесьмы там, я знаю, нет), я всё равно буду недолго, ведь мне надо вернуться раньше папы. И я делаю это ради них, — упря-

мо сказала она себе, — и когда-нибудь они ещё скажут мне спасибо». Но всё равно её не покидало смутное чувство вины. Хитрюга — вот как назвала бы её миссис Драйвер.

Арриэтта нашла шляпную булавку с перекладкой наверху и привязала к ней бечёвку, крепко-накрепко обмотав вокруг перекладки восьмёркой, затем увенчала свои труды, запечатав узел сургучом.

Ворота были открыты; добравшись до последних ворот, под курантами, Арриэтта поставила свечу посреди прохода, где та не могла причинить никакого вреда.

В большом холле было полутемно, повсюду протянулись огромные тени, под привёрнутым рожком парадной двери лежал круг света, ещё один рожок еле мерцал на лестничной площадке на полпути вверх. Потолок уходил далеко в высоту и мрак, вокруг было необозримое пространство. Арриэтта знала, что детская находится в конце коридора на втором этаже и мальчик уже в постели, — мама только что упомянула об этом.

Арриэтта наблюдала, как отец закидывает булавку на стул, по сравнению с этим взобраться на ступеньки было легче. Мало-помалу в её движениях появился какой-то ритм: бросок, подъём, снова бросок... Металлические прутья, придерживающие дорожку, холодно поблёскивали в темноте, но сама дорожка была мягкая и тёплая, на неё так приятно было прыгать. На площадке Арриэтта немного посидела, чтобы отдышаться. Полумрак не пугал её, она всю жизнь прожила в полумраке, она чувствовала себя в нём как дома, а сейчас темнота даже служила ей защитой.

Поднявшись на верхнюю площадку, Арриэтта увидела распахнутую дверь, из которой на пол падал золотой квадрат света, словно перегораживая коридор. «Придётся пройти здесь, выхода нет», — сказала, подбадривая себя, Арриэтта. Из комнаты доносился монотонный голос.

— Эта кобыла, — говорил голос, — была трёхлетка, которая принадлежала моему брату... не старшему брату, а тому, что жил в Ирландии, — младшему, которому принадлежали Старый Друг и Милочка. Он несколько раз включал её в скачки по пересечённой местности... но, когда я говорю «несколько раз», я имею в виду три... во всяком случае не меньше, чем два... раза. Ты видел когда-нибудь ирландские скачки по пересечённой местности?

— Нет, — ответил другой голос; он звучал немного рассеянно.

«Это отец, — внезапно поняла Арриэтта, и сердце подпрыгнуло у неё в груди. — Он разговаривает с тётей Софи, вернее, тётя Софи разговаривает с ним». Она крепко схватила булавку с болтающейся верёвочной петлей и побежала через освещённое место в темноту коридора. Пробегая мимо распахнутой двери, Арриэтта увидела мельком горящий камин, лампу под абажуром, поблёскивающую мебель и тёмно-красные парчовые портьеры.

В конце коридора виднелась другая полуоткрытая дверь. «Это классная комната, — подумала Арриэтта, — а за ней — детская, где спит мальчик».

— Между английскими и ирландскими скачками, — продолжал голос, — есть разница, и немалая. Например...

Арриэтте нравился голос тёти Софи. Ровный, спокойный, он звучал так же успокаивающе,

как часы в холле внизу, и, спускаясь с ковра на узкую полоску дерева возле плинтуса, Арриэтта с интересом услышала, что в Ирландии между полями каменные стенки, а не живая изгородь. Здесь, вдоль плинтуса, Арриэтта могла бежать, а она любила бегать. По коврику не побежишь, в нём тонут ноги, приходится идти медленно. Деревянные доски были гладкие и пахли воском. Арриэтте понравился их запах.

Мебель в классной комнате, куда она наконец добралась, была прикрыта от пыли чехлами. Здесь тоже горел газовый рожок; горелка была привёрнута, виднелся только синеватый язычок пламени. На полу лежал изрядно вытертый линолеум, на стенах висели вылинявшие ковры. Комната была полна всякой рухляди. Под столом темнела большая пещера. Арриэтта вошла в неё, ощупью пробралась вперёд и наткнулась на пыльную кожаную подушку, раза в полтора выше её. Арриэтта вновь вышла в полуосвещённую комнату и, подняв глаза, увидела угловой шкафчик с кукольным сервизом, картину над камином и плюшевую портьеру с бомбошками, где мальчик увидел её отца. Повсюду по сторонам вздымались ножки стульев, сиденья стульев заслоняли ей всё вокруг. Арриэтта пробралась между ними к двери в детскую и там внезапно увидела в дальнем углу кровать и на ней мальчика. Она увидела его большое лицо (на краю подушки), обращённое к ней, свет рожка, отражённого в его открытых глазах; руку, крепко схватившую угол одеяла и прижавшую его к губам.

Арриэтта остановилась. Немного погодя, заметив, что пальцы его разжались, она тихо промолвила:

— Не бойся... Это я, Арриэтта.

Он отпустил одеяло и сказал:

— Арри... что? — Голос его звучал сердито.

— ...этта, — мягко повторила она. — Ты взял письмо?

С минуту он молча смотрел на неё, затем спросил:

— Ты зачем это вползла потихоньку ко мне в комнату?

— Я не вползла. Я вбежала. Ты разве не видел?

Он снова помолчал, пристально глядя на неё широко раскрытыми глазами.

— Когда я принёс книгу, — сказал он наконец, — тебя не было.

— Я должна была уйти. Чай уже был готов, и папа позвал меня.

Это он понял.

— А-а, — деловито сказал он и больше её не упрекал.

— Ты взял письмо? — снова спросила она.

— Да, — ответил он. — Мне пришлось два раза туда ходить. Я засунул его в барсучью нору...

Внезапно он откинул одеяло и встал на постели — огромная гора в светлой фланелевой рубашке. Теперь наступил черёд Арриэтты испугаться. Не сводя с него глаз, она начала медленно пятиться к двери. Но он на неё не глядел, он шарил рукой за картиной.

— Вот! — сказал он и снова сел; громко закрипели пружины.

— Но я не хочу брать его обратно! — воскликнула Арриэтта, опять подходя поближе. — Надо было его там оставить! Почему ты принёс его назад?

Мальчик повернул письмо другой стороной.

— Он написал здесь ответ.

— Ах! — взволнованно воскликнула Арриэтта. — Покажи мне. Пожалуйста!

Она подбежала к постели и потянула за край свисавшей простыни.

— Значит, они все живы! Ты его видел?

— Нет, — сказал мальчик. — Письмо лежало там, где я его оставил. — Он наклонился к Арриэтте. — Но он написал ответ. Взгляни!

Арриэтта молнией метнулась к нему; онахватила письмо из его огромных пальцев и тут

же отбежала, чтобы он не мог до неё достать. Затем кинулась к дверям классной комнаты, где всё же было немного светлей.

— Интересно, чем это он писал? — сказала она себе, поднося письмо к самым глазам. — И всё заглавными буквами... Ты не сам написал его? — спросила она вдруг, оборачиваясь к мальчику.

— Конечно, нет, — сказал он, — я пишу строчными...

Но она уже увидела по его лицу, что он не лжёт, и принялась по буквам разбирать послание:

— «С-ка-жи тв-твой...» — Она взглянула на мальчика. — «Твой?» — повторила она.

— Да, — сказал он, — «твой».

— «Скажи твой т-я... тя... тя, тате?» Моему тате? — Но мальчик лишь выжидающе смотрел на неё. — «Тате Луп...» О, тёте Люпи! — воскликнула она. — Он говорит... послушай, вот что он говорит: «Скажи своей тёте Люпи вернуться домой».

Наступило молчание.

— Ну и скажи ей! — произнёс мальчик через минуту.

— Но её здесь нет! — воскликнула Арриэтта. — И не было. Я уже забыла, на что она и похожа!

— Берегись! — сказал мальчик. — Сюда кто-то идёт.

Арриэтта обернулась, но было поздно прятаться: перед ней стоял Под — в одной руке мешок, в другой — булавка. Он стоял на пороге классной комнаты, его силуэт чётко вырисовывался на фоне освещённого коридора, перед ним на полу лежала его крохотная тень. Он увидел её.

— Я слышал твой голос, — сказал Под, и спокойствие, с которым он это произнёс, показалось ей страшнее всего на свете, — когда выходил из Её комнаты.

Арриэтта, не опуская глаз, глядела на отца и глубже запихивала письмо под кофточку. Видно ему или нет, что там за ней, в темноте? Видно или нет огромную фигуру, закутавшуюся в одеяло?

— Пошли домой, — сказал Под и повернул обратно.

«11 ИЮЛЯ

Нет розы без шипов

СКАЖИ ТВОЙ ТЯТЕ ЛУПИ ВЕРНАТЬСЯ
ДОМОЙ».

Глава четырнадцатая

Под не раскрыл рта, пока они не оказались дома. И ни разу не взглянул на неё. Арриэтте приходилось пробираться позади него, как она могла. Он не обращал внимания на её попытки помочь ему запереть ворота, но когда она вдруг споткнулась и упала, он стоял, пока она не поднялась и не отряхнула колени, глядя на неё без всякого, казалось ей, интереса.

Ужин ждал их на столе, Хомили отложила гладку и выбежала из комнаты им навстречу; на её лице было написано удивление, она никак не ожидала увидеть их вместе.

Под скинул на пол мешок и поглядел на жену.

— Что случилось? — произнесла тревожно Хомили, переводя взгляд с мужа на дочь.

— Она была в детской, — тихо сказал Под, — разговаривала с мальчишкой!

Хомили наклонилась вперёд, судорожно стиснув руки поверх передника, глаза её испуганно забегали по сторонам.

— Ой, — простонала она.

Под сел. Провёл усталой рукой по глазам и лбу; лицо его выглядело тяжёлым и бледным, как кусок теста.

— Что теперь? — сказал он.

Хомили стояла, не трогаясь с места, согнувшись, стиснув руки и не сводя глаз с Арриэтты.

— Как ты могла... — прошептала она.

«Они напуганы, — подумала вдруг Арриэтта, — они вовсе не сердятся... они очень, очень напуганы». Она сделала шаг вперёд.

— Всё в порядке... — начала она.

Хомили вдруг опустилась на катушку, она начала дрожать.

— О! — простонала она. — Что нам делать?!

И Хомили принялась тихонько раскачиваться вперёд-назад, вперёд-назад.

— Мамочка, не надо, — взмолилась Арриэтта. — Всё не так уж плохо, как тебе кажется. Право, не так.

Она пошарила на груди под кофтой. Сперва она не могла нащупать письмо, оно соскользнуло за спину, но наконец вытащила его, правда, очень измятое.

— Погляди, — сказала она, — это письмо от дяди Хендрири. Я ему написала, и мальчик отнёс письмо, и...

— Ты ему написала! — раздался приглушённый крик Хомили. — О-о, — простонала она и закрыла глаза. — Что теперь будет? Что нам делать? Что нам делать? — И она принялась обмахиваться своей костлявой, но сейчас словно совсем мягкой рукой.

— Принеси матери воды, Арриэтта, — резко сказал Под.

Арриэтта принесла воду в скорлупе от ореха; острый кончик скорлупы был отпилен, и она была похожа на бокал для коньяка.

— Как тебе пришло в голову, Арриэтта, сделать такую вещь? — спросила Хомили немного спокойнее и поставила пустую чашку на стол. — Что на тебя нашло?

И вот Арриэтта рассказала им о том, как её увидели — в то первое утро под вишней. А она решила им об этом не говорить, чтобы зря их не волновать. И как мальчик сказал, что они вымирают. И как не просто важно, а жизненно, неотложно важно было выяснить, что семейство дяди Хендрири цело и невредимо.

— Ну поймите, пожалуйста, поймите, — молила их Арриэтта, — я старалась спасти нас всех от вымирания!

— Ну и слова она употребляет! — не без гордости сказала Хомили Поду, конечно, потихоньку от Арриэтты.

Но Под не слушал её.

— Спаси нас! — сурово повторил он. — Вот как раз такие, как ты, дочка, которые делают всё с бухты-барахты, без всякого уважения к традициям, и погубят нас всех раз и навсегда. Неужели ты не понимаешь, что ты натворила?

Арриэтта встретила его укоризненный взгляд.

— Да, — запинаясь, проговорила она, — я... я... написала письмо единственным из добывавек, кто остался в этих краях, и получила ответ. И теперь, — храбро продолжала она, — мы можем держаться все вместе...

— Держаться вместе! — сердито повторил Под. — Неужели ты думаешь, что Хендрири и его семейство вернутся и станут жить здесь? Или что мать переселится в барсучью нору за два поля отсюда, чтобы жить на открытом воздухе... без горячей воды...

— Никогда! — вскричала Хомили громким голосом, таким громким, что они оба обернулись и посмотрели на неё.

— Или воображаешь, что мать отправится через два поля и сад, — продолжал Под, — где полно ворон, и коров, и лошадей, и чего-чего там ещё нет, чтобы выпить чашечку чая с твоей тётей Люпи, которую и раньше-то не очень жаловала? погоди, — сказал он, увидев, что Арриэтта хочет его прервать, — но дело даже не в этом... дело совсем в другом. — Он наклонился к ней, и в голосе его слышалась необы-

чайная серьёзность. — В том, что теперь мальчишка знает, где мы живём!

— Нет, не знает, — сказала Арриэтта. — Я ему не говорила. Я...

— Ты рассказала ему, — прервал её Под, — о том, как в кухне лопнул котёл и нас залило горячей водой, ты рассказала, как все наши пожитки снесло к решётке... — Он снова сел, сердито глядя на неё. — Тут только надо немного подумать, и сразу догадаешься, — сказал он. Арриэтта промолчала, и Под продолжал: — Такого ещё никогда не случалось, никогда за всю долгую историю добываек. Их видели — да, их ловили — возможно, но ни один человек никогда не знал, где мы живём. Мы в очень большой опасности, Арриэтта, и навлекла её на нас ты. И это факт!

— Ах, Под, — жалобно сказала Хомили. — Не пугай ребёнка!

— Да, Хомили, — сказал Под мягче, — бедная моя старушка! Я никого не хочу пугать, но дело серьёзное. Представь, я бы сказал тебе: собирайся, укладывай пожитки, нам надо сегодня же выбираться отсюда... Куда бы ты пошла?

— Только не к Хедрири, Под! — вскричала Хомили. — Только не туда! Я ни за что не уживусь в одной кухне с Люпи...

— Верно, — согласился Под, — не к Хендрири. И знаешь — почему? Потому что, где он живёт, мальчишка тоже знает!

— Ах, ах! — запричитала Хомили, окончательно впадая в отчаяние.

— Да, — продолжал Под, — парочка шустрых терьеров или хорошо натасканный хорёк — и всему семейству Хендрири конец!

— Ах, Под! — воскликнула Хомили и снова задрожала. Мысль о том, что ей придётся

жить в старой барсучьей норе, была достаточно ужасна, но мысль о том, что даже там им нельзя укрыться, оказалась ужаснее во сто крат. — А я, пожалуй, сумела бы там в конце концов неплохо устроиться, — сказала она, — конечно, если бы мы жили отдельно от Люпи...

— Ну, теперь бесполезно об этом думать, — сказал Под и обернулся к Арриэтте. — Что пишет дядя Хендрири в этом письме?

— Да! — воскликнула Хомили. — Где его письмо?

— Из него не очень-то много узнаешь, — сказала Арриэтта, передавая им бумажку, — тут написано только: «Скажи своей тёте Люпи, чтобы она вернулась домой».

— Что?! — воскликнула Хомили, глядя на перевернутое вверх ногами письмо. — Вернулась домой? Что он хочет сказать этим?

— Видно, то, что Люпи отправилась к нам и с тех пор не возвращалась.

— Отправилась к нам? — повторила Хомили. — Но когда?

— Откуда мне знать, — сказал Под.

— Тут об этом не говорится, — сказала Арриэтта.

— Но это могло быть много недель назад.

— Вполне, — сказал Под. — Во всяком случае, достаточно давно, раз он захотел, чтобы она вернулась.

— Ах! — воскликнула Хомили. — А как же бедные малютки?

— Ну, малютки за эти годы порядочно подросли, — сказал Под.

— Верно, с ней что-нибудь случилось! — сказала Хомили.

— Да, ты права, — согласился Под. Он обернулся к Арриэтте. — Видишь, что я имел в виду, девочка, когда говорил об этих полях?

— О, Под, — сказала Хомили, и глаза её наполнились слезами, — верно, никто из нас никогда больше не увидит бедную Люпи...

— Кто-нибудь, может, и увидит, но не мы, — ответил Под.

— Под, — сказала Хомили серьёзно, — я боюсь. Столько всего сразу случилось. Что нам делать?

— Ну, сегодня мы ничего уже не сделаем, — ответил Под. — Это точно. Можем только поужинать и лечь спать. — Он встал.

— Ах, Арриэтта, — разрыдалась вдруг Хомили. — Гадкая, непослушная девочка! Как ты могла?! Как ты могла разговаривать с человеком... Если бы ты не...

— Меня увидели, — сказала Арриэтта. — Я не виновата, что меня увидели. Папу тоже увидели. И дядю Хендрири. И я вовсе не считаю, что всё так ужасно, как вы говорите. Я не считаю, что люди такие уж плохие...

— Они плохие и хорошие, — сказал Под, — честные и обманщики — как придётся. Если бы животные могли говорить, они сказали бы тебе то же самое. Держись от них подальше — вот что мне всегда твердили. Неважно, что они тебе обещают.

Глава пятнадцатая

В ту ночь, пока Арриэтта тихонько лежала, вытянувшись на постели под раскрашенным потолком, Под и Хомили проговорили до самого утра. Они говорили в столовой, они говорили в кухне, а позже — гораздо позже — она услышала их голоса из спальни. Она слышала, как открывались и закрывались ящики, как скрипе-

ли двери, как выдвигались коробки из-под кроватей. «Что они там делают? — с удивлением думала она. — И что будет дальше?» Она лежала в своей мягкой постели тихо-тихо, и рядом были её любимые вещи — марка с видом гавани Рио-де-Жанейро, серебряный поросёнок, бывший раньше брелоком, бирюзовое кольцо, которое она иногда просто ради шутки надевала на голову, как корону, и — самые дорогие её сердцу — прекрасные дамы с золотыми трубами, плывущие по потолку над мирным белым городком. Лёжа вот так тихо и неподвижно в постели, Арриэтта вдруг поняла, что, конечно, она не хочет всё это потерять, но и другого она терять тоже не хочет; и приключения, и безопасность — вот чего ей надо. А этого-то (говорили ей безуданный шёпот и возня за стеной) иметь и невозможно.

Но на самом деле Хомили просто не сиделось на месте от беспокойства, и она бесцельно выдвигала ящики и вновь их задвигала, чтобы унять тревогу. Кончила она тем, что решила, когда Под наконец лёг, накрутить волосы на папильотки.

— Право, Хомили, — устало запротестовал Под (он уже был в ночной рубашке), — ни к чему это. Ну кто тебя увидит?

— То-то и оно! — воскликнула Хомили, разыскивая в комодке папильотки. — Кто знает, что может случиться? Я не хочу, — добавила она, переворачивая вверх дном ящик и поднимая с полу его содержимое, — чтобы меня застали непричёсанной.

Наконец она тоже легла, и Под со вздохом перевернулся на другой бок и закрыл глаза.

Хомили ещё долго лежала, уставясь на керосиновую лампу; это была серебряная крышечка

от духов с крошечным фитильком, плавающим в керосине. Она и сама не могла бы объяснить, почему ей так не хотелось тушить огонь. Наверху, в кухне, кто-то двигался, а обычно в это время там было тихо — весь дом спал, — да ещё папилютки давили ей на затылок. Она глядела — в точности так же, как Арриэтта, — на знакомую до мелочей комнату (чересчур заставленную, теперь она это видела, ящиками, и коробками, и самодельными шкафами) и думала: «Что нас ждёт? Может быть, ещё ничего и не случится; возможно, девочка права, и мы подняли весь этот шум из-за чепухи; мальчишка, в конце концов, здесь только гость; возможно, — сонно думала Хомили, — он скоро уедет, и всё».

Должно быть, она всё же задремала (как она потом поняла), потому что ей привиделось, что она пересекает Паркинс-Бек; была ночь, дул сильный ветер, и поле поднималось перед ней крутой горой; она карабкалась вверх вдоль живой изгороди рядом с газопроводом, ноги её скользили по мокрой траве, то и дело она спотыкалась и падала. Деревья с шумом раскачивались во все стороны, ветви их метались на фоне неба. А затем (как она рассказывала много позднее) послышался треск, словно деревья раскалывались в щепы...

И Хомили проснулась. Она огляделась: всё было на своём месте, лампа по-прежнему горела, и всё же, она сразу это почувствовала, что-то было не так — был сильный сквозняк, горло у неё пересохло, на зубах скрипел песок. Она взглянула вверх.

— Под! — закричала Хомили пронзительно и уцепилась за его плечо.

Под перевернулся на другой бок и сел. Они оба глядели на потолок: один край его отделился

от стенки, и весь потолок поднялся под острым углом — вот откуда шёл сквозняк, — а в отверстии в каком-нибудь дюйме от изголовья кровати торчал странный предмет — огромный серый стальной брус с плоским сверкающим концом.

— Это отвёртка, — сказал Под.

Они глядели на неё во все глаза как заворожённые, не в силах двинуться с места, и несколько мгновений серый брус тоже оставался неподвижным. Затем медленно-медленно он качнулся вверх, и острый край прижался к потолку. Хомили услышала скрип наверху и короткий вздох.

— Ой, колени, — закричала Хомили, — ой, мурашки!

И тут с треском крыша их дома вся целиком отлетела прочь и упала где-то, где — им не было видно.

Хомили завопила во всё горло, это был настоящий, полновесный вопль, громкий и пронзительный, она вопила от всей души, казалось, крик успокаивает её, она обретает в нём равновесие; глаза её — не без любопытства — смотрели вверх в освещённую пустоту. Там, поняла она, высоко-высоко над ними, казалось, выше неба, был ещё один потолок, с него свисал копчёный окорок и две вязки лука. В дверях появилась Арриэтта; дрожа от холода и страха, она крепко вцепилась в свою ночную рубашку. Под шлёпнул Хомили по спине.

— Кончай, — сказал он, — хватит. — И она вдруг замолкла.

И тут между ними и тем далёким-далёким потолком возникло огромное лицо. Оно качалось над ними, улыбающееся, страшное в наступившей тишине.

— Это твоя мама? — спросил через секунду удивлённый голос, и Арриэтта шепнула от двери:

— Да.

Это был мальчик.

Под вылез из кровати и стал рядом, дрожа от холода в одной ночной рубашке.

— Вставай, — сказал он Хомили, — не можешь же ты оставаться в постели.

Ещё как могла! На Хомили была старая ночная рубашка с заплатой на спине, и ничто на свете не заставило бы её двинуться с места. В груди её закипал гнев; её застали врасплох, с папильотками на голове, и она вдруг вспомнила, что вчера из-за всей этой сумятицы впервые в жизни не вымыла посуду после ужина и та стоит грязная в кухне на столе всем на обозрение. Хомили сердито уставилась на мальчика — в конце концов он был всего лишь ребёнок.

— Положи крышу на место! — сказала она. — Немедленно! — Глаза её метали молнии, папильотки тряслись.

Мальчик стал на колени, но и тогда, когда его большое лицо совсем близко наклонилось к ней, она не отступила. Она увидела его нижнюю губу — розовую и пухлую, — совсем как у Арриэтты, только во много раз больше; губа задрожала.

— Но я вам кое-что принёс, — сказал он.

Хомили всё так же сердито смотрела на него.

— Что? — спросила Арриэтта.

Мальчик взял что-то у себя за спиной и, держа так, чтобы не перевернуть, осторожно стал спускаться к ним какой-то деревянный предмет.

— Вот что, — сказал он.

Он тяжело сопел от напряжения и даже высунул кончик языка. Деревянный предмет оказался кукольным буфетиком с двумя ящиками

и полками внизу, полными столовой посуды. Мальчик поставил его в ногах кровати, на которой сидела Хомили. Арриэтта подбежала поближе, чтобы получше рассмотреть.

— Ах! — восторженно вскричала она. — Мамочка, погляди!

Хомили кинула быстрый взгляд — буфет был из тёмного дуба, посуда разрисована от руки — и тут же отвела глаза.

— Да, — холодно сказала она. — Очень мило.

Наступило короткое молчание, никто не знал, как его нарушить.

— Дверцы внизу открываются по-настоящему, — сказал наконец мальчик, и к ним опустилась большущая рука, пахнувшая банным мылом. Арриэтта прижалась к стенке, а Под тревожно воскликнул:

— Осторожно!

— Верно, — через секунду сказала Хомили. — Вижу. Открываются.

Под облегчённо вздохнул — огромная рука исчезла.

— Ну вот, Хомили, — стараясь умиротворить её, сказал он, — ты всегда хотела иметь что-нибудь в этом роде.

— Да, — сказала Хомили. Она всё ещё сидела торчком на постели, обхватив колени руками. — Большое спасибо. А теперь, — холодно продолжала она, — будь любезен, опусти крышу.

— Подождите минутку, — умоляюще произнёс мальчик. Он снова пошарил у себя за спиной, рука снова опустилась к ним в комнату — и вот рядом с буфетиком стояло крошечное креслице, обтянутое красным бархатом.

— Ах! — снова воскликнула Арриэтта, а Под смущённо сказал:

— Как раз мне впору.

— Попробуйте, сядьте, — попросил мальчик.

Под тревожно взглянул на него.

— Ну же, папа, — сказала Арриэтта, и Подсел — прямо в ночной рубашке; его босые ноги чуть-чуть не доставали до земли.

— Очень удобно, — сказал он.

— Оно будет стоять у очага в столовой! — воскликнула Арриэтта. — Оно будет так мило выглядеть на красном ковре...

— Давайте попробуем, — сказал мальчик, и рука снова опустилась.

Под еле успел соскочить с кресла и поддерживать закачавшийся буфетик, в то время как кресло взмыло у него над головой и опустилось, по-видимому, в соседней комнате. Арриэтта убежала из спальни родителей и помчалась по коридору.

— Ах! — раздался её голос. — Идите посмотрите. Просто прелесть!

Но Под и Хомили не двинулись с места. Мальчик потолком нависал над их головами, им были видны пуговицы на его ночной рубашке, как раз на животе. Видимо, он разглядывал столовую.

— Что вы держите в горчишнице? — спросил он.

— Уголь, — раздался голос Арриэтты. — И я помогала добывать этот новый ковёр. Вот часы, о которых я тебе говорила, и картины...

— Я тебе принесу марки получше, — сказал мальчик. — У меня есть юбилейные с видом на Тадж-Махал.

— Погляди! — снова слышался голос Арриэтты, и Под взял Хомили за руку. — Вот мои книги...

Хомили крепче вцепилась в Поду, в то время как огромная рука опустилась рядом с Арриэттой.

— Тихо, — прошептал Под, — сиди спокойно... Мальчик, видимо, рассматривал книги.

— Как они называются? — спросил он, и Арриэтта одним духом выпалила все названия подряд.

— Под, — шепнула Хомили, — я сейчас закричу...

— Нет, — шепнул Под в ответ. — Не надо. Ты уже кричала.

— Я чувствую, что крик подступает мне к горлу.

Под встревоженно взглянул на неё.

— Задержи дыхание, — сказал он, — и считай до десяти.

— Ты не можешь почитать их мне? — спросил мальчик у Арриэтты.

— Могу, — ответила Арриэтта, — но я бы лучше почитала что-нибудь новое.

— Но ты же не приходишь ко мне, — жалобно протянул мальчик.

— Верно, — сказала Арриэтта. — Теперь буду приходить.

— Под, — шепнула Хомили, — ты слышал, что она сказала?

— Да-да, — шепнул Под, — не волнуйся...

— Хочешь посмотреть кладовые? — спросила Арриэтта, и Хомили прижала руку ко рту, чтобы заглушить крик.

Под взглянул наверх.

— Эй! — позвал он, стараясь привлечь к себе внимание мальчика. — Положи крышу на место, — попросил Под, стараясь говорить убедительно и деловито, — мы замёрзнем.

— Хорошо, — согласился мальчик, но голос его звучал нерешительно, он потянулся за куском пола, служившим им потолком. — Заколо-

тить гвоздями снова? — спросил он и взял молоток.

— Конечно, заколотить, — сердито сказал Под.

— Понимаете, — сказал мальчик, — там, наверху, у меня есть ещё вещи...

Под заколебался, а Хомили толкнула его локтем:

— Спроси — какие, — шепнула она.

— Какие? — спросил Под.

— Вещи из старого кукольного дома, который стоит на верхней полке шкафа возле камина в классной комнате.

— Не видел там никакого кукольного дома, — проворчал Под.

— Он стоит под самым потолком, — сказал мальчик, — вам снизу не видно; надо встать на полку, чтобы добраться до него.

— А какие вещи есть в этом домике? — спросила Арриэтта из гостиной.

— О, самые разные, — отозвался мальчик. — Ковры на полу и на стенах, и кровати с матрасами, и птичка в клетке — ненастоящая, конечно, — и кастрюли, и столы, и пять позолоченных стульев, и пальма в кадке, и блюдо с тортом из папье-маше, и ещё одно — с бараньей ногой...

Хомили наклонилась к Поду.

— Скажи ему, чтобы он прибил потолок... чуть-чуть, — шепнула она.

Под вытаращил на неё глаза, и она изо всех сил закивала головой и крепче стиснула руки. Под обернулся к мальчику.

— Хорошо, — сказал он, — прибей потолок, но легонько, если ты понимаешь, что я хочу сказать. Пару гвоздиков тут и там...

Глава шестнадцатая

И вот в их жизни наступила новая пора, такое им и во сне не снилось! Каждую ночь крыша взлетала вверх — и появлялись новые сокровища: настоящий ковёр для столовой, крошечный совок для угля, жёсткий диван с подушками, обтянутыми узорчатой тканью, двуспальная кровать с покрывалом, односпальная ей в пару с полосатым матрасом, картины в рамах вместо марок, плита, которую нельзя было топить, но которая так мило выглядела в кухне, овальные столы, и четырёхугольные столы, и маленькие секретер с одним ящиком, два платяных шкафа из кленового дерева (один с зеркальной дверцей) и комод с изогнутыми ножками... Хомили не только привыкла к тому, что крыша над её головой поднимается каждую ночь, но дошла до того, что предложила Поду приделать к ней петли.

— Мне не нравится, что потолок надо приколачивать, от этого в комнатах такая пыль!

Когда мальчик принёс им фортепьяно, Хомили стала просить Пода, чтобы он сделал им гостиную.

— Рядом со столовой, — сказала она, — а кладовую отодвинь подальше. Тогда будет куда поставить эти золочёные кресла, о которых он столько говорит, и пальму в кадке...

Однако Под порядком устал от передвижения мебели и с нетерпением ждал спокойных вечеров, когда он сможет дремать у очага в своём новом красном бархатном кресле. Не успевал он поставить комод в одном месте, как Хомили, выйдя из комнаты и вновь войдя, чтобы «получить впечатление», заставляла переставлять его в другое — «на пробу». И каждый вечер, как раз тогда, когда Под привык ложиться спать,

потолок взлетал вверх и появлялись новые вещи. Но Хомили была неумоима, глаза её блестели, щёки горели румянцем, и хотя целый день они только и делали, что толкали и тащили новую мебель то туда, то сюда, она не могла угомониться и подождать до утра.

— Только попробуем, — умоляла она, поднимая один конец тяжёлого кукольного серванта, так что Поду не оставалось ничего другого, как поднять другой конец, — на это не уйдёт и минуты.

Но Под прекрасно знал, что в действительности пройдёт не один час, пока наконец, измученные и вспотевшие, они не свалятся в постель, да и тогда Хомили будет время от времени вскакивать, чтобы бросить «последний взгляд».

Тем временем в благодарность за все эти сокровища Арриэтта читала мальчику вслух — на лужайке позади вишни. Он лежал в траве на спине, а она стояла у его плеча и говорила, когда пора переворачивать страницу. Какими счастливыми казались ей потом эти дни — голубое небо, ветви вишни над головой, тихий шелест травы под ветром и большое внимательное ухо мальчика рядом. Она во всех подробностях изучила это ухо, все бугорки, впадинки и извилины. Иногда, осмелев, она прислонялась к плечу мальчика. Пока она читала, он лежал тихо-тихо и всегда горячо благодарил её потом. Перед ними обоими открывались новые миры... диковинные миры для Арриэтты. Она очень много узнала, но кое-что из этого ей было трудно принять. Она осознала раз и навсегда, что земля, на которой они жили, вертится вокруг своей оси вовсе не ради маленького народца. «Но и не ради большого», — напоминала она мальчику, когда видела, что он улыбается чему-то про себя.

Под вечер Под приходил за ней — очень усталый Под, растрёпанный и пыльный — и уводил её пить чай. А дома её ждала возбуждённая Хомили и новые сюрпризы.

— Закрой глаза! — кричала Хомили. — Теперь можно! — И Арриэтта, словно в счастливом сне, видела, что её дом меняется с каждым часом. Что только её не ждало! Однажды её встретила кружевная занавеска на решётке, подхваченная розовой лентой.

Единственное, что печалило Хомили, — отсутствие гостей; им некого было позвать, никто не наносил им визитов, никто не забегал к ним на огонёк; ни восторженных охов и ахов, ни завистливых взглядов. Чего бы Хомили ни отдала за Клавесинов или Надкаминных! Даже Захомутники, и те были бы лучше, чем никто!

— Напиши дяде Хендрири, — предложила Хомили Арриэтте, — и всё Расскажи ему. Хорошее, длинное письмо, ничего не пропусти!

Арриэтта начала писать на куске ненужной теперь промокашки, но чем дальше она писала, тем скучнее становилось письмо — не письмо, а прейскурант магазина или каталог вещей в доме, который сдают внаймы со всей обстановкой. То и дело ей приходилось вскакивать с места, чтобы пересчитать ложки или посмотреть незнакомые слова в словаре, и вскоре она отложила письмо — у неё было так много интересных занятий, так много новых книг, так много тем для бесед с мальчиком!

— Он болел, — рассказывала она матери и отцу. — Его прислали сюда поправляться на свежем воздухе. Но скоро он снова уедет в Индию. Ты знаешь, — спрашивала она поражённую Хомили, — что арктическая ночь тянется полгода? И что расстояние между полюсами меньше, чем расстояние между двумя противоположными точками экватора, соединёнными диаметром?

Да, это были счастливые дни, всё и дальше шло бы хорошо, как говорил впоследствии Под, если бы они добывали только из кукольного дома. Никто из взрослых, по-видимому, даже не помнил о его существовании, поэтому никто не хватился бы пропажи. Однако гостиная наверху по-прежнему оставалась для них большим искушением; в неё так редко теперь заходили, там было так много столиков с безделушками, до которых Под раньше не мог добраться, и, конечно, мальчик мог открыть дверцы стеклянной горки.

Сначала он принёс им серебряную скрипку, затем серебряную арфу, которая доходила Поду до плеча; и он натянул на неё струны из конского волоса, вытащенного из дивана в кабинете.

— Мы будем устраивать музыкальные вечера! — воскликнула Хомили, когда Арриэтта тронула пальцем струну и в комнате раздался тихий, глухой звук. — Если б только, — с жаром продолжала она, крепко сжимая руки, — отец взялся за гостиную! — Она теперь чуть не каждый вечер накручивала волосы на папильотки и с тех пор, как навела порядок в доме, иногда даже переодевалась к ужину в атласное платье; оно висело на её плечах как мешок, но Хомили называла его туникой. — Мы могли бы использовать твой раскрашенный потолок, и у нас достаточно деревянных кубиков, чтобы сделать настоящий паркэт. — Она произносила это слово точь-в-точь как когда-то Клавесины.

Даже тётя Софи далеко наверху, в своей роскошной неубранной спальне, заразилась духом дерзаний, который волнами радости заливал весь старый дом. Несколько раз за последнее время Под заставлял её на ногах. Теперь он приходил к ней не затем, чтобы брать что-нибудь, а просто чтобы отдохнуть: эта комната стала, если

можно так выразиться, его клубом, местом, где он спасался от «мирских тревог». Больше всего Пода тревожило новоприобретённое богатство; даже в самых необузданных мечтах он и представить себе не мог такого количества вещей. Он чувствовал, что Хомили давно уже следовало бы остановиться; право же, их дом и без того достаточно великолепен. К чему все эти алмазные табакерки и миниатюры в усыпанных драгоценностями рамках, эти филигранные пудреницы и дрезденские статуэтки — всё, как ему хорошо было известно, из горки, которая стояла в гостиной. Они прекрасно могли без них обойтись; что толку от пастушки ростом с Арриэтту или огромных щипцов, которыми снимают нагар с огромных свеч? Сидя возле каминной решётки, где он мог согреть руки, Под смотрел, как тётушка Софи бродит по комнате на костылях. «Не удивлюсь, если она как-нибудь спустится вниз, — уныло размышлял он, слушая знакомую ему историю, как она была приглашена к завтраку на королевскую яхту, — и уже тогда сразу заметит, что её вещи пропали».

Однако первой заметила пропажу не тётя Софи, а миссис Драйвер. Миссис Драйвер навсегда запомнила неприятную историю с Розой Пикхэтчет.

Тогда так и не смогли выяснить, кто виноват. Даже Крэмпфирл чувствовал себя под подозрением. «С сегодняшнего дня, — сказала тогда миссис Драйвер, — я буду убирать сама. Никаких новых служанок в этом доме».

Рюмка мадеры, пара старых чулок, носовой платок, изредка перчатки — одно дело, тут, думала миссис Драйвер, она в своём праве. Но драгоценные безделушки из горки в гостиной — это, говорила она себе, глядя на полупустые полки в тот роковой день, дело совсем иного рода!

Она стояла у горки с метёлочкой для обметания пыли в руке, и её маленькие чёрные глазки превратились в две хитрые злобные щёлки. Она чувствовала себя одураченной.

Ей казалось, что кто-то, заподозрив её в нечестности, пытается её поймать.

Но кто это мог быть? Крэмпфирл? Мальчишка? Часовой мастер, который заводил в холле куранты?

Вещи исчезали постепенно одна за другой; их брал кто-то — в этом миссис Драйвер не сомневалась, — кто знал порядки в доме и кто желал ей зла. «А не сама ли старая хозяйка? — подумалось ей вдруг. — Старуха последнее время взяла моду вставать с постели и разгуливать по комнате. Может, она спускается сюда ночью, тычет повсюду своей палкой, вынюхивает и высматривает по всем углам? — Миссис Драйвер вдруг вспомнила пустую бутылку из-под мадеры и два стакана, которые она так часто оставляла на кухонном столе. — Да, — подумала миссис Драйвер, — это на неё похоже...»

А потом будет лежать и посмеиваться у себя в комнате, ждать, когда она, миссис Драйвер, сообщит о пропаже. «Всё в порядке внизу, Драйвер?» — таким вопросом она обычно встречает её по утрам и посматривает искоса своими вредными старыми глазами.

— Да, она не остановится перед этим! — воскликнула миссис Драйвер вслух, держа метёлку от пыли, словно дубинку. — Ну и дурацкий у неё будет вид, когда я поймаю её на месте в то время, как она будет красться по нижним комнатам посреди ночи! Ладно же, миледи, — мрачно пробормотала миссис Драйвер, — бродите тут сколько вам будет угодно, суйте нос во все щели, мы ещё увидим, чья возьмёт!

Глава семнадцатая

В тот вечер миссис Драйвер еле отвечала Крэмпфирлу, не пожелала, как всегда, посидеть и выпить с ним и топала взад-вперёд по кухне, то и дело поглядывая на него уголком глаза. Ему стало не по себе; в молчании миссис Драйвер таилась угроза, таилось что-то, чего не заметить было нельзя. Даже тётя Софи почувствовала это, когда миссис Драйвер принесла ей вино; угроза была в звоне бокала о графин, когда миссис Драйвер ставила поднос на столик, и в грохоте деревянных колец, когда миссис Драйвер задёргивала портьеры, и в скрипе половиц, когда миссис Драйвер шла по комнате к двери, и в лязге задвижки, когда она захлопнула дверь. «Что с ней стряслось?» — подумала тётя Софи, наливая себе первый бокал.

Мальчик тоже почувствовал эту угрозу. По тому, как миссис Драйвер пристально глядела на него, в то время как он сидел, скорчившись, в ванне; по тому, как она намылила мочалку и проворчала: «Ну-ка!» Она тёрла его медленно, тщательно, сердито и за всё время мытья не сказала ни слова. Когда он лёг, она пересмотрела все его вещи, заглянула за все дверцы в шкафах, выдвинула все ящики в комод. Она вытащила из-под шкафа его чемодан и нашла драгоценного мёртвого крота, и запас кускового сахара, и лучший кухонный нож для чистки картофеля. Но даже тогда она ничего не сказала. Поцокав языком, бросила крота в мусорную корзину, сунула себе в карман сахар и нож. Прежде чем прикрутить газ, миссис Драйвер снова внимательно взглянула на него, скорее недоумённо, чем обвиняюще. Комната миссис Драйвер была над буфетной, туда вела отдельная

лестница. В ту ночь миссис Драйвер не раздевалась. Она завела будильник на двенадцать часов и поставила его, чтобы тиканье не мешало ей спать, за дверь; затем она сняла туфли и, ворча, забралась под одеяло. Не успела она закрыть

глаза (рассказывала она потом Крэмпфирлу), как будильник зазвенел; он кричал во всё горло, подпрыгивал на четырёх ножках на голом деревянном полу. Миссис Драйвер вылезла из-под одеяла и вслепую подошла к двери.

— Тише, — сказала она будильнику, нащупывая кнопку. — Тише, — и прижала его к груди. Она стояла в одних чулках на верхней площадке лестницы, которая вела в буфетную; ей показалось, что внизу мелькнул огонёк. Миссис Драйвер перегнулась через лестничные перила. Да, вот опять — словно трепыхнулось крылышко мотылька! Свеча — вот что это такое! Свеча, которую кто-то несёт в руке за лестницей, за буфетной, где-то в кухне.

Не выпуская будильника, миссис Драйвер стала бесшумно красться вниз по лестнице, тяжело дыша от волнения. В темноте раздался тихий вздох, словно эхо какого-то движения. Для миссис Драйвер, стоявшей на холодных плитках пола в буфетной, этот звук, который и звуком-то не назовёшь, значил одно: кто-то тихонько открыл и закрыл дверь, обшитую зелёной байкой, ту самую дверь, что ведёт из кухни в холл. Миссис Драйвер ощупью вошла в кухню и стала шарить на полке над плитой в поисках спичек. Она опрокинула перечницу и бумажный пакетик с гвоздикой и, взглянув вниз, вдруг заметила ниточку света — за секунду до того, как зажгла спичку. Мерцающая, как светлячок, нить у самых её ног очерчивала на полу ровный прямоугольник.

Миссис Драйвер охнула и зажгла газ; кухня тотчас ожила; миссис Драйвер кинула взгляд на обитую зелёной байкой дверь, и ей показалось, что дверь ещё чуть качается, словно её только что закрыли. Миссис Драйвер подбежала к двери и распахнула её, но в коридоре было темно и тихо — ни тени, ни приглушённых шагов вдалеке. Она отпустила дверь, и та снова закрылась, вздохнув медленно и печально. Да, этот

звук она и слышала — этот не то вздох, не то шёпот, словно кто-то тихо втянул в себя воздух.

Осторожно подобрав юбку, миссис Драйвер двинулась обратно к плите. На полу возле выступающей половицы лежал какой-то розоватый предмет. «Ага, — подумала она, — вот отсюда, от этой половицы, и шёл свет!» Миссис Драйвер обвела взглядом кухню: всё остальное выглядело как обычно, точно таким же, как было, когда она ушла отсюда в последний раз, — посуда в кухонном буфете, кастрюли на столе, полотенца ровным рядом на верёвке над плитой. Розоватый предмет оказался коробочкой для ароматических пастилок, сделанной в форме сердца. Миссис Драйвер сразу её узнала, она всегда лежала в застеклённом столике, стоявшем у камина в парадной гостиной. Миссис Драйвер подняла коробочку с пола; она была золотая с эмалью и крошечными бриллиантами, вделанными в крышку.

— Вот это да! — вскричала миссис Драйвер и, быстро наклонившись, неожиданно резким движением выдернула выступающую половицу.

По дому разнёсся пронзительный вопль. Миссис Драйвер увидела, что внизу, под полом, кто-то двигается — бегают, карабкается, кричит! Раздавались какие-то звуки — писк, бормотание, щебет. Эти кто-то выглядели как человечки... с руками и ногами... и разинутыми ртами. Да, так они и выглядели... но конечно же, они не могли быть людьми. Они бегали взад, вперёд, туда и сюда, они были повсюду.

— Ой! Ой! Ой! — вопила миссис Драйвер и, нащупав позади себя стул, забралась на него. Стул зашатался, и, всё ещё крича, она вскарабкалась со стула на стол...

Там она и стояла, словно на острове посреди бушующего океана, и со слезами в голосе звала на помощь. Ей казалось, что прошла целая вечность, пока не раздался стук в буфетной. Это был Крэмпфирл, разбуженный наконец криками и светом.

— Что там? Что случилось? — звал он. — Впустите меня!

Но миссис Драйвер ни за что не хотела слезать со стола.

— Гнездо! Гнездо! — вопила она. — Живые и пищат!

Крэмпфирл нажал всем телом на дверь и выломал замок. Он ввалился в кухню, щурясь от света, его вельветовые штаны были надеты прямо поверх ночной рубашки.

— Где? — спросил он, вытаращив глаза. — Какое гнездо?

Миссис Драйвер, всё ещё не придя в себя, указала пальцем на пол. Как всегда, медленно и неторопливо, Крэмпфирл подошёл и посмотрел вниз. Он увидел дыру в полу, заполненную какими-то мелкими предметами... вроде бы детскими игрушками, обрывками старья... и всё.

— Ничего тут нет, — сказал он через минуту. — Это мальчишка, его рук дело. — Крэмпфирл пошевелил в дыре носком ботинка. — Тут нет ничего живого, — сказал он.

— Но я их видела, говорю вам, — задыхаясь, произнесла миссис Драйвер, — вроде как человечки... с руками... или наряженные мышцы...

Крэмпфирл уставился в дыру.

— Наряженные мышцы! — неуверенно повторил он.

— Несколько сотен, — продолжала миссис Драйвер. — Бегали и пищали. Я видела их своими глазами, говорю вам.

— Ну, теперь там никого нет, — сказал Крэмпфирл и в последний раз раскидал всё в дыре ногой.

— Значит, они убежали! — закричала миссис Драйвер. — Под пол... за стены... весь дом кишит ими.

— Что ж, — флегматично отозвался Крэмпфирл, — вполне может быть. Но если вы спросите меня, я думаю — это всё проделки мальчишки, прячет тут свои вещи. — Глаза его вдруг заблестели, и он опустился на одно колено. — Может, и хорёк у него тоже здесь.

— Послушайте, — сказала миссис Драйвер, и в голосе её прозвучало отчаяние, — послушайте же меня. Мальчишка тут ни при чём, и хорёк тоже. — Она ухватила за спинку стула и неуклюже спустилась на пол, затем подошла к Крэмпфирлу, стоящему у дыры в полу. — У них были руки и лица, говорю я вам. Взгляните, — сказала она, указывая на что-то пальцем. — Видите? Это кровать. И теперь, поразмыслив, я вспоминаю, что один из них в ней лежал.

— Поразмыслив? — повторил Крэмпфирл.

— Да, — продолжала миссис Драйвер, — и я ещё кое-что вспоминаю. Помните ту служанку, Розу Пикхэтчет?

— Дурочку?

— Ну, дурочка она была или нет, я теперь не знаю; так вот, она видела одного... одну... на каминной доске в гостиной... с бородой.

— Одного... одну... кого? — спросил Крэмпфирл.

Миссис Драйвер бросила на него испепеляющий взгляд.

— О чём я вам всё это время толкую? Одного... одну из этих...

— Наряженных мышей? — сказал Крэмпфирл.

— Не мышей! — Миссис Драйвер чуть не кричала. — У мышей не бывает бород.

— Вы же сами сказали... — начал Крэмпфирл.

— Я знаю, что я так сказала. Хотя у этих бород не было. Но как их назвать? Чем они могут быть, кроме как мышами?

— Не так громко, — шепнул Крэмпфирл. — Мы разбудим весь дом.

— Через зелёную дверь ничего не слышно, — сказала миссис Драйвер. Она подошла к плите и взяла угольные щипцы. — А если даже и услышат? Мы не делаем ничего плохого. Отодвиньтесь, — продолжала она, — дайте мне подойти к дыре.

Одну за другой она принялась извлекать оттуда вещи, сопровождая это возмущёнными возгласами и удивлёнными ахами. Она сложила их на полу в две кучки: одна — из ценных вещей, другая — из того, что она назвала хламом. Ну и странные предметы свисали со щипцов!

— Только поглядите, её лучший кружевной носовой платок... ещё один, и ещё! И моя самая большая игла... я знала, что она у меня была... и мой серебряный напёрсток — как вам это нравится! — и ещё один из её напёрстков! Батюшки, а сколько тут клубков шерсти, сколько катушек! Нечего удивляться, что никогда не можешь найти белые нитки, когда надо. Картошка... орехи... Поглядите-ка, баночка икры... Икры! Ну, это уж слишком, право, слишком! Кукольные стулья... столы... а промокательная бумага... Так вот куда она девается! О господи! — вдруг воскликнула она, вытаращив глаза. — А это что такое? — миссис Драйвер положила щипцы и наклонилась над дырой — нерешительно, боязливо, словно опасалась, что её ужалит. —

Часы... часы с изумрудами... её часы! И она так их и не хватилась! — Голос миссис Драйвер зазвучал громче. — И они идут! Поглядите, можете проверить по кухонным часам. Двадцать пять минут первого.

Миссис Драйвер внезапно села на стул; глаза её неподвижно смотрели в одну точку, щёки побелели и обвисли, словно из неё выпустили воздух.

— Вы знаете, что это значит? — спросила она Крэмпфирла.

— Нет. А что? — сказал он.

— Кража, — сказала миссис Драйвер, — вот что. Об этом надо сообщить в полицию.

Глава восемнадцатая

Мальчик лежал, плотно укрывшись одеялом, и дрожал. Отвёртку он положил под матрас. Он слышал, как зазвонил будильник, услышал вскрик миссис Драйвер на лестнице и убежал. Свеча на столике возле его кровати всё ещё немного чадила, и воск был тёплым на ощупь. Мальчик лежал и ждал, но никто не поднялся наверх. Ему казалось, что прошла целая вечность, когда наконец куранты в холле пробили один удар. Час ночи. Внизу не раздавалось ни звука, и, выскользнув из постели, мальчик пробрался по коридору на лестничную площадку. Там он немного посидел, дрожа и вглядываясь в темноту внизу. Было тихо, лишь тикали часы да порой раздавался шорох или вздох, который можно было принять за порыв ветра, но который — мальчик знал это — издавал сам дом: устало вздыхали доски пола, стонали суковатые доски стен. Всё было спокойно, и мальчик на-

брался храбрости: спустившись на цыпочках по лестнице, прошёл по коридору до кухни. Немного подождав за зелёной дверью, он осторожно распахнул её. Кухня была погружена в тишину и полумрак. Так же, как миссис Драйвер, мальчик нашарил на полке над плитой коробок и зажёг спичку. Он увидел дыру в полу, лежащие кучей предметы рядом и — одновременно — заметил на полке свечу. Неловко дрожащими пальцами зажёг её. Да, тут оно всё и лежало — содержимое домика в подполье, брошенное как попало, и рядом щипцы. Миссис Драйвер унесла всё, что считала ценным, а «хлам» оставила на полу. И, сваленное вот так, оно и выглядело хламом: мотки шерсти, сморщенные картофелины, разрозненные кукольные столы и стулья, спичечные коробки, катушки, скомканные промокашки...

Мальчик опустился на колени. Сам дом был разгромлен, переборки между комнатами свалились; там, где Под углублял пол комнат, чтобы было просторнее, была голая земля, валялись спички, старое цевочное колесо, кожура луковиц, бутылочные пробки... Мальчик смотрел, моргая глазами; рука со свечой так дрожала, что на пальцы потёк горячий воск. Затем он стал на ноги и, пройдя на цыпочках через кухню, закрыл дверь в буфетную. Вернулся обратно и, склонившись над дырой, тихо позвал:

— Арриэтта... Арриэтта!

Подождал немного и позвал снова. Опять что-то горячее капнуло ему на руку: это была его слеза. Он сердито смахнул её и, опустив голову ещё ниже, позвал опять.

— Под! — шепнул он. — Хомили!

Они возникли так бесшумно в пляшущем свете свечи, что сначала он их не увидел. Они

стояли молча, подняв к нему белые от испуга лица, там, где раньше был проход к кладовым.

— Где вы были? — спросил мальчик.

Под откашлялся.

— В другом конце коридора. Под курантами.

— Мне надо вас отсюда забрать, — сказал мальчик.

— Куда? — спросил Под.

— Не знаю. Может быть, на чердак?

— Что толку? — сказал Под. — Я слышал, что они говорили. Они собираются сообщить в полицию, и принести кошку, и вызвать санитарную инспекцию и крысолова из Лейтон-Базарда.

Наступило молчание. Маленькие глаза смотрели в большие глаза.

— В доме не будет ни одного безопасного места, — сказал наконец Под.

Никто не шевельнулся.

— А как насчёт кукольного домика на верхней полке в классной комнате? — предложил мальчик. — Туда даже кошка не заберётся.

Хомили кивнула в знак согласия.

— О да, — еле слышно вздохнув, произнесла она, — кукольный домик...

— Нет, — всё так же без выражения произнёс Под. — На полке жить нельзя. Может быть, кошка и не заберётся наверх, зато и мы не спустимся вниз. Там как в клетке. Нам нужна вода и...

— Я стану носить вам воду, — сказал мальчик, — и здесь, — он коснулся кучки «хлама», — есть кровати и другие вещи.

— Нет, — сказал Под, — полка не годится. Да и ты скоро уедешь, так они говорили.

— О, Под, — умоляюще зашептала Хомили, — в кукольном домике есть лестница, и две

спальни, и столовая, и кухня... И ванная, — добавила она.

— Но этот дом под самым потолком, — растолковывал жене Под. — Тебе же надо есть, не так ли? — спросил он. — И пить?

— Да, Под, я знаю. Но...

— Никаких «но», — сказал Под и тяжело вздохнул. — Нам остаётся одно, — сказал он. — Переселиться.

— О!.. — прошептала Хомили, и Арриэтта принялась плакать.

— Полно, полно, — устало сказал Под, — не расстраивайся так.

Арриэтта закрыла лицо руками, но слёзы скатывались между пальцев; мальчик видел, как они поблёскивают при свете свечи.

— А я и не расстраиваюсь, — всхлипнула она. — Я плачу от радости.

— Вы имеете в виду, — сказал мальчик Поду, однако поглядывая одним глазом на Арриэтту, — что переедете в барсучью нору?

Мальчик чувствовал, что его тоже охватывает радостное волнение.

— Куда же ещё? — спросил Под.

— О господи! — простонала Хомили и села на поломанный комод из коробков.

— Но вам надо где-то спрятаться на эту ночь, — сказал мальчик. — Надо где-то побыть до утра.

— О господи! — снова простонала Хомили.

— Тут он прав, — сказал Под. — Мы не можем идти по полю ночью. И днём это нелёгкое дело.

— Я знаю! — вскричала Арриэтта. Её мокрое от слёз лицо, блестящее при свете свечи, сияло трепетной радостью. Арриэтта поднялась на цыпочки и взметнула вверх руки, словно собира-

лась взлететь. — Давайте переночуем в кукольном доме этой ночью, а завтра... — она закрыла глаза, словно ослеплённая ярким видением, — завтра мальчик положит нас... положит нас... — Куда — она не могла сказать.

— Положит нас? — вскричала Хомили глухим, словно загробным голосом. — Куда?

— В карман, — пропела Арриэтта. — Положишь, да? — Она снова взметнула руки, подняв к нему сияющее лицо.

— Да, — сказал он, — а потом принесу багаж в корзинке для рыбы.

— Ох! — вздохнула Хомили.

— Я выберу из этой кучи всю мебель. Они и не заметят. И всё, что вам ещё нужно.

— Чаю, — прошептала Хомили, — чтобы на всю жизнь хватило.

— Хорошо, — сказал мальчик. — Я принесу фунт чаю. И кофе тоже, если хотите. И кастрюли. И сковородки. И спички. Всё будет в порядке, — сказал он, обращаясь к Хомили.

— Но что они там, в поле, едят? — простонала Хомили. — Гусениц?

— Ну, Хомили, не говори глупостей, — сказал Под. — Люпи всегда была хорошей хозяйкой.

— Но Люпи там нет, — сказала Хомили. — Ягоды. Они едят ягоды? А как они готовят? На костре?

— Право, Хомили, — сказал Под, — мы всё это выясним, когда попадём туда.

— Я не сумею разжечь костёр, — сказала Хомили, — особенно на ветру. А если пойдёт дождь? Как они готовят, если идёт дождь?

— Ну же, Хомили, — попытался прервать её Под, он уже начал терять терпение, но она продолжала.

— Ты не сможешь достать нам коробки две сардин? — спросила она мальчика. — И соли? И свеч? И спичек? И принести ковры из кукольного дома?

— Конечно, смогу, — сказал мальчик, — всё, что вы захотите.

— Хорошо, — сказала Хомили. У неё всё ещё был очень встрёпанный вид — отчасти из-за того, что половина папильоток раскрутилась и волосы торчали вверх отдельными пучками, но она, видимо, умиротворилась. — Как ты поднимешь нас наверх в классную комнату?

Мальчик взглянул на свою ночную рубашку, в которой не было ни одного кармана.

— Я вас отнесу, — сказал он.

— Как? — спросила Хомили. — В руках?

— Да, — ответил мальчик.

— Лучше умереть, — сказала Хомили. — Лучше остаться здесь, чтобы меня съел крысолов из Лейтон-Баззарда.

Мальчик обвёл взглядом кухню, он попал в тупик.

— Может быть, вы залезете в мешочек для бельевых прищепок? — сказал он наконец, увидев мешочек на его обычном месте — на ручке двери в буфетную.

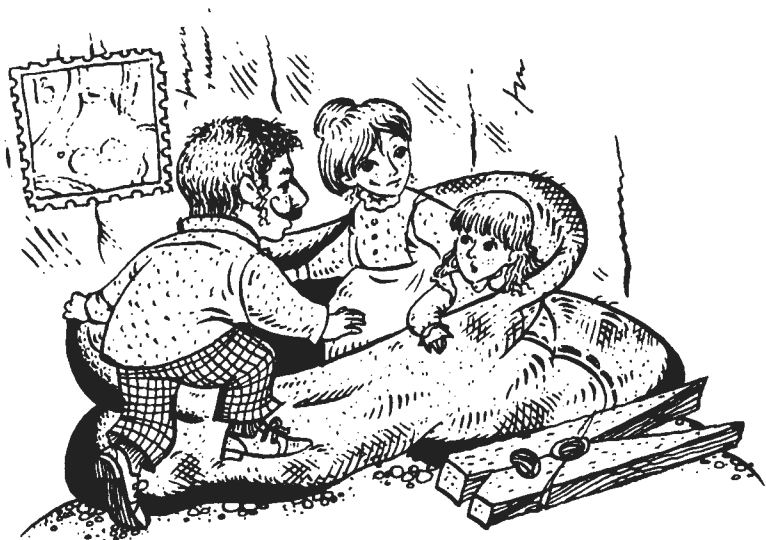
— Хорошо, — сказала Хомили. — Только вынь раньше прищепки.

Он положил мешочек на пол, и Хомили первая храбро вошла в него.

Мешочек был сшит из холста и казался мягким на ощупь.

Когда мальчик поднял его, Хомили завизжала и прижалась к Поду и Арриэте.

— Ой! — простонала она, когда мешок покачнулся. — Ой, не могу. Остановись! Вынь меня! Ой! Ой! — И, цепляясь друг за друга, они упали вверх тормашками на дно мешка.

— Успокойся, Хомили, — сердито сказал Под и крепко схватил её за ногу.

Не так-то ему было легко удержать её от крика, когда он сам лежал на спине, прижав подбородок к груди, а одна нога, застряв в складке мешочка, была поднята над головой. Арриэтта вскарабкалась наверх и выглянула наружу.

— Ой, Под, я не могу, — рыдала Хомили. — Останови его, Под. Я умираю. Скажи, чтобы он опустил нас на пол.

— Опустите нас, — терпеливо, как всегда, сказал Под. — На одну минутку. Вот так, хорошо.

Как только мешочек опустился на пол возле дыры, они все выбежали наружу.

— Послушайте, — чуть не плача, сказал мальчик Хомили, — вы должны попытаться.

— Она и пытается, — сказал Под. — Дай ей только передохнуть и делай всё помедленнее, если ты понимаешь, что я хочу сказать.

— Хорошо, — согласился мальчик, — но у нас мало времени. Ну, давайте же, — обеспокоенно продолжал он. — Прыгайте внутрь.

— Тише! — вскричал Под и замер.

Глядя вниз, мальчик видел три поднятых к нему лица — они казались белыми ракушками, неподвижными на фоне темноты. Секунда, и они исчезли — голые доски пола, пустая дыра. Он наклонился к ней.

— Под! — позвал он тревожным шёпотом. — Хомили! Вернитесь! — А затем он тоже замер в той позе, в которой был.

За его спиной скрипнула дверь.

Это была миссис Драйвер. Она стояла на пороге между буфетной и кухней, не говоря ни слова. Обернувшись, мальчик уставился на неё.

— Доброе утро, — сказал он дрожащим голосом. Она не улыбалась, но в глазах её что-то мелькнуло — злорадство, торжество? В руках миссис Драйвер держала свечу, и лицо её казалось исполосованным светом и тенями.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

Он по-прежнему не сводил с неё глаз и молчал.

— Отвечай, — сказала она. — И зачем тебе понадобился мешочек для бельевых прищепок?

Мальчик всё ещё глядел на неё с глуповатым видом.

— Мешочек для прищепок? — повторил он и взглянул вниз, словно удивляясь, как тот оказался у него в руке. — Ни за чем.

— Это ты спрятал часы в дыре?

— Нет, — ответил он, опять глядя на неё. — Они уже там лежали.

— Ага! — сказала она и улыбнулась. — Значит, ты знал, что они там?

— Нет, — сказал он, — то есть да.

— Знаешь, кто ты такой? — спросила миссис Драйвер, пристально глядя на него. — Ты подлый, трусливый, дрянной мальчишка.

Его лицо задрожало.

— Почему? — сказал он.

— Сам знаешь почему. Ты испорченный, злой, ленивый воришка. Вот кто ты такой. И они тоже. Эти мерзкие юркие, писклявые, хитрые, маленькие...

— Нет, они — нет, — прервал он её.

— И ты с ними в сговоре! — Она подошла к нему и, схватив за плечо, рывком подняла с пола. — Знаешь, что делают с ворами? — спросила она.

— Нет, — сказал он.

— Сажают за решётку. В тюрьму. Вот что делают с ворами. Вот что будет с тобой.

— Я не вор! — закричал мальчик, губы его прыгали. — Я — добывайка.

— Кто-кто? — Она крепче вцепилась ему в плечо и повернула к себе лицом.

— Добывайка, — повторил он. Глаза его наполнились слезами. Ах, лишь бы они не потекли по щекам...

— А-а... значит, это так называется?! — воскликнула миссис Драйвер (в точности как он сам — как давно это было, казалось ему, — в тот день, когда он познакомился с Арриэттой).

— Так их зовут, — сказал мальчик. — Это такие человечки... добывайки...

— Добывайки? — озадаченно повторила миссис Драйвер, но тут же рассмеялась: — Ну, теперь с этим покончено. В этом доме они добыли всё, что могли, пришла пора отдавать! — Она потащила мальчика к двери.

Слёзы градом покатались по его лицу.

— Не трогайте их, — умоляюще произнёс он. — Я уберу их отсюда, я обещаю... я знаю, как...

Миссис Драйвер засмеялась и толкнула его через порог зелёной двери.

— Их и так уберут, можешь не волноваться, — сказала она. — Крысолов знает, как их убрать. И кот Крэмпфирла знает. И санитарный инспектор. И пожарники, если понадобится. Полиция тоже знает, не сомневайся. Нечего беспокоиться, как их убрать. Главное — найти их гнездо, — продолжала она, понизив голос до злобного шёпота, так как они проходили мимо спальни тёти Софи, — остальное легко.

Она втолкнула его в классную комнату и заперла снаружи дверь; он слышал, как скрипели половицы в коридоре, когда она возвращалась к себе. Мальчик заполз под одеяло — он очень озяб — и там наконец дал волю слезам.

Глава девятнадцатая

— Ну, слава богу, — сказала миссис Мей, кладя на стол крючок для вязания, — добрались до конца.

Кейт уставилась на неё.

— Не может быть, — еле вымолвила она, — о, пожалуйста... пожалуйста...

— Последний квадрат, — сказала миссис Мей, разглаживая его на коленях, — из ста пятидесяти, которые нам нужны. Теперь можно сшивать...

— О, — переводя дыхание, сказала Кейт, — вы говорите об одеяле! Я думала, вы имеете в виду эту историю.

— Истории тоже пришёл конец, — рассеянно сказала миссис Мей, — в известном смысле. — И она принялась разбирать вязанные квадраты.

— Н-но... — запинаясь, произнесла Кейт, — не можете же вы... я хочу сказать... — И у неё вдруг сделался такой вид, который вполне оправдывал то, что о ней говорили: вспыльчивая, своевольная, ну и всё остальное. — Это нечестно! — вскричала она. — Это обман! Это...

На глазах у неё появились слёзы; она бросила на стол носок, вслед за ним штопальную иглу, лягнула ногой мешок с шерстяными клубками, лежавший возле неё на ковре.

— Почему, Кейт? — Миссис Мей была искренне удивлена.

— Ещё что-то должно же было произойти! — сердито закричала Кейт. — А крысолов? А полисмен? А...

— И произошло, — сказала миссис Мей. — Очень многое произошло. Я как раз собиралась всё это тебе рассказать.

— Тогда почему вы сказали, что это конец?

— Потому, — проговорила миссис Мей (у неё всё ещё был удивлённый вид), — что брат никогда больше их не видел.

— Тогда о чём же ещё рассказывать?

— О том, — сказала Мей, — о чём есть что рассказать.

Кейт с негодованием уставилась на неё.

— Так рассказывайте же!

Миссис Мей в свою очередь посмотрела на девочку.

— Кейт, — сказала она, немного помолчав. — Истории никогда по-настоящему не кончаются. Они продолжаются до бесконечности. Просто в каком-то месте их перестают рассказывать.

— Но не в таком месте! — сказала Кейт.

— Ладно, вдень нитку в иголку, — сказала миссис Мей, — серую, шерстяную. И мы сошьём вместе эти квадраты. Я начну сверху,

ты — снизу. Сперва серый квадрат, потом зелёный, потом розовый и так дальше...

— Значит, на самом деле, — сердито сказала Кейт, пытаясь продеть толстую шерстяную нитку в маленькое игольное ушко, — он всё-таки их видел.

— Нет, не видел, я не оговорила. Ему неожиданно пришлось уехать... в конце той же недели... потому что в Индию шёл пароход и на нём плыли знакомые, которые обещали взять его с собой. А те три дня, что он ещё оставался в доме, миссис Драйвер продержала его взаперти.

— Три дня! — воскликнула Кейт.

— Да. Видимо, миссис Драйвер сказала тёте Софи, что он простудился. Она не хотела причинять ему зла, но она твёрдо решила избавиться от добываек, а брат мог помешать ей.

— А ей это удалось? — спросила Кейт. — Я хочу сказать... они все пришли? И полисмен? И крысолов? И?..

— Санитарный инспектор не приехал. Во всяком случае, пока брат был там. И им не удалось вызвать крысолова из города, но они нашли человека из местных. Полисмен пришёл... — Миссис Мей рассмеялась. — Эти три дня миссис Драйвер давала брату настоящий радиорепортаж о том, что происходит внизу. Она любила поворачивать, а брат, запертый в своей комнате и больше ей не опасный, перестал быть для неё врагом. Она приносила ему в комнату еду и в первое же утро принесла на подносе всю игрушечную мебель и заставила поставить её обратно в кукольный дом. Вот тогда-то она и сказала ему про полисмена. Он говорил мне, что она была вне себя от злости. Ему даже жалко её стало.

— Почему? — спросила Кейт.

— Потому что полисмен оказался сыном Нелли Ранэйкр — Эрни, которого миссис Драйвер не раз гоняла в прежние времена из сада, когда он мальчишкой таскал яблоки с яблони, что растёт у ворот. «Подлый, трусливый, дрянной воришка, — сказала она про него брату. — Расселся у меня в кухне, как у себя дома, выложил на стол записную книжку и скалит зубы... Говорит, ему стукнул двадцать один год... Наглый, как не знаю что, откуда только такие берутся!..»

— А он правда был, — спросила Кейт, глядя на неё во все глаза, — дрянной воришка?

— Конечно, нет. Не больше, чем брат. Эрни Ранэйкр был прекрасный юноша с прямой осанкой и прямой душой, гордость всей полиции. И он вовсе не скалил зубы над миссис Драйвер, когда она рассказывала ему свою историю, просто когда она описывала Хомили, спящую в постели, он кинул на миссис Драйвер взрослый (как говорил потом Крэмпфирл) взгляд, казалось, он хотел ей сказать: «Сильнее разбавляйте её водой».

— Кого — её? — спросила Кейт.

— Старую добрую мадеру, наверно, — сказала миссис Мей. — И тётя Софи заподозрила то же самое: она страшно разгневалась, когда узнала, что миссис Драйвер видела нескольких человечков, а она сама после целого графинчика мадеры видела всего одного, ну от силы двух. Она велела Крэмпфирлу принести все ящики с мадерой из подвала к ней в комнату и составить их у стены в углу, где она сможет, сказала она, за ними приглядывать.

— А кошку они достали? — спросила Кейт.

— Да. Но от неё тоже было мало толку. Это был старый кот Крэмпфирла, рыжий с белыми пятнами. По словам миссис Драйвер, у него

было только два желания — удрать из дома или забраться в кладовую, где хранили продукты. «Что там говорить о добывайках, — ворчала миссис Драйвер, ставя на стол тарелку с рыбным пирогом, который она принесла брату на второй завтрак, — им до этого кота далеко — добыл себе в кладовой рыбу и полгоршка сметаны». Но кот недолго пробыл в доме. Первое, что сделали фокстерьеры, которых привёл крысолов, это выгнали его оттуда. Ну и шум они подняли, рассказывал брат. Они гоняли кота по лестницам — вверх и вниз и по комнатам — взад и вперёд и так лаяли, что чуть не охрипли. Последнее, что видел брат из окна, — рыжее пятно, которое мчалось через рощу и дальнее поле, а за ним — терьеры, вся свора, как один.

— Поймали они его?

— Нет, — рассмеялась миссис Мей, — он ещё жил у Крэмпфирла, когда туда приехала я через год. Немного угрюмый и необщительный, но целый и невредимый.

— Расскажите, что было, когда приехали вы.

— О, я там недолго пробыла, — торопливо сказала миссис Мей, — а потом дом продали. Брат никогда больше туда не приезжал.

Кейт подозрительно глядела на неё, покалывая нижнюю губу иголкой.

— Значит, они так и не поймали добываек? — спросила она наконец.

Миссис Мей отвела глаза.

— Да нет, не поймали, но... — Она заколебалась. — То, что они сделали, было для бедного брата и того хуже.

— Что они сделали?

Миссис Мей отложила иглу и несколько минут молча смотрела на руки.

— Я ненавидела этого крысолова, — внезапно сказала она.

— А вы его разве знали?

— Его все там знали. У него было бельмо на глазу. Его звали Рич Уильямс. Он и свиней колот, и... ну и всякие другие вещи делал... у него были ружьё, топор, лопата, кирка и приспособление с кузнечными мехами, чтобы выкуривать крыс. Я не знаю точно, чем он их выкуривал... он сам варил это ядовитое снадобье из трав или химикалий, но запах я помню; он долго ещё держался у амбаров и вообще всюду, где этот Рич Уильямс бывал. Можешь себе представить, что было с братом, когда на третий день — тот самый день, когда он должен был уезжать, — до него донёсся этот запах...

Брат был уже одет и совсем готов в дорогу. Упакованные чемоданы стояли внизу в холле. Пришла миссис Драйвер, отперла дверь и повела его по коридору в спальню тёти Софи. Он стоял бледный, застывший, в пальто и перчатках возле её завешенной пологом кровати.

— У тебя что — уже морская болезнь началась? — насмешливо спросила тётя Софи, глядя на него с высоты кровати.

— Нет, — ответил он, — это от запаха.

Тётя Софи принялась.

— Что это за запах, Драйвер? — спросила она.

— Там крысолов, миледи, — ответила миссис Драйвер, покраснев. — Там, в кухне...

— Что?! — воскликнула тётя Софи. — Вы их выкуриваете?! — И она засмеялась. — О боже, о боже! — всхлипывала она. — Но если они вам не по вкусу, Драйвер, избавиться от них проще простого.

— Как, миледи? — спросила миссис Драйвер, и даже её двойной подбородок и тот покраснел. Ей было очень неловко.

Обессилов от смеха, тётя Софи помахала уни-
занной кольцами рукой.

— Покрепче затыкайте бутылку пробкой, —
выговорила она наконец и указала им кивком
на дверь.

Спускаясь по лестнице, они всё ещё слышали
её смех.

— Она в них не верит, — пробормотала мис-
сис Драйвер и крепче ухватила брата за пле-
чо. — Ну и глупо! Посмотрим, что она запоёт,
когда я потом принесу их к ней в комнату на
чистой газете, всех рядком по росту... — И мис-
сис Драйвер без церемонии поволокла брата че-
рез холл.

Куранты были сдвинуты с места, и брат сразу
же заметил, что дыра в деревянной панели была
законопачена. Входные двери, как обычно, стоя-
ли настежь, и в холл врывался солнечный свет.
У двери, на коврик, стояли его чемоданы, под-
жариваясь на солнце. С фруктовых деревьев за
дорожкой уже облетел цвет, и ветки покрылись
крошечными светло-зелёными листочками, про-
зрачными на солнце.

— Времени хоть отбавляй, — сказала миссис
Драйвер, взглянув на часы, — кеб приедет не
раньше половины четвёртого...

— Часы стоят, — сказал брат.

Миссис Драйвер обернулась. На ней была шля-
па и парадное чёрное пальто, ведь она самолично
везла его на станцию. Вид у неё был непривыч-
ный, словно она собралась идти в церковь.

— Да, — сказала она; у неё открылся рот и
тяжело обвисли щеки. — Верно, из-за того, что
мы их сдвинули, — решила она. — Всё будет
в порядке, когда их поставят на место. В поне-
дельник придёт мистер Фриш. — И она снова
крепко ухватила его повыше локтя и потащила
дальше.

— Куда мы идём? — спросил он, упираясь.

— В кухню. У нас ещё есть минут десять. Разве ты не хочешь посмотреть, как их поймают?

— Нет, — сказал он, — нет, — и вырвался от неё.

Миссис Драйвер глядела на него, улыбаясь.

— Ну а я хочу, — сказала она. — Хочу рассмотреть их получше. Он напускает под пол своё снадобье, и они выбегают наружу. Во всяком случае, так делают крысы. Но сперва, говорит он, надо заделать все выходы. — И её глаза вслед за глазами брата обратились к дыре под часами — она была замазана, словно бы серым тестом, а сверху был криво прилеплен кусок обёрточной бумаги.

— Кто её нашёл? — спросил он.

— Рич Уильямс. Это его работа.

— Её можно расковырять, — сказал мальчик минуту спустя.

Миссис Драйвер рассмеялась, на этот раз добродушно:

— О нет, нельзя! И думать нечего. Накрепко зацементировано, целый цементный блок, да ещё поперёк железный лист от старой печки из оранжереи. Рич Уильямс с Крэмпфирлом целый день провозились до самого чая. Нам здесь больше таких фокусов не надо. Да ещё под курантами. Их не так-то просто сдвигать с места. Особенно если хочешь, чтобы они точно ходили. Видишь, где они стояли, — там, где на полу вроде бы подставка?

Вот тут-то брат в первый и последний раз в жизни увидел это подножие из плитняка.

— Ладно, пошли, — сказала миссис Драйвер и снова взяла его за руку. — Мы услышим кеб из кухни.

Но когда они прошли в кухню через зелёную, обшитую байкой дверь, там было формен-

ное столпотворение. Услышать отсюда, как подъезжает кеб, нечего было и думать.

— Спокойно, спокойно, спокойно!.. — повторял громко и монотонно Крэмпфирл, удерживая на поводке тяжело дышащих и залиvisto лающих терьеров крысолова. Полисмен тоже был там — Эрни, сын Нелли Ранэйкр. Он пришёл просто из интереса и стоял в стороне от прочих, сдвинув каску на затылок, с чашкой чая в руке. Лицо его было розовым от возбуждения, и он безостановочно мешал чай ложкой.

— Пока не увижу — не поверю, — весело сказал он вошедшей миссис Драйвер.

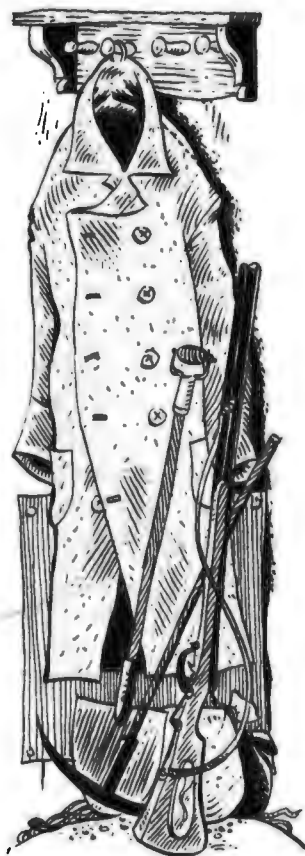
Там же был мальчик из деревни, с хорьком. Хорёк всё время пытался вылезти из кармана, рассказывал брат, а мальчик заталкивал его обратно. Сам Рич Уильямс сидел на корточках возле дыры. Он зажёл что-то под куском мешковины, и в кухне стояла страшная вонь. Вот он начал накачивать мехи, медленно и осторожно, напряжённо склонившись над ними, полностью уйдя в своё занятие.

Брат стоял там как во сне. («Возможно, мне действительно всё это приснилось», — сказал он мне позднее... много позднее, когда мы уже были взрослыми людьми.) Он оглядел кухню. Увидел в окно залитые солнцем фруктовые деревья и ветку вишни, стоявшей на склоне; увидел пустые чашки на столе и торчащие из них ложки — одна чашка была без блюдца; увидел прислонённое к стене у самой зелёной двери снаряжение крысолова — связку кроличьих силков, два мешка, лопату, ружьё, кирку и его обтрёпанное пальто с заплатами из кожи.

— Приготовьтесь! — раздался голос Рича Уильямса; голос дрожал от возбуждения, но головы Рич не повернул. — Приготовьтесь. Сейчас будет пора спускать собак.

Миссис Драйвер выпустила руку брата и пошла поближе к дыре.

— Назад, — сказал, не оборачиваясь, крысолов. — Мне нужно свободное место...

И миссис Драйвер попятилась к столу. Она поставила рядом с ним стул и, сев, приподняла с полу ноги, но вновь их опустила, поймав смеющийся взгляд Эрни Ранэйкра.

— Ничего, мамаша, — сказал он, вздёрнув бровь, — мы вас посадим, когда будет надо.

Кинув на него испепеляющий взгляд, миссис Драйвер схватила со стола три чашки и сердито зашаркала к буфетной. «Грязный, лживый, такой-растакой...» — ворчала она, проходя мимо брата. И при этих словах он вдруг ожил...

Он быстро обежал взглядом кухню: все были поглощены ожиданием, все глаза были устремлены на крысолова... все, кроме глаз деревенского мальчишки, — он как раз доставал из кармана хорька. Брат потихоньку снял перчатки и стал пятиться медленно... медленно... к зелёной двери, не сводя глаз с группы вокруг дыры. На мгновение он остановился возле вещей крысолова и протянул настороженную, шарящую руку; наконец его пальцы сомкнулись на гладкой деревянной ручке, отполированной долгим употреблением; он быстро глянул вниз, чтобы не ошибиться, — да, как он и надеялся, это была кирка. Он прислонился к двери и чуть заметно надавил на неё спиной. Она послушно приоткрылась, бесшумно, как всегда. Никто не поднял головы.

— Спокойно, — говорил крысолов, низко склоняясь над мехами, — надо немного подождать, пока дым заполнит всё подполье... там не очень-то хорошая вентиляция.

Брат проскользнул в приоткрывшуюся дверь, и она снова со вздохом закрылась, заглушив шум. Несколько шагов он прошёл на цыпочках, затем пустился бегом.

Вот он снова в залитом солнцем холле, вот и его чемоданы на коврике у дверей. Он налетел на часы, и они пробили — бам-м! — звук был дрожащий и тревожный. Брат поднял кирку над головой и обрушил сбоку удар на дыру внизу панели. Бумага разорвалась, отлетело несколько кусков цемента, и кирка резко отско-

чила — он еле удержал её в руках. Да, там за цементом действительно было железо. Ещё удар. И ещё... Вся панель над дырой была в зазубринах, но кирка по-прежнему отскакивала назад. Бесплезно; руки, мокрые от пота, скользили по гладкому дереву ручки. Он остановился, чтобы перевести дыхание, и увидел подъезжающий кеб. Кеб был ещё на дороге позади живой изгороди в дальнем конце фруктового сада; скоро он подъедет к яблоне возле ворот, затем покатит по подъездной аллее к парадной двери. Брат взглянул на часы — они ровно тикали, возможно, в результате его толчка. Этот звук почему-то успокоил его, перестало так сильно стучать сердце; время — вот что было ему нужно, ещё немного времени. «Надо подождать, пока дым заполнит всё подполье, — сказал крысолов, — там не очень-то хорошая вентиляция».

«Вентиляция» — спасительное слово. По-прежнему с киркой в руке брат выбежал из двери; на гравийной дорожке он споткнулся и чуть не упал, ручка кирки подскочила и больно ударила его по виску. Когда он подбежал к решётке, оттуда тонкой струйкой уже сочился дым, и ему показалось, что он увидел какое-то движение на фоне темноты между прутьями. Конечно, где же ещё им быть?! Но он не стал задерживаться, чтобы убедиться в этом. Позади уже слышался хруст гравия под колёсами и стук копыт. Брат был, как я уже говорила тебе, не очень большой и не очень сильный мальчик, и ему было всего девять лет (а не десять, как он похвастался Арриэте), но он сумел освободить один край решётки всего двумя ударами кирки по кирпичу. Решётка повисла наискосок отверстия, казалось, она держится на одном гвозде. Брат поднялся на склон и, размахнувшись, со всей силы кинул

кирку в траву за вишней. Он помнит, что, когда он бежал к кебу, спотыкаясь, задыхаясь и обливаясь потом, он подумал, что и это — пропажа кирки — приведёт в своё время к очередным неприятностям.

Глава двадцатая

— Но как же! — воскликнула Кейт. — Значит, он не видел, выбрались ли они из подполья?..

— Нет. Сразу же появилась миссис Драйвер; она была очень сердита, потому что они опаздывали на поезд. Она велела ему сейчас же садиться, она хочет успеть вернуться, сказала она, и посмотреть, «как они подохнут». Вот какая она была, эта миссис Драйвер.

Несколько секунд Кейт молчала, глядя на пол.

— Значит, это действительно конец, — сказала она.

— Да, — ответила миссис Мей, — в некотором роде. Или начало...

— Но, — Кейт подняла встревоженное лицо, — что, если им не удалось убежать, когда он оторвал решётку? Может быть, их всё же поймали?

— О нет, им это удалось, — не задумываясь, сказала миссис Мей.

— Откуда вы знаете?

— Знаю, и всё, — сказала миссис Мей.

— Но как они перебрались через поля? Где коровы, и вороны, и всякое другое?

— Прошли их пешком, конечно. Семейство дяди Хендрири раньше их сделало это. Чего ни сделаешь, если твёрдо решился!

— Бедная Хомили! Как она, должно быть, была расстроена.

— Она и была расстроена, — сказала миссис Мей.

— А откуда они знали дорогу?

— Им надо было идти вдоль газопровода, — сказала миссис Мей. — Там есть что-то вроде насыпи через рощу и поля за ней. Понимаешь, когда рабочие выкопали канаву и уложили в неё трубу, она заняла место, и потом вся земля не уместилась обратно, получился небольшой вал.

— Но бедная Хомили... она осталась без чая... и без мебели... и без всех её вещей. Как вы думаете, они захватили с собой что-нибудь?

— О, люди всегда захватывают что-нибудь, — отрывисто сказала миссис Мей, — иногда самые неожиданные вещи... ты ведь читала о кораблекрушениях. — Она говорила теперь торопливо, словно устала рассказывать. — Осторожнее, девочка, рядом с серым не розовый, а зелёный. Тебе придётся всё отпороть.

— Но, — продолжала с отчаянием в голосе Кейт, беря ножницы, — Хомили было, наверно, так неприятно явиться к Люпи бедной родственницей, бедной и разорительной.

— Разорённой, — терпеливо поправила её миссис Мей, — и Люпи там не было, ты забыла. Люпи туда не вернулась. Хомили оказалась в своей стихии. Я так и вижу её. «Ох уж эти мне мужчины...» — сказала, верно, она и сразу же подвязала передник.

— Разве там были одни мальчишки?

— Да. И Клавесины, и Куранты. И, наверно, они ужасно избаловали Арриэтту.

— Но что они ели, как вы думаете? Гусениц?

— О боже, девочка, конечно же, нет. У них была замечательная жизнь. Барсучьи норы — это целые квартиры... там масса жилых помещений, и переходов, и кладовых. Они, верно, соби-

рали лесные орехи... лущили из колосьев зерно и складывали в кладовые, а потом мололи муку, в точности как люди... им даже сеять не нужно было, бери готовым. У них был мёд. Они могли делать чай, и цветочный, и липовый. И собирать ягоды шиповника и боярышника, и тёрн, и чернику, и лесную землянику. Мальчики могли удить в ручейках, а для них мальки — что для нас скумбрия. У них были птичьи яйца — столько, сколько душа пожелает, — для омлетов, пирогов и заварных кремов. Понимаешь, они скоро узнали, где что надо искать. И конечно, у них была зелень для салатов. Только подумай, какой превосходный салат можно приготовить из нежных побегов молодого боярышника — в детстве мы называли его бутерброд с сыром — со щавелем и одуванчиками, а если ещё приправить его тимьяном и диким чесноком! Не забывай — Хомили всегда хорошо готовила. Недаром же они жили под кухней.

— Но их со всех сторон подстерегала опасность, — не сдавалась Кейт, — все эти ласки, и вороны, и горностаи, и все прочие твари.

— Верно, — согласилась миссис Мей. — Им грозила опасность. Так же, как и всем нам. У них по крайней мере не было войн. А ты подумай о первых колонистах в Америке! Или о крестьянах, которые живут посреди саванны в Африке, где вокруг рыщут дикие звери, или о тех, что живут в джунглях Индии! Они понемногу знакомятся с повадками зверей. Даже кролик знает, когда лиса охотится, а когда нет; он может пробежать у неё под носом, если она сытно поела и нежится на солнце. Все дети Хендрири были мальчики, они должны были научиться охотиться, чтобы добывать пищу, научиться защищать себя. Я не думаю, чтобы Арриэтта или Хомили уходили далеко от дома.

— Арриэтта уходила, — сказала Кейт.

— Да, — согласилась, смеясь, миссис Мей. — Арриэтта, пожалуй, уходила.

— Значит, у них было мясо? — сказала Кейт.

— Да, иногда. Но добывайки — не убивайки. Я думаю, — сказала миссис Мей, — что, если горноста́й, скажем, убивал куропатку, они могли добыть её ногу или крыло.

— А если лиса убивала кролика, они добывали его мех?

— Да, на одеяла и шубы.

— А какие на вкус ягоды боярышника, если их очистить от кожуры и испечь? — с блестящими от возбуждения глазами спросила Кейт. — Как печёный картофель?

— Возможно, — ответила миссис Мей.

— Но они не могли готовить в барсучьей норе. Я полагаю, они разводили костёр. А как зимой? Что они делали, чтобы не замёрзнуть?

— Знаешь, что я думаю? — сказала миссис Мей; она отложила работу и немного наклонилась вперёд. — Я думаю, они использовали её, со всеми переходами и кладовыми, как огромный холл-лабиринт. Никто, кроме них, не знал, как пройти по всем галереям и переходам к их настоящему дому. Добывайки любят длинные коридоры и ворота, и они любят жить далеко от парадных дверей.

— Где же тогда они жили?

— Мне пришло в голову: а не могли они использовать газопровод? — сказала миссис Мей.

— Да-да! — вскричала Кейт. — Я вижу, что вы имеете в виду.

— Земля там мягкая, песчаная. Я думаю, они прошли через всю барсучью нору и вырыли большой круглый зал на одном уровне с газопроводом, а вокруг зала сделали маленькие ком-

натки, как каютки. И я думаю, — продолжала миссис Мей, — что они проделали в трубе три маленькие дырочки. Одну совсем малюсенькую, такую, что и не увидишь; и газ, который оттуда шёл, всегда горел. А две другие, побольше, с затычками; когда они хотели их зажечь, они вынимали затычки. Большие «горелки» зажигались от маленькой. Вот тебе и освещение, и огонь для готовки.

— Но додумались ли они до этого?

— Додумались. Они умные, — успокоила её миссис Мей, — слишком умные, чтобы жить рядом с газопроводом и не добыть немного газа. Не забывай, кто они.

— Но им был нужен вентилятор.

— О, — сказала миссис Мей, — у них и был вентилятор.

— Откуда вы знаете? — спросила Кейт.

— Потому что однажды, когда я там была, мне почудился запах тушёного мяса.

— Ах! — взволнованно вскричала Кейт и, забравшись с коленями на табурет, перегнулась к миссис Мей. — Значит, вы всё-таки там были? Вот откуда вы всё это знаете. Вы их тоже видели!

— Нет, нет, — сказала миссис Мей, немного отодвигаясь. — Я их никогда не видела. Ни разу!

— Но вы там были? Вы что-то знаете! Вижу, что знаете.

— Да, я там была, — миссис Мей посмотрела прямо в горящие нетерпением глаза Кейт; казалось, она была в нерешительности, чуть ли не чувствовала себя виноватой. — Хорошо, — согласилась она наконец, — я тебе расскажу, но я ни за что не ручаюсь. Я приехала туда как раз перед тем, как тётю Софи забрали в больницу. Я знала, что дом продадут, поэтому я... —

Миссис Мей опять заколебалась, затем продолжала смущённо: — Я вынула всю мебель из кукольного дома, положила в наволочку и отнесла туда. И на свои карманные деньги купила кое-что... чай и кофейные зёрна... и соль, и перец, и гвоздику, и большой пакет сахара. И взяла целый ворох шёлковых лоскутков, которые остались, когда мы шили лоскутное одеяло. И немного рыбьих косточек на иголки. Я положила туда крошечный напёрсток, который был в моём куске рождественского пирога, и целый набор щипчиков и тарелочек из цветной фольги, которые были в коробке из-под шоколадных конфет...

— Но вы их ни разу не видели?

— Нет. Ни разу. Я просидела несколько часов на склоне под живой изгородью из боярышника. Мне очень нравился этот склон: отовсюду торчали перекрученные корни, в песке были ямки, там росли лесная фиалка, и первоцвет, и ранняя смолка. С самого верха склона было видно на много миль кругом — и поля, и леса, и долины, и извилистые просёлочные дороги, трубы большого дома.

— Может быть, вы сидели не там, где надо.

— Не думаю. Сидя так в траве, глядя на жуков и муравьёв, я нашла жёлудь; он был гладкий и сухой, сбоку у него была пробуравлена дырочка, а самая верхушка срезана...

— Чайник! — воскликнула Кейт.

— Думаю, что да. Я всё кругом обыскала, но носика из пёрышка так и не нашла. Тогда я принялась звать их, я кричала во все норки и дыры... как раньше брат. Но мне никто не ответил. А когда я пришла туда на следующий день, наволочка исчезла.

— И всё, что в ней, тоже?

— Да. То, что в ней, тоже. Я обшарила всё вокруг — вдруг увижу шёлковый лоскут или зёрнышко кофе. Но нет, я не нашла ничего. Конечно, там мог кто-нибудь проходить и унести наволочку со всем содержимым. Вот в тот день, — сказала миссис Мей, улыбаясь, — я и почуяла запах тушёного мяса.

— А на который день, — спросила Кейт, — вы нашли дневник Арриэтты?

Миссис Мей вновь положила шитьё.

— Кейт, — начала она удивлённо, затем нерешительно улыбнулась. — Почему ты это спрашиваешь? — Щёки её порозовели.

— Я догадалась, — сказала Кейт. — Я знала, что есть что-то... что-то, чего вы не хотите мне говорить. Например, что вы прочитали чужой дневник.

— Не дневник, — сказала миссис Мей поспешно, но щёки её покраснели ещё пуще прежнего. — Я нашла книжечку под названием «Памятные заметки», ту, с пустыми страницами. Там Арриэтта про всё это и написала. И я не тогда её нашла, а через три недели... накануне того дня, когда я насовсем уехала оттуда.

Несколько минут Кейт сидела молча, во все глаза глядя на миссис Мей. Наконец она протяжно вздохнула.

— Но это же всё доказывает, — сказала она. — Подземный зал и всё остальное.

— Не совсем, — сказала миссис Мей.

— Почему? — спросила Кейт.

— Арриэтта писала букву «е» как маленький месяц с чёрточкой посередине.

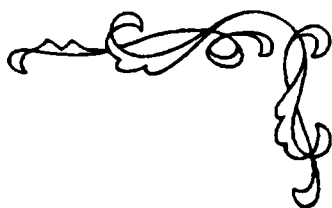
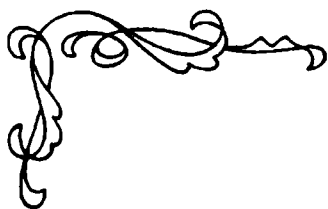
— Ну и что из того? — спросила Кейт.

Миссис Мей рассмеялась и снова взялась за шитьё.

— Мой брат тоже так писал эту букву, — сказала она.

ДОБЫВАЙКИ В ПОЛЕ

Глава первая

*Что было однажды, может
случиться дважды.*

Из дневника Арриэтты.
19 марта

Ну кому ещё было выяснить судьбу добываек, как не Кейт?

Много лет спустя, когда она была уже совсем взрослой, она записала их историю для своих четверых детей, собрав её по крупицам, как собирают материал для исторических или биографических книг. Кое-что она помнила сама, кое-что ей рассказали другие, а кое-что — лучше уж сразу признаться в этом — она просто придумала. Самой примечательной находкой, подтверждающей её рассказ, была крошечная старомодная записная книжечка с золотым обрезами, найденная Кейт в доме лесника в поместье Стаддингтонов неподалёку от Лейтон-Баззарда в Бедфордшире.

Старый Том Доброу, лесник, всегда был против того, чтобы история добываек была записана на бумаге, но, поскольку он давным-давно умер и лежал тихо и спокойно в могиле, а дети Кейт были вовсе не тихими и далеко не спокойными,

она решила, что, будь он жив, он бы, наверное, преодолел своё предубеждение, понял её и простил. Так или иначе, по размышлении Кейт решила рискнуть.

Когда Кейт была ещё девочкой и жила с родителями в Лондоне, кров разделяла с ними одна старая дама (я думаю, она была их дальняя родственница), которую звали миссис Мей. Когда долгими зимними вечерами они сидели перед камином и миссис Мей учила Кейт вышивать тамбуром, именно она впервые и рассказала девочке о добывайках.

В ту пору Кейт и в голову не приходило сомневаться в том, что они существуют на свете — эти маленькие человечки, как две капли воды похожие на настоящих людей, — и живут, никому не видимые, под полом и за деревянной обшивкой стен в некоторых тихих старых домах. Лишь позднее Кейт стала брать это под сомнение. (И совсем напрасно, как вы узнаете из последующих глав. Ей предстояло узнать о куда более диковинных вещах и куда более непредвиденных и необычайных событиях, чем те, что могла себе представить миссис Мей.)

Всё, что миссис Мей поведала Кейт о добывайках, было рассказано с чужих слов. Миссис Мей созналась — и даже приложила немало трудов, чтобы убедить в этом Кейт, — что сама она никогда в жизни не видела ни одного добывайки, а узнала об этом народце из вторых рук, от младшего брата, мальчика, обладавшего на редкость живой фантазией и — как это всем было известно — привычкой дразнить сестёр. Да, решила Кейт, раздумывая об этом на досуге, хочешь — верь, хочешь — нет.

И сказать по правде, почти целый год, после того как миссис Мей впервые рассказала ей

о добывайках, Кейт скорее склонялась к тому, чтобы не верить, иные увлечения отодвинули добываек на задний план. За этот год Кейт перешла в другую школу, завела новых подруг, получила в подарок собаку, начала кататься на коньках и научилась ездить на велосипеде. Поэтому у неё и в мыслях не было никаких добываек, когда однажды утром за завтраком ранней весной миссис Мей протянула ей через стол письмо, сказав при этом (Кейт и внимания не обратила, как взволнованно звучит её обычно спокойный голос):

— Я думаю, Кейт, это тебя заинтересует.

Письмо ничуть её не заинтересовало. Кейт дважды перечитала его, но так ничегошеньки и не поняла. Написано письмо было странным из фирмы «Джобсон, Тринг и Зловрединг»; в нём было полно длинных слов вроде «завещание» или «наследование», и даже слова среднего размера соединялись друг с другом таким странным образом, что казались Кейт совершенно бессмысленными (что, например, могло означать «нежилое жильё»? Сколько ни думай, смысла тут не найдёшь). А уж имён там было! И Стаддингтон, и Доброу, и Эмберфорс, и Поклинтон, и целое семейство по фамилии Усопшие, которая почему-то писалась с маленького «у».

— Большое спасибо, — вежливо сказала Кейт, возвращая письмо.

— Я подумала, может быть... — сказала миссис Мей (и тут наконец Кейт заметила, что щёки старой дамы порозовели, словно от смущения), — может быть, ты захочешь поехать со мной.

— Поехать... куда? — спросила Кейт с недоумевающим видом.

— Кейт, милочка! — воскликнула миссис Мей. — Зачем же я показывала тебе письмо? В Лейтон-Баззард, естественно.

Лейтон-Баззард? Много лет спустя, когда Кейт описывала эту сцену своим детям, она говорила им, что при этих словах сердце её быстро-быстро забилося ещё раньше, чем до её сознания дошёл их смысл. «Лейтон-Баззард... знакомое название... Да, так называется небольшой городок где-то... где-то, кажется, в Бедфордшире».

— Туда, где был дом моей двоюродной бабушки, тёти Софи, — подсказала ей миссис Мей. — Туда, где, по словам моего брата, он видел добываек. — И не успела Кейт прийти в себя от изумления, миссис Мей добавила деловым тоном: — Мне оставили по завещанию небольшой домик в поместье Стаддингтонов — том самом, где стоит большой дом, и... — тут она ещё сильнее покраснела, словно то, что она хотела сказать, казалось ей самой почти чудом, — и триста пятьдесят фунтов. Хватит, — добавила она радостно и изумлённо, — на полный ремонт.

Кейт молчала. Прижав стиснутые руки к груди, словно стараясь сдержать неистовые удары сердца, она во все глаза глядела на миссис Мей.

— А мы увидим этот дом? — спросила она наконец охрипшим вдруг голосом.

— Конечно, потому-то мы и едем туда.

— Я хочу сказать — большой дом, дом тёти Софи?

— А, Фирбэнк-Холл, как его раньше называли? — У миссис Мей был немного озадаченный вид. — Не знаю, возможно, нам и удастся туда попасть. Всё зависит от того, кто там сейчас живёт.

— Все равно, — продолжала Кейт, стараясь взять себя в руки, — даже если мы не попа-

дём внутрь, вы ведь можете показать мне решётку под кухней и склон, где гуляла Арриэтта, а если приоткроют хоть самую чуточку входную дверь, вы ведь покажете мне, где стояли куранты? Просто быстренько ткнёте в то место пальцем... — И так как миссис Мей всё ещё колебалась, Кейт вдруг горячо добавила: — Вы же сами верили в них, разве нет? Или это была, — её голос задрожал, прервался, — просто сказка?

— Ну и что из того? — быстро проговорила миссис Мей. — Ведь это была хорошая сказка? Не понимай всё буквально, девочка, и не теряй способности верить в чудеса. В конце концов всё, в чём сами мы не участвовали, о чём нам рассказывают, кажется сказкой. Единственное, что мы можем в таких случаях делать, — она приостановилась, с улыбкой глядя на Кейт, — быть внимательными, смотреть на вещи непредвзято и тщательно просеивать факты.

«Тщательно просеивать факты? Что ж, фактов-то, — подумала Кейт, немного успокаиваясь, — предостаточно». Ещё до того, как миссис Мей впервые заговорила о добывайках, Кейт подозревала, что они существуют. Как иначе объяснить постоянное и непостижимое исчезновение всевозможных мелких предметов? И пропадали не только французские булавки, иголки, карандаши, промокашки, спичечные коробки и тому подобные вещи. Как ни мало Кейт прожила на свете, она уже успела заметить, что стоит не заглядывать в ящик комода несколько дней, как, открыв его, ты обязательно чего-нибудь недосчитаешься: лучшего носового платка, единственной длинной иглы, сердоликового сердечка, счастливой монетки... «Но я точно знаю, что положила её в этот ящик!» — сколько раз она сама произносила эти

слова, сколько раз слышала их от других! А уж что до чердака... «Я абсолютно уверена, — чуть не плача, говорила ей мама ещё на прошлой неделе, стоя на коленях перед открытым сундуком и безуспешно пытаюсь найти там пряжки от туфель, — что положила их в эту коробку вместе с веером из страусовых перьев. Они были завернуты в лоскут чёрного сатина, и я сунула их сюда, возле ручки...» И то же самое с ящичками от секретера, со швейными шкатулками, коробочками для пуговиц. В баночке с заваркой всегда оказывалось меньше чая, чем накануне вечером, куда-то исчезал рис, если уж об этом зашла речь, и кусковой сахар. Да, решила Кейт, фактов у неё хоть отбавляй, только как их просеять?

— Я полагаю, — задумчиво сказала она, принимаясь складывать салфетку, — одни дома больше для них подходят, чем другие.

— В некоторых домах их вообще нет, — сказала миссис Мей. — По словам брата, — продолжала она, — больше всего, как ни странно, они любят дома, где есть порядок. Он много раз мне говорил, что добывайки пугливы, им надо точно знать, где что лежит и чем скорее всего будет занят тот или иной обитатель дома в то или иное время. В безалаберных, шумных домах, где хозяйство ведётся кое-как, можно, представь себе, бросать вещи где попало, и ничего не пропадёт — я имею в виду по вине добываек. — И миссис Мей коротко рассмеялась.

— А могут добывайки жить под открытым небом? — вдруг спросила Кейт.

— С трудом, — сказала миссис Мей. — Они нуждаются в нас. Им требуются для жизни те же вещи, что и людям.

— Я думала, — продолжала Кейт, — о Поде, и Хомили, и маленькой Арриэтте. Я хочу сказать... когда их выкурили из-под кухни, что с ними стало, как вам кажется?

— Я сама часто спрашиваю себя об этом, — сказала миссис Мей.

— Неужели Арриэтта осталась последней из добываек, как говорил ваш брат?

— Да, так он и сказал: самая последняя, единственная на свете. От всего сердца надеюсь, что он был не прав. С его стороны гадко было так говорить, — задумчиво добавила миссис Мей.

— Не представляю только, как они перебрались через поля... Как вы думаете, им удалось в конце концов найти барсучью нору?

— Кто знает? Я ведь рассказала тебе ту историю с наволочкой. Ну, когда я сложила в наволочку всю мебель из кукольного дома и отнесла к барсучьей норе?

— И как вы почувствовали запах, словно неподалёку варили обед, да? Но это ещё не значит, что наши добывайки добрались туда — Под, Хомили и Арриэтта. Ведь в барсучьей норе жили их родичи, не правда ли? Эти Хендрири? Может быть, это они готовили еду.

— Конечно, — сказала миссис Мей.

Несколько минут Кейт молчала, погрузившись в раздумья; но вот лицо её просияло, и она повернулась на табурете вокруг своей оси.

— Если мы поедem туда на самом деле, — вскричала она (и в глазах её запылал восторг, словно перед ней возникло видение), — где мы будем жить? На постоялом дворе?

Глава вторая

Без труда не вытащишь и рыбки из пруда.

Из дневника Арриэтты.
24 марта

Но ничто не бывает таким, каким мы это себе представляем. В данном случае это относится к постоялому двору и — увы! — к дому тёти Софи. Ни то, ни другое, по мнению Кейт, не было таким, каким ему следовало быть.

На постоянный двор (как теперь говорят — в гостиницу) следовало приезжать поздним вечером, а не в три часа пополудни, желательно в дождь, а ещё лучше в грозу, и стоять он должен на вересковой пустоши (унылой и мрачной, как полагается её называть). Хозяин там должен быть толстый, в мятом, запачканном соусом переднике; из кухни должны выглядывать поварята; и перед очагом должен стоять в полном молчании, грея у огня руки, высокий темноволосый незнакомец. А уж огонь там — всем огням огонь: огромные поленья в очаге и ослепительное пламя, с треском и гулом устремляющееся в трубу. Над огнём, чувствовала Кейт, должен быть подвешен котёл... Неподалёку для завершения картины — так, во всяком случае, представлялось ей — должны лежать собаки.

Но в действительности ничего этого не оказалось. За конторкой сидела молодая женщина в белой блузке, которая записала их имена в книгу приезжих. Были там две официантки: Морин (блондинка) и Маргарет (тихая, как мышка, в выпуклых очках) — и пожилой официант, у которого волосы сзади были совсем другого цвета, чем спереди. В камине лежали

не поленья, а искусственные угли, которые неустанно лизал жалкий язычок электрического света, и (это было хуже всего) вместо высокого темноволосого незнакомца перед камином стоял стряпчий мистер Зловрединг (его имя так и прозносилось: Зло-врединг) — кругленький, розовенький, но какой-то удивительно холодный на вид, наверно, из-за седых волос и серых глаз.

Однако снаружи светило яркое весеннее солнце, и Кейт понравилась её выходящая на рыночную площадь спальня со шкафом красного дерева и умывальником с холодной и горячей водой. А завтра, знала она, они увидят дом — этот легендарный, таинственный дом, который неожиданно стал реальным, не воздушный замок, а строение из настоящих кирпичей и извести, которое находится всего в двух милях от них. Достаточно близко, подумала Кейт, чтобы можно было прогуляться туда после чая, если только миссис Мей не будет так долго разговаривать с мистером Зловредингом.

Но когда на следующее утро они туда наконец пошли (миссис Мей в длинном пальто, похожем на охотничье, с вишнёвой тростью, подбитой снизу резиной), Кейт была разочарована. Дом оказался ничуть не похож на то, что она себе воображала: просто длинный барак из красного кирпича с двумя рядами блестящих окон, смотревших на неё, словно слепые глаза.

— Со стен сняли плющ, — сказала миссис Мей, не в силах скрыть удивления, однако через минуту она оправилась и добавила более бодрым тоном: — И правильно сделали, ничто так не разрушает кирпичную кладку.

Они зашагали к дверям по подъездной дорожке, и миссис Мей принялась объяснять Кейт, что дом всегда считался ярким образцом архитектуры начала восемнадцатого века.

— Это правда было всё здесь? Именно здесь? — повторяла Кейт с недоверием в голосе, словно миссис Мей могла забыть.

— Ну конечно, милочка, что за глупый вопрос! Вот тут, возле ворот, росла яблоня — яблоня с жёлто-коричневыми яблоками... И третье окно слева, то, с решёткой, — окно моей спальни. Я спала там во все последние приезды сюда. Детская, понятно, с другой стороны. А вот огород. Мы с братом любили прыгать с этой ограды на кучу компоста. Я помню, однажды Крэмпырл сильно нас разбил и померил стену метлой. Десять футов в высоту.

(«Крэмпырл? Значит, он действительно существовал на свете...»)

Парадная дверь была распахнута. «В точности так, — подумала вдруг Кейт, — как много лет назад, в тот незабываемый для Арриэтты день, когда она впервые увидела «белый свет». Раннее весеннее солнце заливало недавно побелённые

ступени и заглядывало в высокий тёмный холл. Солнечные лучи образовали сияющий полог, сквозь который ничего не было видно. Рядом с крыльцом Кейт заметила железную скобу для сапог. Та или не та, по которой Арриэтта слезла на землю? Сердце Кейт учащённо забилося.

— А где решётка? — шепнула она, в то время как миссис Мей дёрнула звонок. (Они услышали его звяканье в тёмной глубине дома, казалось, в нескольких милях от них.)

— Решётка? — переспросила миссис Мей, делая несколько шагов назад на гравийную дорожку и оглядывая фасад дома. — Вон там, — сказала она, понизив голос и кивнув головой. — Её починили, — добавила она, — но это та же самая решётка.

Кейт направилась прямо к ней. Вот она, та решётка, через которую все они убежали — Под, Хомили и маленькая Арриэтта. На стене было зеленоватое пятно, несколько кирпичей выглядели более новыми, чем все остальные. Решётка была выше, чем она думала, им, должно быть, пришлось прыгать вниз. Подойдя вплотную, Кейт наклонилась и заглянула внутрь: сырость и темнота, больше ничего. Вот, значит, где они жили.

— Кейт! — тихо позвала миссис Мей, стоявшая у порога (так, должно быть, Под звал Арриэтту в тот день, когда она бросилась бежать по дорожке от дома).

И Кейт, обернувшись, увидела вдруг то, что она сразу узнала, то, что наконец было в точности таким, каким представлялось ей в воображении, — склон холма, усыпанный первоцветом. Хрупкие зелёные стебли с сизым налётом среди повядшей прошлогодней травы и жёлтые, словно светлое золото, цветы. А куст азалии превратился в высокое дерево.

Миссис Мей снова позвала её, и Кейт вернулась к входным дверям.

— Пожалуй, позвоним ещё раз, — сказала миссис Мей, и они снова слышали призрачное звяканье. — Звонок подвешен возле кухни, — объяснила шёпотом миссис Мей, — прямо за дверь, обтянутой зелёной байкой.

(Дверью! Обтянутой! Зелёной! Байкой!.. Кейт казалось, что миссис Мей произносит каждое слово с заглавной буквы.)

Наконец за солнечным пологом показалась какая-то фигура — неряшливая девица в мокром холщовом фартуке и в стоптанных туфлях.

— Да? — сказала она, прищурив глаза от солнца, и уставилась на них.

Миссис Мей приняла холодный и чопорный вид.

— Я хотела бы повидать хозяина этого дома, — сказала она.

— Мистера Досет-Пула, — спросила девица, — или директора? — Она подняла руку ко лбу, чтобы прикрыть глаза от света, не выпуская сырой половой тряпки, с которой капала вода.

— О! — воскликнула миссис Мей. — Так это школа?

Кейт перевела дух: «Вот, значит, почему дом так похож на казарму».

— А что же ещё, — сказала девушка. — Разве здесь не всегда была школа?

— Нет, — сказала миссис Мей. — В детстве я здесь жила. Быть может, я могу поговорить с тем, кто стоит во главе этого заведения?

— Здесь нет никого, кроме матушки, — сказала девушка, — она сторожиха и уборщица. Все уехали на весенние каникулы — и учителя, и ученики.

— Ну, в таком случае, — нерешительно произнесла миссис Мей, — мы больше не будем вас задерживать...

Она уже было повернулась, чтобы уйти, когда Кейт, не желая сдавать позиции, обратилась к девушке:

— Можно нам заглянуть в холл?

— Глядите на здоровье, — сказала немного удивлённо девушка и чуть отступила в глубину, словно освобождая им путь. — Мне-то что.

Они прошли сквозь солнечный полог в прохладную полутьму. Кейт огляделась по сторонам: холл был высокий и просторный, стены обиты деревянными панелями. А вот и лестница, она поднималась всё выше и выше, из одного мира в другой, в точности как описывала Арриэтта... Однако всё остальное выглядело не так, как представляла себе Кейт. Пол был покрыт блестящим тёмно-зелёным линолеумом, в воздухе чувствовался кисловатый запах мыльной воды и свежий запах воска.

— Тут, под линолеумом, прекрасный каменный пол, — сказала миссис Мей, стуча по нему тростью.

Девушка с минуту с любопытством глядела на них, затем, словно это ей надоело, отвернулась и исчезла в тёмном коридоре за лестницей, шаркая растоптанными туфлями.

Кейт только было собралась открыть рот, как миссис Мей коснулась её руки.

— Шш! — шепнула она, и Кейт, затаив дыхание, чтобы ничем не нарушить тишину, услышала странный звук — то ли вздох, то ли стон. Миссис Мей кивнула: — Да, это она. Дверь, обитая зелёной байкой.

— А где стояли часы? — спросила Кейт.

Миссис Мей указала на стену, туда, где висела длинная вешалка для пальто:

— Вон там. Вход Пода был, должно быть, за батареей, только тогда её не было. Им бы бата-

рея пришлась по вкусу... — Миссис Мей указала на дверь в другом конце холла, где висела табличка и чёткими белыми буквами было написано: «Директор». — А там был кабинет.

— Где жили Надкаминные? И откуда Под добывал промокашки?

Кейт стояла с минуту, глядя на дверь, затем, прежде чем миссис Мей успела её остановить, подбежала к ней и дёрнула за ручку.

— Кейт, вернись! Туда нельзя.

— Заперто, — сказала Кейт, возвращаясь. — А можно нам хоть одним глазком заглянуть наверх? — продолжала она. — Мне бы так хотелось увидеть детскую. Я поднимусь туда тихо-тихо...

— Нет, Кейт, пошли, нам пора. Нам вообще не положено здесь находиться. — И миссис Мей твёрдой походкой направилась к дверям.

— Ну позвольте мне хоть посмотреть снаружи в окно кухни, — умоляюще сказала Кейт, когда они снова оказались на солнце.

— Нет, Кейт, — сказала миссис Мей.

— Только взглянуть, где они жили. Где была та дырка под плитой — спуск Пода... Ну, пожалуйста.

— Ладно, только побыстрей, — сказала миссис Мей, с тревогой посматривая вокруг, в то время как Кейт бежала по дорожке.

Но и кухня принесла ей разочарование. Кейт знала, где она находится, ведь под ней была та самая решётка, и, приставив ладони к вискам, чтобы не мешало отражённое стеклом солнце, она прижалась лицом к окну. Постепенно очертания комнаты сделались чёткими, но Кейт не увидела ничего похожего на кухню. Полки с бутылками и сверкающими ретортами, тяжёлые столы, вроде верстаков, ряды бунзеновских горелок. На месте кухни теперь была лаборатория.

Что ж, слезами горю не поможешь. По пути домой Кейт собрала крошечный букетик фиалок; на второй завтрак им подали телятину и мясной пирог с салатом, а на сладкое она могла выбрать сливы или булочку с вареньем. А затем приехал на машине мистер Зловрединг, чтобы взять их и показать домик миссис Мей.

Сперва Кейт не хотела ехать. Она надумала отправиться потихоньку на поле под названием Паркинс-Бек и побродить там в поисках барсучьих нор. Но когда миссис Мей сказала, что это поле находится сразу за её домом, Кейт решила всё же поехать с ними — хотя бы ради того, чтобы позлить мистера Зловрединга. Всё это время он, не скрывая своего нетерпения, выглядывал из окна машины с таким выражением, словно хотел сказать: «Будь это мой ребёнок!..» И хорошо, что она так решила (как она часто потом говорила своим детям), ведь ей могло никогда больше не представиться случая побеседовать и (что куда важнее) завести дружбу с... Томасом Доброу.

Глава третья

И в ямах бывают кочки.

Из дневника Арриэтты.

25 марта

— **А** это действительно нежилое жильё? — спросила миссис Мей, когда они ехали в машине. — Этого старика — я забыла его имя — там не будет?

— Старого Тома Доброу? О да, можете не волноваться. Мы устроили его в дом для престарелых. Хотя, — тут мистер Зловрединг издал короткий смешок, — он этого вовсе не заслужил.

— Почему? — спросила Кейт, как всегда, прямо.

Мистер Зловрединг озадаченно взглянул на неё с таким видом, словно на его глазах вдруг заговорил пёс.

— Потому, — сказал он, обращаясь к миссис Мей и не глядя на Кейт, — что он старый обманщик и пустозвон, который надоел тут всем хуже горькой редьки, вот почему. — Он снова издал самодовольный смешок. — Врёт как си-
вый мерин, как здесь у нас говорят.

Каменный домик с тростниковой крышей стоял на вершине холма. Кругом расстилались луга, позади был лес. «У него какой-то заброшенный вид», — подумала Кейт, в то время как они с трудом взбирались наверх. Возле входной двери была деревянная бочка с водой, она немного рассохлась и позеленела от плесени. По вымощенной кирпичом дорожке текла узкая струйка, терявшаяся среди щавеля и репейника. В дальнем конце дома была деревянная пристройка, на стенах которой Кейт увидела звериные шкурки, прибитые для просушки.

Мистер Зловрединг громко постучал во входную дверь, с которой почти совсем слезла краска.

— Я не думала, что дом так далеко от дороги, — сказала миссис Мей, еле переводя дух, и добавила, указав концом трости вниз на подножие заросшего травой холма: — Надо будет провести сюда тропинку.

Кейт услышала внутри дома шарканье. Мистер Зловрединг снова постучал в дверь и нетерпеливо крикнул:

— Пошевеливайся, Том! Долго нам тут ждать?

Шаги стали громче, дверь со скрипом приоткрылась, и Кейт увидела старика — высокого, худого, но на удивление широкоплечего. Голова

у него была опущена на грудь и чуть повёрнута в сторону, и когда он улыбался (а он тут же ей улыбнулся), у него делался лукавый вид. Его тёмные глаза были ясные и необыкновенно блестящие, и устремил он их сразу же на Кейт.

— Ну, Том, — деловито сказал мистер Зловрединг. — Как ты себя чувствуешь? Лучше, надеюсь? Это миссис Мей, новая хозяйка твоего дома. Можем мы зайти?

— Мне прятать нечего, — сказал старик, отступая, чтобы дать им пройти, но улыбаясь одной лишь Кейт. Ей подумалось, что старик нарочно избегает глядеть на мистера Зловрединга.

Они прошли гуськом мимо него в комнату. Там почти не было мебели, но она выглядела чистой и аккуратной, если не считать кучи стружек на каменном полу и груды чего-то, что Кейт сперва приняла за растопку. В почерневшем от сажи очаге, который, по-видимому, служил и для отапливания, и для готовки, тлел огонь.

— Я вижу, ты тут немного прибрал, — сказал мистер Зловрединг, оглядываясь по сторонам. — Впрочем, это не имеет значения. На вашем месте, — добавил он, обращаясь к миссис Мей и почти не понизив голос, — я бы здесь всё основательно вымыл и продезинфицировал до того, как начнут работать плотники.

— А по-моему, здесь чудесно! — с жаром вскричала Кейт, возмущённая его неделикатностью, и миссис Мей, бросив на старика дружеский взгляд, поспешила присоединиться к ней.

Но старый Том словно ничего не заметил. Он стоял, глядя на Кейт, и улыбался своей загадочной улыбкой.

— Лестница наверх вот здесь, — сказал мистер Зловрединг, направляясь к двери в глубине комнаты, — а здесь — посудомойня.

Миссис Мей двинулась следом за ним, но задержалась на пороге.

— А ты разве не пойдёшь со мной посмотреть дом, Кейт? — спросила она.

Кейт не тронулась с места. Она кинула быстрый взгляд на старика, затем на миссис Мей.

— Нет, спасибо, — сказала она.

Миссис Мей, несколько удивившись, поспешила за мистером Зловредингом в посудомойню, а Кейт подошла к груде прутьев со снятой корой.

— Что вы делаете? — робко спросила она после недолгого молчания.

Старик очнулся от забытья.

— Это? — сказал он мягким голосом. — Это держалки... для крыш. — Он взял нож, попробовал лезвие на ороговевшей коже большого пальца и, подвинув низкую табуретку, сел. — Иди сюда ко мне, — сказал он. — Я тебе покажу.

Кейт пододвинула к нему стул и молча стала смотреть, как он разрезает на несколько частей ветку лещины, которую она сперва приняла за растопку. Через минуту он сказал негромко, не поднимая головы:

— А он пусть себе говорит что хочет. Ты не слушай.

— Кто — мистер Зловрединг? — спросила Кейт. — А я и не слушаю. Зловрединг! Ну и противное имя. По сравнению с вашим, я хочу сказать, — добавила она горячо. — Вы что ни сделаете — будет хорошо. Вы — Доброу.

Старик предостерегающе повернул голову к посудомойне, прислушался, затем сказал:

— Пошли наверх.

И Кейт тоже уловила звук тяжёлых шагов по деревянным ступеням.

— Знаешь, сколько я прожил в этом доме? — спросил старик, всё ещё склоняя голову набок, словно считал шаги над головой. Шаги мерили во всех направлениях комнату, бывшую, видимо, его спальней. — Почти восемьдесят лет, — добавил он, немного помолчав. Он взял ободранный прут и крепко зажал концы в руках.

— А теперь вам надо уезжать отсюда? — сказала Кейт, глядя на его руки, ещё крепче сжавшие прут.

Старик рассмеялся, словно её слова были шуткой. Кейт заметила, что смеётся он совсем беззвучно, тряся головой.

— Так они говорят, — сказал он, всё ещё смеясь, и одним движением рук перекрутил упругий прут так, как выкручивают мокрую тряпку, и одновременно сложил его пополам. — Но я не уеду, — добавил он и кинул согнутый прут в кучу.

— Кто же станет вас выгонять? — сказала Кейт. — Разве только вы сами захотите уехать, — осторожно добавила она. — Не думаю, чтобы миссис Мей стала это делать.

— Она-то? — сказал старик, глядя на потолок. — Да она с ним заодно.

— Она приезжала сюда, когда была девочкой, — сказала Кейт. — Жила в том большом доме. Как он назывался — Фирбэнк, да?

— Ага, — сказал он.

— Вы её знали? — с любопытством спросила Кейт. — Её тогда звали мисс Эйда.

— Ещё бы мне не знать мисс Эйды, — сказал старик. — И её знал, и её тетушку. И её брата. — Он снова засмеялся. — Я знал всю их семейку.

И тут у Кейт возникло странное чувство: ей показалось, будто она уже слышала раньше эти слова, и произносил их точно такой же старик, и сидела она в точно такой же комнате возле освещённого солнцем окна в ясный, хотя и холодный весенний день. Кейт озадаченно поглядела на побелённые извёсткой, потрескавшиеся стены — и ей почудилось, что она узнаёт образований трещинами узор. Даже выбоины и щели на вытертом полу были ей знакомы. Удивительная вещь, ведь ей никогда раньше не доводилось здесь бывать (в этом Кейт не сомневалась). Кейт взглянула на старика, набираясь смелости для следующего вопроса.

— А Крэмпфирла вы тоже знали? — сказала она, немного помолчав, и ещё прежде, чем он раскрыл рот, Кейт догадалась, какой будет ответ.

— Ещё бы мне его не знать, — сказал старик и снова рассмеялся, покачивая головой, словно радовался какой-то неведомой ей шутке.

— И миссис Драйвер, кухарку?

Тут веселье старого Тома достигло своего предела.

— Миссис Драйвер! — сказал он, чуть не задохнувшись от безмолвного смеха. — Ещё бы! — И он вытер глаза рукавом.

— А Розу Пикхэтчет? — продолжала Кейт. — Служанку, которая подняла такой визг.

— Нет, — сказал старый Том, всё ещё смеясь и качая головой. — Но я слышал о ней. Визжала, говорят, на весь дом.

— А вы знаете — почему? — взволнованно вскричала Кейт.

Он покачал головой:

— Без всяких на то причин, на мой взгляд.

— Но разве вам не рассказывали, что она увидела на каминной полке в гостиной человека ростом с фарфорового купидона? Она подумала, что это статуэтка, и принялась смахивать с него пыль метёлочкой из перьев... и вдруг он чихнул. На её месте всякий бы завизжал, — закончила свой рассказ Кейт и только тут перевела дух.

— Почему? — сказал старый Том, ловко снимая кору с ветки, словно это была перчатка. — От них никому худа нет, от добываек-то. И беспорядка не устраивают. Не то что полевые мыши. Не могу понять и никогда не мог, почему люди поднимают такой шум, стоит им увидеть хоть одного добывайку. Вопят, визжат и чего только не делают! — Он провёл пальцем

по голому дереву, проверяя, хорошо ли снята кора. — Выкуривают, травят, словно диких зверей. А к чему? Добывайки и сами уйдут, дайте срок, если узнают, что их видели. Теперь возьмём полевых мышей... — Он сгибал прут, и ему не хватило дыхания.

— Ой, не надо их брать! — вскричала Кейт. — Пожалуйста! Лучше расскажите мне ещё про добываек.

— А что о них рассказывать? — сказал старик, бросая согнутый прут в кучу и выбирая новый. — Добывайки как две капли воды похожи на людей, а что можно рассказать о людях? Полевые мыши — другое дело: стоит одной из них забраться в дом, ваша песенка спета, коли можно так сказать. Уйди хоть на час, и они все до единой налетят, точно стая скворцов. Всё загадят. Всё разбрасают. И без толку их выгонять — сегодня они здесь, а завтра их нет, а послезавтра — снова здесь. Понимаешь, что я хочу сказать? Уж коли они повадились — пиши пропало, хуже саранчи. Да, — продолжал он, — тут и спору нет — в таком доме, как этот, от полевых мышей куда больше вреда, чем от добываек. В таком доме, как этот, — повторил он, — что стоит в стороне от жилья, чуть не у самого леса, добывайки могут составить компанию. — Он взглянул на потолок, там всё ещё слышались шаги. — Что они там делают, а? — спросил он.

— Меряют, — сказала Кейт. — Миссис Мей захватила с собой складной метр. Они скоро спустятся, — торопливо продолжала Кейт, — а я хочу попросить вас о чём-то... о чём-то важном. Если меня завтра отправят гулять — одну, я хочу сказать, — пока они будут говорить о делах, можно мне прийти сюда к вам?

— Почему бы и нет, — сказал старик, принимаясь за следующий прут. — И коли ты принесёшь острый нож, я научу тебя снимать кору.

— Знаете, — с выражением начала Кейт, но, взглянув на потолок, понизила голос. — Её брат, брат миссис Мей... ну, мисс Эйды, или как вам больше нравится... своими глазами видел добываек в большом доме! — Она приостановилась для большего эффекта и впиалась взглядом ему в лицо.

— Ну и что с того? — безмятежно сказал старик. — Надо только глядеть в оба. Мне довелось видеть куда более диковинные вещи, чем эти человечки... Возьмём, к примеру, барсуков. Вот придёшь завтра сюда, я тебе такое о них порасскажу, ушам не поверишь, а я видел всё это своими глазами.

— А добываек вы видели или нет? — нетерпеливо вскричала Кейт. — Вы видели хоть одного добывайку из большого дома?

— Тех, что жили в конюшне?

— Нет, тех, что жили под кухней.

— А, этих! Их выкурили оттуда. Но люди зря болтают... — сказал он, поднимая вдруг лицо, и Кейт заметила, что, когда старый Том перестаёт улыбаться, оно делается очень печальным.

— Что болтают?

— Да что я напустил на них хорька. В жизни бы этого не сделал, раз узнал, что там добывайки.

— Ах! — воскликнула Кейт и от волнения забралась коленями на стул. — Так, значит, вы — тот самый мальчик с хорьком!

Старый Том искоса посмотрел на неё.

— Я был мальчиком, — сдержанно сказал он, — и у меня был хорёк.

— Но ведь они спаслись, правда? — взволнованно настаивала Кейт. — Миссис Мей говорит, что они убежали через решётку.

— Верно, — сказал старый Том, — перебрались через дорожку и поднялись на холм.

— Но вы же не знаете этого наверняка, — сказала Кейт, — вы же не видели этого... А может быть, всё же видели? Из окна.

— Не волнуйся, я знаю это наверняка, — сказал старый Том. — Оно верно, я видел их в окно, но узнал я всё иначе... — Он приостановился и поглядел на Кейт. Хотя он улыбался, он всё ещё был настороже.

— Пожалуйста, расскажите мне. Пожалуйста, — умоляюще произнесла Кейт.

Старик бросил взгляд на потолок.

— Ты знаешь, кто он? — спросил он, наклоня голову.

— Мистер Зловрединг? Стряпчий.

Старик кивнул.

— Верно. И нам ни к чему, чтобы всё это было на бумаге.

— Не понимаю, — сказала Кейт.

Старик вздохнул и взял в руки нож.

— То, что я расскажу тебе, ты расскажешь ей, а он запишет всё это на бумаге.

— Миссис Мей ничего не расскажет ему. Она...

— Она с ним заодно, вот как я это мыслю. И понапрасну спорить со мной. Видно, теперь человек не может умереть там, где он рассчитывал умереть. И знаешь почему? — спросил он, свирепо уставившись на Кейт. — Из-за того, что написано на бумаге. — И, яростно перекрутив прут, старый Том сложил его пополам.

Кейт глядела на него в полном недоумении.

— А если я пообещаю никому не говорить? — робко сказала она наконец.

— Пообещаешь?! — воскликнул старик. Глядя на Кейт, он указал пальцем вверх: — Её двоюродный дедушка, старый сэр Монтегю, обещал мне этот дом. «Он твой, Том, до конца жизни», — сказал он. Обещания! — сердито повторил старик, словно выплюнул это слово. — Обещания — что корка от пирога: их на то и дают, чтобы порушить.

Глаза Кейт налились слезами.

— Ладно! — крикнула она. — И не надо... не рассказывайте!

Лицо Тома изменилось почти так же внезапно, как у Кейт.

— Ну, полно, маленькая, не плачь, — умоляюще сказал он, удивлённый и огорчённый её слезами.

Но Кейт, к своему стыду, не могла перестать. Слезы градом катились по щекам, кончик носа, как всегда, когда она плакала, пылал огнём.

— Я только хотела узнать, — всхлипывала Кейт, нашаривая платок, — всё ли у них в порядке... и как им удалось устроиться... и нашли ли они барсучью нору...

— Уж её-то они нашли, можешь не волноваться, — сказал старый Том. — Ну перестань же плакать, маленькая. Полно тебе.

— Я перестану... через минутку, — сказала Кейт приглушённым голосом и высморкала нос.

— Послушай-ка меня, — продолжал старик расстроенно, — уйми слёзы, утри глаза, и старый Том тебе что-то покажет... — Он неуклюже встал с табурета и склонился над ней, опустив плечи, как птица крылья, словно желая её защитить. — Это тебе понравится. Ладно?

— Всё, — сказала Кейт, в последний раз насухо вытерев глаза и нос. Она убрала платок и улыбнулась старику. — Вот и перестала.

Старый Том опустил руку в карман, но затем, кинув осторожный взгляд на потолок, казалось, передумал: было слышно, что шаги наверху направляются к лестнице.

— Всё в порядке, — сказала Кейт, тоже прислушиваясь, и он вновь пошарил в кармане и вытащил мятую жестяную коробочку вроде тех, в которых курильщики трубок держат табак, и принялся неловко открывать крышку узловатыми пальцами. Наконец она открылась. Тяжело дыша, старый Том перевернул коробочку и что-то оттуда вытряхнул.

— Вот... — сказал он, и Кейт увидела на его мозолистой ладони крошечную книжечку.

— О! — не веря своим глазам, воскликнула она.

— Бери, бери, — сказал старый Том, — она не кусается. — И в то время как Кейт робко протягивала к нему руку, добавил с улыбкой: — Это дневник Арриэтты.

Но Кейт и так знала это; она знала это ещё до того, как увидела потускневшие золотые буквы: «Записная книжка-календарь с пословицами и поговорками». Книжечка была выцветшая от солнца, с потёками и пятнами от дождя и такая ветхая, что, когда Кейт раскрыла её, все страницы целиком выскользнули из переплёта. Чернила или карандаш, а может быть, сок каких-то растений — чем там пользовалась Арриэтта, когда писала, — потеряли свой цвет и стали где коричневыми, где жёлтыми, а где блёкло-лимонными. Книжка раскрылась на 31 августа, и Кейт прочитала вверху страницы изречение: «Небесный свод — наш лучший кров», — а под ним неумелой рукой Арриэтты были нацарапаны три записи: «*В кладовой пауки*», «*Миссис Д. уро-*

нила кастрюлю. *С потолка течёт суп*», «Разговаривала со Спиллером».

«Кто такой Спиллер? — спросила себя Кейт. — Тридцать первое августа? К этому времени они уже покинули большой дом. Значит, Спиллер появился в новой жизни Арриэтты, тогда, когда они очутились под открытым небом». Кейт наугад перевернула назад несколько страниц.

«Мама сердится».

«Нанизывала зелёные бусы».

«Лазала на живую изгородь. Яйца тухлые».

«Лазала на живую изгородь? Видно, Арриэтта занялась охотой за птичьими гнёздами... а яйца оказались плохими, ведь был уже, — Кейт посмотрела на число — да, тот же август, и девиз этого дня был: «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь».

— Откуда она у вас? — спросила Кейт изумлённо.

— Нашёл, — ответил старый Том.

— Где? — вскричала Кейт.

— Здесь, — ответил Том, и Кейт увидела, что его взгляд устремлён к очагу.

— В этом доме?! — воскликнула Кейт недоверчиво, и в то время как она глядела на его непроницаемое морщинистое лицо, ей внезапно припомнились недобрые слова мистера Зловрединга: «Самый большой лжец в округе». Но ведь вот на её ладони лежит настоящий дневник Арриэтты. Кейт уставилась на него, пытаясь разобраться в собственных мыслях.

— Хочешь, я тебе ещё что-то покажу? — спросил вдруг старый Том. Кейт стало даже жаль его, казалось, он догадался о её тайных сомнениях. — Иди-ка сюда.

И, поднявшись со стула, Кейт медленно, словно во сне, направилась следом за ним к очагу.

Старик наклонился и, тяжело дыша от напряжения, принялся отодвигать от стены тяжёлый дровяной ларь. Только он оттащил его в сторону, как на пол с тихим стуком упала дощечка, и Том испуганно взглянул на потолок. Наклонившись вперёд, Кейт увидела, что дощечка прикрывала довольно большое отверстие со стрельчатым верхом, выдолбленное в плинтусе.

— Видишь? — сказал, немного запыхавшись, старый Том, прислушавшись сперва, всё ли в порядке. — Этот ход идёт до самой кухни, здесь к их услугам был огонь, там — вода. Они жили здесь много лет.

Кейт опустилаcь на колени и заглянула в дыру.

— Здесь? В вашем доме? — Голос её звучал недоверчиво, чуть ли не испуганно. — Вы говорите про... Пода? И Хомили?.. И маленькую Арриэтту?

— Да, и они тоже. К концу, так сказать.

— Но разве они не жили под открытым небом? Арриэтта так об этом мечтала...

— Ну, под открытым небом они прожили предостаточно, — сказал старый Том с коротким смешком. — Если только это можно было назвать жизнью. Или, если на то пошло, это можно было назвать открытым небом. Но ты только посмотри, — тихо продолжал он, и в голосе его зазвучала неприкрытая гордость, — тут, за стеной между дранкой и штукатуркой, у них была лестница! Настоящий многоквартирный дом в шесть этажей, и на каждом этаже вода. Видишь вот это? — спросил он, положив ладонь на ржавую трубу. — Она спускается от бака на крыше и идёт в кухню. Они сделали в трубе шесть кранов, — и никогда ни одной протечки! — Старый Том замолчал, погружившись

в воспоминания, затем поднял дощечку, закрыл дыру и подвинул на место ларь. — Они жили тут много-много лет, — сказал он с нежностью в голосе и вздохнул. Затем выпрямился и отряхнул с рук пыль.

— Они? Но кто именно? — торопливо прошептала Кейт. (Шаги наверху были уже на лестничной площадке.) — Вы говорите про других добываек, не про моих, да? Вы же сказали, что мои нашли барсучью нору, верно?

— Нору-то они нашли, не волнуйся, — сказал старый Том и, коротко рассмеявшись, направился, чуть прихрамывая, к своему табурету.

— Но откуда вы это знаете? Кто вам рассказал? — спросила Кейт, идя за ним следом. Её слова обгоняли одно другое, так она волновалась.

Старый Том сел, выбрал прут и неторопливо — можно было с ума сойти от нетерпения — проверил пальцем остриё ножа.

— Она, — сказал он наконец и разрезал прут на три части.

— Вы разговаривали с Арриэттой?

Он предостерегающе поднял брови и дёрнул головой, чтобы она не кричала: Кейт услышала тяжёлые шаги на деревянных ступенях лестницы.

— Не говори ничего этой, — шепнул старый Том. — Не то станет языком болтать.

Кейт продолжала смотреть на него во все глаза: если бы он ударил её по голове поленом из дровяного ларя, она не была бы так ошеломлена.

— И она всё-всё вам рассказала? — задыхаясь от волнения, прошептала Кейт.

— Шш, — шепнул старик, глядя на дверь.

Миссис Мей и мистер Зловрединг уже сошли с лестницы и, судя по звуку их голосов, снова завернули в кухню, чтобы кинуть последний взгляд.

— По крайней мере две раковины, — деловито проговорила миссис Мей.

— Ну, не всё, так почти всё, — еле слышно сказал старый Том. — Она прокрадывалась сюда ко мне чуть не каждый вечер, редко когда пропускала.

Он улыбался, глядя в очаг, и Кейт внезапно увидела картину: освещённая огнём очага комната, мальчик — один во всём доме — с ножом и прутом в руках и еле видимая в тени крошечная фигурка, сидящая, возможно, на спичечном коробке. Тонкий монотонный голос... «Постепенно, — думала Кейт, — мальчик почти переставал его слышать, голос сливался с живой тишиной комнаты, с пением чайника на огне, с тиканьем часов. Вечер за вечером, неделя за неделей, месяц за месяцем, быть может, год за годом... Да так оно и есть, — подумала Кейт (всё ещё изумленно глядя на старого Тома, хотя в этот момент в комнату вошли миссис Мей и мистер Зловрединг, громко толкуя об умывальниках), — должно быть, Арриэтта действительно рассказала Тому всё-превсё...»

Глава четвёртая

*Хороший рассказ повторяй
хоть десять раз.*

Из дневника Арриэтты.
26 марта

«И теперь нужно одно, — думала Кейт, лёжа в тот вечер в постели и слушая бульканье то холодной, то горячей воды в трубах, — нужно, чтобы старый Том рассказал ей, Кейт, всё в таких же мельчайших подробностях, в каких, без сомнения, Арриэтта рассказала всё ему самому».

Кейт чувствовала, что он согласится на это, несмотря на свой страх перед тем, что записано на бумаге, раз уж он так далеко зашёл. «От меня-то никто ничего не узнает, — твёрдо решила Кейт, — во всяком случае при его жизни». (Хотя почему его это так волнует, ведь всё равно все считают, что он врёт как сивый мерин.) Особенно большие надежды Кейт возлагала на дневник Арриэтты. Старый Том не забрал его обратно; маленькая книжечка лежала сейчас у неё под подушкой, и уж в ней-то, во всяком случае, было полно того, что «записано на бумаге». Правда, Кейт далеко не всё могла тут понять. Записи были слишком краткие и беглые, похожие на заголовки, видно, Арриэтта делала их только для того, чтобы они вызвали в её уме то или иное событие. Некоторые звучали особенно таинственно и непонятно... «Да, — внезапно решила Кейт, — так вот и надо сделать: она уговорит старого Тома объяснить ей эти записи... Что Арриэтта имела в виду, спросит она его, когда, например, писала: «Черные люди. Мама спасена»?»

И её желание сбылось. Пока миссис Мей говорила о делах со стряпчим или спорила с плотниками и водопроводчиками, Кейт уходила одна через луга в маленький домик к старому Тому.

Случались дни (как через много лет объясняла Кейт своим детям), когда старый Том не проявлял ни к чему интереса и из него было трудно вытащить хоть словечко, но бывало и так, что какая-нибудь запись в дневнике подстёгивала его память и из её глубин, словно чудом, всплывали такие воспоминания (не вернее ли будет сказать: он так высоко взлетал на крыльях фантазии?), что Кейт порой спрашивала себя, уж не был ли он сам когда-нибудь добывайкой... Кейт подума-

ла, что это самое миссис Мей говорила о своём брате, том самом брате, которого знал Том Доброу (он сам в этом признался). Хоть тот и был на три года его младше, они вполне могли быть друзьями. Даже — кто знает! — закадычными друзьями. Одно бесспорно — они были два сапога пара. Один, как известно, любил рассказывать небылицы, чтобы подразнить сестёр, про другого попросту говорили, что он врёт как сивый мерин. Но так или иначе, много лет спустя, когда Кейт стала совсем взрослой, она решила рассказать всем на свете, что, по словам Тома, случилось с Подом, Хомили и маленькой Арриэттой после того ужасного дня, когда их выкурили из их дома под кухней и они были вынуждены искать убежище в чистом поле.

Вот её рассказ — «записанный на бумаге». Просеять факты, отделить правду от вымысла вы можете сами.

Глава пятая

Терпенье и труд всё перетрут.

Из дневника Арриэтты.
25 августа

С перва, по-видимому, они просто бежали, но не куда глаза глядят, а как раз туда, куда надо, — вверх по склону холма, где росла азалия и где (как давно это было!) Арриэтта впервые встретила мальчика, а затем по вершине, поросшей густой травой.

Как они пробрались там, частенько говорила потом Хомили, она не может и ума приложить — сплошной частокол из стеблей. И насекомые... Хомили и в голову не приходило, что

на свете так много разных насекомых. Одни неподвижно висели, прицепившись к чему-нибудь, другие проворно бегали туда и сюда, третьи (эти были хуже всех) глядели неподвижным взглядом и не трогались с места, а затем, все ещё не спуская с вас глаз, медленно пятились назад. Казалось, говорила Хомили, что сперва они хотели вас укусить, а потом передумали, но не из доброты, а из осторожности. «Злющие, — говорила она, — вот они какие были. Да, злющие-презлющие!»

Пока Под, Хомили и Арриэтта пробирались между стеблями, они чуть не задохнулись от цветочной пыльцы, которая облаком сыпалась на них сверху. То и дело на их пути вставали обманчиво сочные, колышущиеся листья с острыми краями, которые резали руки. Они скользили

по коже нежно, как смычок по струнам скрипки, но оставляли кровавый след. Не раз им встречались высохшие узловатые стебли, о которые они спотыкались и падали головой вперёд, и частенько не на землю, а на похожее на подушку растение с серебристыми, тонкими, как волос, шипами, уколы которых причиняли жгучую боль. Высокая трава... Высокая трава... До конца жизни она преследовала Хомили в самых страшных снах.

Чтобы попасть в сад, им надо было пробраться сквозь живую изгородь из бирючины. Мёртвые листья под тёмными ветвями... мёртвые листья и гниющие сморщенные ягоды, среди которых, утопая в них чуть не по пояс, они прокладывали путь, а кругом под живыми листьями, шуршавшими над головой, влажная духота. И здесь тоже были насекомые: они переворачивались на спину, или внезапно подпрыгивали, или коварно уползали прочь.

Дальше по саду идти было легче. Здесь всё лето гуляли куры, и в результате, как обычно, осталась голая, вытоптанная земля цвета лавы, без единой травинки. Ничто не заслоняло дороги. Но если добывайкам было хорошо видно, то и их самих было видно не хуже. Фруктовые деревья стояли далеко друг от друга, за ними было трудно укрыться, любой, кто выглянул бы из окна, вполне мог удивлённо воскликнуть: «Что это там такое движется в саду, как вы думаете? Там, у второго дерева справа... будто листья под ветром. Но сейчас нет никакого ветра. Скорее это напоминает бумажку, которую тащат на нитке... И на птиц не похоже, те скачут в разные стороны...» Вот какие мысли проносились в уме Пода, когда он уговаривал Хомили идти дальше.

— Не могу я, — со слезами говорила она. — Мне надо присесть. Хоть на минуточку. Ну, пожалуйста. Под!

Но он был непреклонен.

— Посидишь, — говорил он, подхватывая её под локоть и подталкивая вперёд, — когда доберёмся до леса. Арриэтта, возьми маму под руку с той стороны и не давай ей останавливаться.

Когда добываяки наконец очутились в лесу, они бросились на землю у самой тропинки — они слишком устали, чтобы искать более укромный уголок.

«Ах, батюшки!.. Ах, батюшки!» — повторяла Хомили (но говорила она скорее по привычке), и по её выпачканному землёй лицу и блестящим тёмным глазам Под и Арриэтта видели, что она всю шевелит мозгами. И она держала себя в руках, это они тоже видели, другими словами, Хомили всю старалась.

— Ни к чему так бежать, — сказала она наконец, немного отдышавшись. — Нас никто не заметил; они, верно, думают, что мы всё ещё там, под полом, словно в ловушке.

— Я не так в этом уверена, — сказала Арриэтта. — Когда мы поднимались на холм, в кухонном окне мелькнуло чьё-то лицо. Похоже, что это был мальчишка. А в руках он держал что-то вроде кота.

— Если бы нас хоть кто-то заметил, — возразила Хомили, — они бы уже давно кинулись в погоню, вот что я тебе скажу.

— Верно, — согласился Под.

— Ну, в какую сторону мы теперь пойдём? — спросила Хомили, оглядываясь и не видя ничего, кроме деревьев. На щеке у неё была большая царапина, волосы растрепались и висели неровными прядями.

— Пожалуй, сперва разберём поклажу, — сказал Под. — Давайте посмотрим, что мы захватили с собой. Что у тебя в мешке, Арриэтта?

Арриэтта развязала мешок, который спешно собрала два дня назад на случай крайней необходимости — как раз такой случай, как сейчас, — и принялась выкладывать вещи на дорожку. Чего там только не было! Три металлических крышечки от пузырьков с пилюлями, все три разного размера, так что они аккуратно вкладывались одна в другую; довольно большой огарок свечи и семь восковых спичек; смена нижнего белья и шерстяная фуфайка, связанная Хомили на тупых штопальных иглоках из распущенного на нитки, много раз стиранного носка; и, наконец, главные сокровища Арриэтты — карандашик, снятый с бальной программки, и записная книжка-календарь с пословицами и поговорками, в которой она вела дневник.

— Ну зачем тебе понадобилось тащить её с собой? — проворчал Под, кидая мельком взгляд на этот увесистый фолиант, в то время как он вытаскивал свои пожитки.

«Затем же, — подумала про себя Арриэтта, глядя на вещи, которые вынимал отец, — зачем ты сам взял сапожную иглу, молоток (сделанный из язычка электрического звонка) и моток шпагата. У каждого своё увлечение, каждому нужны орудия своего ремесла». (А её собственным увлечением была литература.)

Помимо сапожных принадлежностей Под взял из дому половинку ножниц, осколок лезвия от безопасной бритвы, обломок детского лобзика, бутылочку из-под аспирина с завинчивающейся крышкой, полную воды, небольшую скрутку тонкой проволоки и две стальные шляпные булавки, одну из которых, ту, что покороче, он дал сейчас Хомили.

— Поможет тебе забираться наверх, — сказал Под, — возможно, часть пути нам придётся идти в гору.

Хомили взяла с собой вязальные иглы, остаток нераспущенного носка, три куска сахара, палец от лайковой перчатки, набитый смесью соли с перцем и завязанный крепко-накрепко ниткой, несколько кусочков сухого печенья, маленькую жестяную коробочку, в которой когда-то держали граммофонные иглы и где теперь был чай, брусочек мыла и зеркальце.

Под хмуро осмотрел всю эту разнокалиберную груду.

— Вполне вероятно, что мы взяли не то, что надо, — сказал он, — но теперь ничего не напишешь. Кладите всё обратно, — продолжал он, подавая им пример, — нам пора двигаться. Это ты хорошо придумала, Арриэтта, засунуть крышку в крышку. Пожалуй, будь их побольше хоть на одну, на две, было бы и того лучше.

— Но ведь нам только надо добраться до барсучьей норы, — принялась оправдываться Арриэтта. — Я хочу сказать, ведь у тёти Люпи всё, наверно, есть, ну, всякая там кухонная утварь и посуда.

— Лишняя кастрюля ещё никому никогда не помешала, — сказала Хомили, запихивая обратно остаток носка и завязывая мешок куском синего шёлка для вышивания, — в особенности если живёшь в барсучьей норе. А кто сказал, что твоя тётя Люпи вообще там? — продолжала Хомили. — Я думала, она потерялась... заблудилась... или ещё что... в этих полях.

— Вполне возможно, что она уже нашлась, — сказал Под. — Ведь прошло около года — не так ли? — с тех пор, как она ушла из дома.

— И так или иначе, — добавила Арриэтта, — кастрюли она с собой вряд ли взяла.

— Никогда не могла понять, — сказала Хомили, вставая с земли и проверяя, не слишком ли тяжёл мешок, — и никогда не пойму, кто бы что бы ни говорил, что ваш дядя Хендрири нашёл в этой гордячке и воображале Люпи.

— Хватит, — сказал Под, — сейчас не время косточки перемывать. — Он тоже встал и, повесив свой походный мешок на шляпную булавку, перекинул его через плечо. — Ну, — сказал он, осматривая их с ног до головы, — у вас всё в порядке?

— И не скажешь положила руку на сердце, — продолжала Хомили, — что она злая. Но уж больно она нос дерёт.

— Как ботинки? — спросил Под. — Не жмут?

— Пока нет, — сказала Хомили.

— А как ты, дочка?

— У меня всё в порядке, — откликнулась Арриэтта.

— Перед нами долгий путь, — сказал Под. — Торопиться мы не будем, пойдём потихоньку. Но без остановки. И ворчать тоже не будем. Ясно?

— Да, — сказала Арриэтта.

— И глядите в оба, — продолжал Под, в то время как они уже шли по тропинке. — Если увидите что-нибудь опасное, делайте то же, что я... и быстро... поняли? Только не разбегаться по сторонам. И не визжать.

— Да знаю я всё это, — сердито сказала Арриэтта, прилаживая на спину мешок, и двинулась вперёд, словно хотела, чтобы до неё не долетали его слова.

— Ты думаешь, что знаешь, — сказал Под ей вслед. — На самом деле ты совсем ничего не знаешь, ты не умеешь прятаться, и мать твоя — тоже. Это требует тренировки, это, если хочешь, искусство...

— Как это не знаю? — повторила Арриэтта. — Ты же мне рассказывал.

Она поглядела в сторону, в тёмные глубины зарослей куманики возле тропинки, и увидела огромного паука, висящего в воздухе (паутины его не было видно). Паук, казалось, смотрел прямо на неё — Арриэтта увидела его глаза и смерила его вызывающим взглядом.

— За пять минут не расскажешь, — настаивал Под, — того, чему учиться надо на собственном опыте. То, что я рассказал тебе, дочка, в тот день, когда взял тебя наверх добывать, даже не азбука в нашем деле. Я старался тебя научить, потому что твоя мать попросила меня. И видишь, куда это нас привело?

— Перестань, Под, — отдуваясь, сказала Хомили (они шли слишком быстро), — к чему вспоминать прошлое?

— Но это именно я и хочу сказать, — возразил ей Под. — Прошлые и есть опыт, на прошлом учишься. Понимаешь, когда идёшь добывать...

— Но ты занимался этим всю жизнь, Под... ты прошёл выучку, а Арриэтта поднялась наверх всего один раз...

— Это я и хочу сказать! — сердито вскричал Под, приостанавливаясь, чтобы Хомили могла его догнать, и упрямо продолжал: — Это именно я и хочу сказать. Если бы она знала хоть азбуку того, как надо прятаться...

— Берегись! — раздался резкий возглас Арриэтты, опередившей их на несколько шагов.

Послышался нарастающий шум и громкое хриплое карканье. Их покрыла большая тень... и внезапно на тропинке остался стоять один Под — лицом к лицу с огромной чёрной вороной.

Птица глядела на него злобно, но немного опасливо, кривые когти были слегка повернуты

внутри, большой клюв приоткрыт. Под, замерев на месте, тоже глядел на птицу. Он был похож на короткий и толстый гриб, выросший вдруг на тропинке. Огромная птица повернула голову набок и с любопытством поглядела на Под другим глазом. Под не двигался и по-прежнему пристально смотрел на неё. Ворона издала горлом тихий звук, похожий на бляенье, и, удивлённая, сделала шаг вперёд. Под по-прежнему не двигался. Ворона сделала один косой прыжок... второй... и тут — всё с тем же неподвижным лицом — Под заговорил.

— Убирайся туда, где ты была, — сказал он спокойно, даже дружески, и птица приостановилась в нерешительности. — И, пожалуйста, без глупостей. Нам это ни к чему, — продолжал Под ровным голосом. — Косолапая ты, вот что я тебе скажу! Я раньше и не замечал, что вороны косолапые. Выпялилась на меня одним глазом и голову набок свернула... Верно, думаешь, это красиво... — Под говорил вежливо, даже любезно. — А вот и нет, при таком-то клюве...

Ворона застыла на месте. Каждая линия её оцепеневшего тела выражала теперь не любопытство, а полнейшее изумление. Она не верила своим глазам.

— Прочь отсюда! Убирайся! — вдруг закричал Под, делая к ней шаг. — Кыш!..

И огромная птица, бросив на него безумный взгляд, испуганно каркнула и поднялась в воздух, хлопая крыльями. Под вытер лоб рукавом. Из-под листа наперстянки выползла Хомили, всё ещё бледная и дрожащая.

— О, Под, — тяжело дыша, проговорила она, — это просто чудо! Ты — настоящий герой.

— Это совсем не трудно... Главное — держать себя в руках.

— Но она такая огромная! — сказала Хомили. — Когда они в воздухе, даже представить трудно, что они такой величины.

— Величина тут ни при чём, — сказал Под, — они разговора боятся. — Он смотрел, как Арриэтта выбирается из пустого пня и отряхивает платье. Когда она тоже посмотрела на него, он отвёл глаза. — Ну, — сказал он, немного помолчав, — пора двигаться.

Арриэтта улыбнулась и после секундного колебания подбежала к отцу.

— Ну, это уже зря, — еле слышно проговорил Под, когда она обвила руками его шею.

— Ах! — воскликнула Арриэтта, прижимаясь к отцу. — Ты заслужил медаль за отвагу... Я хочу сказать: ты не растерялся перед этой вороной.

— Нет, девочка, — возразил Под, — ты вовсе не это хотела сказать. Ты хотела сказать, что я её прозевал, что она поймала меня врасплох, в то самое время, как я рассуждал о том, что надо всегда быть начеку. — Он похлопал её по руке. — Но в главном ты права: мы действительно не растерялись. Вы с мамой не потеряли ни одной лишней секунды, и я вами горжусь. — Он отпустил её руку и закинул мешок за спину. — Но в следующий раз, — добавил он, внезапно оборачиваясь, — не прячься в пень. Он может быть пустым и в то же время полным, если ты меня понимаешь, и ты попадёшь из огня да в полымя...

Они шли всё вперёд и вперёд, не сходя с тропинки, проложенной рабочими, когда те рыли ров для газопровода. Тропинка вела через пастбище, постепенно взбираясь вверх. Так

они миновали два луга, проходя без труда под нижней перекладной любых накрепко запертых ворот и осторожно пробираясь между высохшими на солнце следами от коровьих копыт. Следы были похожи на кратеры, края у них осыпались, и один раз Хомили, покачнувшись под тяжестью ноши, оступилась и оцарапала колено.

На третьем лугу газопровод пошёл налево, и Под, увидев далеко впереди перелаз через живую изгородь, решил, что они могут спокойно оставить газопровод и идти дальше по тропинке у изгороди.

— Уже недолго осталось, — успокаивающе произнёс он, когда Хомили стала умолять, чтобы он дал им немного отдохнуть, — но останавливаться нам нельзя. Видишь вон тот перелаз? Мы должны прийти к нему до захода солнца.

И они потащились дальше. Для Хомили этот последний отрезок пути был самым тяжёлым. Её натруженные ноги двигались механически, как ножницы; согнувшись под поклажей, она с удивлением смотрела, как её ступни попеременно выступают вперёд — она вообще больше не чувствовала ног, не понимала, как они тут оказались.

Арриэтта жалела, что им виден перелаз, ей казалось, что они топчутся на месте. Уж лучше глядеть на землю и лишь время от времени поднимать глаза — тогда видишь, насколько ты продвинулся.

Наконец они достигли вершины холма; направо, в дальнем конце пшеничного поля, за живой изгородью лежал лес, а прямо перед ними простиралось — сперва чуть спустившись вниз, затем полого поднимаясь к горизонту — огромное пастбище, испещрённое тенями от деревьев, позади которых на розовом небе садилось солнце.

Добывайки стояли на кромке пастбища, не в силах отвести от него глаз в благоговейном страхе перед его необъятностью. Посреди этого бесконечного моря дремлющей травы плавал зелёный островок деревьев, почти погружившийся в тень, которую он отбрасывал далеко от себя.

— Это и есть Паркинс-Бек, — сказал после долгого молчания Под.

Они стояли все трое под перелазом, страшась выйти из-под его гостеприимного крова.

— Паркинс... что? — тревожно спросила Хомили.

— Паркинс-Бек. Это название пастбища. Здесь они и живут — Хендрири и его семейство.

— Ты хочешь сказать, — медленно проговорила Хомили, — здесь и есть барсучья нора?

— Вот-вот, — отозвался Под, глядя вперёд.

В золотом свете заходящего солнца усталое лицо Хомили казалось жёлтым, челюсть отвисла.

— Здесь... но где — здесь? — спросила она.

Под махнул рукой.

— Где-нибудь на этом поле, — сказал он.

— На этом поле... — тупо повторила Хомили, вперив взгляд в его едва различимые границы и далёкие группки утонувших в тени деревьев.

— Ну, само собой, нам придётся поискать эту нору, — смущённо сказал Под. — Не думала же ты, что мы направимся прямо к ней.

— Я думала, ты знаешь, где она, — сказала Хомили. Голос её звучал хрипло. Арриэтта, стоявшая между родителями, непривычно для себя самой молчала.

— Я привёл вас сюда, не так ли? — сказал Под. — На худой конец, переночуем на открытом воздухе, а завтра с утра начнём искать.

— А где ручей? — спросила Арриэтта. — Кажется, тут где-то должен быть ручей.

— Так оно и есть, — ответил Под. — Он течёт с той стороны пастбища вдоль живой изгороди, а потом сворачивает — вон там — и пересекает тот дальний угол. Та густая зелёная полоса — неужели не видишь? — это камыш.

— Да-а, — неуверенно протянула Арриэтта, изо всех сил напрягая глаза, затем добавила: — Я хочу пить.

— И я, — сказала Хомили и вдруг села на землю, как будто из неё выпустили воздух. — Всю дорогу вверх шаг за шагом, час за часом я говорила себе: «Ничего, как только мы доберёмся до этой барсучьей норы, я сяду и первым делом выпью чашечку горячего крепкого чая», — только это меня и подбадривало.

— Что ж, и выпьешь, — сказал Под, — у Арриэтты есть свечка.

— И я тебе ещё кое-что скажу, — продолжала Хомили, глядя перед собой. — Я не могу идти через это поле, ни за что на свете не пойду, придётся нам обходить его кругом.

— Так мы и сделаем, — сказал Под, — посреди поля барсучьей норы не найдёшь. Мы обойдём его вокруг постепенно, одна сторона за другой, и начнём завтра с утра. Но сегодня нам придётся спать не раздеваясь, это точно. Сейчас начинать поиски нет смысла, скоро совсем стемнеет, солнце вот-вот зайдёт за холм.

— И собираются тучи, — сказала Арриэтта, глядевшая на закат. — Как быстро они мчатся!

— Дождь! — вскрикнула Хомили в ужасе.

— Надо спешить, — сказал Под, закидывая мешок за спину. — Давай сюда твой, Хомили, тебе будет легче идти...

— В какую нам сторону? — спросила Арриэтта.

— Пойдём вдоль этой, более низкой изгороди, — сказал Под, трогаясь с места. — Постараемся добраться до воды. Если нам это не удастся до того, как пойдёт дождь, укроемся где сможем.

— Что значит — где сможем? — спросила Хомили, ковыляя следом за ним по кочкам в густой траве. — Осторожно, Под, крапива!

— Вижу, — сказал Под. (Они шли сейчас по дну неглубокого рва.) — Что это значит? Ну, в ямке или ещё где-нибудь, — продолжал он, — например, в такой, как эта. Видишь? Под тем корнем.

Подойдя к корню, Хомили заглянула внутрь.

— Ой, нет, я туда не полезу, — сказала она, — там внутри может кто-нибудь быть.

— А то заберёмся под изгородь, — сказал Под.

— Ну, там от дождя не укрыться, — сказала Арриэтта. — Она шла немного в стороне от родителей по склону рва, где трава была ниже. — Мне отсюда видно: там одни стволы и ветки. — Ей стало зябко от свежего ветерка, под которым вдруг закачались листья на кустах, загремели сухие стручки, стучаясь друг о друга. — Небо уже почти совсем затянуло! — крикнула Арриэтта.

— Да, скоро стемнеет, — сказал Под, — ты лучше спускайся сюда к нам, не ровён час — потеряешься.

— Не потеряюсь, мне отсюда лучше видно. Глядите-ка! — вдруг закричала она. — Тут лежит старый ботинок. Он нам не подойдёт?

— Старый — что? — не веря своим ушам, переспросила Хомили.

— Возможно, — сказал Под, оглядываясь по сторонам. — Где он?

— Слева от тебя. Вон там. В высокой траве...

— Старый ботинок! — вскричала Хомили, увидев, что он скидывает на землю оба мешка. — Ты в своём уме, Под?

Но не успела она кончить, как хлынул дождь, по траве запрыгали огромные капли.

— Возьмите мешки и станьте обе под лист щавеля, а я пока посмотрю.

— Старый ботинок... — повторила Хомили, всё ещё не веря сама себе, в то время как они с Арриэттой скорчились под широким листом. Ей пришлось кричать во всё горло — дождь не шуршал, а грохотал по листу. — Ну и шум! — жалобно сказала Хомили. — Прижмись ко мне, Арриэтта, ты простудишься, это уж как пить дать. Батюшки, мне попало за шиворот!..

— Смотри, — сказала Арриэтта, — папа нас зовёт. Пойдём.

Хомили наклонила голову и выглянула из-под качающегося листа. Там в нескольких ярдах от них стоял Под, еле видный среди мокрой травы за завесой дождя. «Как в тропиках», — подумала Арриэтта, вспомнив свой «Географический справочник». Она представила себе, как человек борется со стихиями, болота в джунглях, дышащие миазмами леса... А она смогла бы?..

— Что твоему отцу нужно? — раздался недовольный голос Хомили. — Не можем же мы выйти из-под листа в такой ливень... Ты только взгляни.

— Мы скоро будем по колено в воде, — сказала Арриэтта, — ты разве не видишь? Ведь это ров. Ну же, мама, вылезай. Нам надо со всех ног бежать туда, папа нас зовёт.

Они кинулись бегом, пригнувшись к земле и чуть не оглохнув от грохота дождя. Под помог им подняться повыше, туда, где росла более высокая трава, подхватил их мешки, и они при-

нялись, скользя и падая, пробираться следом за ним через «дебри», как говорила сама себе Арриэтта.

— Вот он, — сказал Под, — забирайтесь.

Ботинок лежал на боку; попасть внутрь можно было только ползком.

— Батюшки! — не переставая повторяла Хомили. — Батюшки!.. — И боязливо оглядывалась вокруг. Но внутри ботинка было темно. — Интересно, кто его раньше носил, — сказала Хомили и остановилась на месте.

— Ну что ты застыла, — сказал Под, — двигайся дальше! Не бойся.

— Дальше? Ни за что, — сказала Хомили, — я не сделаю дальше ни шага. Там, в носке, может что-нибудь быть.

— Не бойся, — повторил Под, — я смотрел. В носке нет ничего, кроме дыры. — Он сложил мешки с одного бока. — Можно будет прислониться к ним, — сказал он.

— Ах, если бы знать, кто его носил, — повторила Хомили, вытирая мокрое лицо ещё более мокрым передником и боязливо всматриваясь в темноту.

— Ну и что бы это тебе дало? — спросил Под, развязывая самый большой мешок.

— Знать бы, чистюля он был или грязнуля, — сказала Хомили, — и отчего он умер. А вдруг от какой-нибудь заразной болезни.

— С чего ты взяла, что он умер? — спросил Под. — Скорее всего он здоров как бык и, возможно, в эту самую минуту, вымыв руки, садится за стол пить чай.

— Чай? — переспросила Хомили, и лицо её просветлело. — Где свеча, Под?

— Вот она, — сказал Под. — Арриэтта, дай-ка мне восковую спичку и среднюю крышку от

пузырька из-под аспирина. Мы должны экономно расходовать заварку. Впрочем, мы всё должны расходовать экономно.

Хомили протянула палец и дотронулась до изношенной кожи.

— Завтра утром я устрою тут, внутри, генеральную уборку, — сказала она.

— Совсем неплохой ботинок, — сказал Под, вынимая из мешка половинку ножниц. — Если хочешь знать, нам повезло, что мы его нашли. Можешь не волноваться, он чистый — чище не надо. И солнце его пекло, и дождь промывал, и ветер проветривал — и так год за годом. — Он воткнул лезвие ножниц в дырочку для шнурка и крепко привязал.

— Зачем ты это делаешь, папа? — спросила Арриэтта.

— Чтобы поставить на него крышку, понятно, — ответил Под, — это будет вроде кронштейна над свечой. Треноги-то у нас здесь нет. Пойди теперь набери в крышку воды, снаружи её предостаточно... Вот умница.

Да, снаружи воды было предостаточно, она низвергалась с неба потоками, но вход в ботинок был с подветренной стороны, и на земле перед ним остался крошечный сухой пяточок. Арриэтта без труда набрала воду, наклонив над крышкой остриём вперёд большой лист наперстянки. Вокруг слышался ровный шум дождя, из-за света свечи внутри ботинка мрак снаружи, казалось, ещё сгустился. Пахло травой и листьями, луговыми просторами и лесными зарослями, а когда Арриэтта повернулась, чтобы отнести воду, на неё повеяло ещё одним запахом — душистым, пряным, пьянящим. «Надо будет утром об этом вспомнить», — подумала Арриэтта; так пахла дикая земляника.

После того как они напились горячего чая и съели по хорошему куску сладкого рассыпчатого печенья, они сняли верхнюю одежду и развесили её на половинке ножниц над горящей свечой. Затем ещё немного побеседовали, накинув на плечи — один на троих — старый шерстяной носок...

— Вот смешно, — заметила Арриэтта, — сидеть в носке внутри ботинка.

Но Под, глядя на пламя свечи, тревожился, что они зря её тратят, и, когда одежда их немного просохла, погасил свечу. Уставшие до предела, они легли наконец на мешки и прижались друг к другу, чтобы было теплее. Последнее, что услышала Арриэтта перед тем, как уснуть, был ровный шум дождя, барабанившего по коже ботинка.

Глава шестая

Яблоко от яблони недалеко падает.

Из дневника Арриэтты.
16 августа

Первой проснулась Арриэтта. «Где это я?» — с удивлением подумала она. Ей было тепло, даже жарко, — с двух сторон от неё лежали Хомили и Под. Повернув слегка голову, она увидела в темноте три маленьких звёздочки; прошло несколько секунд, прежде чем она догадалась, что это такое. И тут всё, что произошло вчера, всплыло у неё в памяти: их бегство из дома, живая изгородь из бирючины, через которую они как безумные пробирались в сад, утомительный путь в гору, дождь, ботинок... Ма-

ленькие золотые звёздочки, поняла Арриэтта, — это дырки для шнурков.

Арриэтта осторожно села. Её охватила благоуханная свежесть. Через вход в ботинок она увидела, словно в рамке, чудесную картину: освещённая мягкими лучами солнца, чуть колышущаяся трава, примятая там, где они вчера пробирались, таща за собой мешки; жёлтый лютик — липкий и блестящий на вид, словно только что выкрашенный масляной краской; на рыжеватом стебле щавеля — тля, такого нежно-зелёного цвета, что против солнца она казалась совсем прозрачной. «Муравьи их доят, — вспомнила Арриэтта, — может, и нам попробовать?»

Она проскользнула между спящими родителями и, как была — босиком, в ночной кофточке и нижней юбке, — отважно вышла наружу.

Был прекрасный солнечный день — от омытой дождём земли поднималось множество ароматов. «Вот об этом, — подумала Арриэтта, — я всегда и мечтала, это я и представляла себе, я знала, что это существует на свете... знала, что мы это увидим!»

Она пробралась между травинки — тёплые, согретые солнцем дождевые капли ласкали её, спустилась немного вниз по направлению к изгороди, выбралась из густо растущей высокой травы и вошла в неглубокий ров, где вчера вечером в темноте под дождём ей показалось так страшно.

Дно рва было покрыто тёплой на ощупь грязью, которая быстро сохла на солнце; от него к живой изгороди поднималась пологая насыпь. Ах, какая чудесная это была насыпь, с множеством корней и крошечным папоротником, с небольшими песчаными норками, с листьями фиалки, с розовыми звёздочками лесной гвоздики

и — то тут, то там — с шариками более тёмного алого цвета — лесной земляникой.

Арриэтта стала взбираться наверх — неторопливо, блаженно, нежась под тёплым солнцем; её босые ноги без труда находили путь, не то что неуклюжие ноги людей. Арриэтта сорвала три земляничины и с наслаждением их съела, лёжа на спине на песчаной площадке перед мышинной норой. Отсюда ей было видно всё пастбище, но сегодня оно выглядело по-иному — такое же огромное, как и раньше, так же странно поднимающееся к небу, но светлое и полное жизни под лучами утреннего солнца. Теперь все тени шли в другом направлении и казались влажными на сверкающей золотом траве. Арриэтта увидела вдаль одинокую купу деревьев; по-прежнему казалось, что они плывут по травяному океану. Она подумала о страхе матери перед открытым пространством. «А я бы пошла через это поле, — сказала себе Арриэтта, — я бы куда угодно пошла...» Может быть, так же думала и Эглтина? Эглтина — дочка дяди Хендрири, которую, по словам родителей, съела кошка. Неужели, если ты смел, ты обязательно попадёшь в беду? Неужели действительно лучше, как ей внушают, жить потихоньку от всех в тёмном подполье?

Проснулись муравьи и занялись своими делами — они торопливо и озабоченно сновали то туда, то сюда меж зелёных былинки. Время от времени кто-либо из муравьёв, покачивая усиком, поднимался на верх травинки и обозревал окрестности. Ах, как празднично было на сердце у Арриэтты. Да — на горе или радость — они здесь, под открытым небом, и обратного пути нет!

Подкрепившись земляникой, Арриэтта вскарабкалась по насыпи ещё выше и вошла под

тенистую живую изгородь. Над её головой была зелёная пустота, испещрённая солнечными пятнами. А ещё выше, там, куда с трудом мог достать взор, уходили вверх ряд за рядом и ярус за ярусом зелёные своды, и пересекались во всех направлениях упругие ветви — изнутри изгородь походила на собор.

Арриэтта поставила ногу на нижний сук и подтянулась в зелёный сумрак. Это оказалось совсем нетрудно — ведь со всех сторон под рукой были ветки, — куда легче, чем подниматься по лестнице. Забраться на лестницу такой высоты — настоящий подвиг, нужны выносливость и терпение, а какой интерес? Каждая ступенька в точности такая же, как другая. А здесь всё было разным. Одни веточки были сухие и жёсткие, с них тут же слезали кольца серовато-коричневой коры, другие были гибкие, живые, напоённые соком. На таких Арриэтта качалась (как часто она мечтала об этом в той, другой, жизни в подполье!). «Я приду сюда в ветреный день, — сказала она себе, — когда все кусты оживают и клонятся до самой земли...»

Она взбиралась всё выше и выше. Нашла пустое птичье гнездо — устилавший его мох был сухой, как солома. Арриэтта забралась внутрь и немного полежала. Затем принялась кидать на землю кусочки мха. Глядя, как они отвесно падают вниз меж сучьев сквозь путаницу ветвей, она куда сильнее ощущала высоту и испытывала восхитительное головокружение, приятное, пока она была в гнезде. Но покидать это убежище и карабкаться дальше вверх показалось ей теперь куда опасней, чем раньше. «А что, если я упаду, — подумала Арриэтта, — как этот мох? Пролечу по воздуху здесь, в тени, буду ударяться, как они, по пути о сучья?» Но она всё же

решилась. Не успели её руки обхватить ветку, а пальцы босых ног чуть растопыриться, чтобы уцепиться за кору, как Арриэтта почувствовала, что ей ничто не грозит, — в ней проснулась способность (до сих пор она скрывалась в самых глубинах её существа) взбираться на любую высоту. «Это у меня наследственное, — сказала себе Арриэтта, — вот почему у добываек кисти и ступни длиннее, чем у людей; вот почему папа может спуститься со стола по складке на скатерти, вот почему он может залезть на портьеры по бомбошкам, вот почему он может соскользнуть по тесьме с бюро на стул, а со стула на пол. Если я девочка и мне не разрешали добывать, это ещё не значит, что я лишена этой способности...»

Внезапно, подняв голову, сквозь кружевное плетение листьев, шелестевших и трепетавших под её торопливой рукой, Арриэтта увидела голубое небо. Поставив ногу в развилку ветки и подкинув тело наверх, Арриэтта зацепилась за шип дикой розы и разодрала юбку. Она вытащила шип из ткани и зажала в руке (по величине он был всё равно что рог носорога для человека). Шип оказался лёгким для своей величины, но очень острым и грозным на вид. «Он может нам пригодиться, — мелькнуло в уме Арриэтты. — Надо подумать... что-нибудь... какое-нибудь оружие...» Ещё один рывок, и её голова и плечи оказались над изгородью. На Арриэтту упали горячие солнечные лучи, и, ослеплённая блеском, она прищурила глаза, чтобы всё рассмотреть.

Горы и доли, луга и леса — всё нежилось на солнце. На соседнем пастбище паслись коровы. Через поле к лесу шёл человек с ружьём — у него был совсем безобидный вид, казалось,

он очень далеко. Арриэтта увидела крышу дома тёти Софи; из кухонной трубы шёл дым. На повороте дороги, вившейся меж живых изгородей, вдалеке показалась тележка молочника; поблёскивала металлическая маслобойка, еле слышно, как волшебные колокольчики, позвякивали медные украшения на упряжи. Что за мир — миля за милей, горизонт за горизонтом, сокровище за сокровищем, — полный самых невообразимых богатств, и она могла ничего этого не увидеть! Могла жить и умереть, как многие её родственники, в пыльном полумраке, спрятавшись под полом или за стенными панелями.

При спуске вниз Арриэтта нашла ритм: смелый бросок, затем разжать пальцы и упасть на ближайшее скопление листьев, своего рода сеть из гибких веточек, пружинящих под руками и ногами. Инстинкт подсказывал Арриэтте, что сеть её удержит: надо было лишь слегка коснуться её и спускаться дальше. Гуще всего листья росли на концах ветвей, а не внутри изгороди, и путь Арриэтты вниз больше всего напоминал катанье на волнах: прыжок — скольжение, прыжок — скольжение.

Но вот Арриэтта мягко спрыгнула на травянистый склон, и последняя веточка, упруго и грациозно покачиваясь над её головой, вернулась на своё место.

Арриэтта посмотрела на руки: на одной ладони была ссадина. «Ничего, зарубеют», — сказала она себе. Волосы её стояли дыбом и были полны кусочков коры, а в белой вышитой нижней юбке зияла большая дыра.

Арриэтта торопливо сорвала три ягоды земляники, надеясь задобрить родителей, и, завернув их в лист от фиалки, чтобы не испачкать коф-

точку, спустилась с насыпи, пересекла ров и вошла в высокую траву.

У Хомили, стоявшей возле входа в ботинок, был, как всегда, озабоченный и встревоженный вид.

— Ах, Арриэтта! Куда ты пропала? Завтрак был готов уже двадцать минут назад. Твой отец чуть с ума не сошёл.

— Почему? — удивлённо спросила Арриэтта.

— Он страшно волнуется... всюду тебя искал.

— Я была совсем рядом, — сказала Арриэтта. — Я лазала на изгородь. Вы могли меня позвать.

Хомили приложила палец к губам и боязливо посмотрела по сторонам.

— Здесь нельзя звать, — сказала она, понижая голос до сердитого шёпота. — Твой отец говорит, здесь вообще нельзя шуметь. Ни звать, ни кричать — ничего, что могло бы привлечь внимание. Опасность, твердит он, опасность — вот что окружает нас со всех сторон.

— Я не хочу сказать, что нам надо всё время говорить шёпотом, — подхватил Под, появляясь неожиданно из-за ботинка. В руках у него была половинка ножниц (он выкашивал узкий проход в самой густой траве). — Но никуда больше не уходи, дочка, не сказав, куда ты идёшь, и зачем, и на сколько. Поняла?

— Нет, — сказала Арриэтта неуверенно. — Не совсем. Я хочу сказать, я не всегда знаю, зачем я иду. (Зачем, например, она взобралась на самый верх живой изгороди?) Где тут опасность? Я ничего не видела. Если не считать трёх коров на соседнем поле.

Под задумчиво взглянул наверх, туда, где в чистом небе недвижно висел ястреб-перепелятник.

— Опасность везде, — сказал он, помедлив секунду. — Впереди и позади, наверху и внизу.

Глава седьмая

Нет худа без добра.

Из дневника Арриэтты.

27 августа

Хомили и Арриэтта ещё не кончили завтракать, а Под уже занялся делом. Он ходил задумчиво вокруг ботинка, осматривал его со всех сторон, щупал кожу опытной рукой, глядел на неё вблизи, затем отступал, прищулив глаза, назад. Наконец вынес наружу походные мешки один за другим и аккуратно сложил на траве, а сам забрался внутрь. Хомили и Арриэтта слышали, как он отдувался и бормотал что-то, опустившись на колени, — они догадались, что он внимательно проверяет все швы, пазы, качество работы и измеряет размеры «пола».

Через некоторое время Под вышел и сел на траве рядом с ними.

— Жаркий будет денёк, — сказал он медленно, — вон как солнце палит.

Он снял галстук и тяжело перевёл дух.

— Что ты там рассматривал, Под? — спросила немного погодя Хомили.

— Ты видела этот ботинок, — сказал Под и тоже помолчал. — Бродяги таких не носят, и для рабочих людей таких не шьют; этот ботинок, — продолжал Под, пристально глядя на Хомили, — принадлежал джентльмену.

— Ах, — облегчённо вздохнула Хомили, прикрывая глаза и обмахиваясь бескостной ладонью. — Как будто гора с плеч свалилась!

— Почему, мама?! — возмущённо спросила Арриэтта. — Чем тебе не годится ботинок, который носил рабочий человек? Папа ведь тоже рабочий человек, не так ли?

Хомили улыбнулась и с сожалением покачала головой.

— Всё дело в качестве, — сказала она.

— Да, здесь твоя мать права, — сказал Под. — Этот ботинок ручной работы, я редко держал в руках такую прекрасную кожу. — Он наклонился к Арриэтте. — А к тому же, дочка, обувь джентльмена всегда ухожена, её смазывают и ваксят каждый день. Если бы не это, неужели, вы думаете, этот ботинок смог бы выдержать — а он выдержал — дождь и ветер, жару и мороз? Да, джентльмены платят немалые деньги за свою обувь, но уж и требуют высокое качество.

— Так, так, — утвердительно кивала головой Хомили, глядя на Арриэтту.

— Дыру в носке я могу залатать, — продолжал Под, — куском кожи от языка. Сделаю на совесть, комар носа не подточит.

— К чему зря тратить время да нитки! — воскликнула Хомили. — Я хочу сказать: ради одной-двух ночей. Мы ведь не собираемся *жить* в ботинке, — сказала она, рассмеявшись, словно сама мысль об этом была нелепа.

— Я вот о чём подумал... — начал было Под.

— Я хочу сказать, — не слушая его, продолжала Хомили, — ведь у нас же есть родичи, которые живут на этом лугу... Хотя я и не считаю, что барсучья нора — подходящий дом, но всё же этот дом есть, и где-то неподалёку.

Под кинул на неё серьёзный взгляд.

— Может быть, — промолвил он так же серьёзно, — но всё равно я вот о чём думал. Я думал, — продолжал он, — родичи или не родичи они нам, они — добывайки. Верно? А кто из человек, к примеру, видел добываек? — И он с вызовом поглядел вокруг.

— Кто? Да мальчик, — начала Арриэтта. — И...

— А, — сказал Под, — потому что ты, Арриэтта, ещё не была добывайкой... не начала даже учиться, как надо добывать... Сама подошла и заговорила с ним — и как только не стыдно?! — сама разыскала его — ничего лучшего не нашла. И я тебе сказал тогда, к чему это приведёт. За нами станут охотиться, сказал я, и кошки, и крысоловы, и полисмены, и все кому не лень. Так и вышло, я был прав.

— Да, ты был прав, — сказала Арриэтта, — но...

— Никаких «но», — сказал Под. — Я был прав тогда, и я прав сейчас. Ясно? Я всё это продумал, я знаю, о чём говорю. И на этот раз я никаких глупостей не потерплю. Ни от тебя, ни от твоей матери.

— От меня ты никаких глупостей не услышишь, Под, — кротко сказала Хомили.

— Ну так вот, — продолжал Под, — я вот как всё это понимаю: люди высокие и ходят быстро; а когда ты высокий, тебе дальше видно... так? Я хочу сказать вот что: если при всём при этом люди не видят добываек... мало того, утверждают, будто мы и вовсе не существуем на свете, как можем мы, добывайки, — мы ведь и меньше людей, и ходим медленнее — надеяться их увидеть? Конечно, когда живёшь в одном доме с другими семьями, знаешь друг друга... Оно и понятно, мы ведь выросли под одной крышей. Но в новом месте, вроде того, как здесь, в чистом поле, если так можно сказать, добывайки прячутся от других добываек... Так мне кажется.

— Вот тебе на! — грустно вздохнула Хомили.

— Но мы вовсе не медленно двигаемся, — возразила Арриэтта.

— По сравнению с человеками, сказал я. Наши ноги передвигаются скоро, но их ноги длинней, посмотри только, какой они успевают пройти путь. — Под обернулся к Хомили. — Ты не расстраивайся. Я не говорю же, что мы никогда не найдём Хендрири... может быть, и найдём... и даже скоро. Во всяком случае до зимы...

— Зимы! — прошептала Хомили с ужасом в голосе.

— Но мы должны строить планы и действовать так, словно на свете не существует никаких барсучьих нор. Вы понимаете меня?

— Да, Под, — хрипло проговорила Хомили.

— Я всё это продумал, — повторил Под. — Что у нас есть: три мешка с пожитками, две шляпные булавки и старый ботинок. Нам надо смотреть правде в глаза и быть готовыми ко всему. Более того, — добавил он торжественно, — нам надо изменить свой образ жизни.

— Как — изменить? — спросила Хомили.

— Ну, например, отвыкнуть от горячей еды. Никаких чаёв, никаких кофеев. Мы должны оставить свечу и спички на зиму. Мы должны разыскивать свой хлеб насущный вокруг нас.

— Только не гусеницы, Под, — умоляюще проговорила Хомили, — ты ведь мне обещал! Я и кусочка не смогу проглотить!

— Тебе и не придётся этого делать, — сказал Под, — уж об этом я позабочусь. В такое время года полно других вещей. Ну а теперь вставайте, я хочу посмотреть, удастся ли нам сдвинуть ботинок с места.

— Что ты хочешь делать? — озадаченно спросила Хомили, однако они обе послушно поднялись на ноги.

— Видишь, какие тут шнурки? — сказал Под. — Крепкие и прочные, а почему? Да по-

тому, что их хорошо промаслили, а может, просмолили. Перекиньте каждая шнурок через плечо и тащите. Станьте спиной к ботинку... Верно, вот так... И идите прямо вперёд.

Хомили и Арриэтта налегли на постромки; ботинок, подпрыгивая на кочках, заскользил вперёд по траве, да так быстро, что они споткнулись и упали — кто мог ожидать, что он окажется таким лёгким!

— Осторожно! — закричал Под, трюся рысцой рядом с ними. — Постарайтесь не дёргать... Поднимайтесь... Вот, вот, правильно... Ровнее, ровнее... Прекрасно. Видите, — сказал он, когда, подтащив ботинок туда, где кончался островок высокой травы, они остановились перевести дух, — видите, как он летит? Как птица!

Хомили и Арриэтта потеряли плечи и ничего не сказали; они даже улыбались слегка — слабое отражение гордой и торжествующей улыбки Пода.

— Садитесь отдохните. Вы молодцы. Увидите теперь, всё будет хорошо.

Они послушно сели в траву. Под улыбался во весь рот.

— Вот, значит, какое дело, — начал он. — Я говорил вам об опасности... Тебе говорил, Арриэтта... Почему? Да потому, что мы должны быть не только храбрыми — и я не знаю никого храбрее твоей матери, когда у неё нет другого выхода, — но и благоразумными, мы должны думать о том, что нас ждёт, и не терять головы. Мы не можем позволить себе зря тратить силы — лазать по кустам просто для потехи и всё такое прочее, — и мы не можем позволить себе рисковать. Мы должны составить план на будущее и не отступать от него. Ясно?

— Да, — сказала Арриэтта.

Хомили кивнула головой.

— Отец прав, — сказала она.

— Нужно иметь главную цель, — продолжал Под, — а у нас она есть, прямо под рукой — нам надо найти барсучью нору. Как же нам это сделать? Пастбище это огромное, у нас уйдёт чуть не весь день на то, чтобы пройти вдоль одной его стороны, не говоря уж о времени, которое понадобится для нор; к вечеру мы будем валиться с ног от усталости, это уж как пить дать. Ну а если я пойду на поиски один, у твоей матери не будет за весь день и минуты покоя, она места себе не найдёт, пока я не вернусь, станет придумывать всякие страхи. И тебе покоя не даст, Арриэтта. Мы не можем позволить себе так выбиваться из сил. Когда волнуешься да суетишься по пустякам, перестаёшь соображать — понимаете, о чём я говорю? И вот тут-то и случаются несчастья. Теперь послушайте, — продолжал Под, — что я придумал: мы

обойдём это поле, как я уже говорил вам вчера, кругом по краю, один участок за другим, проверим все насыпи и живые изгороди, а стоянку будем устраивать день здесь, два дня там, как придётся. Ведь норы не всюду есть, нам попадутся такие места, где не встретишь ни одной барсучьей норы. Вот мы их и проскочим, если можно так выразиться. Но из этого ничего не выйдет, понимаешь, Хомили, если быть привязанным к дому.

— Ты хочешь сказать, — пронзительно воскликнула Хомили, — что нам придётся таскать за собой этот ботинок?

— Что ж, — сказал Под, — разве тебе было тяжело?

— Станет тяжело, когда мы положим туда все наши пожитки.

— По траве — нет, — сказал Под.

— А в гору?

— Но здесь, внизу, — всё ровно, — терпеливо возразил Под, — и так до камышей, затем вверх вдоль ручья, затем через поле — опять ровно, и последний кусок, который приведёт нас обратно к перелазу, — вниз с начала до конца!

— Хм! — сказала Хомили, её так и не удалось убедить.

— Ну, — сказал Под, — что у тебя на уме? Выкладывай, не стесняйся, я принимаю любые предложения.

— Ах, мама... — умоляюще начала Арриэтта, но тут же замолчала.

— А тащить всё время только мне и Арриэтте? — спросила Хомили.

— Ну как тебе это могло прийти в голову? — сказал Под. — Тащить, ясное дело, будем по очереди.

— Ну что ж, — вздохнула Хомили, — плетью обуха не перешибёшь!

— Вот и молодец! Я знал, что ты не струсишь, — сказал Под. — Что касается провианта... еды, — объяснил он, так как на лице Хомили выразилось недоумение, — лучше нам всем сразу стать вегетарианцами до мозга костей.

— Ни о каких костях и речи не будет, — угрюмо заметила Хомили, — если мы станем этими... вегетарианцами.

— Скоро созреют орехи, — сказал Под. — Вон там, в затишке, они уже и сейчас почти поспели. У них внутри что-то вроде молока. Сколько угодно ягод... ежевика, лесная земляника. Можно делать салаты — скажем, из одуванчика и щавеля. А на поле по ту сторону перелаза можно собрать колосья пшеницы. Мы справимся, главное — привыкнуть к новой жизни, не мечтать о ветчине, жареных пирожках с курятиной и тому подобном. Арриэтта, — продолжал он, — раз уж тебе так нравится лазать по кустам, пойдите-ка сейчас с мамой к изгороди — там есть лещина — и наберите орехов. Как ты, не против? А я займусь ботинком, надо его немного подлатать.

— А где тут орехи? — спросила Арриэтта.

— Вон там, на полпути до конца, — Под указал на густую светлую зелень в середине изгороди, — не доходя до воды. Ты заберёшься наверх, Арриэтта, будешь рвать орехи и кидать их вниз, а мама подбирать. Попозже я к вам приду, нам надо будет вырыть яму.

— Яму? Для чего? — спросила Арриэтта.

— Не можем же мы таскать все орехи — такую тяжесть — с собой, — объяснил ей Под. — Да они и не поместятся в ботинке. Всюду, где мы будем находить провиант, мы будем устраивать тайник, так сказать, и оставлять на зиму.

— На зиму... — чуть слышно вздохнула Хомили.

Однако, помогая ей перебраться через колдобины во рве, который вполне мог служить им столбовой дорогой — он был мелким, сухим и почти скрытым от чужих глаз, — Арриэтта чувствовала себя куда ближе к матери, чем всегда, скорее сестрой, чем дочкой, как она сказала сама себе.

— Ой, посмотри! — вскричала Хомили, когда они увидели тёмно-розовый цветок лесной гвоздики; она наклонилась и сорвала его тонкий, как волос, стебель. — Какая прелесть! — нежно сказала она, погладив хрупкие лепестки за грубым от работы пальцем, и засунула цветок в вырез блузки. Арриэтта нашла ему под пару светло-голубой первоцвет и воткнула его себе в волосы. Будний день вдруг превратился в праздник. «Цветы созданы для добываек», — подумала она.

Наконец они подошли к тому месту живой изгороди, где росла лещина.

— Ах, Арриэтта! — воскликнула Хомили, глядя на высоко раскинувшиеся ветки со смешанным чувством гордости и страха. — Тебе ни за что туда не забраться!

— Не забраться? Это мы ещё посмотрим! — Арриэтта была в восторге от того, что может похвастать тем, как она лазает по деревьям.

Она деловито, как настоящий рабочий, скинула фуфайку, повесила её на серо-зелёный шип чертополоха, потёрла ладони (плевать на них на глазах у матери она не решилась) и поднялась по насыпи.

Стиснув руки и прижав их к груди, Хомили смотрела снизу, как дрожат и качаются листья там, где, невидимая ей, взбирается наверх Арриэтта.

— У тебя всё в порядке? — без устали повторяла она. — Будь осторожна, дочка. Не ровён час, упадёшь и сломаешь ногу.

И вот уже сверху, словно пушечные ядра, посыпались один за другим орехи, и бедная Хомили принялась, задыхаясь, метаться под этим обстрелом туда и сюда, пытаясь найти их и собрать в одно место.

Сказать по правде, обстрел этот был неопасен, не так уж часто падали вниз орехи. Рвать их оказалось куда труднее, чем воображала Арриэтта. С одной стороны, было только начало лета, и орехи ещё не созрели, каждый орех был заключён в оболочку, напоминавшую тугую зелёную чашечку наперстянки, и крепко прикреплён к ветке. Пока Арриэтта не научилась поворачивать гроздь орехов резким движением, ей приходилось прилагать много усилий, чтобы её оторвать. Что ещё важнее, даже добраться до них было непросто: надо было медленно ползти по раскачивающейся ветке к самому её концу. (Позднее Под смастерил ей из кусочка свинца, шпагата и гибкого корня щавеля нечто вроде свинчатки, которой она сшибала орехи на землю.) Но Арриэтта не отступала, и вскоре во рву лежала порядочная кучка орехов, аккуратно сложенная вспотевшей от беготни Хомили.

— Хватит! — крикнула она наконец Арриэтте и перевела дух. — Больше не кидай, не то твоему бедному отцу придётся до ночи копать для них яму.

И Арриэтта, красная и разгорячённая, с царапинами на лице и ладонями в ссадинах, радостно принялась спускаться вниз. Она кинулась плашмя в кружевную тень папоротника и пожаловалась, что хочет пить.

— Там подальше есть вода, так сказал твой папа. Как ты думаешь, ты сможешь туда дойти?

Конечно, Арриэтта могла туда дойти. Устала или не устала, она твёрдо была намерена не дать угаснуть впервые вспыхнувшей в матери жажде приключений. Арриэтта захватила фуфайку, и они двинулись дальше вдоль рва.

Солнце поднялось выше, земля стала горячей. По дороге они увидели мёртвого крота, которым лакомились жуки.

— Не гляди, — сказала Хомили, ускоряя шаг и отводя глаза, словно они оказались свидетелями аварии на большой дороге.

Но Арриэтта, на этот раз более практичная, чем мать, сказала:

— Наверно, когда жуки с ним покончат, нам стоит забрать шкуру. Она может нам пригодиться... зимой, — уточнила она.

— Зимой... — прошептала Хомили. — Ты говоришь о ней нарочно, чтобы мне досадить, — добавила она, вдруг вспыхив.

Ручей оказался не столько похож на ручей, сколько на небольшой прозрачный пруд. Когда они к нему подошли, по воде во все стороны стали расходиться серебряные круги — это плюхались на дно вспугнутые ими лягушки. Ручей вытекал, извиваясь, из чащи леса за изгородью, пересекал угол поля и переходил в небольшое болото, где в грязи виднелись глубокие отпечатки коровьих копыт. На противоположной стороне ручья пастбище было ограждено не кустарником, а ржавой проволокой. Проволока была натянута между покрытыми плесенью столбами, идущими по воде. Казалось, стволы деревьев столпились позади этой хрупкой преграды и ждут не дождутся, когда они смогут ринуться вперёд через узкую полосу воды на залитое

солнцем поле. Арриэтта увидела голубую дымку незабудок и там и сям одинокие копыя камыша. Коровьи следы казались глубокими колодцами. Воздух был напоён восхитительным запахом ила, слегка сдобренного мятой. По зеркальной, лазурной, как небо, глади миниатюрного озера шла мелкая, волнистая рябь. «Как красиво», — подумала Арриэтта. Она была взволнована: ей никогда ещё не приходилось видеть сразу так много воды.

— Кресс-салат, — скучным голосом сообщила Хомили. — Захватим немного.

Они осторожно пробирались между высокими краинами кратеров от коровьих копыт. В тёмной глубине стоячей воды отражалось безоблачное небо. Наклоняясь над ними, Арриэтта видела на фоне сонной синевы своё лицо, чёткое, но странно перекошенное.

— Смотри не упади, Арриэтта, — остерегла её Хомили, — не забывай, у тебя всего две смены белья. Знаешь, — продолжала она, оживившись, — это очень пригодилось бы мне дома, под кухней. — Она указала на метёлочку камыша. — Как раз то, что нужно для чистки дымохода. Удивительно, что твой отец ни разу не подумал об этом... Подожди, не пей, — посоветовала она, — пока не подойдём к проточной воде. И салат тоже лучше не рвать там, где вода стоячая. Ещё подцепишь какую-нибудь заразу.

Наконец они нашли место, где можно было напиться: большой кусок коры одним концом крепко врезался в землю, а другим выступал в воду, образуя нечто вроде крошечного причала или дамбы. Кора была серая, шишковатая, и весь обломок походил на греющегося на солнце крокодила. Арриэтта легла на него во весь рост и, сложив ладони лодочкой, принялась за-

черпывать и пить большими глотками холодную воду. Хомили, немного поколебавшись, подобрала юбку и последовала её примеру.

— Как жаль, — сказала она, — что у нас нет с собой ни кувшина, ни ведра, ни даже бутылки. Нам бы пригодилась вода там, в ботинке.

Арриэтта не ответила. Сквозь бегущие поверху струи она блаженно всматривалась в самую глубину ручья.

— Вегетарианцы едят рыбу? — проговорила она немного погодя.

— Не могу сказать, — ответила Хомили, — надо узнать у твоего отца. — Но тут в Хомили заговорили её кулинарные пристрастия. — А что, тут есть рыба? — спросила она, глотая слюну.

— Масса, — мечтательно сказала Арриэтта, по-прежнему не отводя глаз от струящихся глубин. Кажется, что ручей тихонько дышит, подумала она. — Большая. Длинной с мою руку от кисти до локтя. И ещё какие-то стеклянные штуки, — добавила она, — вроде креветок.

— Что значит — стеклянные? — спросила Хомили.

— Ну, — объяснила Арриэтта всё тем же отсутствующим тоном, — я хочу сказать — сквозь них всё видно. И какие-то чёрные, — продолжала она, — похожие на бархатные шары, они прямо на глазах раздуваются.

— Скорее всего пиявки, — сказала Хомили, содрогнувшись, затем добавила неуверенно: — Пожалуй, они и ничего в тушёном виде.

— Как ты думаешь, папа может сделать рыболовную сеть? — спросила Арриэтта.

— Твой отец может сделать всё на свете, — убеждённо проговорила его преданная жена. — Неважно что — стоит только сказать.

Наступила тишина. Арриэтта тихо лежала на пропитанной солнцем коре. Казалось, она задумалась, и когда вдруг раздался её голос, Хомили испуганно подскочила на месте — она тоже в кои-то веки уgomонилась и уже стала погружаться в сон.

«Не дело, — подумала она, — засыпать на такой колоде, ничего не стоит перевернуться». И, встряхнув себя мысленно, она поднялась и заморгала глазами.

— Что ты сказала, Арриэтта? — спросила она.

— Я сказала, — не сразу ответила Арриэтта медленно и чуть нараспев (словно она тоже дремала), — почему бы нам не притащить ботинок сюда? Прямо на берег?

Глава восьмая

Мой дом — моя крепость.

Из дневника Арриэтты.

2 сентября

Это они и сделали. Под внимательно осмотрел участок, где они предлагали разбить лагерь, взвесил все «за» и «против» и с важным видом, словно сам всё это придумал, провозгласил, что они переносят стоянку на новое место, как и раньше, у изгороди, но поближе — насколько это будет безопасно — к ручью.

— Хомили надо будет стирать. Без воды нам не обойтись, — заявил он таким тоном, словно это только сейчас пришло ему в голову. — И не исключено, что немного попозже я сделаю рыболовную сеть.

Хотя ботинок был сильно нагружен, впрягшись все трое в постромки, они тянули его по рву без всякого труда. Под выбрал для лагеря

небольшую площадку, вернее даже нишу, или пещеру, на склоне на полпути между рвом и зелёной изгородью.

— Нельзя ставить дом очень низко, — объяснил он им (в то время как они вынимали на дне рва пожитки, чтобы легче было тащить наверх ботинок), — раз здесь бывают такие ливни, как вчера, и рядом ручей. Вы не должны забывать, — продолжал он, разбирая свои инструменты, — как нас залило дома, когда на кухне лопнул котёл.

— Не должны забывать! — фыркнула Хомили. — Как будто можно об этом забыть! Залило, да ещё крутым кипятком!

Она распрямила спину и стала смотреть вверх, туда, где должен был стоять их дом.

Лучшее место трудно было найти. «Настоящий замок», — подумала Арриэтта; только жить они будут не в темнице, а в светлице, потому что туда проникало достаточно воздуха и света. Когда-то давно большой дуб, входивший в живую изгородь, был спилен у самого основания. Крепкий круглый пенёк, поднимавшийся над землёй, — изгородь там была реже — напоминал башню средневековой крепости. Внизу во все стороны, как воздушные опоры, разметались корни. Часть из них всё ещё была жива, тут и там они выпустили зелёные побеги, похожие на крошечные дубки. Один из этих побегов нависал над их пещерой, кидая на её вход узорную тень.

Крышей пещере служила нижняя сторона большого корня, другие — помельче — образовывали стены и устилали пол. Под сказал, что боковые корни придутся кстати в качестве полок.

Он занимался (пока ботинок всё ещё лежал во рву) тем, что вытаскивал из каблука гвозди.

— Что ты делаешь? — заметила Хомили, в то время как они с Арриэттой отбирали те вещи, которые следовало перенести наверх прежде всего. — Ведь каблук расшатается.

— На что нам каблук? — возразил Под, вспотевший от напряжения. — Нам же этот ботинок не носить. А гвозди мне нужны, — закончил он не допускающим возражений тоном.

Плоская верхушка пня, решили они, пригодится им как наблюдательный пост, а также для выбеливания белья после стирки и для сушки кореньев и ягод. Или как ток для молотыбы. Хомили уговаривала Пода вырубить в склоне ступеньки, чтобы легче было взбираться. (Он сделал это, правда позднее, и впоследствии в течение многих лет натуралисты считали эти зарубки работой пятнистого дятла.)

— Нам надо вырыть тайник для орехов, — заметил Под, распрямляя ноющую спину, — но лучше сперва наведём здесь порядок и уют, если так можно сказать. Тогда, покончив с ямой и вернувшись домой, мы сможем сразу же лечь спать.

Семи гвоздей, решил Под, ему пока хватит (вытаскивать их было очень трудно). Ещё раньше, когда Под латал носок ботинка, он придумал одну вещь. Прежде ему приходилось иметь дело только с тончайшей лайкой от дамских перчаток, и его сапожное шило оказалось слишком хрупким, чтобы проткнуть толстую кожу ботинка. Вот он и решил использовать язычок электрического звонка как молоток, а гвоздь — как шило. С их помощью Под проколол два ряда дырок — один против другого — в самом ботинке и его языке (из которого он сделал заплату). Оставалось только продеть в них бечёвку и затянуть потуже, и заплата была готова.

Тем же самым манером Под проделал теперь несколько отверстий вдоль верхнего края ботинка, так что в случае необходимости они могли зашнуровать его на ночь... как застёгивают клапан у входа в палатку.

Затащить пустой ботинок наверх было нетрудно, но вот втиснуть его в нишу и положить в нужном направлении оказалось хитрым делом и потребовало искусного маневрирования. Наконец с этим было покончено, и они облегчённо вздохнули.

Ботинок лежал на боку, подошвой к задней стенке пещеры, верхним краем наружу, так что ночью они смогут заранее заметить любого, кто потревожит их покой, а утром на них упадут первые лучи солнца.

Под вбил несколько гвоздей в идущий вдоль правой стены корень, похожий на полку (почти вся левая стена пещеры была заслонена ботинком), и повесил на гвозди свои инструменты: половинку маникюрных ножниц, детский лоб-

зик, молоток (язычок от электрического звонка) и обломок лезвия от безопасной бритвы.

Над этой полкой в песке было углубление, которое Хомили могла приспособить под кладовую, места там было с избытком.

Когда Под поставил более длинную шляпную булавку возле входа в пещеру — самая выгодная стратегическая позиция, сказал он (булавку покороче, добавил Под, надо оставить в ботинке на случай ночных тревог), — они почувствовали, что на сегодня сделали больше, чем можно, и, хотя они очень устали, были собой довольны, ведь их труды не пропали даром.

— Ой, спина! — простонала Хомили, потирая поясницу. — Давайте немного отдохнём и полюбуемся видом.

И было чем любоваться. Освещённое полуденным солнцем поле было видно до самого конца. Из дальней купы деревьев вылетел фазан и, громко хлопая крыльями, полетел налево.

— Мы не можем тут долго рассиживаться, — сказал немного погодя Под, — нам надо ещё выкопать тайник.

С трудом поднявшись с земли, они взяли половинку ножниц, один из походных мешков — мало ли что могло попасться им по дороге — и спустились в ров.

— Ну, ничего, — утешал Под Хомили по пути, — зато потом сразу ляжем спать. И тебе не надо ничего готовить, — добавил он.

Но для Хомили это было плохим утешением. Она вдруг почувствовала, что не только устала, но и голодна. «Только почему-то, — подумала она хмуро, — мне не хочется орехов».

Когда они подошли к тому месту, где лежали орехи, и Под срезал первые куски дёрна, чтобы добраться до земли (для него это было не легче,

чем нам корчевать кусты или вырывать с корнем траву в пампасах), Хомили немного ожила, намереваясь доиграть до конца свою роль мужественной помощницы. Ей никогда не приходилось копать землю, но это её не пугало, даже наоборот. В этом диковинном мире возможны любые чудеса, вдруг у неё (кто знает?) окажется какой-нибудь новый талант.

Копать пришлось по очереди, ведь у них была на троих одна половинка ножниц. («Не горюйте, — сказал им Под, — завтра смастерю из чего-нибудь лопаты».)

Вдруг раздался громкий визг — это Хомили впервые в жизни встретила с червяком. Он был с неё величиной, даже больше, она увидела это, когда он весь выполз из земли.

— Хватай его! — закричал Под. — Он тебя не укусит. Надо привыкать.

И ещё до того, как Арриэтта (которой червяк тоже не очень пришёлся по вкусу) успела предложить свою помощь, Хомили, напрягшись всем телом, схватила извивающегося червяка и с каменным лицом выкинула его из ямы; червяк тут же благодарно уполз в траву.

— Тяжёлый, — заметила Хомили и, не прибавив больше ни слова, снова принялась копать.

«Правда, — подумала Арриэтта, — она выглядит бледней, чем обычно».

После третьего червяка Хомили стала обращаться с ними с профессиональной небрежностью опытных заклинателей змей. Казалось, ей просто надоело, что они ползают у неё под ногами. Арриэтта была потрясена. Однако когда Хомили выкопала многоножку, её спокойствие как рукой сняло. Хомили не только закричала во всё горло, но взбежала, подняв юбки, до середины насыпи и, взобравшись на плоский камешек,

принялась что-то быстро и невнятно говорить. Спустилась она лишь тогда, когда Под, пощекотав извивающееся чудовище кончиком ножниц, заставил его сердито ретироваться «в кусты».

Часть орехов они захватили с собой на ужин. Трёх ядрышек, нескольких ягод лесной земляники, листика или двух кресс-салата, вымытых в чистой воде, оказалось вполне достаточно, чтобы наесться, однако трапеза их была унылой. Чего-то недоставало. Сейчас бы съесть кусочек рассыпчатого печенья, выпить чашечку горячего сладкого чая! Но Хомили решила придержать последнее печенье на завтрак, а что до чая, то по распоряжению Поды он будет появляться у них на столе только по праздникам и при чрезвычайных обстоятельствах.

Однако спали они хорошо и чувствовали себя в безопасности под защитой дубового корня, да ещё зашнуровав сверху ботинок. Было, пожалуй, чуть-чуть душновато, но зато стало куда просторней, так как большая часть их пожитков была теперь сложена снаружи, в песчаной пещерке со стенами из корней.

Глава девятая

Что посеешь, то и пожнёшь.

Из дневника Арриэтты.

3 сентября

— Сегодня, — сказал Под за завтраком на — Следующее утро, — нам бы надо пойти пособирать колосья. Вон там, в той стороне, лежит поле, где уже сжали пшеницу. Орехи и фрукты, конечно, хорошая вещь, — продолжал он, — но зимой нам понадобится хлеб.

— Зимой? — простонала Хомили. — Мы ведь собирались искать барсучью нору, если я не ошибаюсь? И, — добавила она, — кто будет молоть зёрна?

— Ты и Арриэтта, — сказал Под. — Между двумя камнями. Это совсем нетрудно.

— Ещё немного, и ты предложишь мне добывать огонь трением палки о палку, — проворчала Хомили. — Как, по-твоему, я смогу печь хлеб без печи? А откуда мне взять закваску? Если хочешь знать моё мнение, — продолжала она, — ни к чему нам собирать колосья и пытаться печь из них хлеб — всё это ерунда. Нам надо совсем другое — положить в карманы по ореху, рвать ягоды, которые попадутся по пути, и как следует поискать семейство Хендрири.

— Будь по-твоему, — согласился, хоть и не сразу, Под и тяжело вздохнул.

Они убрали остатки завтрака, спрятали самые ценные вещи внутрь ботинка, зашнуровали его до конца и двинулись вверх по холму мимо ручья, вдоль живой изгороди, стоявшей под прямым углом к насыпи, на которой они провели ночь.

Утомительная это была прогулка. Единственное происшествие случилось в полдень, когда они отдыхали, весьма скромно перекусив перезревшими водянистыми ягодами ежевики. Хомили, откинувшись спиной на насыпь и устремив слипающиеся глаза в землю, вдруг увидела, что полоска земли словно движется, течёт вперёд нешироким безостановочным потоком между бревном и камнем.

— Ой, батюшки, Под! — еле слышно сказала она, убедившись, что это не обман зрения. — Ты видишь то, что вижу я? Там, у бревна...

Под, следуя за направлением её взгляда, ответил не сразу, и когда он наконец ответил, голос его был чуть громче шёпота.

— Да, — нерешительно сказал он. — Это змея.

— Ой, батюшки... — снова прошептала, дрожа от страха, Хомили. Сердце Арриэтты бешено забилося.

— Не шевелитесь, — шепнул Под, не сводя глаз с непрерывной живой струи; казалось, ей не будет конца. («Разве только, — подумала потом Арриэтта, — само время замедлилось, как, говорят, бывает в опасные мгновения».)

Змея всё ползла и ползла, но вот в тот самый миг, когда они почувствовали, что больше не выдержат, её хвост мелькнул и исчез.

Все трое перевели дыхание.

— Какая это змея, Под? — слабым голосом спросила Хомили. — Гадюка?

— Я думаю, уж, — сказал Под.

— О! — воскликнула Арриэтта и с облегчением засмеялась. — Они безвредные.

Под сердито посмотрел на неё; его лицо, похожее на булочку с изюмом, казалось сейчас недопечённым, так он был бледен.

— Для людей — да, — медленно сказал он. — Но не для нас. И что самое главное, — добавил он, — со змеями не поговоришь.

— Жаль, — заметила Хомили, — что мы не захватили шляпную булавку.

— Что толку? — возразил Под.

После полдника (на этот раз — ягоды шиповника, на ежевику уже и смотреть не хотелось) они обнаружили, что прошли больше половины пути вдоль третьей стороны поля. Им почти не приходилось искать барсучьи норы, ни на одном участке, оставленном позади, не нашлось бы ме-

ста для семейства дяди Хендрири, не говоря уж о колонии барсуков. Чем выше они поднимались, идя вдоль живой изгороди, тем ниже становилась насыпь, пока совсем не исчезла в том месте, где они теперь сидели, устало жуя шиповник.

— Отсюда почти столько же назад, — заметил Под, — старым путём, сколько вперёд, вокруг поля. Что скажешь, Хомили?

— Тогда лучше пойдём дальше вокруг поля, — хрипло прошептала Хомили, поперхнувшись семечком от шиповника, и закашлялась. — Ты ведь говорила, что почистила их, — упрекнула она Арриэтту, немного отдышавшись.

— Наверно, одну пропустила, — сказала Арриэтта. — Прости.

И она передала Хомили другую половинку ягоды, из которой только что выскребла семечки. Ей нравилось открывать розовые шары и выгребать из них золотистые семена, ей нравился вкус самих ягод. «Похоже на яблочную кожуру, — думала она, — чуть пахнущую розой».

— Что ж, — сказал Под, поднимаясь с земли, — тогда пошли.

Когда они достигли четвёртой — последней — стороны поля, солнце уже садилось. Живая изгородь бросала на землю густую неровную тень. В проёме между кустами золотилась освещённая низким солнцем стерня.

— Ну, раз мы уже здесь, — предложил Под, останавливаясь и глядя на скошенное поле, — а до дома дорога пойдёт под уклон, почему бы нам не прихватить по несколько колосьев?

— Ничего не имею против, — устало проговорила Хомили, — если они притопают сюда с поля и пойдут за нами следом.

— Пшеница лёгкая, — сказал Под. — Сколько надо времени, чтобы подобрать несколько колосков?

Хомили вздохнула. В конце концов, она сама предложила сегодняшний поход. «Назвался груздем, полезай в кузов», — подумала она.

— Пусть будет по-твоему, — сказала она покорно.

Один за другим все трое пролезли через дыру в изгороди на пшеничное поле.

Они попали (как показалось Арриэтте) в какой-то иной, странный мир, совсем не похожий на землю: золотая стерня, освещённая вечерним солнцем, стояла рядами, подобно заколдованному, потерявшему свои краски лесу; каждый «ствол» кидал длинную тень, и все эти тени, идущие в одном направлении, лежали параллельно друг другу, создавая причудливый крестообразный узор — чёрные тени и золотые стебли, — возникающий и исчезающий при каждом её шаге.

— Отрывайте колос вместе со стеблем, — посоветовал Под, — легче будет нести.

В этом переломанном, полном насекомых лесу было такое странное освещение, что Арриэтта то и дело теряла из виду родителей, но, обернувшись в панике назад, обнаруживала их совсем рядом, испещрённых светом и тенями.

Наконец Под сжалился — больше им было не снести. Они перебрались обратно через изгородь, каждый с двумя пучками колосьев, держа их за короткие стебли вниз головой. Арриэтте припомнился Крэмпфирл; там, в большом доме, он проходил мимо решётки с луком для кухни. Луковицы были нанизаны на верёвку и походили на зёрна пшеницы, да и по величине такая

вязанка была для него то же самое, что колос пшеницы для них.

— Не очень тебе тяжёло? Ты справишься? — обеспокоенно спросил Под, когда Хомили первая пустилась под гору.

— Уж лучше тащить их, чем молоть, — не оглядываясь, колко ответила Хомили.

— С этой стороны барсучью нору искать напрасно, — пропыхтел Под (он нёс самый тяжёлый груз), поравнявшись с Арриэттой. — Тут и пашут, и сеют, и боронят, тут и люди, и собаки, и лошади, и чего только нет...

— Где же она тогда? — спросила Арриэтта, кладя на минуту свою ношу на землю, чтобы дать отдых рукам. — Мы же обошли кругом всё поле.

— Осталось одно место, — сказал Под, — те деревья посредине, — и, стоя неподвижно в глубокой тени, он поглядел через пастбище.

В закатных лучах оно выглядело точно таким, как в тот первый день (неужели это было лишь позавчера?), но с этого места им была не видна длинная тень, которую отбрасывал островок деревьев.

— Открытое пространство, — сказал Под, всё ещё не отводя глаз. — Твоя мать не сможет перейти это поле.

— А я смогу, — сказала Арриэтта, — я бы с радостью пошла...

Под не ответил.

— Надо подумать, — сказал он немного погодя. — Идём, дочка. Бери свои колосья. Не то мы не успеем вернуться дотемна.

И они действительно не успели. Когда они брели знакомым путём по рву, наступили сумерки, а когда подошли к пещере, было почти совсем темно. Но даже в полумраке их зашну-

рованный с верхом ботинок внезапно показался им родным домом. Он словно говорил им: «Добро пожаловать!»

Хомили тяжело опустилась на землю у подножия насыпи, словно раздавленная своей ношей.

— Передохну минутку, — объяснила она, — и двинусь.

— Не спеши, — сказал Под, — я пойду вперёд и развяжу шнурки.

И, тяжело дыша, он стал подниматься по насыпи, таща за собой пучок колосьев. Арриэтта — за ним.

— Под! — крикнула Хомили снизу из темноты, не оборачиваясь к нему. — Знаешь что?

— Что? — спросил Под.

— Сегодня был тяжёлый день, — сказала Хомили. — Что, если мы выпьем по чашечке чая?

— Пей на здоровье, — сказал Под, расшнуровывая верх ботинка и осторожно шаря внутри. Он повысил голос, чтобы ей было там, внизу, слышно: — Только помни: утерянного не воротишь... Принеси-ка мне ножницы, Арриэтта. Они на гвозде в кладовой. — Через минуту он нетерпеливо крикнул: — Побейстрой! Что ты там копаешься целую вечность? Надо только руку протянуть.

— Их нигде нет, — раздался чуть погодя голос Арриэтты.

— Как это нет?

— Нет, и всё. Остальное на месте.

— Нет? — не веря своим ушам, повторил Под. — Подожди минутку, я сам посмотрю.

— Из-за чего вся эта суматоха? — не понимала всё ещё сидевшая внизу Хомили. Она не могла разобрать их слов.

— Что-то или кто-то здесь побывал, — раздался голос Пода после горестного молчания.

Подняв с земли колосья, Хомили стала карабкаться наверх, это было совсем нелегко в полумраке.

— Достань-ка спичку, — опять послышался встревоженный голос Пода, — и зажги свечу. — И Арриэтта принялась рыться в ботинке в поисках восковых спичек.

Когда крошечный язычок пламени, метнувшись в ту и другую сторону, наконец выровнялся, ниша на склоне насыпи осветилась, как театральная сцена. На её песчаных стенах заметались странные тени. Под, Хомили и Арриэтта, ходившие то туда, то сюда, казались нереальными, словно персонажи пьесы. Из темноты выступили три походных мешка, аккуратно сложенных вместе и перевязанных сверху бечёвкой, инструменты, висевшие на корне, а рядом, там, где поставил его Под, — стебель чертополоха с пурпурной головкой, которым он подметал утром пол. Под стоял, положив руку на пустой гвоздь. В свете свечи он был белый, как бумага.

— Они были здесь, — повторил он, похлопывая по гвоздю. — Я их здесь оставил.

— Этого нам не хватало! — воскликнула Хомили, опуская на пол колосья. — Надо снова как следует поискать. — Она отодвинула мешки и пошарила за ними. — А ты, Арриэтта, — приказала она, — пойдика посмотри с той стороны ботинка.

Но и там ножниц не было. Не было также, как они обнаружили, и шляпной булавки, той, что длиннее.

— Всё, что угодно, только не эти две вещи! — встревоженно повторял Под, в то время как Хомили в четвёртый раз пересматривала содержимое ботинка.

— Маленькая булавка здесь, — говорила она вновь и вновь, — одна всё же у нас осталась. Сам понимаешь, ни одно животное не может расшнуровать ботинок и...

— А какому животному могут понадобиться ножницы? — устало спросил Под.

— Сороке? — предположила Арриэтта. — Если они блестящие...

— Может быть, — сказал Под. — Ну а как насчёт шляпной булавки? Как сорока могла захватить в клюв сразу и то и другое? Нет, — задумчиво продолжал он, — это не похоже на сороку и вообще на птицу. Да и на зверька, если на то пошло. И я не думаю, чтобы это был человек. Человек, если бы он нашёл эту ямку, скорее всего растоптал бы тут всё. Люди всегда пнут сначала ногой, а уж потом тронут руками. Нет, — сказал Под, — по всему похоже, что тут поработал добывайка.

— О! — радостно воскликнула Арриэтта. — Значит, мы их нашли!

— Кого нашли? — спросил Под.

— Двоюродных братьев... сыночков дядюшки Хендрики...

Несколько мгновений Под молчал.

— Может быть... — сказал он.

— Может быть! — с сердцем передразнила его Хомили. — Кто ещё это мог быть? Они живут на этом поле, не так ли? Арриэтта, вскипяти немного воды, будь умницей, зачем зря тратить свечу.

— Послушай... — начал Под.

— Но мне не на что поставить крышку, — прервала его Арриэтта, — раз нет ножниц. В прошлый раз мы ставили её на кольцо.

— Ну что за наказание! — простонала Хомили. — Зачем только тебе голова? Придумай что-

нибудь. А если бы у нас вообще не было этой половинки ножниц? Обвяжи крышку верёвкой и подвесь над огнём, зацепи за гвоздь или корень... за что угодно. Что ты хотел сказать, Под?

— Что надо поберечь заварку, вот что. Мы ведь собирались пить чай только по праздникам или при чрезвычайных обстоятельствах.

— Это мы и делаем, не так ли?

— Что — это? — спросил Под.

— Празднуем. Похоже, что мы нашли тех, кого искали.

Под с тревогой взглянул на Арриэтту, которая в дальнем конце пещерки завязывала бечёвку вокруг нарезки на винтовой крышке от пузырька с аспирином.

— погоди, не торопись, Хомили, — предостерегающе произнёс он, понизив голос, — и не делай слишком поспешных выводов. Предположим, это был один из мальчиков Хендрири. Почему же тогда он не оставил записки или какого-нибудь знака, почему не подождал нас? Хендрири знает все наши вещи... хотя бы этот календарь с пословицами и поговорками. Не один раз видел его дома под кухней.

— Не пойму я, куда ты клонишь, — недоумевающе сказала Хомили, тревожно глядя, как Арриэтта медленно опускает полную крышку воды с корня над свечой. — Осторожнее! — закричала она. — Следи, чтобы не загорелась бечёвка.

— А вот куда, — продолжал Под. — Попробуй посмотреть на половинку ножниц, скажем, как на клинок или меч, а на шляпную булавку как на копьё или, скажем, кинжал. Так вот, тот, кто их у нас забрал, получил в руки оружие, понимаешь, что я имею в виду? А нас оставил безоружными.

— У нас есть вторая булавка, — заражаясь его волнением, сказала Хомили.

— Конечно, — сказал Под, — но он, тот, кто взял остальное, об этом не знает. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Да, — подавленно прошептала Хомили.

— Можешь пить чай, если хочешь, — продолжал Под, — но праздновать нам нечего. Во всяком случае пока.

Хомили уныло взглянула на свечу; над крышечкой уже поднимался лёгкий парок — отрада для её глаз!

— Ну что ж... — начала она и замолкла. Но вдруг снова оживилась: — Так или иначе, всё сводится к одному.

— О чём ты говоришь? — спросил Под.

— О чае, — объяснила Хомили, совсем воспрянув духом. — Раз ты сказал, что у нас украли оружие и всё прочее, положение серьёзное, спору нет. Некоторые из моих знакомых, — торопливо продолжала она, — даже сказали бы, что мы находимся в чрезвычайных обстоятельствах.

— Некоторые сказали бы, — уныло согласился Под.

И вдруг отскочил в сторону и принялся размахивать руками. Арриэтта завизжала, и Хомили подумала, что они оба сошли с ума.

И тут она увидела, что в нишу, привлечённая свечой, залетела неуклюжая ночная бабочка желтовато-коричневого цвета («Настоящее чудовище», — подумала Хомили) и, ослеплённая светом, стала, как пьяная, кружить по нише.

— Спасайте кипяток! — в панике закричала Хомили и, схватив чертополох, принялась размахивать им в воздухе.

По стенам и потолку заплясали тени, и среди беготни и криков добывайки не заметили, что ночь стала ещё темнее. Однако они почувствовали внезапный порыв ветра, услышали, как затрещала свеча, и увидели, что бабочка исчезла.

— Что это было? — спросила наконец Арриэтта, прервав испуганное молчание.

— Сова, — сказал Под, задумавшись.

— Она съела бабочку?

— Как съела бы и тебя, — сказал Под, — если бы ты разгуливала снаружи после наступления темноты. Век живи, век учись, — добавил он. — Больше никаких свечей после захода солнца. С восходом вставать, с заходом — в кровать, вот как мы теперь жить будем, и только так.

— Вода кипит, Под, — сказала Хомили.

— Насыпь заварку, — сказал Под, — и погаси огонь, прекрасно выпьем чай в темноте.

Повернувшись в другую сторону, он снова прислонил щётку из чертополоха к стене и, пока Хомили заваривала чай, быстро прибрал в пещере: сложил колосья штабелем у стенки ботинка, поправил мешки и вообще привёл всё в порядок, прежде чем ложиться спать. Закончив, подошёл к полке в глубине ниши и любовно проверёл рукой по аккуратно развешанным инструментам. Последние лучи света, перед тем как Хомили погасила свечу, упали на фигуру Поды — рука его лежала на пустом гвозде, — который уже долгое время стоял там в глубоком раздумье.

Глава десятая

Рыбак рыбака видит издалека.

Из дневника Арриэтты.

4 сентября

Спали они хорошо и проснулись ранним утром, полные бодрости и сил. Косые лучи солнца заливали нишу, а когда Под расшнуровал вход в ботинок, проникли внутрь, осветив всю его переднюю часть. Арриэтта принесла на

завтрак шесть ягод земляники, а Хомили раздробила молотком Пода несколько пшеничных зёрен. Смоченные водой, они сошли за кашу.

— Если ты ещё не наелась, Арриэтта, — сказала Хомили, — возьми себе орех.

Так Арриэтта и сделала.

Они наметили следующую программу на день: учитывая вчерашнюю пропажу, Под должен был один отправиться на середину поля к похожей на остров купе деревьев. Это была последняя попытка разыскать барсучью нору. Хомили останется дома из-за её боязни открытого пространства, и Арриэтте, сказал Под, придётся составить матери компанию.

— В доме полно работы. Прежде всего надо натереть хорошенько кусочком свечи один из походных мешков, чтобы он стал непромокаемым и можно было приносить в нём воду. Потом нужно распилить несколько орехов, из половинок скорлупы получатся хорошие чашки. И неплохо было бы собрать ещё немного и сложить в кладовой, ведь больше нет лопаты, чтобы выкопать тайник. Когда мы шли вчера домой, — добавил Под, — я заметил на изгороди у перелазы прекрасный клочок конских волос, который зацепился за куст куманики. Хорошо было бы, если бы вы пошли туда и принесли хоть часть домой, если вам не трудно, — я бы сделал рыболовную сеть. И размолоть ещё несколько зёрен тоже бы не помешало...

— Хорошего понемножку, Под, — запротестовала Хомили. — Мы рады тебе помочь, но мы всё же не рабы на плантациях.

— Как знаешь, — сказал Под, задумчиво глядя в дальний конец пастбища. — А только меня не будет почти весь день... пока я доберусь туда, пока обыщу всё, пока вернусь... Я бы не хотел, чтобы вы волновались...

— Я знала, что всё так и кончится, — уныло сказала Хомили, когда немного позднее они вощили кусочком свечи мешок. — Что я всегда говорила там, дома, когда ты просила, чтобы мы переселились? Разве я не говорила тебе, что нас ждёт? Сквозняки, ночные бабочки, червяки, змеи и всё такое. Ты сама видела, каково это, когда идёт дождь. А что будет зимой! Даже подумать страшно. Никто не может сказать, что я не стараюсь, — продолжала она, — и никто пока не замечает, чтобы я жаловалась, но помани мои слова, Арриэтта, нам не дожить до весны.

Из глаз Хомили упала круглая, как шарик, слеза и покатилась по навощённому мешку.

— Ну, после крысолова, — напомнила ей Арриэтта, — мы бы и дома не дожили до весны.

— Этот мальчик был прав, — продолжала своё Хомили. — И ничего удивительного. Помнишь, он говорил, что добывайкам пришёл конец? Наш час пробил. Если ты хочешь знать, что я думаю, — мы и правда вымираем.

Но когда, взявши мешок для воды и кусочек мыла, они пошли на ручей, Хомили немного повеселела. Сонная жара, тихий плеск крошечных волн у пристани из куска коры всегда действовали на неё умиротворяюще. Она даже посоветовала Арриэтте помыться и позволила ей поплескаться на мелководье. Вода прекрасно держала лёгонькое тельце девочки, и Арриэтта чувствовала, что недалёк тот день, когда она научится плавать.

Чувствуя себя после купанья бодрой и свежей, Арриэтта отправилась к перелазу за конским волосом, а Хомили осталась в нише и стала готовить второй завтрак. «Хотя что тут готовить?» — с раздражением подумала Хомили, выкладывая на стол несколько ягод шиповника и боярыш-

ника, немного водяного кресса и ядрышки двух орехов, расколотых молотком.

Волосы зацепились за куст куманики примерно на полпути от земли до верхушки, но Арриэтта, освежённая купанием, была только рада возможности полазять. Спускаясь вниз и нащупывая ногой опору, она коснулась голой подошвой не прохладной коры, а чего-то тёплого и мягкого. Арриэтта вскрикнула и повисла, крепко сжимая волосы и вглядываясь в гущу листьев внизу. Ничто не шевелилось, ничего не было видно, кроме переплетения ветвей, испещрённых солнечными пятнами. Секунда... другая... Арриэтта не отваживалась спускаться дальше, и тут ей почудилось какое-то движение, словно качнулся конец ветки. Приглядевшись, она увидела очертания загорелой руки. «Конечно, это не может быть рука», — сказала она себе, но ни на что другое это не было похоже — ладошка и маленькие мозолистые пальцы, не больше, чем у неё. Собравшись с духом, Арриэтта дотронулась до неё ногой, и рука схватила её за пятку. Стараясь вырвать ногу, Арриэтта потеряла равновесие и с визгом полетела на сухие листья, устилавшие землю. Хорошо, что до неё оставалось всего несколько веток. Вместе с Арриэттой спрыгнула небольшая фигурка одного с ней роста.

— Испугалась? — со смехом сказал незнакомец.

Тяжело дыша, Арриэтта уставилась на него. Смуглое лицо, чёрные глаза, всклокоченные чёрные волосы. Одет он был, как догадалась Арриэтта, в потрёпанную кротовую шкуру мехом внутрь. Он был такой замусоленный и грязный, что сливался не только с сухими листьями, на которые они упали, но и с чёрными ветвями.

— Ты кто? — спросила Арриэтта.

— Спиллер, — весело сказал он, откидываясь назад и опираясь на локти.

— Фу, какой ты грязнуля, — помолчав, с отвращением заметила Арриэтта; она всё ещё не могла отдышаться и была очень сердита.

— Может быть, — сказал он.

— Где ты живёшь?

В его тёмных глазах мелькнула лукавая искра.

— Здесь и там, — сказал он, пристально глядя на неё.

— Сколько тебе лет?

— Не знаю, — сказал он.

— Ты мальчик или взрослый?

— Не знаю, — сказал он.

— Ты что, никогда не моешься?

— Нет, — сказал он.

— Ну, — после неловкой паузы сказала Арриэтта, обмотав прядь жёстких лошадиных волос вокруг пояса, — я пошла.

— В эту нору в насыпи? — спросил Спиллер, и в его голосе прозвучала чуть слышная насмешка.

У Арриэтты сделался растерянный вид.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

Она заметила, что, когда Спиллер улыбается, кончики его губ поднимаются прямо вверх, так что рот похож на «V»; никогда в жизни она не видела такой плутовской улыбки.

— Ты что, никогда раньше не встречала ночную бабочку? — спросил он.

— Значит, ты подсматривал за нами ночью? — воскликнула Арриэтта.

— А разве в эту нору вход воспрещён? — спросил он.

— Пожалуй. Это наш дом.

Но Спиллер вдруг потерял интерес к разговору и, отвернувшись от неё, устремил блестящий взгляд куда-то вдаль. Арриэтта открыла было рот, но он предостерегающе махнул рукой, по-прежнему не сводя глаз с поля. Она с любопытством смотрела, как он осторожно поднялся на ноги, одним прыжком взлетел на ветку над головой, взял там что-то и снова спрыгнул на землю. В одной руке у него был тугий тёмный лук почти такой же величины, как сам Спиллер, в другой он держал стрелу.

Пристально вглядываясь в высокую траву, он положил стрелу на тетиву. Раздался резкий звенящий звук, и стрела исчезла. Издалека донёсся тихий писк.

— Ты кого-то убил! — горестно воскликнула Арриэтта.

— Это я и хотел сделать, — ответил он и спрыгнул с насыпи в поле. Подошёл к месту, где трава росла густым пучком, и скоро вернулся с мёртвой мышью-полёвкой. — Есть-то надо, — добавил он.

Арриэтта была потрясена. Почему — она и сама не могла понять. Дома, под кухней, они всегда ели мясо, правда, они добывали его наверху у людей; она видела его сырым, но никогда не видела, как убивают животных.

— Мы — вегетарианцы, — поджав губы, сказала она.

Спиллер не обратил на это никакого внимания. Для него это слово не имело смысла, как и многие другие. Просто шум, который люди производят ртом.

— Хочешь мяса? — мимоходом спросил он. — Можешь взять ногу.

— Я и пальцем до неё не дотронусь! — негодующе вскричала Арриэтта. Она поднялась

с земли и отряхнула юбку. — Бедняжка, — сказала она, указывая на полёвку. — А ты — противный, — добавила она, указывая на Спиллера.

— А кто не противный? — заметил Спиллер и снял с ветки колчан.

— Дай посмотреть, — попросила, оборачиваясь, Арриэтта.

Ей вдруг стало любопытно.

Спиллер передал ей колчан. Он был сделан из пальца от перчатки, крепкой перчатки из толстой кожи, стрелы — из сухих сосновых игл с грузилом на одном конце и шипом от терновника на другом.

— Как ты прикрепляешь шип? — спросила она.

— Смолой дикой сливы, — пропел Спиллер, слив три слова в одно.

— Смолой дикой сливы? — повторила Арриэтта. — Они отравленные? — спросила она.

— Нет, — сказал Спиллер. — Это нечестно... Попал или промахнулся... Им надо есть... Мне надо есть. И я убиваю их быстрее, чем сова... И не так много.

Для Спиллера это была очень длинная речь. Он перекинул колчан через плечо и отвернулся.

— Я пошёл, — сказал он.

— Я тоже, — сказала Арриэтта, скатываясь с насыпи.

Они шли рядом по сухому рву. Арриэтта заметила, что Спиллер всё время смотрит по сторонам, блестящие чёрные глаза не знали ни секунды покоя. Порой, услышав чуть заметный шорох в траве или в кустах, он застывал на месте. Он не напрягался, не настораживался, нет, просто переставал двигаться. И сразу же сливался с тем, что его окружало. Один раз он нырнул в сухой папоротник и вышел оттуда, таща какое-то отчаянно брыкающееся насекомое.

— На, — сказал он, и Арриэтта разглядела очень сердитого жука.

— Кто это? — спросила она.

— Сверчок. Они хорошие. Возьми.

— Чтобы съесть? — в ужасе спросила Арриэтта.

— Съесть? Нет. Отнеси домой и держи у себя. Поёт — заслушаешься, — добавил он.

Арриэтта заколебалась.

— Ты сам его носи, — сказала она, не связывая себя определённым ответом.

Когда они подошли к пещерке, Арриэтта увидела, что Хомили сидит, привалившись спиной к наружной стороне ботинка, на залитом солнцем песке и дремлет.

— Мама, — тихонько позвала она снизу.

Хомили тут же проснулась.

— Это Спиллер... — продолжала Арриэтта не совсем уверенно.

— Это... что? — переспросила Хомили без особого интереса. — Ты достала волосы?

Арриэтта, кинув искоса взгляд на Спиллера, увидела, что он стоит неподвижно и разглядеть его нельзя.

— Это моя мама, — шепнула она. — Скажи ей что-нибудь. Ну же.

Услышав шёпот, Хомили прищурилась, чтобы ей не так било в глаза заходящее солнце, и посмотрела вниз.

— Что мне ей сказать? — спросил Спиллер. Затем, откашлявшись, всё же попытался. — А у меня есть сверчок, — проговорил он.

Хомили завизжала. В один момент серовато-коричневые пятна слились воедино, и она увидела лицо, глаза, руки... она бы меньше поразилась, если бы заговорила трава.

— Что это? — судорожно глотнув воздух, проговорила она. — Батюшки-светы, что там у тебя такое?

— Это сверчок, — сказал Спиллер, но Хомили спрашивала вовсе не о нём.

— Это Спиллер, — повторила Арриэтта громче и шепнула в сторону: — Оставь здесь мышь и пойдём навстречу...

Спиллер не только положил на землю полёвку, но и лук (видно, в глубине его памяти всплыло смутное воспоминание о том, как следует себя вести) и поднялся по насыпи без оружия.

Когда он появился на песчаной площадке перед ботинком, Хомили во все глаза уставилась на него. Она даже наклонилась вперёд, точно хотела преградить ему путь.

— Добрый день, — холодно сказала она, словно стоя на пороге настоящего дома.

Спиллер уронил сверчка на землю и поддал его ногой по направлению к ней.

— Нате, — сказал он.

Хомили снова завизжала, очень громко и сердито, а сверчок кинулся мимо неё в тёмный угол позади ботинка.

— Это подарок, мама, — негодуя объяснила Арриэтта. — Это сверчок. Он поёт...

Но Хомили ничего не желала слышать.

— Как ты посмел? Как ты только посмел? Гадкий, грязный, неумытый мальчишка! — Она чуть не плакала. — Как ты посмел это сделать? Сейчас же убирайся из моего дома! Твоё счастье, — продолжала она, — что моего мужа сейчас здесь нет и брата Хендрири тоже...

— Дяди Хендрири... — удивлённо начала Арриэтта, но Хомили бросила на неё такой взгляд, что если бы взглядом можно было убить, она бы упала замертво.

— Забирай своего жука, — продолжала Хомили, — и убирайся! И чтобы я тебя больше не видела! — И так как Спиллер всё ещё нерешительно топтался на месте, сердито крикнула: — Ты слышал, что я сказала?!

Спиллер кинул быстрый взгляд за ботинок, второй — жалобный — на Арриэтту.

— Ты лучше оставь его себе, — пробормотал он и нырнул вниз.

— Ах, мама! — с упрёком воскликнула Арриэтта.

Она поглядела на приготовленный матерью чай, но даже то, что мать налила в ягоды шиповника мёд, выцеженный из клевера, не утешило её.

— Бедный Спиллер! Ты так грубо с ним обошлась.

— А кто он такой? Что ему тут надо? Где ты его нашла? Врывается в дом к почтенным людям, раскидывает тут своих жуков! Не удив-

люсь, если в один прекрасный день мы все трое проснёмся с перерезанным горлом! Ты видела, какой он грязнущий? Он не мылся с рожденья! Кто знает, может, он напустил нам блох!

И, схватив метлу из чертополоха, Хомили принялась яростно подметать то место, где поставил ногу нежеланный гость.

— В жизни со мной ничего подобного не приключалось! Никогда в жизни, сколько я себя помню. Вот такой именно мальчишка, — завершила она свою негодующую речь, — и способен украсть шляпную булавку.

В глубине души Арриэтта тоже так полагала, но придержала язык, тем более что он был у неё занят — она слизывала мёд с треснувшей ягоды. Она подумала, смакуя тёплый от солнца мёд, что охотник Спиллер найдёт шляпной булавке куда лучшее применение, чем её мать или отец. Но вот зачем ему понадобилась половинка ножниц?

— Ты уже пила чай? — спросила она мать через минуту.

— Я съела несколько зёрен пшеницы, — сказала Хомили страдальческим тоном. — Мне надо проветрить постели.

Арриэтта улыбнулась, глядя на залитое солнцем поле: «постелями» был один-единственный кусок носка. Бедная Хомили! При теперешнем их домашнем хозяйстве ей почти не на что было потратить энергию. Ну что ж, встреча со Спиллером пошла ей на пользу — глаза её заблестели, щёки покраснелись. Арриэтта лениво следила глазами за какой-то птицей, пробиравшейся в траве... Нет, птица не могла двигаться так ровно.

— Папа идёт, — сказала она немного погодя. Она сбежала вниз к нему навстречу.

— Ну! — нетерпеливо вскричала Хомили, но, подойдя поближе, увидела по лицу Пода, что вести у него плохие. — Так ты не нашёл барсучью нору? — разочарованно произнесла она.

— Нашёл, — сказал Под.

— Так в чём дело? Почему у тебя такой пришибленный вид? Ты не застал их дома? Они что — ушли оттуда?

— Хорошо, если ушли. А если их съели? — Под горестно поглядел на неё.

— Что ты хочешь сказать, Под? — заикаясь, произнесла Хомили.

— Там полным-полно лисиц, — с ударением на каждом слове произнёс он; глаза его всё ещё были круглыми от изумления. — Ну и вонь там... — добавил он немного погодя.

Глава одиннадцатая

*Не было бы счастья, да
несчастье помогло.*

Из дневника Арриэтты.

5 сентября

В тот вечер Хомили разошлась вовсю. И ничего удивительного — что их ждало впереди? Жить до конца дней подобно Робинзону Крузо? Сырая пища летом тоже не радость, а в лютые зимние холода, утверждала Хомили, они просто умрут. Хотя у них и так нет ни малейшего шанса выжить, если они не сумеют как-нибудь отопить свой дом. Куска восковой свечи надолго не хватит. Да и спичек. А если они разожгут костёр, он должен быть огромным, не то он тут же потухнет, и дым будет виден за много миль. Нет, мрачно закончила она, их песенка спета,

тут двух мнений быть не может. Под и Арриэтта сами это увидят, когда наступят морозы.

Возможно, её вывел из равновесия вид Спиллера. Неотёсанный, грязный, нечестный, невоспитанный (каким он ей показался), он подтвердил её наихудшие опасения. В нём было всё, что она больше всего не любила и чего боялась, — он опустил. То самое (как она часто предупреждала их дома), что грозит всем добывайкам, если они за свои грехи будут вынуждены жить под открытым небом.

В довершение всего их разбудил ночью странный звук — долгий (и безумный, как почудилось Арриэтте) рёв. Арриэтта лежала, затаив дыхание и дрожа от страха, сердце её неистово билось.

— Что это? — шепнула она Поду, когда наконец отважилась заговорить.

Ботинок заскрипел — это Под сел в постели.

— Осёл, — сказал он, — и где-то близко. — Немного помолчав, он добавил: — Странно... я ни разу не видел здесь осла.

— И я, — шепнула Арриэтта.

Но ответ отца всё же её успокоил, и она уже собралась было снова лечь, как её внимание привлёк другой звук, где-то рядом.

— Слышишь? — насторожённо сказала она, выпрямляясь.

— Нечего тебе лежать не смыкая глаз да прислушиваться, — проворчал Под, поворачиваясь на другой бок и стягивая на себя чуть не весь носок. — Ночью спать надо.

— Но это здесь, в пещере, — шепнула Арриэтта.

Ботинок опять заскрипел, в то время как Под сядил.

— Да не шуми ты, ради бога, — недовольно проговорила Хомили, успевшая снова задремать.

— Ты сама не шуми, — сказал Под, вслушиваясь.

Что это такое — это негромкое потрескивание, повторяющееся через одинаковые промежутки?

— Ты права, — тихонько сказал он Арриэтте, — это здесь, рядом.

Он скинул носок, но Хомили сердито вцепилась в него и натянула на плечи.

— Пойду посмотрю, — сказал он.

— Ой, Под, не надо, — умоляюще произнесла Хомили хриплым со сна голосом. — Нам здесь ничего не грозит, когда ботинок зашнурован с верхом. Лежи спокойно...

— Нет, Хомили, я должен выяснить, в чём дело. — Он стал ощупью пробираться к выходу из ботинка. — Не волнуйтесь, я скоро вернусь.

— Ну, тогда возьми хоть шляпную булавку, — с тревогой попросила Хомили, глядя, как он принимается расшнуровывать ботинок.

Арриэтта, тоже не сводившая с него глаз, увидела, как верх ботинка распахнулся, и на фоне ночного неба вдруг возникли голова и плечи её отца. Послышалось царапанье чьих-то когтей, шорох, быстрый лёгкий топот чьих-то ног и крик Поды: «Кш... Кш... будьте вы прокляты!»

И затем тишина.

Арриэтта подползла к выходу из ботинка и высунула голову на воздух. Ниша была залита ярким лунным светом, в котором всё было видно до мельчайших подробностей. Арриэтта вылезла наружу и огляделась вокруг. Под, серебряный в свете луны, стоял у входа в нишу и смотрел вниз, на поле.

— Что там такое? — крикнула Хомили из глубины ботинка.

— Проклятые полёвки, — ответил Под. — Добрались до наших колосьев.

И в бледном, таком приятном свете луны Арриэтта увидела, что по песчаному полу их пещерки разбросана пустая шелуха от зёрен.

— Что ж, слезами горю не поможешь, — сказал Под, оборачиваясь, и поддал ногой шелуху. — Возьми-ка метлу, — добавил он, — да подмети здесь.

Арриэтта принялась подметать, приплясывая от радости. Она чувствовала себя околдованной этим дружелюбным сиянием, придававшим даже самым обыденным вещам вроде висящего на гвозде молотка какое-то волшебное очарование. Сметя шелуху в три аккуратные кучки, она присоединилась к Поду у входа в нишу, и они несколько минут сидели вместе на тёплом песке, вслушиваясь в ночь.

В рощице возле ручья заухала сова — мелодичный, похожий на звук флейты зов. В ответ издалека донёсся такой же, лишь более высокий крик, и над уснувшим пастбищем засновал взад-вперёд мелодичный челнок, соединяя море лунного света с бархатом утонувших во мраке лесов.

«Пусть здесь опасно, — думала Арриэтта, умиротворённо сидя рядом с отцом, — пусть здесь трудно, я всё равно рада, что мы здесь».

— Что нам нужно, — сказал наконец Под, прерывая долгое молчание, — так это какая-нибудь жестянка.

— Жестянка? — переспросила Арриэтта, боясь, что неверно его поняла.

— И даже не одна. Из-под какао. Или такая, в которой люди держат табак. — Он снова помолчал, затем добавил: — Этот тайник, что мы вырыли, слишком мелкий. Спорю на что угодно — эти чёртовы мыши добрались до орехов.

— А ты не мог бы научиться стрелять из лука? — сказала, чуть помолчав, Арриэтта.

— Зачем? — спросил Под.

Арриэтта колебалась, но наконец единым духом выпалила ему про Спиллера: про его тугой лук, про смертоносные стрелы с шипом на конце. Рассказала и о том, как Спиллер наблюдал за ними, в то время как они разыгрывали «танец с ночной бабочкой» в освещённой, как театральная сцена, пещерке.

— Мне это не нравится, — сказал Под, подумав, — я не люблю, когда соседи заглядывают ко мне в окна. Этому надо помешать. Хоть ночью, хоть днём — в этом есть что-то нездоровое, если ты понимаешь, что я хочу сказать.

Арриэтта прекрасно его поняла.

— Нам надо сделать что-нибудь... вроде ставня или двери. Был бы у нас кусок мелкой проволочной сетки... или тёрка для сыра... такая, как была у нас дома. Что-нибудь, что пропускает свет, хочу я сказать. Не жить же нам опять в темноте.

— Придумал! — вдруг воскликнул Под.

Он встал и, обернувшись, задрал голову вверх. Оттуда, с выступа, свисали вниз ветви молодого деревца, росшего на насыпи, серебряные в свете луны. Несколько мгновений Под стоял, вглядываясь в листья на фоне неба, словно прикидывая, какое до них расстояние, затем, посмотрев вниз, принялся шарить ногой по песку.

— Что ты ищешь? — спросила шёпотом Арриэтта, думая, что он что-то потерял.

— Ага, — сказал Под довольно и опустился на колени. — То самое, что мне надо.

И он стал разгребать песок руками. Вскоре показалась петля тугого корня, которому, казалось, нет конца.

— Да, — повторил он, — то самое, лучше не надо.

— Для чего? — спросила Арриэтта, стораая от любопытства.

— Принеси мне бечёвку, — сказал Под, — она на полке с инструментами...

Став на цыпочки, Арриэтта сунула руку в песчаную щель и вытащила моток бечёвки.

— Дай сюда, — сказал Под, — и принеси молоток.

Арриэтта смотрела, как отец привязывает конец бечёвки к язычку от звонка, служившему ему молотком, балансируя на самом краю площадки, тщательно прицеливается и изо всех сил бросает его вверх. Молоток застревает в зелёном сплетении ветвей, как якорь.

— Иди-ка сюда, — сказал, отдышавшись, Под, — держи крепко бечёвку и тяни её на себя. Осторожнее... не дёргай... легче... легче...

И, навалившись всем телом на бечёвку и перебирая её руками, они стянули вниз нависшую ветвь. В нише внезапно стало темно, всё покрыла пятнистая трепещущая тень, сквозь которую просачивался лунный свет.

— Держи крепко, — задыхаясь, сказал Под, подводя бечёвку к петле корня в земле, — пока я её не привяжу. Ну вот, — сказал он, поднявшись на ноги и потирая натруженные руки. (Арриэтта заметила, что он с ног до головы испещрён дрожащими серебряными пятнышками.) — Дай-ка мне ножницы. Ах, будь оно всё неладно, я и забыл, что их нет. Принеси лобзик, он тоже сгодится.

В наступившей вдруг темноте было не так легко отыскать лобзик, но наконец Арриэтта его нашла, и Под отрезал бечёвку.

— Ну вот, — повторил он довольно. — Ветка привязана, и мы в укрытии. Ну как — неплохая идея? Можно спускать и поднимать, как понадобится, смотря по погоде и всему прочему...

Под отвязал молоток от бечёвки и прикрепил её к главной ветке.

— Конечно, мышам это не мешает и коровам тоже, но, — он довольно засмеялся, — подглядывать за нами больше никто не будет.

— Замечательно, — сказала Арриэтта, зарывшись лицом в листья, — а нам отсюда всё видно.

— В том-то и штука, — сказал Под. — Ну ладно, пошли, давно пора спать.

Пробираясь ко входу в ботинки, Под споткнулся о шелуху от зерна и, кашляя от пыли, полетел прямо в середину кучи. Он поднялся, отряхнулся и задумчиво сказал:

— Как, говоришь, его имя? Спиллер? — Помолчал немного и так же задумчиво добавил: — Да, если подумать, на свете есть куда хуже блюда, чем сочное, прямо из печи жаркое из выкормленной пшеницей полёвки.

Глава двенадцатая

С глаз долой, из сердца вон.

Из дневника Арриэтты.

7 сентября

Хомили проснулась в плохом настроении. — Это ещё что такое? — проворчала она, когда, взъерошенная, в измятом платье, выбралась на следующее утро из ботинка и увидела, что ниша залита зеленоватым светом, словно они под водой.

— О, мама! — с упрёком воскликнула Арриэтта. — Разве это не прелесть?

Слабый ветерок шевелил листья, они расходились и вновь смыкались между собой, пропуская яркие копья и стрелы пляшущего света. Всё вокруг было весёлым и одновременно таинственным. (Или это только казалось так Арриэтте?)

— Ты разве не видишь? — продолжала она, в то время как Под хранил оскорблённое молчание. — Это живое укрытие, его папа придумал... Впускает сюда свет, но защищает от дождя. И мы можем смотреть отсюда наружу, а к нам внутрь заглянуть нельзя.

— А кто станет заглядывать? — спросила Хомили.

— Кто угодно... любой прохожий. Хотя бы Спиллер, — добавила Арриэтта, словно по наитию свыше.

Хомили немного смягчилась.

— Хм! — снисходительно произнесла она и, хотя никак иначе не выразила своего отношения, осмотрела корень на полу и провела сверху вниз пальцем по натянутой бечёвке.

— Надо только одно помнить, — горячо объяснил Под, увидев в этом, пусть и запоздалое, одобрение, — когда вы отпускаете ветку — держите бечёвку, она должна всегда быть закреплена на корне. Понимаешь, что я имею в виду?

Понять было нетрудно.

— Только жалко лишаться солнца, — сказала Хомили, — особенно теперь, летом. Скоро наступит... — Она содрогнулась и крепко сжала губы, не в силах вымолвить страшное слово.

— Ну, до зимы ещё далеко! — беспечно воскликнул Под. — Чего загоя плакать? — Он что-то делал с бечёвкой. — Пожалуйста... вот тебе и солнце!

Стало слышно, как бечёвка трётся о корень, и вдруг листья взметнулись вверх и исчезли из виду, а нишу залили солнечные лучи.

— Видишь, о чём я говорил? — снова сказал Под, и в голосе его звучало удовлетворение.

В то время как они завтракали, снова раздался крик осла, долгий и громкий. Ему ответило ржание лошади.

— Мне это не нравится, — сказала Хомили, ставя на стол половинку ореховой скорлупы с водой и мёдом.

Не успела она закончить, как залаяла собака — слишком близко, чтобы можно было чувствовать себя спокойно. Хомили вздрогнула — чашка перевернулась, от мёда с водой осталось лишь тёмное пятно на песчаном полу.

— У меня нервы совсем никуда стали, — жалобно сказала она, сжимая виски ладонями и водя безумными глазами по сторонам.

— Чего ты боишься, мама? — теряя терпение, сказала Арриэтта. — Тут, за рощицей, идёт дорога, я видела её с верха изгороди. По ней иногда проезжают и проходят люди. Не могут же они совсем здесь не ходить...

— Верно, — подтвердил Под. — И не о чем волноваться. Доедай своё зерно...

Хомили с отвращением посмотрела на надкусанное зерно пшеницы, жёсткое и сухое, как булочка на третий день после пикника.

— Мои зубы его не берут, — пожаловалась она.

— По словам Арриэтты, — объяснил Под, подняв руку с растопыренными пальцами и постепенно загибая один палец за другим, — между нами и этой дорогой есть пять барьеров: ручей в углу поля — раз, столбы с ржавой проволокой с той стороны ручья — два, лес, и не

маленький, — три, вторая живая изгородь — четыре и небольшой выпас — пять. — Он повернулся к Арриэтте. — Правильно я говорю, дочка? — спросил он. — Ты же была на самом верху изгороди.

— Да, — подтвердила Арриэтта. — Только этот выпас — часть самой дороги, вроде широкой обочины, поросшей травой.

— А, тогда всё понятно! — торжествующе воскликнул Под и похлопал Хомили по спине. — Это общинный выгон. И кто-то привязал там осла. Что в этом плохого? Осёл тебя не съест... и лошадь тоже.

— А собака съест, — сказала Хомили, — мы же слышали лай.

— Ну и что ж с того, что слышали? — сказал Под. — Слышали, не в первый раз и не в последний. Когда я был молодым, в большом доме сеттеров было хоть пруд пруди, если можно так выразиться. Собак бояться нечего, с ними можно говорить.

Несколько минут Хомили сидела молча, катая зерно пшеницы взад и вперёд по плоскому куску сланца, который служил им столом.

— Без толку... — сказала она наконец.

— Что — без толку? — спросил Под в тревоге.

— Жить так, как мы живём, — сказала Хомили. — Надо до зимы что-то придумать.

— Ну а разве мы не придумываем? — спросил Под. — Как это говорится в её календаре? — Он кивнул на Арриэтту. — «Рим не сразу строился».

— Нам надо найти какое-нибудь человеческое обиталище, — продолжала Хомили, — вот что нам надо. Место, где есть огонь и добыча и настоящая крыша над головой. — Она приостано-

вилась. — Иначе, — продолжала она непреклонным тоном, — нам придётся вернуться домой.

Под и Арриэтта глядели на неё разинув рты.

— Что нам придётся сделать? — еле слышно произнёс Под, когда к нему наконец вернулся дар речи.

Арриэтта горестно прошептала:

— О, мама...

— Ты слышал, что я сказала, Под, — проговорила Хомили. — Все эти ягоды шиповника да боярышника, и водяной кресс, и собаки, которые лают под самым боком, и лисицы в барсучьей норе, и подсматривание по ночам, и воровство... А на чём тут готовить? Понимаете, о чём я говорю? Если мы вернёмся обратно в большой дом, мы быстро устроимся под кухней, поставим перегородки и заживём, как жили. Один раз мы это сделали — тогда, когда лопнул кипятильник, — сделаем и второй.

Под глядел на неё, не сводя глаз, и когда он заговорил, голос его был необычайно серьёзен.

— Ты сама не знаешь, что ты толкуешь, Хомили. И не в том дело, что люди поджидают нас, что у них там кот, поставлены мышеловки, насыпан яд и всё такое, а в том, что добывайки никогда не возвращаются, Хомили, если уж им приходится уйти. У нас нет дома, с этим покончено, и покончено навсегда. Нравится это нам или нет, мы должны идти вперёд. Понимаете, что я хочу сказать?

Хомили ничего не ответила, и Под обернулся к Арриэтте.

— Я не говорю, что нам легко, конечно, перед нами стоят трудности... мы в трудном положении... более трудном, чем мне хотелось бы признать. Если мы не будем держаться вместе, мы пропали — понимаешь? И это будет конец,

как ты однажды сказала, конец всем добывайкам! Чтобы я больше не слышал ни звука ни от одной из вас — ни от тебя, ни от твоей матери, — он слегка повысил голос, подчёркивая каждое слово, — о возвращении куда бы то ни было, не говоря уж о подполье.

С минуту они молча глядели на него. Под ещё ни разу так с ними не говорил.

— Вы поняли? — сурово повторил он.

— Да, папа, — шепнула Арриэтта, а Хомили кивнула, стараясь проглотить комок в горле.

— Ну и прекрасно, — сказал Под, и голос его звучал куда мягче. — Как говорится в твоём календаре, Арриэтта, «умный понимает с полуслова». А теперь дайте-ка мне конский волос, — продолжал он веселей. — Денёк выдался хороший. Пока вы убираете после завтрака и моете посуду, я возьмусь за рыболовную сеть. Как вы на это смотрите?

Хомили снова кивнула. Она даже не спросила его (что не преминула бы сделать при других обстоятельствах), как, поймав рыбу, он предполагает её зажарить или сварить.

— Тут кругом полно прекрасной сухой коры, — сказал Под, — нет ничего лучше для поплавков.

Как ни искусно умел Под завязывать узлы, ему пришлось порядочно повозиться с волосками: они пружинили и выскакивали из ушка иглолки. Но когда с уборкой было покончено и Арриэтту послали на ручеек с двумя мешками — простым для коры, провощённым для воды, — Хомили пришла на помощь Поду, и вместе они сплели сеть наподобие паутины, благо Хомили умела вязать кружева.

— Что это ещё за Спиллер? — с беспокойством спросил Под через некоторое время, сидя

возле Хомили и глядя, как её пальцы ловко завязывают узлы.

Хомили фыркнула.

— Не говори со мной о нём, — сказала она, не отрываясь от работы.

— Он добывайка или кто? — спросил Под.

— Не знаю! — вскричала Хомили. — Мало того, не хочу и знать. Кинул в меня жука, вот всё, что я знаю. И украл шляпную булавку и половинку ножниц.

— Ты уверена в этом? — спросил Под, повышая голос.

— Как в том, что сижу сейчас здесь. Ты бы на него посмотрел!

Под помолчал.

— Я бы хотел с ним встретиться, — сказал он, глядя вдаль, на залитое солнцем поле.

Сеть быстро росла, время летело незаметно. Один раз, когда они подняли сеть за два конца, чтобы её рассмотреть, в неё пулей заскочил кузнечик, и лишь после того, как они осторожно, чтобы не порвать ячеек, высвободили его, Хомили вспомнила, что пора перекусить.

— Батюшки, — вскричала она, глядя на поле, — ты только взгляни на тени! Должно быть, сейчас не меньше двух часов. Что там приключилось с Арриэттой?

— Играет в воде, не иначе, — сказал Под.

— Но ведь ты же ей сказал: одна нога там, другая — здесь, и не считать ворон, — сказала Хомили.

— Она и так ворон не считает.

— Тут ты ошибаешься, Под. Ей приходится каждый раз заново всё говорить.

— Ей скоро будет четырнадцать, — сказал Под.

— Неважно, — возразила, вставая с земли, Хомили. — Она суший ребёнок для своих лет. Ей вечно приходится всё напоминать, у неё на всё найдётся отговорка.

Хомили сложила сеть, отряхнула платье и торопливо пошла к полке над корнем, где висели инструменты.

— Ты голоден, Под? (Это был риторический вопрос; они теперь всегда были голодны, все трое, они были голодны даже после еды.)

— Что там у нас есть? — спросил он.

— Несколько ягод боярышника, два-три ореха и заплесневелая ежевика.

Под вздохнул.

— Ладно, — сказал он.

— Так что из этого принести? — спросила Хомили.

— Орехи, они сытнее, — сказал Под.

— Но что же я могу поделаться, Под! — воскликнула Хомили с печальным видом. — У тебя есть предложения? Может быть, ты сорвёшь нам несколько земляничек?

— Неплохая мысль, — сказал Под и двинулся к краю насыпи.

— Гляди не пропусти ягоды, — сказала Хомили, — земляники теперь мало. Кто-то её подчистил. Наверно, птицы. Или, — с горечью добавила она, — этот Спиллер.

— Тише! — вскричал Под, предостерегающе подняв руку. Он стоял неподвижно, как статуя, на пороге пещеры и всматривался налево.

— Что там такое? — шепнула немного погодя Хомили.

— Голоса, — сказал Под.

— Какие голоса?

— Человечьи, — сказал Под.

— Ой, — с испугом шепнула Хомили.

— Тихо, — сказал Под.

Они стояли как вкопанные, насторожив уши. Снизу из травы доносилось слабое стрекотание насекомых. В нише жужжала залетевшая туда ненароком муха. Покружившись вокруг них, она уселась наконец на песчаном полу, там, где за завтраком Хомили пролила мёд. И тут совсем близко — слишком близко! — они услышали другой звук. Кровь отхлынула от их щёк, сердца наполнились ужасом — а ведь это был, казалось бы, очень весёлый звук: человеческий смех.

Ни один из них не шевельнулся, бледные, напряжённые, они стояли, замерев на месте и прислушиваясь. Молчание. Затем ещё ближе прозвучало короткое, резкое слово — человек выругался, — и вслед за тем собачий лай.

Под наклонился, быстро, одним движением развязал бечёвку и, перебирая по ней руками, притянул вниз качающуюся ветку. На этот раз, приложив все силы, он до тех пор тянул бечёвку, пока полностью не закрыл вход в пещеру густой сетью веточек и листьев.

— Вот так, — тяжело отдуваясь, сказал он. — Теперь сюда не так-то легко попасть.

В испещрённом пятнами сумраке Хомили не могла сразу разглядеть выражение его лица, однако почувствовала, что он спокоен.

— Теперь нас не видно? — спросила она ровным голосом, стараясь говорить в тон Поду.

— Нисколько, — сказал Под.

Он подошёл к зелёной стенке, раздвинул чуть-чуть листья и выглянул наружу. Затем уверенным движением крепких рук потряс ветки.

— А теперь, — сказал он, отступая назад, и глубоко вздохнул, — дай мне ту, вторую булавку.

Вот тут-то и произошла ещё одна удивительная вещь. Под протянул руку, и в ту же секунду в его руке оказалась шляпная булавка, но очутилась она там слишком быстро и бесшумно, чтобы её могла дать Хомили. В полумраке их пещеры прятался третий — туманная тень, неразличимая в своей неподвижности. А шляпная булавка была та, что исчезла.

— Спиллер! — хрипло сказала Хомили, ловя ртом воздух.

Глава тринадцатая

*Не смотри, что рваны рукава,
а смотри — хватка какова.*

Из дневника Арриэтты.

11 сентября

Должно быть, он проскользнул в пещеру, когда Под опускал ветки, — тень среди теней. Теперь Хомили разглядела его круглое лицо, копну спутанных волос, а в руках — два мешка, один пустой, другой полный. Те самые мешки, вдруг дошло до Хомили, которые она утром дала Арриэтте. У Хомили упало сердце.

— Что ты с ней сделал?! — в ужасе вскричала она. — Что ты сделал с Арриэттой?

Спиллер мотнул головой в глубину пещеры.

— Идёт сюда вон по тому полю, — сказал он всё с тем же безмятежным видом. — Я пустил её вниз по ручью, — небрежно добавил он.

Хомили уставилась безумным взором в глубину ниши, словно могла пронзить песчаные стены и увидеть за ними поле. Это было то самое поле, по которому они тащились из последних сил в тот день, когда убежали из дома.

— Что ты сделал? — воскликнул Под.

— Пустил вниз по ручью, — сказал Спиллер, — в половинке от мыльницы, — нетерпеливо добавил он, словно удивляясь, как можно быть таким бестолковым.

Под открыл было рот, но ничего не сказал и пристально стал всматриваться в листья у входа. Снизу, от рва, послышался топот бегущих ног; когда они поравнялись с их нишей и с грохотом промчались мимо, задрожала вся насыпь, и молоток Пода упал с гвоздя. Они слышали ровное, хриплое дыхание человека, учащённое дыхание пса.

— Всё в порядке, — сказал Спиллер, прервав напряжённое молчание, — они побежали налево, через поле. Цыгане, — добавил он лаконично. — Охотятся на зайцев.

— Цыгане? — тупо повторил Под и вытер лоб рукавом.

— Ну да, — сказал Спиллер, — там, на выгоне, две фуры.

— Цыгане... — озадаченно прошептала Хомили и смолкла, не дыша и приоткрыв рот, прислушивалась.

— Всё в порядке, — повторил Спиллер, он тоже прислушивался. — Они ушли на ту сторону, за пшеничное поле.

— Так что там такое с Арриэттой? — спросил, заикаясь, Под.

— Я вам уже сказал.

— Это про мыльницу?

— С ней ничего не случилось? — перебила его Хомили. — Она в безопасности? Ты это нам скажи.

— Я же вам уже говорил, — сказал Спиллер, — ей ничто не грозит. — Он обвёл нишу любопытным взглядом. — Я как-то раз спал в нём, — сообщил он, неожиданно пускаясь

в откровенности, и кивнул головой в сторону ботинка.

Хомили подавила дрожь.

— Это ты нам как-нибудь в другой раз расскажешь, — проговорила она, поспешно переводя разговор. — Ты скажи нам про Арриэтту. Что это за мыльница или как там её? И что там у вас случилось?

Из скупых фраз Спиллера было не так легко составить общую картину, но наконец они всё же кое-как разобрались в том, что произошло. По-видимому, Спиллер был владельцем лодки-плоскодонки — нижней половинки алюминиевой мыльницы, — в которой можно было стоя плавать вверх и вниз по ручью. У Спиллера была летняя резиденция (или охотничий домик) на скошенном поле за их спиной. Это был старый почерневший чайник, лежавший на боку в вымоине на берегу ручья. (У него, по-видимому, было несколько таких временных баз, в их число раньше входил и ботинок.) Спиллер добывал разные вещи в цыганских фурах и перевозил добычу по воде. Лодка позволяла ему быстро ускользнуть, не оставляя следов. Плыть против течения, объяснил им Спиллер, труднее, и он был благодарен им за шляпную булавку, которая служила не только острым и гибким шестом, но и гарпуном. Он так расчувствовался по поводу шляпной булавки, что Поду и Хомили стало казаться, будто они сами подарили её Спиллеру — широкий жест, продиктованный сердечной добротой. Поду очень хотелось спросить Спиллера, на что ему понадобилась половинка ножниц, но он не мог заставить себя это сделать. Он опасался, что это внесёт дисгармонию в их беседу и погасит невинную радость мальчика.

Выяснилось, что сегодня Спиллер транспортировал по ручью два куска сахара, пакетик чая, три заколки для волос и золотую серёжку и, выйдя на широкую часть ручья, там, где он в конце пастбища переходил в пруд, Спиллер увидел Арриэтту. Стоя босиком у самой кромки воды в тёплой тине, она играла (сказал он им) в забавную игру. Держа в руке лист тростника, похожий на перо птицы, Арриэтта, по-видимому, выслеживала лягушек. Она подкрадывалась тихонько сзади к своей жертве, невинно греющейся на солнце, и, когда оказывалась достаточно близко, изо всех сил шлёпала дремлющую лягушку по спине своим гибким прутот. Раздавалось кваканье и плеск — лягушка шлёпалась в воду: одно очко в пользу Арриэтты. Иногда лягушка замечала её приближение, тогда, понятно, это было очко в пользу лягушки. Арриэтта вызвала Спиллера на соревнование, совершенно

не подозревая (так он сказал), что, помимо него, был ещё один заинтересованный зритель — принадлежащий цыганам пёс дворняга, не сводивший с неё жадных глаз с противоположного, лесного, берега. Не слышала она (добавил он) и треска веток в подлеске, а это значило, что хозяева пса идут следом за ним.

По-видимому, Спиллер едва успел прыгнуть на берег, толкнуть Арриэтту в мыльницу и, наскоро объяснив ей, где находится чайник, пустить лодку с девочкой вниз по течению.

— А она сможет его найти? — задыхаясь от волнения, произнесла Хомили. — Я имею в виду чайник.

— Она не сможет его не заметить, — сказал Спиллер и объяснил, что у чайника течение замедляется, разбиваясь о носик мелкой рябью, и мыльница всегда здесь застревает.

— Только и надо, — сказал он, — что привязать лодку, выгрузить из неё вещи и вернуться сюда пешком.

— Вдоль вала над газопроводом? — спросил Под. Спиллер кинул на него удивлённый взгляд, острый и вместе с тем затаённый.

— Можно и так, — коротко сказал он.

— Половинка мыльницы... — изумлённо бормотала Хомили, стараясь представить её в своём воображении. — Надеюсь, с девочкой ничего не случится.

— Ясное дело, ничего, — сказал Спиллер, — на воде запахи не держатся.

— А почему ты не остался в лодке, — спросил Под, — и не поплыл с ней вместе?

У Спиллера сделался смущённый вид. Он потёр тёмную руку о зад меховых штанов, нахмурился, поглядел на потолок.

— Там не было места для двоих, — наконец сказал он, — рядом с грузом.

— Ты мог вывалить груз, — сказал Под.

Спиллер ещё сильнее нахмурился, словно этот разговор ему надоел.

— Может быть, — сказал он.

— Я хочу сказать, — настаивал Под, — что ты ведь остался на виду, без всякого прикрытия, верно? Что по сравнению с этим какой-то груз?

— Так... — сказал Спиллер и в замешательстве добавил: — Она мелкая... вы не видели её (речь шла о его лодке), там для двоих нет места.

— О, Под!.. — вскричала вдруг Хомили.

— Что ещё? — спросил Под.

— Этот мальчик, — продолжала Хомили звенящим от волнения голосом, — этот... ну, что там говорить, вот он стоит перед тобой! — И она протянула руку к Спиллеру.

Под взглянул на него. Да, спору нет, тот действительно стоял перед ним, красный от смущения и неописуемо грязный.

— Он спас ей жизнь, — продолжала Хомили, голос её дрожал от благодарности, — ценой собственной жизни!

— Ценой? Ну нет, — возразил, немного помедлив, Под и задумчиво поглядел на Спиллера. — Я хочу сказать, он ведь здесь, не так ли? — И резонно добавил, хотя похоже было, что это только сейчас, как ни странно, пришло ему в голову: — А Арриэтты нет.

— Нет — так будет, — сказала Хомили уверенно, — вот увидишь. Всё будет в порядке. Этот мальчик — герой! И шляпная булавка к его услугам.

Вспомнив внезапно свои обязанности хозяйки, Хомили принялась хлопотать вокруг него.

— Садись, Спиллер, — радушно пригласила она, — и отдохни. От ручья сюда немалый путь. Чем тебя угостить? Хочешь половинку ягоды шиповника с какой-нибудь начинкой? Ничего особенного я тебе предложить не могу, — продолжала она со смущённым смехом, — мы здесь люди новые, сам знаешь...

Спиллер сунул грязную руку в глубокий карман.

— У меня есть вот что, — сказал он и кинул на стол (кусок сланца) что-то большое и тяжёлое.

Ударившись о твёрдый сланец, оно подпрыгнуло, и во все стороны брызнул сок. Хомили подошла поближе и с любопытством наклонилась к столу.

— Что это? — спросила она, не веря своим глазам. Но, спрашивая, она уже знала ответ: её ноздрей достиг запах — ах, какой он был аппетитный! — и на какой-то мимолётный чудесный миг она чуть не потеряла сознание. Это была жареная нога...

— Мясо, — сказал Спиллер.

— Чьё мясо? — спросил Под. У него тоже остекленели глаза. Сидеть на одних ягодах шиповника и боярышника, возможно, и полезно для здоровья, но живот при этом подводит.

— Ой, не говори, — запротестовала Хомили и зажала уши руками. А когда они обернулись к ней с удивлённым видом, она нетерпеливо, хотя и смущённо, добавила: — Давайте просто съедим его.

Они накинулись на мясо, отрезая кусок за куском обломком бритвы. Спиллер удивлённо глядел на них: он был по горло сыт мясной пищей, ведь он ел её каждый день.

— Надо оставить кусочек Арриэтте, — не переставала повторять Хомили. Время от времени она вспоминала о хороших манерах и уговаривала Спиллера тоже поесть.

Под, горя любопытством, пытался выведать, чьё это мясо.

— Для полёвки эта нога велика, — говорил он, задумчиво жуя, — а для кролика, наоборот, мала. Горностаев не едят... должно быть, это какая-то птица. Да, конечно.

А Хомили тут же вскрикивала страдальчески:

— Под, пожалуйста!.. — И смущённо обобщивалась к Спиллеру: — Я хочу знать лишь одно — как Спиллер готовит. Мясо удивительно вкусное, зажарено в самый раз.

Но из Спиллера нелегко было что-нибудь вытянуть. Лишь один раз он проронил, что готовить мясо совсем нетрудно (повергнув этим Хомили в полное изумление: как может быть нетрудно приготовить мясо в этой пустыне, где нет ни печи, ни дров, ни угля?). Не говоря уже о естественном чувстве благодарности, она с каждой минутой испытывала к Спиллеру всё большую симпатию (ей казалось, что он понравился ей с первого взгляда) и всё больше расхваливала его.

Арриэтта вернулась, когда они подошли к середине пиршества. Пробравшись сквозь густую завесу листьев, она сделала несколько неверных шагов, покачнулась и вдруг села на пол.

Хомили страшно обеспокоилась:

— Что с тобой, Арриэтта? Что случилось? Ты ранена?

Арриэтта качнула головой.

— Меня укачало, — еле слышно проговорила она, — у меня так кружится голова... — Она с упрёком взглянула на Спиллера. — Ты запустил лодку волчком, — сказала она, — лодка кружилась, кружилась, кружилась, кружилась, кружилась, кружилась...

— Хватит, Арриэтта, — прервала её Хомили, — или у нас у всех тоже голова закружится. У Спиллера золотое сердце. Ты должна быть ему благодарна. Он отдал свою жизнь за твою...

— Да не отдал он своей жизни, — снова вмешался Под, — ведь он жив.

Под начинал сердиться. Но Хомили и внимания не обратила.

— А потом пришёл сюда к нам сказать, что с тобой всё в порядке. И мешки принёс. Тебе следует поблагодарить его.

— Спасибо, Спиллер, — вежливо вымолвила Арриэтта, но голос её звучал тускло.

— Ну а теперь вставай, — сказала Хомили. — Вот и умница. Садись за стол. У тебя с завтрака маковой росинки во рту не было, потому у тебя и кружилась голова. Мы оставили тебе хороший кусочек мяса...

— Чего? — изумлённо спросила Арриэтта. Она не верила своим ушам.

— Мясa, — твёрдо повторила Хомили, не глядя на неё.

Арриэтта вскочила на ноги и, подбежав к столу, тупо уставилась на аккуратные коричневые ломти.

— Но я думала, что мы — вегетарианцы...

Спустя секунду она подняла глаза на Спиллера, в них был вопрос.

— Это не?.. — начала она подозрительно.

Спиллер отрицательно затряс головой. Этот энергичный ответ рассеял её дурные предчувствия.

— Не будем задавать вопросов, — сказала Хомили и крепко сжала губы. — Решим это раз и навсегда. Будем считать, что это нам перепало от цыган, и не станем вдаваться в подробности.

— Не станем... не станем... — мечтательно пробормотала Арриэтта. Казалось, она вдруг ожила: приподняв юбку, она села рядом с остальными на пол у низкого стола. Осторожно взяла двумя пальцами мясо, откусила кусочек для пробы, прикрыла глаза и чуть не задрожала, таким приятным и долгожданным был его вкус.

— А это *правда* от цыган? — недоверчиво спросила она.

— Нет, — сказал Под. — Это добыл Спиллер.

— Так я и думала, — сказала Арриэтта. — Спасибо, Спиллер, — добавила она. И на этот раз в её ожившем голосе звучала искренняя и вполне понятная благодарность.

Глава четырнадцатая

Лучшее — враг хорошего.

Из дневника Арриэтты.

15 сентября

С этого дня трапезы их стали иными — куда лучше, и это имело какую-то связь, решила Арриэтта, с кражей половинки ножниц. Кражей? Звучит малоприятно, особенно если речь идёт о добывайке.

— Но как иначе это назвать? — причитала Хомили, сидя как-то утром на пороге пещеры, в то время как Под ставил ей заплату на туфлю. — Да и чего иного можно ждать от бедного бездомного, невежественного ребёнка, который не

получил никакого воспитания, вырос, как говорится, в канаве.

— Ты хочешь сказать — во рву, — сонно поправила её Арриэтта.

— Я хочу сказать то самое, что я сказала, — отрезала Хомили, вздрогнув от неожиданности, — она не заметила, что Арриэтта рядом. — Это такая поговорка. Нет, — строго продолжала она, прикрывая подолом юбки ногу (она заметила крошечную дырочку на чулке), — мальчишка винить нельзя. Я хочу сказать, раз он вырос в таких условиях, откуда ему знать о нормах поведения?

— О чём, о чём? — спросил Под.

Хомили сама, бедняжка, не больно-то образованная, иногда, как ни странно, находила очень подходящее слово и, что ещё удивительнее, понимала его смысл.

— О нормах поведения, — спокойно и убеждённо повторила Хомили. — Ты же знаешь, что такое нормы.

— Нет, не знаю, — просто признался Под, продолжая пришивать заплату. — На слух похоже на то, что задают лошадям...

— То корма, а не норма, — сказала Хомили.

— Верно, — сказал Под, послюнив большой палец и разглаживая им шов. — Сено и овёс.

— Странно, — задумчиво протянула Арриэтта, — что нельзя иметь только одну...

— Чего — одну? — резко спросила Хомили.

— Одну норму, — сказала Арриэтта.

— Ты ошибаешься, — оборвала её Хомили. — По сути дела, она только и есть одна. И Спиллеру она неизвестна. Как-нибудь на днях, — продолжала она, — я спокойно, дружески поговорю с этим бедным мальчиком.

— О чём? — спросила Арриэтта.

Хомили словно и не слышала её: она придала своим чертам определённое выражение и не намеревалась его менять.

— Спиллер, скажу я, у тебя никогда не было матери...

— Откуда ты знаешь, что у него никогда не было матери? — спросил Под. — У него не могло её не быть, — рассудительно добавил он после минутного размышления.

— Верно, — вставила словечко Арриэтта, — и она у него была. Вот откуда он знает, как его зовут.

— Откуда? — спросила Хомили, не совладав с любопытством.

— От матери, конечно. Спиллер — это его фамилия. А имя его просто Ужас.

Наступило молчание.

— Так как же его зовут? — спросила наконец Хомили с дрожью в голосе.

— Я сказала тебе — Ужас!

— Ужас не ужас, неважно, — рассердилась Хомили. — Всё равно скажи, мы же не дети.

— Но ведь так его и зовут — Ужас Спиллер. Однажды мать сказала ему за столом: «Ты ужас, Спиллер, вот что ты такое», — сказала она. — Только это он о ней и запомнил, и больше ничего.

— Пусть так, — сказала, помолчав, Хомили, снова изображая на лице всепрощение, — тогда я скажу ему так (она грустно улыбнулась): «Ужас, скажу я, милый мальчик, мой бедный сиротка...»

— Откуда ты знаешь, что он сирота? — прервал её Под. — Ты спрашивала его об этом?

— Спиллера нельзя спрашивать, — быстро проговорила Арриэтта. — Иногда он сам что-нибудь расскажет, но спрашивать его нельзя. Помнишь, что было, когда ты пыталась узнать, как он готовит? Он не приходил к нам два дня.

— Верно, — хмуро поддержал её Под. — Два дня без мяса. Это нам совсем ни к чему. Послушай, Хомили, — продолжал он, оборачиваясь к ней, — лучше оставь Спиллера в покое. Поспешишь — людей насмешишь.

— Но я хочу поговорить с ним ради его собственной пользы, — сердито возразила Хомили. — И — поговорить, а не спросить или попросить. Я только хотела сказать, — она улыбнулась той же улыбкой, — «Спиллер, мой бедный мальчик...», или «Ужас...», или как там его зовут...

— Его нельзя называть Ужас, мама, —插вила Арриэтта, — если он сам не попросит.

— Ну, так — Спиллер. — Хомили возвела глаза к небу. — Но я должна научить его.

— Чему? — выходя из терпения, спросил Под.

— Нормам поведения! — чуть не закричала Хомили. — Тому, что нам внушали с раннего детства. Тому, что добывайка никогда не добывает у другого добывайки.

Под одним движением обрезал нитку.

— Он это знает, — сказал он и протянул Хомили туфлю: — На, надевай.

— А как же тогда шляпная булавка? — не сдавалась Хомили.

— Он её вернул.

— Но половинку ножниц он ведь не вернул.

— Он свежует ею добычу, — быстро проговорила Арриэтта, — и даёт нам мясо.

— Свежует добычу? — в раздумье проговорила Хомили. — Подумать только!

— Верно, — сказал Под, — и делит её на куски. Понимаешь, о чём я говорю, Хомили? — Он поднялся на ноги. — От добра добра не ищут.

Хомили рассеяннo шнуровала туфлю.

— И все-таки я который раз спрашиваю себя, как он жарит мясо, — проговорила она через некоторое время.

— Себя спрашивай сколько хочешь, — сказал Под и пошёл в глубь пещеры, чтобы повесить инструменты. — От этого вреда не будет, лишь бы Спиллера не спрашивала.

— Бедный сиротка... — повторила Хомили рассеяннo, но взор её был задумчив.

Глава пятнадцатая

Нет розы без шипов.

Из дневника Арриэтты.

25 сентября

Следующие шесть недель были самыми счастливыми (если верить Тому Доброу) в жизни Арриэтты под открытым небом. Ну, совсем безоблачными назвать их было нельзя, погода, как всегда в Англии, была переменчивая. Были дни, когда поля тонули в молочном тумане и на ветках живых изгородей висела паутина, расцвеченная каплями, как самоцветами. Были безветренные, удушающе жаркие дни. Были грозовые дни, в один из которых в лесу неподалёку упала слепящая молния, и до смерти перепуганная Хомили закопала в песок лезвие бритвы, говоря, что «сталь притягивает электричество». Была целая неделя, когда без передышки и остановки шёл унылый дождь; во рве под насыпью мчался бурный поток, и Спиллер бесстрашно преодолевал пороги, управляя своей лодкой-мыльницей с необычайным искусством и быстротой. Всю эту неделю Под продержал Хомили и Арриэтту дома, боясь, чтобы они не поскользнулись и не упали в воду. Будет не до смеха, сказал он, если их унесёт из рва в разлившийся ручей и понесёт дальше через поля, пока ручей не впадёт в реку и в результате вынесет в море.

— Ты бы ещё сказал — «в океан» и «донесёт до Америки», — колко заметила Хомили, вспомнив Арриэттин «Географический справочник».

Но она всё это время усиленно занималась вязанием зимних вещей, следила, чтобы для Пода и Спиллера всегда было горячее питьё, и сушила над свечкой одежду Спиллера, пока он, го-

лый, но в кои-то веки чистый, сидел, скорчившись, в ботинке. В нишу дождь по-настоящему ни разу не попал, но всё было сырым, на коже ботинка выступила плесень, а в один из дней вдруг на голом месте высыпало целое семейство жёлтых поганок. А назавтра, когда Хомили вылезла утром из ботинка и, дрожа от холода, собралась готовить завтрак, она увидела, что через поле серебряной лентой идёт слизистый след, а сунув руку на полку, чтобы взять спичку, она испуганно завизжала — всю полку заполнял и даже свешивался через край огромный слизняк. Добывайкам непросто справиться со слизняком такой величины, но, к счастью, он съёжился и притворился мёртвым. Главным было вытащить его из тесного убежища, где он сидел, как рука в перчатке, а уж потом они без труда прокатали его по песчаному полу и спихнули с насыпи.

Но в конце сентября наступили действительно чудесные дни, дней так десять — солнце, стрекозы, дремотная жара. Землю ковром усеяли луговые цветы. Для Арриэтты природа таила тысячи развлечений. Девочка спускалась с насыпи, переходила через ров и забиралась в высокую траву. Там она ложилась на землю среди цветов и наблюдала за всем, что происходило вокруг. Привыкнув к повадкам насекомых, Арриэтта перестала их бояться. Она поняла, что живёт с ними в разных мирах и никого из них не интересуется, за исключением, пожалуй, этого чудовища — клеща, который, забравшись на тело, вбуравливается в него с головой.

Кузнечики, как диковинные доисторические птицы, садились в траву над головой — странные существа в зелёной броне, но совершенно для неё безвредные. Травинки отчаянно раска-

чивались под их внезапно обрушившейся тяжестью, а Арриэтта, лёжа внизу, внимательно смотрела, как работают похожие на ножи челюсти кузнечика, пока он не наестся досыта.

Пчёлы для Арриэтты были что птицы для людей (скажем, голуби), а уж шмеля можно было сравнить только с индюком. Стоило ей слегка погладить пушистую спинку шмеля, когда он жадно лакомился соком клевера, и он тут же застывал. На доброту в этом мире отвечали добротой, а злоба, как увидела Арриэтта, была следствием страха. Один раз её чуть не ужалила пчела, когда Арриэтта, чтобы подразнить её, прикрыла рукой губы львиного зева, в глубине которого та сидела. Пойманная в ловушку пчела жужжала, как динамо-машина, и наконец ужалила, к счастью, не Арриэтту, а стенки своей темницы — чашечку цветка.

Много времени Арриэтта проводила у воды — шлёпала босиком по мелководью, плескалась у берега, училась плавать и просто наблюдала. Лягушки старались не подпускать её близко. При её приближении они с негодующим кваканьем шлёпались в воду, в выпученных глазах — покорность. «Глядите, опять она тут», — казалось, говорили они.

Иногда после купания Арриэтта наряжалась в фантастические одеяния: юбка из листьев фиалки черенками кверху, стянутых по талии жгутиком из подвядшего водосбора, и, в подражание феям, чашечка наперстянки вместо шляпы. Возможно, феям, эльфам и прочему сказочному народцу такая шляпа к лицу, думала Арриэтта, глядя на своё отражение в воде, но приходится признать, что обыкновенная добывайка имеет в ней очень глупый вид. Если край цветка приходился по голове, шляпа получалась очень

высокой, вроде поварского колпака, если же чашечка была большая и кромка её мягко изгибалась, шляпа, закрывая лицо, опускалась Арриэтте на самые плечи.

Да и достать цветок было не так легко, ведь стебель наперстянки очень высок. «Феи, наверно, просто подлетали к ним, — думала Арриэтта, — подняв личики и вытянув изящно ножки, а за ними следом тянулся газовый шлейф. Феи всё делают так грациозно...» Арриэтте, бедняжке, приходилось сгибать стебель прутиком с развилкой на конце и садиться на него всей своей тяжестью, чтобы сорвать хоть несколько цветков. Иногда стебель выскальзывал из развилки и вновь взлетал вверх. Но обычно, передвигаясь по стеблю всё ближе к его вершине, Арриэтта умудрялась сорвать пять-шесть цветков — достаточно, чтобы среди них оказался хоть один подходящего размера.

Если Спиллер, проплывая на своей искусно нагруженной лодке, заставлял Арриэтту за этими играми, в его глазах появлялось изумление — он их не одобрял. Проведя всю жизнь под открытым небом, добывая себе пропитание в борьбе с природой, он не мог представить, что значит свобода для того, кто провёл всё детство в тёмном подвале. Лягушки для Спиллера были лишь мясом, трава — укрытием, а насекомые — докучной помехой, особенно комары. Вода служила для питья, а не для того, чтобы в ней плескаться, а ручьи были широкой дорогой, где к тому же водилась рыба. Бедняжке Спиллеру с самых ранних лет некогда было играть.

Зато он был бесстрашным добывайкой, по своему таким же умелым и ловким, как Под, — нельзя было этого не признать. По вечерам после ужина они подолгу обсуждали сложности

своего ремесла, вернее сказать: искусства. Под принадлежал к более умеренной школе — ежедневные вылазки и скромная добыча, немного здесь, немного там, чтобы не вызывать подозрений. Спиллер предпочитал следовать поговорке: куй железо, пока горячо, — другими словами: быстро прибрать всё, на что можно наложить руку, и молниеносно скрыться. «Эта разница в подходе к делу вполне понятна, — думала Арриэтта, прислушиваясь к их разговору, в то время как она помогала матери мыть посуду. — Под всегда раньше добывал в доме и привык добывать по старинке, а Спиллеру приходится иметь дело с цыганами, которые сегодня здесь, а завтра за тридевять земель, а потому надо не уступать им в быстроте».

Иногда они не видели Спиллера целую неделю, но он всегда оставлял им хороший запас еды: жареная нога (чья — они так и не знали) или тушёное мясо, сдобренное диким чесноком. Хомили разогревала его на пламени свечи. Мука, сахар, чай, масло, даже хлеб были у них теперь в избытке. С небрежным видом Спиллер приносил им (если не сразу, так немного погодя) почти всё, что они просили: лоскут фиолетового бархата, из которого Хомили сшила Арриэтте новую юбку, две целых свечи вдобавок к их огарку, четыре катушки без ниток, из которых они сделали ножки для обеденного стола, и, к радости Хомили, шесть ракушек для тарелок.

Однажды он принёс небольшой аптечный пузырёк. Вынимая пробку, Спиллер спросил:

— Знаете, что это?

Хомили, сморщившись, понюхала янтарную жидкость.

— Верно, какой-нибудь шампунь для волос? — сказала она, состроив гримасу.

— Наливка из бузины, — сказал Спиллер, не сводя глаз с её лица. — Красота!

Хомили уже было собралась попробовать наливку, но вдруг передумала.

— Выпьешь вина, — сказала она, вспомнив поговорку из календаря Арриэтты, — поубавится ума. К тому же я с детства непьющая.

— Он делает эту наливку в лейке, — объяснил Спиллер, — и наливает из носика.

— Кто — он? — спросила Хомили.

— Кривой Глаз, — сказал Спиллер.

Все трое с любопытством смотрели на него.

— А кто он такой, этот Кривой Глаз? — спросила наконец Хомили. Она аккуратно заколола сзади волосы и, отойдя от Спиллера, принялась что-то тихонько напевать.

— Да тот, у которого был ботинок, — беспечно ответил Спиллер.

— О? — отозвалась Хомили. Она взяла головку чертополоха и принялась подметать пол — тем самым давая понять Спиллеру, что у неё есть дела поважней, чем их беседа, и вместе с тем не проявляя по отношению к нему грубости. — Какой ботинок?

— Этот, — сказал Спиллер и пнул его ногой.

Хомили перестала подметать и устоялась на Спиллера.

— Но этот ботинок принадлежал раньше джентльмену, — ровным голосом сказала она.

— Раньше — да, — подтвердил Спиллер.

Несколько секунд Хомили молчала.

— Ничего не понимаю, — сказала она наконец.

— До того, как Кривой Глаз их стибрил, — объяснил Спиллер.

Хомили засмеялась.

— Кривой Глаз... Кривой Глаз... Кто такой этот Кривой Глаз? — беззаботно спросила она, твёрдо решив не волноваться.

— Я же вам сказал: цыган, который украл ботинки.

— Ботинки? — повторила Хомили, поднимая брови и подчёркивая голосом множественное число.

— Ну да, их была пара. Стояли за дверью в буфетную, — Спиллер мотнул назад головой, — в большом доме. Там их Кривой Глаз и стянул. Пришёл туда продавать зацепки для белья, а во дворе за дверью каких только не было ботинок! Разных фасонов и размеров, все — начищенные до блеска. Стояли на солнышке, пара возле пары... и щётки, и всё прочее...

— О-о, — протянула задумчиво Хомили. «Неплохая добыча», — подумала она. — И он все их прихватил?

Спиллер засмеялся.

— Ну, нет! Кривой Глаз не такой дурак. Взял одну пару, а соседние сдвинул, чтобы видно не было.

— Понятно, — сказала Хомили. Через минуту она добавила: — А этот ботинок кто добыл — ты?

— Можно и так сказать, — ответил Спиллер и добавил, словно в объяснение: — У него был пёстрый кот.

— При чём тут кот? — спросила Хомили.

— Однажды ночью этот кот устроил ужасный концерт у него над ухом. Кривой Глаз поднялся и запустил в него ботинком — этим ботинком. — Спиллер снова пнул ботинок. — Хороший был ботинок и воду не пропускал, пока ласка не прогрызла дыру в носке. Вот я и взял его — протасил за шнурок через изгородь, спустил на воду, залез в него, проплыл вниз по те-

чению до поворота; вытащил на землю, а летом высушил в высокой траве.

— Там, где мы его нашли? — спросила Хомили.

— Ага. — Спиллер захохотал. — Вы бы послушали, как он ругался утром! Он же точно знал, куда кинул ботинок, и не мог понять, почему его там нет. — Спиллер снова расхохотался. — Всякий раз, что он проходит мимо этого места, снова его ищет.

Хомили побледнела.

— Снова ищет? — встревоженно повторила она.

Спиллер пожал плечами.

— Ну и что? Он же не додумается искать на этом берегу! Ведь он знает, куда швырнул ботинок, знает точно, потому-то ничего и не понимает.

— Ах, господи, — жалобно запричитала Хомили.

— Да нечего вам волноваться, — сказал Спиллер. — Ну, я пошёл. Что-нибудь принести?

— Я бы не отказалась от чего-нибудь тёплого, — сказала Хомили, — этой ночью мы все озябли.

— Хотите овечьей шерсти? — спросил Спиллер. — Там, у дороги, её на колючках полно.

— Всё, что угодно, — сказала Хомили, — лишь бы оно грело. И лишь бы, — добавила она в ужасе от внезапно пришедшей ей мысли, — это не был носок. — Её глаза округлились. — Мне не нужен носок Кривого Глаза.

В тот вечер Спиллер ужинал вместе с ними (холодный отварной пескарёк с салатом из щавеля). Он принёс им великолепный комок чистой овечьей шерсти и длинный красный лоскут, ото-

рванный от шерстяного одеяла. Под, не будучи таким противником вина, как Хомили, налил ему в половинку ореховой скорлупы бузиновой наливки, но Спиллер и не прикоснулся к ней.

— У меня дела, — сказал он сдержанно, и они догадались, что он собирается в дальний поход.

— Ты надолго? — спросил Под, пригубливая наливку с таким видом, словно хотел лишь попробовать её.

— На неделю, — ответил Спиллер, — может быть, дней на десять...

— Смотри, — сказал Под, — будь осторожен. — Он сделал ещё глоток. — Очень неплохо, — сказал он Хомили, протягивая ей скорлупку. — На, попробуй.

Хомили покачала головой и сжала губы.

— Мы будем по тебе скучать, Спиллер, — сказала она, хлопая глазами и не обращая внимания на Поду. — Это факт.

— А зачем ты уходишь? — вдруг спросила Арриэтта.

Спиллер, уже готовый скрыться в лиственном пологе у двери, обернулся и посмотрел на неё.

Арриэтта вспыхнула. «Я задала ему вопрос, — горестно подумала она, — теперь он исчезнет на долгое время». Но на этот раз Спиллер, хоть и не сразу, ответил.

— За зимней одеждой, — сказал он.

— Ах! — в восторге воскликнула Арриэтта, поднимая голову. — За новой?

Спиллер кивнул.

— Из меха? — спросила Хомили.

Спиллер снова кивнул.

— Кроличьего? — спросила Арриэтта.

— Кротового, — сказал Спиллер.

В освещённой свечкой пещерке вдруг наступил праздник, словно их всех ждало радостное

событие. Все трое улыбались Спиллеру. Под поднял свой «бокал».

— За новую одежду Спиллера! — сказал он, и Спиллер, смутившись, тут же нырнул в листву. Но не успела ещё живая завеса перестать колыхаться, как они снова увидели его лицо.

— Её шьёт одна дама, — смущённо сообщил он и снова исчез.

Глава шестнадцатая

*Счастье с несчастьем —
что ведро с ненастьем.*

Из дневника Арриэтты.
30 октября

Было ещё совсем рано, когда на следующее утро Под позвал Арриэтту с порога пещеры.

— Вылезай-ка из ботинка, дочка! — крикнул он. — Я хочу что-то тебе показать.

Дрожа от холода, Арриэтта натянула на себя одежду и, накинув на плечи кусок красного одеяла, вылезла наружу и стала рядом с отцом. Солнце уже поднялось, и всё, на что падал её взгляд, поблёскивало, словно посыпанное сахарной пудрой.

— Первый иней, — сказал через минуту Под.

Арриэтта сунула закоченевшие пальцы под мышки и ту же натянула одеяло.

— Да, — сдержанно откликнулась она, и оба замолчали.

Но вот Под откашлялся и сказал:

— Нет нужды будить мать. При таком солнце через час всё, наверно, растает. — Он снова замолчал, погрузившись в свои мысли. — Думал, тебе понравится, — хрипло сказал он наконец.

— Да, — повторила Арриэтта и вежливо добавила: — Очень красиво.

— Самое разумное, — сказал Под, — самим тихонько приготовить завтрак и не трогать мать. В этой овечьей шерсти ей, должно быть, тепло.

— Я еле жива, — ворчала Хомили за завтраком, держа обеими руками ореховую скорлупку с горячим, как огонь, чаем (теперь благодаря Спиллеру им не приходилось так экономить свечей). — Я продрогла до мозга костей... Знаешь что? — продолжала она.

— Нет, — коротко сказал Под. — Что?

— Давай пойдём на выгон, где останавливаются цыгане, и поищем чего-нибудь. Там сейчас никого нет. Раз Спиллер ушёл надолго, значит, цыгане снялись с места. Может, мы что-нибудь найдём, а в такую погоду хуже всего сидеть на месте. Как ты на это смотришь, Под? Оденемся потеплей.

Арриэтта сидела молча, переводя глаза с отца на мать. Она уже поняла, что, если ты хочешь чего-нибудь, лучше не вмешиваться в разговор взрослых.

Под колебался — он не хотел вторгаться в чужие владения, ведь туда ходил за добычей Спиллер.

— Ну, ладно, — неуверенно согласился он наконец.

Поход оказался совсем не лёгким. Спиллер спрятал свою лодку, и им пришлось переправляться на другой берег на плоском куске коры, а когда они двинулись по лесу вдоль ручья, оказалось, что оба берега густо заросли куманикой — чудовищная чаша из живой колючей проволоки, которая цеплялась за платье и во-

лосы. К тому времени, когда они перебрались через зелёную изгородь на травянистую обочину дороги, все трое были растрёпаны и расцарапаны до крови.

Увидев место, где разбивали табор цыгане, Арриэтта совсем приуныла. Лес, через который они с таким трудом пробирались, заслонил последние тусклые лучи солнца. Покрытая тенью трава была истоптанная и пожухлая. Повсюду валялись старые кости; ветер перегонял с места на место перья и лоскуты; то и дело на изгороди хлопала грязная газета.

— Батюшки! — бормотала Хомили, поглядывая по сторонам. — Мне что-то разонравился этот кусок красного одеяла.

— Ну, — сказал наконец Под, — пошли. Раз уж мы здесь, надо всё хорошенько осмотреть.

И первым спустился с насыпи.

Но им было противно до всего дотрагиваться. Хомили боялась, как бы они не набрались блох. Под нашёл старую железную кастрюльку без дна. Под чувствовал, что она может для чего-нибудь пригодиться, только не знал, для чего. Он ходил вокруг неё, рассматривая со всех сторон, и даже раз или два стукнул головкой шляпной булавки. Раздался глухой звон. Однако в конце концов он оставил её, решив, что здесь она им ни к чему, а нести её тяжело.

Арриэтта обнаружила небольшую кухонную плиту. Она лежала на насыпи под живой изгородью, и, судя по тому, как сильно она заржавела и как густо разрослась вокруг неё трава, лежала уже много лет.

— Знаешь, — сказала Арриэтта матери, молча осмотрев плиту со всех сторон, — в ней можно жить.

Хомили вытаращила глаза.

— Жить? В этом? — с отвращением закричала она.

Плита лежала на боку, частично уйдя в землю. По сравнению с обычными кухонными плитами она была очень маленькая, с закрытой решёткой из железных прутьев и крошечной духовкой. Такие плиты встраивают в жилые фургоны. Возле неё лежала кучка рассыпающихся костей.

— А девочка права, — сказал Под, стучая по прутьям решётки. — Здесь можно разводить огонь, а жить, скажем, в духовке.

— Жить! — воскликнула Хомили. — Ты хочешь сказать: зажариться живьём.

— Да нет, — возразил Под, — зачем топить во всю мочь? Так, небольшой огонь, чтобы было тепло внутри. И мы были бы здесь, — он взглянул на медную задвижку на дверце духовки, — в полной безопасности. Чистое железо. — Он постучал по плите шляпной булавкой. — Его не прогрызёшь.

— Мыши могут пролезть между прутьями, — возразила Хомили.

— Возможно, — сказал Под, — но я думал не столько о мышах, сколько о... — он приостановился, на лице его отразились смущение и тревога, — о горностаях и лисицах и прочих зверюгах.

— Ах, Под! — воскликнула Хомили, прижимая ладони к щекам и трагически глядя на него. — Ну зачем вспоминать о таких вещах? Зачем? — чуть не плача повторила она. — Ты же знаешь, как это на меня действует.

— Но такие вещи существуют на свете, — бесстрастно настаивал Под, — в этой жизни надо смотреть правде в глаза, если можно так выразиться. Надо видеть то, что есть, и смело встречать то, что вам не по вкусу.

— Но лисицы, Под! — запротестовала Хомили.

— Да, конечно, — согласился Под, — но ведь они есть, от этого не уйдёшь. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю, можешь не сомневаться, — отвечала Хомили, глядя на плиту куда благосклонней, — но если мы её зажжём, цыгане увидят дым.

— И не только цыгане, — согласился Под, глянув искоса на дорогу, — но и любой прохожий. Нет, — вздохнул он, поворачиваясь, чтобы уйти, — ничего не выйдет. Жаль. Железо есть железо.

Единственной стоящей находкой была горячая — с пылу с жару — картофелина с обуглившейся кожурой, Арриэтта обнаружила её на том месте, где цыгане разводили костёр. Угли были ещё тёплые, стоило их поворошить палочкой, по золе змейками побежали красные искры. Когда Под разломил картофелину, от неё пошёл пар. Усевшись поближе — насколько они отважились — к опасному теплу, они наелись до отвала горячей картошки.

— Хорошо было бы прихватить домой немного золы, — заметила Хомили. — Скорее всего так именно Спиллер и готовит — добывает огонь у цыган. Как ты думаешь, Под?

Под подул на кусочек картофелины, который держал в руках.

— Нет, — сказал он, откусив от него и говоря с набитым ртом, — Спиллер готовит каждый день, неважно — есть тут цыгане или нет. У него свой способ. Хотел бы я знать какой.

Хомили наклонилась и пошевелила угли обгорелой палочкой.

— А что, если мы притащим сюда ботинок и будем всё время поддерживать здесь огонь?

Под тревожно оглянулся по сторонам.

— Слишком на виду, — сказал он.

— Ну а если мы поставим ботинок под изгородью, — продолжала Хомили, — рядом с плитой? Как ты на это смотришь? Или внутрь плиты? — добавила она вдруг, сама не веря, что это возможно.

Под медленно обернулся и посмотрел на неё.

— Хомили... — начал он и замолчал, словно ему не хватало слов. Но вот он положил руку на плечо жены и с гордым видом взглянул на Арриэтту. — Твоя мать — удивительная женщина, — с чувством произнёс он. — Никогда не забывай это, дочка. — И закричал: — Всех свистать навёрх!

Они принялись как безумные таскать к костру прутья и сырые листья, чтобы не дать огню слишком быстро прогореть. Они бегали взад-вперёд, поднимались к живой изгороди вдоль насыпи, забирались в рощицу... они спотыкались, падали, но вытаскивали, выдёргивали, тащили, несли, волокли... И вот уже в свинцовое небо поднялась тонкая струйка дыма.

— Ой, — тяжело дыша, проговорила Хомили с огорчением, — дым будет виден на много миль вокруг.

— Неважно, — пропыхтел Под, — подумают, что это цыгане. Сгреби сюда побольше листьев, Арриэтта, нам нужно, чтобы костёр горел до самого утра.

Внезапный порыв ветра кинул дым в глаза Хомили, по её щекам покатались слёзы.

— Ах! — воскликнула она огорчённо. — Вот что нам предстоит делать всю зиму день за днём, неделя за неделей, пока мы не обдерём себе все руки, а тогда какое уж топливо... Ничего не выйдет, Под. Ты и сам видишь. — И, сев на

закопчённую крышку от жестянки, она расплакалась. — Мы не можем провести всю остальную жизнь, — сказала она, всхлипывая, — подерживая открытый огонь.

Поду и Арриэтте нечего было возразить, они вдруг почувствовали, что Хомили права: добычки слишком малы и слабы, им не набрать топливо для настоящего костра... Темнело, ветер становился всё резче, пронзительный ветер, предвещавший снег.

— Пора возвращаться, — сказал наконец Под. — Что ж, во всяком случае, мы сделали попытку. Ну, полно, полно, — принялся он тормозить Хомили. — Вытри глаза, мы что-нибудь придумаем.

Но они так ничего и не придумали. Погода делалась всё холодней. Спиллер не появлялся. Через десять дней у них кончилось мясо, и они пустили в ход свою последнюю свечу — их единственный источник тепла.

— Ума не приложу, — жалобно причитала Хомили, когда они забирались вечером под овечью шерсть, — как нам быть. Одно я знаю твёрдо: Спиллера мы больше не увидим. Верно, с ним случилась беда.

А потом начался снегопад. Хомили лежала под одеялом в ботинке и не желала вставать, чтобы взглянуть на него. Снег предвещал ей конец.

— Я умру здесь, — заявила она, — в тепле и удобстве. А вы с папой, — сказала она Арриэтте, — можете умирать как хотите.

Как ни уверяла её Арриэтта, что заснеженное пастбище очень красиво, что холод стал менее жестоким и что она сделала санки из крышки от жестянки, которую Под взял у костра, всё было напрасно: Хомили выбрала себе могилу и не была намерена её покидать.

Хотя Арриэтте было жаль мать, это не мешало ей с удовольствием кататься на сани — по широкой дуге вниз с насыпи до самого рва. А Под мужественно продолжал выходить в поисках пропитания, хотя на живых изгородях уже почти ничего не осталось, сражаться с птицами. Все трое похудели, но чувствовали они себя хорошо, и загоревшие под зимним солнцем щёки Арриэтты рдели здоровым румянцем.

Но прошло пять дней, и всё переменялось: сильно похолодало и снова пошёл снег. Его наметало в высокие воздушные сугробы, слишком лёгкие и сыпучие, чтобы на них могла удержаться спичка, не то что добывайка. Под и Арриэтта оказались прикованными к дому и большую часть времени проводили теперь рядом с Хомили в ботинке. Овечья шерсть не давала им замёрзнуть, но лежать там в полутьме было скучно, и часы тянулись медленно. Иногда Хомили оживлялась и рассказывала им истории из своего детства. Она могла не заботиться о том, чтобы они были интересны — её слушателям всё равно некуда было деться.

И наконец наступил день, когда их запасы кончились.

— У нас ничего не осталось, — объявил однажды вечером Под. — Один кусочек сахара и полсантиметра свечи.

— Свечу я есть не смогу, — жалобно сказала Хомили, — особенно парафиновую.

— Тебе никто этого не предлагает, — отозвался Под. — Да, ещё есть капелька бузиновой наливки.

Хомили села в постели.

— Да? — сказала она. — Положи сахар в наливку и подогрей её на свече.

— Но как же так, Хомили, — запротестовал Под. — Я думал, что ты непьющая.

— Грог — другое дело, — объяснила Хомили. — Позови меня, когда будет готово. — Она легла и добродетельно прикрыла глаза.

— Она всё равно сделает по-своему, — пробормотал Под, оборачиваясь к Арриэтте. Он с сомнением посмотрел на бутылку. — Здесь больше, чем я думал. Надеюсь, ей это не повредит...

У них получился настоящий праздник, ведь они так давно не зажигали свечу. Как приятно было собраться вокруг неё всем вместе и понежиться в её тепле.

Когда, наконец согревшись, они легли спать, Арриэтта уютно устроилась под тёплой шерстью, и её охватило странное чувство спокойствия и довольства. «Всё будет хорошо», — подумала она. Арриэтта заметила, что Под, который тоже приложился к наливке, уснул, не зашнуровав край ботинка...

Впрочем, какое это имеет значение, если это их последняя ночь на земле...

Глава семнадцатая

Чему быть, того не миновать.

Из дневника Арриэтты.

1 ноября

Эта ночь не была их последней ночью на земле (всегда находится какой-нибудь выход), однако она оказалась их последней ночью в земле.

Первой проснулась Арриэтта. Она чувствовала себя усталой, словно плохо спала, но лишь

позднее (как она рассказала Тому) припомнила свой сон про землетрясение. Она лежала в неудобной позе, стиснутая со всех сторон. В ботинке было светлей, чем обычно, но она вспомнила, что вход в него остался незашнурованным. Только почему, удивилась она, чуть приподнявшись, дневной свет падает сверху, точно из слухового окна? И тут она поняла: ботинок, лежавший раньше на боку, теперь стоял почему-то прямо. Невероятно! Первой её мыслью (заставившей сильнее забиться сердце Арриэтты) была мысль, что её сон о землетрясении оказался явью. Арриэтта кинула взгляд на Пода и Хомили. Судя по тому, что она смогла увидеть, — они с головой зарылись в овечью шерсть! — родители спокойно спали, но не совсем в том положении, в каком они легли в постель. Что-то случилось ночью, Арриэтта была уверена в этом, если только она сама не продолжает спать и видеть сон.

Арриэтта тихонько села. Хоть ботинок был открыт, воздух показался тёплым, даже душным; он пахнул дымом, луком и чем-то ещё, неизвестным, — может быть, так пахнет человек? Арриэтта проползла по дну ботинка и подкралась к его открытой части. Встала на ноги и посмотрела наверх. Вместо песчаной крыши их пещеры она увидела проволочную сетку и нечто вроде полосатого потолка. Должно быть, они под кроватью, догадалась Арриэтта (она уже видела кровати снизу там, в большом доме), — но чья это кровать? И где?

Дрожа — не столько от страха, сколько от любопытства, — Арриэтта задрала ногу повыше и поставила её в дырочку для шнурка, затем подтянулась на петле; ещё один шаг, ещё один рывок — и... Арриэтта выглянула наружу. Пер-

вое, что она увидела совсем рядом с собой — так близко, что она могла заглянуть внутрь, — был второй ботинок, точь-в-точь такой же, как у них.

С того места, где она находилась, ничего другого не было видно. Кровать была низкая; вытянув руку, Арриэтта могла дотронуться до сетки. Но слышно ей было всё: бульканье закипающего чайника, потрескивание огня и более глубокий и ритмичный звук — храп человека.

Арриэтта задумалась: хотела было разбудить родителей, но потом решила, что не стоит. Лучше сперва побольше разузнать. Она ослабила шнурок в четырёх срединных дырочках и выскользнула через щель наружу, затем прошла по ботинку до его носка и осмотрелась. Теперь это было нетрудно.

Как и догадывалась Арриэтта, они находились в фуре. Ботинок стоял под складной кроватью, занимавшей одну её стенку; напротив неё, у другой стены, Арриэтта увидела маленькую кухонную плиту вроде той, что они нашли у живой изгороди, и резную висячую полку светлого дерева. На ней стояли зеркальца, ярко раскрашенные вазы, глиняные кружки и висели гирлянды бумажных цветов. Под полкой по обе стороны плиты были встроенные шкафчики для белья и посуды. На плите тихонько кипел чайник, сквозь прутья решётки мерцало красное пламя.

У задка повозки, под прямым углом к кровати, была вторая лежанка, поверх встроенного в стенку рундука. Арриэтта, высматривавшая подходящее убежище для родителей и себя, заметила, что рундук стоял не вплотную к полу и под ним оставалось пространство, достаточное,

чтобы добывайка мог туда заползти. На лежанке она увидела гору под лоскутным одеялом, гора поднималась и опускалась. Судя по храпу, там спал человек. У изголовья стояла лейка с жестяной кружкой на носике. «Бузинная наливка, — подумала Арриэтта. — Да, эта ночь погубила нас».

Налево от неё, тоже под прямым углом к длинным стенам, была дверца фургона. В распахнутую настежь верхнюю её часть вливалось зимнее солнце. Арриэтта знала, что дверь выходит вперёд, к оглоблям. Одной стороной, той, где была задвижка, нижняя часть двери неплотно прилегала к раме — из щели струился свет. Возможно, если она не побоится туда подойти, ей удастся выглянуть наружу.

Арриэтта колебалась. До двери был всего один человеческий шаг. Гора на кровати по-прежнему вздымалась и опускалась, наполняя воздух храпом. Арриэтта легко соскользнула с носка ботинка на вытертый коврик и бесшумно побежала на цыпочках к двери. В первый миг яркое солнце, проникавшее в щель, чуть не ослепило её, затем она различила полоску травы, мокрой от тающего снега, и тлеющий между двумя камнями костёр. Немного поодаль, у живой изгороди, Арриэтта увидела знакомый предмет — старую кухонную плиту. У неё сразу поднялось настроение — значит, они всё ещё были на выгоне и никуда не переехали за ночь, как она опасалась.

Арриэтта стояла, сунув нос в щель, и глядела наружу, как вдруг наступила тишина. Она обернулась и приросла к полу: человек на лежанке сидел. Это был огромный мужчина, полностью одетый, смуглый, с шапкой кудрявых волос. Глаза его были зажмурены, руки со сжатыми

кулаками раскинуты в стороны, рот разинут во всю ширь — он громко и сладко зевал.

На Арриэтту напал страх. Надо куда-то скрыться — но куда? Она взглянула на кровать справа, ту, под которой стояли ботинки. Она добралась бы сюда за три прыжка, но лучше не шевелиться, так сказал бы отец. Затенённая нижняя часть двери, возле которой она стояла, казалась ещё темней из-за яркого света, который лился в верхнюю, открытую её часть. И Арриэтта лишь слегка отступила от щели, на фоне которой мог быть замечен её силуэт.

Человек перестал зевать, спустил ноги в носках на пол и с минуту сидел задумчиво, глядя на них. Арриэтта заметила, что один его глаз был чёрный и блестящий, а второй — светло-карий, куда бледнее, чем первый, и полуприкрытый веком. Должно быть, это и есть Кривой Глаз — этот огромный, толстый, страшный мужчина, который сидит так неподвижно и любит-ся своими носками.

И тут странные глаза поднялись, улыбка стала шире, и Арриэтта поняла, что Кривой Глаз смотрит на ботинки.

У неё перехватило дыхание, когда она увидела, что он наклоняется вперёд и (ему было достаточно протянуть для этого свою длинную руку) вытаскивает их из-под кровати. Он любовно взирал на ботинки, держа перед собой сразу оба, затем, словно заметив разницу в весе, поставил один на пол. Раскрыв ладонь одной руки, он легонько потряс над ней ботинок, перевернув его вверх подмёткой, но оттуда ничего не выпало, и он убрал ладонь.

Вопль, который он издал в следующую секунду, наверно, разнёсся (думала впоследствии Арриэтта) на много миль кругом. Кривой Глаз

уронил ботинок, тот упал набок, и Арриэтта с ужасом увидела, как из него выбежали Под и Хомили, проскользнули у него между ног и исчезли (но не раньше, чем он успел их заметить) в промежутке между рундуком и полом.

Наступила тревожная тишина.

Как ни была напугана Арриэтта, Кривой Глаз, казалось, испугался ещё больше: лицо его приобрело цвет теста, глаза чуть не вылезли из орбит. В наступившей тишине тонким, как ниточка, эхом повисло короткое слово. Кривой Глаз не мог поверить своим ушам... кто-то... что-то... где-то... отчаянно пискнуло: «Ой!»

«Молодец, мама, — подумала Арриэтта. — Сумела взять себя в руки!» Она хорошо представляла себе чувства Хомили: быть вырванной из глубокого сна и вытряхнутой на пол, увидеть, как на тебя уставились эти странные глаза, слышать громовой вопль!.. Расстояние между рундуком и полом не превышало, по её расчётам, двух дюймов, там даже не поднимешься во весь рост, подумала Арриэтта, и хотя сейчас родители были в безопасности, им придётся так там и сидеть — выхода оттуда, очевидно, не было.

За себя Арриэтта не боялась. Она всё ещё стояла неподвижно, словно приклеившись к тени у двери. Спору нет, она была лицом к лицу с Кривым Глазом, но он её ни за что не заметит, если только она не шевельнётся. Казалось, он никак не может прийти в себя, так поразили его крошечные фигурки, появившиеся неизвестно откуда и как бы между его ног.

Несколько секунд он ошеломлённо смотрел на пол, затем опустился на четвереньки и заглянул под рундук. Снова поднялся с разочарованным видом, нашёл спичечный коробок, зажёл спичку и при её свете попытался разглядеть, что скры-

вается во мраке под лежанкой. Арриэтта воспользовалась тем, что он повернулся к ней спиной, и в три прыжка очутилась под кроватью. Там стояла картонная коробка (в ней можно будет спрятаться), лежали мотки верёвки, связка ловушек на кроликов и липкое блюдо, в котором когда-то было молоко.

Арриэтта пробралась между всем этим к дальнему концу кровати — туда, где она вплотную подходила к рундуку. Выглянув украдкой наружу сквозь путаницу кроличьих силков, Арриэтта увидела, что Кривой Глаз, отчаявшись что-либо увидеть при помощи спички, вооружился огромной палкой и теперь деловито водит ею взад и вперёд под рундуком. Арриэтте показалось, что один раз она услышала приглушённый крик и слова: «Ах, батюшки!» Она в ужасе прижала руки к груди.

В этот момент дверь распахнулась, ворвался холодный воздух, и внутрь заглянула какая-то женщина с огромными глазами. Она была закутана в толстую шаль и держала в руке корзину с бельевыми прищепками. Скорчившись среди кроличьих силков, Арриэтта заметила, что глаза женщины стали ещё огромнее, и на стоявшего на коленях мужчину обрушился целый поток вопросов на каком-то неизвестном языке. Арриэтта видела, как в солнечном свете поднимается пар от её дыхания, слышала, как позвякивают её большие серьги.

Кривой Глаз немного смущённо встал на ноги. Он казался Арриэтте настоящим великаном, и, хотя лицо его исчезло, ей было достаточно посмотреть на его беспомощно висящие руки. Он отвечал женщине на том же языке. Говорил он долго, возбуждённо, иногда голос его поднимался до крика — в нём слышался страх.

Кривой Глаз поднял ботинок с пола, показал его женщине, что-то долго ей объяснял и боязливо, как заметила Арриэтта, сунул руку внутрь. Он вытащил комок овечьей шерсти, часть носка и — с неприкрытым удивлением, ведь это был кусок его собственного одеяла — красный шерстяной лоскут. Женщина не переставала насмехаться над ним, когда он показывал ей всё это, и в голосе его зазвучали слёзы. И тут женщина расхохоталась — пронзительным и вместе с тем хриплым смехом. «Какая она бессердечная, — подумала Арриэтта, — какая злая». Ей даже захотелось выбежать из-под кровати и показать этой женщине, которая не принимала всерьёз ни одно слово Кривого Глаза, что они, добывайки, существуют на самом деле. («Так ужасно и так печально, — призналась она как-то Тому, — принадлежать к народу, в существование которого не верит ни один здравомыслящий человек».) Но как ни соблазнительна была эта мысль, Арриэтта вовремя одумалась и вместо этого протиснулась из-под кровати в ещё более тёмное и узкое пространство под рундуком.

И как раз вовремя: послышался мягкий топот чьих-то ног по коврику, и рядом с тем местом, где она только что стояла, появились четыре кошачьи лапы — три чёрные и одна белая. Кот потянулся, перекатился на спину, потёрся усатой мордой о нагретый солнцем коврик. Он был чёрный, с белым брюхом. Он или она? Этого Арриэтта не знала, но — так или иначе — это был великолепный зверь, гладкий и могучий, как все коты, которые сами добывают себе пропитание и живут под открытым небом.

Отодвигаясь бочком, как краб, в темноту и не сводя глаз с кота, который нежился на солнце,

Арриэтта вдруг почувствовала, что кто-то берёт её руку и сжимает изо всех сил.

— Ах... — еле слышно сказала Хомили у самого её уха, — ах, какое счастье, ты жива!

Арриэтта приложила палец к губам.

— Шш, — шепнула она еле слышно, по-прежнему глядя на кота.

— Ему сюда не залезть, — шепнула в ответ Хомили.

В полумраке Арриэтта увидела, что лицо у матери бледное, даже серое, и покрыто пылью.

— Мы в фуре, — сказала она спустя минуту, не в силах удержаться, так ей хотелось выложить новости.

— Да, я знаю, — сказала Арриэтта и умоляюще добавила: — Мамочка, давай лучше помолчим.

Секунду Хомили молчала, затем сказала:

— Он попал папе палкой по спине. Вернее, пониже спины, — добавила она, чтобы успокоить Арриэтту.

— Шш! — снова шепнула Арриэтта.

С того места, где они стояли, почти ничего не было видно, но она догадалась, что Кривой Глаз надевает куртку. Вот он наклонился, и совсем рядом возникла рука, нашаривающая под кроватью кроличьи силки. Женщина всё ещё была снаружи, у костра.

Через несколько минут, когда глаза Арриэтты привыкли к темноте, она увидела поодаль отца. Он сидел, прислонившись спиной к стене. Арриэтта подползла к нему, Хомили следом за ней.

— Ну вот мы и снова вместе, — сказал Под, почти не разжимая губ. — И всё ещё живы, — добавил он, взглянув на Хомили.

Глава восемнадцатая

*Волков бояться — в лес
не ходить.*

Из дневника Арриэтты.
5 ноября

Припав к полу и задержав дыхание, они слушали, как Кривой Глаз отпер дверь, затем снова запер её на задвижку и тяжело спустился по ступеням.

Все трое молчали.

— Мы остались одни, — заметила наконец Хомили своим обычным голосом. — Я хочу сказать, мы вполне могли бы выбраться отсюда, если бы не кот.

— Шш, — шепнул Под.

Было слышно, как женщина что-то спросила, поддразнивая Кривого Глаза, а когда он пробормотал в ответ несколько слов, разразилась снова тем же издевательским смехом.

— Он знает, что мы здесь, — прошептала Арриэтта, — но она ему не верит.

— И этот кот тоже скоро узнает, что мы здесь, — ответил Под.

Арриэтта задрожала. Должно быть, кот спал на кровати, в то время как она, беззащитная, стояла у двери у него на виду.

Под молчал. Он думал.

— Да, — сказал он наконец, — весёленькая история! Он, верно, вышел вчера вечером проверять силки и — нате вам — нашёл потерянный давным-давно ботинок в нашей ямке.

— Мы забыли опустить полог, — шепнула Арриэтта.

— Ты права, — согласился Под.

— И даже не зашнуровали сверху ботинок, — продолжала Арриэтта.

— Да, — сказал Под и вздохнул. — Кто вино любит, тот сам себя губит — так это говорится, да?

— Вроде этого, — ответила Арриэтта шёпотом. Они сидели по пояс в пыли.

— Какая гадость! — заметила Хомили, изо всех сил удерживаясь, чтобы не чихнуть. — Если бы я делала эту фуру, я бы не оставила здесь щель.

— Ну и слава богу, что её делал кто-то другой, — сказал Под, в то время как усатая тень загродила им свет: кот наконец увидел их.

— Не впадай в панику, — спокойно добавил Под, — этот рундук доходит почти до самого пола, коту нас не достать.

— Ох! Ох! Ох! — не унималась Хомили, глядя на светящийся зелёный глаз. Под крепко сжал ей руку, чтобы заставить замолчать.

Кот прошёл вдоль всего рундука, приняв себя к щели, затем вдруг улёгся на бок и принялся нежно поглядывать на них. У него был очень дружелюбный вид, словно он хотел выманить их наружу, чтобы поиграть.

Время шло, всё оставалось как было, лишь солнечный луч медленно передвигался по вытертому коврику. Кот, казалось, задремал.

— Что ж, — шепнула Хомили, — а всё-таки приятно оказаться под крышей.

Один раз женщина зашла в фуру, взяла из кухонного столика деревянную ложку и сняла с огня чайник. Они слышали, как она ворчит, подкидывая дрова в костёр, а один раз порыв ветра занёс внутрь едкий дым. Арриэтта не удержалась и чихнула. Кот тут же проснулся и скосил на них глаза.

Ближе к полудню до них стал доноситься аппетитный, дразнящий запах тушёного мяса. Он делался то сильнее, то — когда менялся ветер — слабее.

Арриэтта почувствовала, как у неё потекли слюнки.

— Ой, я так хочу есть... — вздохнула она.

— А я пить, — сказала Хомили.

— А я и есть, и пить, — сказал Под. — Но говорить об этом ни к чему, — продолжал он. — Закройте глаза и думайте о чём-нибудь другом.

— Стоит мне закрыть глаза, — запротестовала Хомили, — и я вижу полный напёрсток горячего крепкого чая или вспоминаю о том чайнике, который был у нас дома, том, из жёлудя, с носиком из пера.

— Что ж, вспоминай о чём хочешь, — сказал Под, — в этом вреда нет, если тебе становится легче...

Наконец вернулся Кривой Глаз. Он отпер дверь и кинул на коврик двух кроликов в силках. Затем они с женщиной поели, сидя снаружи на ступенях фуры, а тарелки ставя на пол вместо стола.

Запах мяса стал просто невыносим. Он выманил наших трёх добываек из тёмного уголка на самый край их убежища. Жестяные тарелки, полные сочного жаркого, были на уровне их глаз, и они могли прекрасно рассмотреть рассыпчатый картофель и пряный соус, которым он был обильно полит.

— Ох! Ох! — пробормотала Хомили. — Это фазан... ну кто его так готовит?!

Один раз Кривой Глаз кинул кусочек на коврик. Они с завистью смотрели, как кот прыгнул

и принялся его есть, не спеша, хрустя костями, как настоящий хищник.

— Ох! — снова пробормотала Хомили. — Ну и зубы...

Наконец Кривой Глаз оттолкнул тарелку в сторону. Кот с интересом смотрел на груды полуобглоданных костей, на которых оставались лоскутки нежного мяса. Хомили смотрела туда же: тарелка стояла у самой щели.

— Ты не попробуешь, Под? — шепнула она.

— Нет, — ответил Под так громко и твёрдо, что кот обернулся и посмотрел на него: одни глаза с вызовом уставились в другие. Кот принялся медленно помахивать хвостом. — Бежим, — выдохнул Под, в то время как кот подобрался для прыжка, и все трое кинулись вглубь, в темноту. Ещё секунда — и было бы поздно.

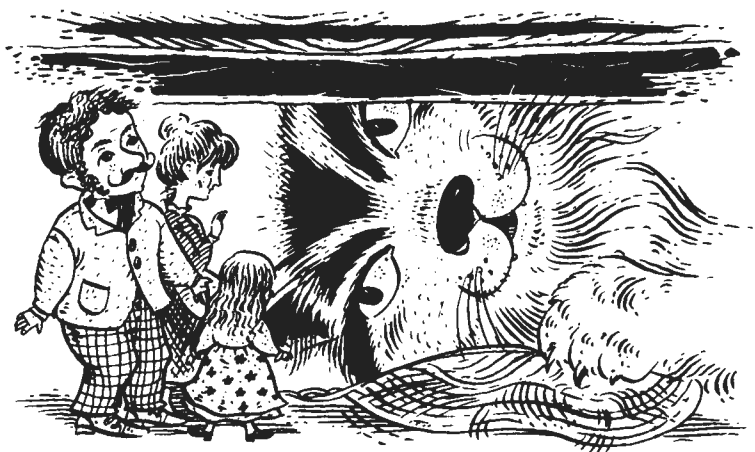
Кривой Глаз быстро обернулся. Не спуская глаз с кота, он позвал женщину и ткнул пальцем в рундук. Они оба опустили головы до уровня пола и стали вглядываться в мрак под рундуком. Арриэтте, сидевшей вместе с родителями у задней стены фуры, казалось, что они смотрят прямо ей в лицо. Быть не может, чтобы их не было видно...

— Всё в порядке, — еле слышно прошептал Под. — Спокойно. Главное — не шевелиться.

Наступила тишина... Даже у женщины сделался встревоженный вид: кот, неслышно ступая на мягких лапах, ходил взад-вперёд вдоль рундука, то и дело заглядывая в щель, и это разбудило её любопытство.

— Только не шевелитесь, — снова шепнул Под.

Вдруг на солнечное пятно на коврике упала чья-то тень: Арриэтта с удивлением заметила позади припавших к порогу фургона цыган какую-

то фигуру, куда более низкую, чем Кривой Глаз. Замерев между родителями, она разглядела три пуговицы на плисовом жилете в пятнах, а над ними — мальчишеское лицо и копну светлых волос.

— Что случилось? — спросил ломающийся голос.

Арриэтта увидела, что у Кривого Глаза сразу изменилось выражение, стало хмурым и подозрительным. Он медленно обернулся и поглядел на говорившего, но перед этим незаметно протянул руку и отпихнул двух мёртвых кроликов в сторонку.

— Что случилось, Кривой Глаз? — снова повторил мальчик. — Похоже, что ты увидел привидение.

Кривой Глаз пожал могучими плечами.

— Может, и так, — сказал он.

Мальчик пригнул голову, оглядел пол; Арриэтта заметила у него в руке ружьё.

— А может, это вовсе хорёк? — лукаво спросил он.

Женщина рассмеялась.

— Хорёк! — воскликнула она и засмеялась снова. — Тебе всюду мерещатся хорьки... — Натянув шаль потуже, она пошла к костру. — По-твоему, кот так себя ведёт, коли чует хорька?

Мальчик с любопытством смотрел мимо кота в тёмную щель, прищулив глаза, пытался проникнуть туда взором.

— Да нет, этого я не скажу, — задумчиво заметил он.

— У него там два лилипутика, — продолжала женщина, — так он говорит... разодетые в пух и прах... Вот умора... — И она снова разразилась визгливым смехом.

Но мальчик не смеялся, выражение его лица не изменилось, он спокойно смотрел на щель под рундуком.

— Разодетые в пух и прах... — повторил он и через секунду добавил: — Только два?

— А сколько тебе нужно? — спросила женщина. — Десяток? По мне, и двоих предостаточно.

— А что вы станете с ними делать? — спросил мальчик.

— Делать с ними? — повторила женщина, тупо глядя на него.

— Ну да, когда поймаете?

Женщина бросила на него любопытный взгляд, словно сомневаясь, в своём ли он уме.

— Там же ничего нет, — сказала она.

— Но вы же говорили...

Женщина расхохоталась — сердито и озадаченно.

— Их видел Кривой Глаз, а не я. Ему кажется, что видел. Нет там ничего, говорю тебе...

— Ещё как видел, — сказал Кривой Глаз. Он растопырил большой и указательный палец. — Вот такого роста. Вроде как маленькая женщина и маленький мужчина.

— Не против, если я посмотрю? — спросил мальчик, поднимаясь по лесенке. Он положил ружьё, и Арриэтта, не сводившая с него глаз, заметила, что он сунул украдкой одну руку в карман. У неё похолодело сердце.

— Ой, — шепнула она и схватила отца за рукав.

— В чём дело? — еле слышно сказал Под, наклоняясь к ней.

— Карман... — заикаясь, проговорила Арриэтта. — У него в кармане что-то живое.

— Хорёк! — воскликнула Хомили, забыв об осторожности. — Нам конец.

— Да тише ты! — умоляюще произнёс Под.

Мальчик что-то услышал; он сел на верхней ступеньке и, наклонившись вперёд, заглядывал под рундук. Когда раздался голос Хомили, глаза его расширились, лицо насторожилось.

— Что толку говорить шёпотом? — жалобно сказала Хомили, понижая, однако, голос. — Нам конец. Теперь хоть песни пой, хоть во всю глотку кричи — всё едино.

— Шшш, — снова шепнул Под.

— А как вы думаете их оттуда достать? — спросил мальчик, не сводя глаз со щели. Его правая рука всё ещё нащупывала что-то в кармане.

— Проще простого, — объяснил Кривой Глаз, — выну из рундука вещи и подниму дощечки со дна.

— Видишь? — шепнула Хомили чуть ли не с торжеством. — Какое теперь имеет значение, что мы будем делать?

Под сдался.

— Ну, что ж, кричи, — устало предложил он.

— Дощечки, верно, приколочены? — спросил мальчик.

— Нет, — сказал Кривой Глаз, — я вынимал их, когда гонял крыс, и больше не приколачивал.

Мальчик, опустив голову, всё так же пристально смотрел под рундук. С того места, где сидела, скорчившись, Арриэтта, она глядела прямо в его глаза, это были голубые глаза, ласковые и задумчивые.

— Скажем, ты поймаешь их, что потом? — продолжал мальчик.

— Что потом? — недоумённо повторил Кривой Глаз.

— Что ты хочешь с ними сделать?

— Сделать с ними? Посадить в клетку. Что ещё?

— В какую клетку?

— А в эту. — Кривой Глаз дотронулся до птичьей клетки, клетка качнулась.

— И кормить нас конопляным семенем, — еле слышно пробормотала Хомили.

— Хочешь держать их у себя? — спросил мальчик, всё так же не отрывая глаз от рундука.

— У себя! Вот ещё! Продам! — воскликнул Кривой Глаз. — И за хорошие деньги... вместе с клеткой.

— Батюшки, — всхлипнула Хомили.

— Спокойно, — прошептал Под. — Лучше клетка, чем хорёк.

«Нет, — подумала Арриэтта, — лучше хорёк, чем клетка».

— А чем ты их будешь кормить? — спросил мальчик; казалось, он хочет выиграть время

Кривой Глаз снисходительно рассмеялся.

— Да чем попало. Обьедками.

— Вы слышали? — негодуяще шепнула Хомили.

— Ну, сегодня это был фазан, — напомнил ей Под. Он обрадовался тому, что она рассердилась, гнев придавал ей храбрости.

Теперь и Кривой Глаз забрался в фуру, закрыв полностью солнечный свет.

— Подвинься-ка, — сказал он мальчику, — надо братья за рундук.

Мальчик чуть подвинулся, скорее сделал вид.

— А как быть с котом? — спросил он.

— Верно, — согласился Кривой Глаз. — Лучше выгнать его. Пошли, Тигр...

Но кот оказался таким же упрямым, как мальчик, и полностью разделял его интерес к добывайкам. Ускользнув от Кривого Глаза, он вскочил на кровать, а оттуда (судя по мягким ударам прямо над их головой) перескочил на рундук. Кривой Глаз кинулся за ним — возле самой щели появились две большие ноги, на одной — их собственный милый ботинок с заплатой на носу, которую поставил Под.казалось невероятным, что в нём нога, да ещё такая враждебная им нога.

— Лучше передай его своей хозяйке, пусть подержит, — посоветовал мальчик, когда Кривой Глаз схватил наконец кота, — не то он опять сюда вскочит.

— И не смей, и не думай, — еле слышно простонала Хомили.

Под удивлённо взглянул вокруг.

— Кому ты говоришь? — шёпотом спросил он.

— Ему... Кривому Глазу... Как только он выйдет из фуры, мальчишка выпустит на нас хорька.

— Послушай... — начал было Под.

— Попомни мои слова, — продолжала Хомили испуганным шёпотом. — Теперь я знаю, кто это, — это молодой Том Доброу. Я не раз слышала, как о нём говорили на кухне в старые времена. И я не удивлюсь, если как раз его мы и видели тогда в окне... В тот день, когда убежали из дома. Помнишь? Говорят, он сущий дьявол, почище, чем его хорёк...

— Тише, Хомили, — умоляюще сказал Под.

— Зачем? Они все равно знают, что мы здесь. Какая разница для хорька, будем мы сидеть тихо или кричать во весь голос?

Кривой Глаз вдруг чертыхнулся — видно, кот оцарапал его.

— Вынеси его, — сказал опять мальчик, — и скажи, пусть она его держит.

— Чего ты волнуешься, — сказал Кривой Глаз, — можно же закрыть дверь.

— Что толку? — возразил мальчик. — Верхнюю половину не закроешь — будет темно.

На пороге Кривой Глаз приостановился.

— Ничего здесь не трожь, слышишь? — сказал он. И постоял с минуту, прежде чем спуститься. На нижней ступеньке он, видимо, споткнулся: добывайки услышали его ругань. — Чёртов ботинок, — донеслось до них, и ещё что-то про каблук.

— Что там, всё в порядке? — небрежно крикнул мальчик. Ответом ему было проклятье.

— Заткни уши, — шепнула Хомили Арриэтте. — О боже, ты слышала, что он сказал?

— Да, — сказала Арриэтта предупредительно. — Он сказал...

— Ах ты, гадкая, невоспитанная девчонка! — сердито закричала Хомили. — Как тебе не стыдно слушать такие слова!

— Тише, Хомили, — попросил Под.

— Ты знаешь, что там стряслось, Под? — взволнованным шёпотом спросила Хомили. — У него отвалился каблук! Что я говорила тебе там, во рву, когда ты хотел выдернуть все гвозди! — На один момент она позабыла о своих страхах и тихонько засмеялась.

Мальчик, облокотившись на одну руку и по-прежнему не сводя глаз с тёмной щели между полом и рундуком, незаметно шарил другой у себя в правом кармане. Это был глубокий наружный карман с клапаном, какие всегда бывают на куртках у лесников.

— Ах, батюшки, — вздохнула Хомили, когда Под взял её за руку.

— Закрой глаза, — сказал Под. — Убегать от хорька бесполезно, но ты ничего не почувствуешь — хорёк зверь быстрый, один укус, и всё.

Наступила тишина, напряжённая, торжественная; её нарушила Хомили.

— Я старалась быть тебе хорошей женой, Под, — со слезами в голосе проговорила она, послушно зажмурив один глаз и осторожно приоткрыв другой.

— Ты была первоклассной женой, — сказал Под, вглядываясь в мальчика. Против света было плохо видно, но сомнения не было — что-то шевелилось у него в руке, что-то, что он вынул из кармана.

— Иногда слишком резкая, — продолжала Хомили.

— Какое это теперь имеет значение? — сказал Под.

— Прости меня, Под, — сказала Хомили.

— Ты ни в чём не виновата, — сказал Под рассеянно.

На ковёр упала густая тень — это вернулся Кривой Глаз. За ним в фуру проскользнула женщина, прижимая к себе кота.

Мальчик не вздрогнул и не обернулся.

— Лезьте ко мне в карман, — сказал он ровным голосом, глядя в щель.

— Это ещё что? — удивлённо спросил Кривой Глаз.

— Лезьте ко мне в карман, — повторил мальчик. — Слышите, что я говорю? — И внезапно поставил на коврик то, что держал в руке.

— Ах, батюшки! — вскричала Хомили, прижимаясь к Поду. — Что это?

И вдруг раскрыла глаза во всю ширь. На коврике стояло живое существо, но только не

хорёк... для хорька оно было медленным... слишком угловатым... слишком высоким... слишком...

— Спиллер! — раздался ликующий вопль Арриэтты.

— Что? — воскликнула Хомили сердито, она чувствовала себя одураченной, когда вспоминала о своих торжественных «последних словах».

— Это Спиллер! — опять пропела Арриэтта. — Спиллер... Спиллер... Спиллер!

— И до чего же у него смешной вид, — заметила Хомили.

Спиллер и вправду имел забавный вид. Втиснутый в новое, ещё не обмятое платье, которое стояло на нём торчком, он больше всего смахивал на сосиску.

— Чего вы ждёте? — спросил Спиллер. — Вы слышали, что он сказал? Пошли. Да шевелитесь же!

— Кто он — этот мальчик? — воскликнула Хомили. — Он разве к нам обращается?

— К кому же ещё? — отрывисто ответил Спиллер. — Не Кривой же Глаз ползет ему в карман. Пошли...

— В карман! — воскликнула Хомили отчаянным шёпотом. Она обернулась к Поду. — Я правильно поняла: молодой Том Доброу хочет, чтобы я, — она дотронулась до груди, — избежала отсюда на открытое место, забралась по штанине ему на живот и, смиренная, как овечка, залезла к нему в карман?

— Не только ты, — объяснил Под, — все мы.

— Он сошёл с ума, — заявила Хомили и поджала губы.

— Послушай, Хомили... — начал Под.

— Лучше погибнуть, — заявила Хомили.

— Это то самое, что с тобой и произойдёт, — сказал Под.

— Ты помнишь мешочек с прищепками для белья? — напомнила она ему. — Я даже подумать об этом не могу. И куда он нас заберёт? Ты это мне скажи.

— Откуда я знаю? — воскликнул Под. — Пошли, пошли, Хомили. Делай, что он говорит, ты у меня молодец... Возьми её за другую руку, Спиллер, надо же её вывести отсюда... Ты готова, Арриэтта? Ну, тронулись...

И тут все они внезапно оказались снаружи.

Глава девятнадцатая

Смелость города берёт.

Из дневника Арриэтты.

13 ноября

Увидев их, женщина завизжала, уронила кота и со всех ног пустилась бежать по направлению к большой дороге. Кривой Глаз совсем потерял голову: он плюхнулся на кровать и задрал ноги в воздух, словно на полу кишмя кишела какая-то нечисть. Кот, встревоженный всем этим переполохом, одним безумным прыжком взлетел на стенной шкафчик, уронив две кружки, фотографию в рамке и ветку с бумажными розами.

Под и Арриэтта незаметно пробрались по складкам штанины до подъёма на холм — бедро — и дальше, туда, где их уже ждало убежище, но беднягу Спиллера, который толкал и тянул упирающуюся Хомили, пришлось поднять с пола и опустить в карман. На один ужасный момент Хомили, которую Спиллер крепко держал за руку, повисла, болтая ногами, в воздухе. Но тут проворные пальцы мальчика подхвати-

ли её и аккуратно спрятали туда же. Ещё секунда — и было бы поздно: Кривой Глаз пришёл наконец в себя и внезапно протянул руку, чтобы схватить её, но, к счастью, промахнулся. («Он отодрал бы нас друг от друга, как два банана», — говорила позднее Хомили. Сидя на дне кармана, она слышала его сердитый крик.)

— У тебя их целых четыре штуки! Больно жирно будет! Так нечестно — отдавай двух первых!

Что произошло потом, они не знали. Им ничего не было видно. Должно быть, началась драка — до них доносилось тяжёлое дыхание, ругань сквозь зубы; карман раскачивался, подпрыгивал и трясся. Затем послышался топот ног, и они поняли, что мальчик убегает, а Кривой Глаз преследует его, громко проклиная свой ботинок без каблука. Крики постепенно становились всё слабее, вместо них послышался треск сучьев. Видимо, мальчик пробирался сквозь живую изгородь.

В кармане было тихо, на всех четверых нашло какое-то оцепенение. Наконец Под, втиснутый вниз головой в уголок, выплюнул набившийся в рот пух.

— Как ты там, Хомили? — с трудом проговорил он.

Хомили, зажата между Арриэттой и Спиллером, не знала, что ответить.

— У меня затекла нога, — пожаловалась она наконец.

— Она не сломана? — встревоженно спросил Под.

— Я её не чувствую, — сказала Хомили.

— Ты можешь ею пошевелить? — спросил Под.

— Ой! — закричал Спиллер, в то время как Хомили ответила:

— Нет.

— Если вы щиплете ту ногу, — сказал Спиллер, — которую вы не чувствуете, ничего удивительного, что вы не можете ею шевелить.

— Почему? — спросила Хомили.

— Потому что это моя нога, — сказал он.

Шаги мальчика замедлились, похоже было, что он поднимается в гору, немного погодя он сел. В карман опустилась огромная рука. Хомили принялась всхлипывать со страху, но большие пальцы скользнули мимо неё — они нащупывали Спиллера. Мальчик откинул клапан кармана, чтобы заглянуть внутрь.

— Всё в порядке, Спиллер? — спросил он.

Спиллер утвердительно пробормотал что-то в ответ.

— Которая из них Хомили? — спросил мальчик.

— Та, шумная, — ответил Спиллер. — Я же говорил.

— У тебя всё в порядке, Хомили? — спросил мальчик.

Хомили испуганно молчала.

Большие пальцы снова проскользнули в карман.

Спиллер, уже поднявшийся со дна кармана и стоявший, расставив ноги и прислонившись спиной к вертикальному шву, коротко крикнул:

— Оставь их!

Пальцы неподвижно застыли.

— Я только хотел посмотреть, всё ли у них в порядке, — сказал мальчик.

— Всё, — сказал Спиллер.

— Мне бы хотелось их вынуть, — продолжал мальчик. — Мне бы хотелось на них взглянуть. — Он пристально всматривался в открытый

карман. — Вы там не умерли, нет? — встревоженно спросил он. — Никто из вас не умер?

— Оставь их, — повторил Спиллер. — Здесь внутри тепло, ни к чему вытаскивать их на холод. Ты их ещё увидишь, — утешил он мальчика, — и не раз, когда будешь дома.

Пальцы исчезли, добываяки снова очутились в темноте. Карман закачался — мальчик поднялся на ноги. Под, Хомили и Арриэтта покатались в противоположный угол кармана. Там оказа-

лось полно чёрствых хлебных крошек, твёрдых, как камень.

— Ох! — жалобно воскликнула Хомили.

Арриэтта заметила, что Спиллеру удаётся держаться на ногах, хотя его и шатает из стороны в сторону. Она догадалась, что Спиллер не

впервые путешествует в кармане. Мальчик снова шёл, и карман раскачивался в более ровном ритме. «Подожду чуть-чуть, — подумала Арриэтта, — и тоже попытаюсь встать».

Под решил попробовать, что выйдет, если разломать крошку хлеба и сунуть её в рот. Оказалось, что если её долго сосать, она постепенно делается мягкой и съедобной.

— Дай и мне, — сказала Хомили, протягивая руку. Она немного ожила и снова почувствовала голод. — Куда он нас несёт? — спросила она Спиллера немного погодя.

— На холм по ту сторону леса.

— Туда, где он живёт со своим дедушкой?

— Ага, — промычал Спиллер.

— Я мало что слышала о лесниках, — сказала Хомили, — и не знаю, что они могут сделать с... скажем, с добывайкой. Да и об этом мальчишке... Что он собой представляет? Я вот о чём хочу сказать, — продолжала она тревожно, — у моей свекрови был когда-то дядя, так его держали в жестянке. Проделали в крышке дырки для воздуха и два раза в день кормили через пипетку...

— Нет, этот мальчик не такой, — сказал Спиллер.

— А что такое пипетка? — спросил Под. Он решил, что это какой-то неизвестный ему инструмент.

— А ты помнишь Оггина, двоюродного брата Люпи? — продолжала Хомили. — Ему устроили целое поместье в цинковой ванне, что стояла во флигеле. Трава там была, и пруд, и всё прочее. И сделали ему повозку, чтобы он катался, и дали ящерицу для компании. Но края ванны были высокие и скользкие, они знали, что ему оттуда не выбраться...

— Люпи? — изумлённо повторил Спиллер. — Могут быть на свете двое с таким именем?

— Эта Люпи вышла замуж за моего брата Хендрири, — сказала Хомили. — Ой! — воскликнула она вдруг в невероятном волнении. — Неужто ты её знаешь?

Карман перестал раскачиваться. Раздался металлический звук и скрип отодвигаемой задвижки.

— Ещё как знаю, — шепнул Спиллер. — Она-то и шьёт мне зимнюю одежду.

— Тихо, Спиллер, — сказал Под. — Мы прибыли. — Он слышал, как открылась дверь, на него пахнуло жильём.

— Ты знаешь Люпи? Нашу Люпи? — настаивала Хомили, даже не заметив, что в кармане стало темней. — Что они делают? И где они живут — она и Хендрири? Мы думали, их съели лисицы, и её, и Хендрири, и детей...

— Тише, Хомили, — умоляюще повторил Под. Он не понимал, что происходит: что-то двигалось, с тихим скрипом открывались и закрывались двери, однако мальчик шёл так осторожно, что карман совсем не качался.

— Ну же, Спиллер, быстрее, что с ними? — продолжала Хомили, послушно понизив голос. — Ты должен знать. Где они живут?

Спиллер всё ещё молчал... в полутьме казалось, что на его лице улыбка.

— Они живут... здесь, — сказал он наконец.

Мальчик, судя по всему, опустил на колени. Когда в кармане снова появились огромные пальцы, Хомили громко вскрикнула.

— Успокойся, всё в порядке, — шепнул ей Под, в то время как, отпрянув назад, она пыталась зарыться в крошки. — Не теряй головы... когда-нибудь придётся же вылезать.

Первым вышел Спиллер, он улетел от них, беспечно усевшись верхом на палец, и даже не потрудился оглянуться. Затем наступила очередь Арриэтты.

— Ах, — причитала Хомили, — куда он её денет?

Следующей была очередь Пода, но Хомили в последний момент забралась на «борт», уцепившись за большой палец мальчика. У неё даже не успела начаться морская болезнь (больше всего Хомили боялась полёта в пустом пространстве), так ловко и бережно они с Подом были поставлены на пол.

На них упал ответ огня — добывайки стояли возле очага, перед высокой деревянной стенкой (позже они узнали, что это был дровяной ларь), стояли напряжённые, сгрудившись в тесную кучку, преодолевая желание бежать куда глаза глядят. Они заметили, что Спиллер исчез.

Мальчик встал на одно колено — чудовищная живая гора над их головой. На опущенном вниз лице играли отблески пламени. Его дыхание доносилось до них, словно порывы ветра.

— Всё в порядке, — успокаивал он их, — сейчас всё будет в порядке.

Он глядел на них с таким интересом, с каким коллекционер глядит на новоприобретённые образцы. Его рука парила над ними, словно ему не терпелось дотронуться до них, взять каждого в отдельности и как следует рассмотреть.

Под тревожно откашлялся.

— Где Спиллер? — спросил он.

— Он сейчас вернётся, — сказал мальчик. Через секунду он добавил: — У меня тут уже есть шесть...

— Шесть... чего? — вскричала Хомили.

— Шесть добываек, — ответил мальчик. — Лучшая коллекция добываек в округе, спорю на что хотите. А мой дед, — добавил он, — ни одного не видел. Зрение у него острое, а вот добываек не видел ни разу за всю жизнь.

Под снова откашлялся.

— А это и не входит в его обязанности, — сказал он.

— Кое-кого из тех, кто тут у меня живёт, — мальчик мотнул головой, — я тоже не видел. Боятся. Люди говорят, их вообще нельзя приручить. Дай им хоть все сокровища мира, говорят, они всё равно не выйдут, чтобы сказать спасибо.

— Я бы вышла, — сказала Арриэтта.

— Как ты себя ведёшь! — оборвала её Хомили в ужасе.

— И Спиллер тоже, — сказала Арриэтта.

— Спиллер — другое дело, — сказала Хомили, бросая боязливый взгляд на мальчика. Спиллер, верно, был у него хранителем его редкой коллекции, посредником между ним и остальными добывайками. («Интересно, сколько он получает с головы?» — подумала она.)

— А вот и Спиллер, — сказала Арриэтта, глядя на угол дровяного ларя.

Спиллер бесшумно приблизился к ним.

— Она не хочет выходить, — сказал он мальчику.

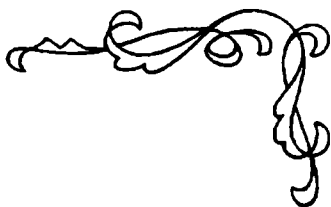
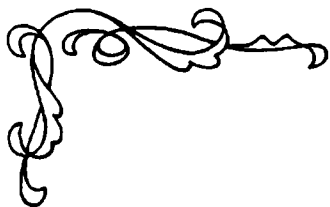
— О! — воскликнула Хомили. — О ком он говорит — о Люпи?

Никто не ответил. Спиллер стоял молча, глядя на мальчика. Тот задумчиво хмурился, у него был разочарованный вид. Он снова их оглядел, внимательно обшарил взглядом с ног до головы, словно ему очень не хотелось расставаться с ними. Затем тихонько вздохнул.

— Что ж, отведи их, — сказал он.

ДОБЫВАЙКИ НА РЕКЕ

Глава первая

— Но о чём они разговаривают? — спросил мистер Зловрединг, поверенный в делах. В его голосе звучало раздражение, словно он наперёд знал, что речь у них идёт о пустяках.

— О добывайках, — сказала миссис Мей.

Они стояли под живой изгородью среди мокрых кочанов древовидной капусты, качавшейся на ветру. День был промозглый, начинало темнеть, и лампа в окне домика у подножия холма светила особенно приветливо.

— Здесь можно разбить фруктовый сад, — добавила небрежно миссис Мей, словно желая переменить тему.

— В нашем с вами возрасте, — заметил мистер Зловрединг, всё ещё не отрывая глаз от освещённого окна внизу, — разумнее сажать цветы, чем плодовые деревья.

— Вы так думаете? — сказала миссис Мей и пониже опустила капюшон длинного широкого пальто, спасаясь от порывов ветра. — Но, видите ли, я завещаю этот дом ей.

— Кому — ей?

— Кейт, моей племяннице.

— Понятно, — сказал мистер Зловрединг и снова бросил взгляд на освещённое окно, возле

которого, как она знала, сидела Кейт. Станный ребёнок, подумал он, смотрит сквозь тебя широко раскрытыми глазами, будто не видит, и часами разговаривает со старым мошенником Томом Доброу, который некогда служил здесь лесником. Поневоле придёшь в смущенье. Что между ними общего, спросил он себя, — между этим туповатым стариком и жадно слушающей его девочкой? Вот уже (он взглянул на часы) час с четвертью, как они сидят, пригнувшись друг к другу, у окна и говорят, говорят...

— О добывайках?... — повторил он, точно это слово встревожило его. — Каких добывайках?

— Ну, это такая история, — небрежно сказала миссис Мей, осторожно пробираясь между набухшими от дождя кочанами к вымощенной кирпичом дорожке, — которую мы рассказывали друг другу, брат и я, когда жили здесь в детстве.

— В Фирбэнк-Холле?

— Да, у двоюродной тёти Софи. Кейт очень нравится эта история.

— Но почему, — спросил мистер Зловрединг, — ей вздумалось рассказывать её Тому Доброу?

— Тому? Почему бы и нет? Хотя, по правде говоря, я думаю, дело обстоит как раз наоборот — я думаю, Том рассказывает её Кейт.

Следуя за миссис Мей по выщербленным кирпичам дорожки, мистер Зловрединг погрузился в молчание. Он знал эту семью почти всю свою жизнь, и чем дальше, тем чудачковатей все они ему казались.

— Но кто её выдумал? Вы?

— Куда мне, нет. — Миссис Мей смущённо рассмеялась. — Скорее всего её придумал мой брат. Если это вообще выдумка, — прибавила она внезапно еле слышным голосом.

Мистер Зловрединг ухватился за её слова.

— Я не вполне вас понимаю. Эта история, о которой вы говорите, она что — основана на реальных фактах?

Миссис Мей рассмеялась.

— О нет, факты эти никак не могут быть реальными. Никоим образом. — Она снова пустилась в путь, добавив через плечо: — Просто этот старик, Том Доброу, по-видимому, знал наших человечков.

— Каких человечков? Попрошаек?

— Не попрошаек — добываек.

— Понятно, — сказал мистер Зловрединг, хотя ему ничего не было понятно.

— Мы назвали их так. — Обернувшись к нему, миссис Мей поджидала, пока он поравняется с ней. — Вернее, они сами так себя называли, потому что у них не было ничего своего. Ничего. Даже имена они брали у людей: семейство Курантов — там были отец, мать и дочка — звали их Под, Хомили и Арриэтта. — Когда мистер Зловрединг подошёл к ней, она улыбалась. — По-моему, прелестные имена.

— О да, — довольно сухо сказал он. А затем вопреки своей воле улыбнулся ей в ответ; он вспомнил, что она всегда любила, пусть мягко, подтрунивать над людьми, даже в юности, когда он находил её весьма привлекательной, это приводило его в замешательство. — Вы не изменились, — сказал он.

Миссис Мей сразу посерьёзнела.

— Но не станете же вы отрицать, что Фирбэнк-Холл был странный старый дом.

— Старый — да. Но не более странный, чем... — он взглянул вниз, — чем, скажем, этот домик.

Миссис Мей рассмеялась.

— Тут Кейт согласилась бы с вами. Она считает этот домик таким же странным, каким мы считали Фирбэнк-Холл, в точности таким же. Знаете, в Фирбэнке у нас с братом с самого начала было чувство, будто в доме помимо людей живут ещё какие-то человеческие существа.

— Но, — раздражённо воскликнул мистер Зловрединг, — какая разница между человеческими существами и людьми? Это одно и то же.

— Ладно, просто другие существа. Гораздо меньше людей размером, но внешне всем похожие на них, разве что головы побольше да подлиннее кисти рук и ступни. Очень маленькие и незаметные. Мы воображали, что живут они, как мыши, — за стенными панелями, или за плинтусом, или под половицами... и полностью зависят от того, что им удаётся стащить в доме. Хотя воровством это тоже не назовёшь — они брали только то, без чего люди вполне могли обойтись.

— Что именно? — спросил мистер Зловрединг и, внезапно почувствовав себя неловко, обогнал миссис Мей, чтобы убрать с её пути побег ку-маники.

— О, самые разные вещи. Любые продукты, естественно, и любые другие мелкие предметы, которые можно было сдвинуть с места и которые могли им пригодиться, — спичечные коробки, огрызки карандашей, иголки, лоскутки... всё, из чего можно было смастерить одежду, оружие труда или мебель. Нам было их жалко, потому что они ценили красоту и стремились сделать свои тёмные норки такими же уютными и удобными, как жилища людей. Брат старался помочь им. — Миссис Мей внезапно замолчала, словно смутившись. — Во всяком случае, так он мне говорил, — запинаясь, закончила она и тихонь-

ко рассмеялась, точно сама не принимала всего этого всерьёз.

— Понятно, — снова сказал мистер Зловрединг.

Они принялись обходить дом, стараясь не попасть под капли, падающие с крыши.

— А при чём тут Том Доброу? — снова заговорил он, когда миссис Мей задержалась у бочки для дождевой воды.

Она обернулась и посмотрела ему в лицо.

— Ну, не удивительно ли это? В моём возрасте — чуть не в семьдесят лет — получить в наследство этот домик и застать здесь хозяином Тома.

— Он тут вовсе не хозяин... всего лишь временный жилец.

— Я хочу сказать, — продолжала миссис Мей, — вообще застать его здесь. В старые времена, когда они были мальчиками, Том и брат часто вместе ставили капканы на кроликов... Они были большими друзьями по-своему. Но всему этому пришёл конец... после скандала.

— О, — сказал мистер Зловрединг, — значит, был скандал?

Они стояли перед изъеденной непогодой входной дверью, и, заинтересовавшись помимо своего желания, мистер Зловрединг снял руку со щеколды.

— Ещё какой! — воскликнула миссис Мей. — Я думала, вы слышали о нём. Даже полисмен был втянут в него... вы помните Эрни Ранэйкра? Вся деревня только об этом и говорила. Кухарка и садовник каким-то образом пронюхали о добывайках и решили выкурить их из дома. Они пригласили местного крысолова и послали сюда за Томом и его хорьком. Он был тогда ещё мальчик, внук лесника, лишь ненамного стар-

ше нас с братом. Но, — миссис Мей внезапно повернулась к поверенному, — вы не могли не слышать обо всём этом.

Мистер Зловрединг нахмурился. В памяти стали всплывать какие-то смутные слухи... какая-то глупая история, приключившаяся в Фирбэнке: кухарка по имени Дайвер или Драйвер, пропажа каких-то вещей из горки в гостиной...

— Что-то, связанное с золотыми часами с изумрудами, да? — сказал он наконец.

— Да, потому-то они и послали за полисменом.

— Но, — мистер Зловрединг ещё сильнее нахмурился, — эта женщина, Дайвер или...

— Драйвер. Именно так её звали.

— И этот садовник... вы хотите сказать, что они верили, будто эти человечки существуют на самом деле?

— По-видимому, так, — ответила миссис Мей, — иначе они не стали бы заваривать всю эту кашу.

— И что же произошло? — спросил мистер Зловрединг. — Их поймали? Нет, нет, я не это имел в виду! Я имел в виду — чем они оказались? Верно, мышами?

— Меня в то время не было в Фирбэнке, но, по словам брата, добывайки выбрались из дома в самый последний момент через решётку в подвальном окошечке... знаете, такие отверстия в кирпичной кладке, которые делают для вентиляции. Они пробежали через фруктовый сад, — она оглянулась по сторонам: сумерки сгущались всё больше, — поднялись по склону холма и ушли в поля.

— Кто-нибудь их видел? — спросил мистер Зловрединг.

— Нет.

Мистер Зловрединг кинул быстрый взгляд на окутанные туманом склоны: тонувшие в полумраке леса позади бледных полей казались совсем чёрными.

— Белки, — сказал он, — вот что это такое было скорей всего.

— Возможно, — не стала спорить с ним миссис Мей. Она отошла от него к пристроенной к дому прачечной, туда, где утром рабочие отрыли водосточную трубу. — По-моему, эта труба достаточно широкая, чтобы использовать её в качестве канализационной, — сказала она.

— Широкая — да, — согласился мистер Зловрединг, глядя на глиняные секции трубы, — но санитарный инспектор ни за что этого не разрешит: все сточные трубы в этих краях идут напрямиком в реку. Нет, боюсь, вам придётся поставить очистной бак.

— Так для чего тогда была эта труба?

Мистер Зловрединг кивнул на прачечную.

— Для воды от стирки и, возможно, из судомойни. — Он взглянул на часы. — Подвезти вас? Уже довольно поздно.

— Вы очень любезны, — сказала миссис Мей в то время, как они шли обратно к двери.

— Это просто неслыханно, — возвращаясь к их разговору, сказал мистер Зловрединг, кладя руку на щеколду.

— Согласна с вами.

— Я имею в виду — дойти до того, чтобы вызывать полисмена. Невероятно.

— Ещё бы, — сказала миссис Мей и принялась вытирать ноги о кусок мешковины, лежавший возле ступенек.

Мистер Зловрединг взглянул на свои ботинки и последовал её примеру.

— Ваш брат, должно быть, умел убеждать слушателей.

— О да.

— И был большой выдумщик.

— Ещё какой! По его словам, существовала целая колония этих человечков. Он рассказывал мне и о другой семье — родственниках тех, кто жил в Фирбэнке, — которая, как думали, поселилась в барсучьей норе... здесь неподалёку, на опушке леса. Дядя Хендрири и тётя Люпи... — Она искоса взглянула на мистер Зловрединга. — У них было четверо детей...

— По словам вашего брата, — скептически заметил мистер Зловрединг и снова протянул руку к щеколде.

— И по словам старого Тома, — засмеялась миссис Мей и понизила голос. — Старый Том клянётся, что всё это — истинная правда. Но он утверждает, что жили они вовсе не в барсучьей норе, а уж если и жили там, то совсем недолго. Он клянётся, что много лет подряд они жили за стенкой возле очага, между кладкой и штукатуркой.

— Какого очага? — тревожно спросил мистер Зловрединг.

— Этого, — сказала миссис Мей шёпотом, в это время она распахивала дверь. — Здесь, в этом самом доме.

— Здесь, в этом самом доме... — повторил мистер Зловрединг изумлённо; отступив в сторону, чтобы пропустить миссис Мей, он вытянул вперёд шею и заглянул в комнату, не переступая порога.

Тихая комната казалась пустой: жёлтый свет лампы лился на каменный пол, в очаге тлели угли. У окна лежала груда ореховых прутьев,

очищенных от коры и расщеплённых, — заготовки для крыш; возле них стояло деревянное кресло. Вот всё, что они заметили. Неожиданно из тёмного угла у очага возникла Кейт.

— А, это вы, — сказала она. Похоже было, что она собиралась сказать что-то ещё, но тут её взгляд, скользнув мимо миссис Мей, упал на мистера Зловрединга, всё ещё топтавшегося у порога. — Я смотрела в дымоход, — объяснила она.

— Это я вижу — у тебя на лице сажа.

— Да? — равнодушно отозвалась Кейт. Глаза её блестели, и, судя по всему, она не могла дожидаться, когда мистер Зловрединг закроет дверь и, если он не собирается входить, уйдёт совсем.

Миссис Мей взглянула на пустое кресло, а затем мимо Кейт на дверь в прачечную.

— Где Том?

— Пошёл покормить свинью, — сказала Кейт. Она замолкла было, затем, не удержавшись, выпалила: — Разве нам обязательно уже ехать? Тут через поле всего два шага, а мне ужасно нужно что-то вам показать...

Мистер Зловрединг взглянул на часы.

— Что ж, в таком случае... — начал он.

— Да, пожалуйста, не ждите нас, — вырвалось у миссис Мей. — Как говорит Кейт, до Лейтон-Баззарда всего два шага...

— Я только хотел сказать, — бесстрастно продолжал мистер Зловрединг с порога, — что, поскольку дорога сюда такая узкая, а каналы полны воды, я поеду вперёд и подожду вас у перекрёстка. — Он принялся застёгивать пальто. — Надеюсь, вы услышите гудок?

— Да, да, разумеется. Спасибо... конечно. Мы будем прислушиваться...

Когда дверь за мистером Зловредингом закрылась, Кейт схватила миссис Мей за руку и нетерпеливо потащила её к очагу.

— Мне столько надо рассказать вам. Столько, столько...

— Мы не были грубы с мистером Зловредингом? — спросила миссис Мей. — Мы не прогнали его?

— Что вы, конечно, нет! Вы так красиво поблагодарили его. Но посмотрите сюда, — продолжала Кейт, — пожалуйста.

Отпустив руку миссис Мей, она кинулась вперёд и, пыхтя от напряжения, оттащила от стены дровяной ларь, стоявший рядом с очагом; глазам открылось отверстие с остроугольным верхом в плинтусе под панелью.

— Вот где они жили!.. — вскричала Кейт.

Миссис Мей помимо воли почувствовала странное волнение; глядя вниз, на крысиную дыру, она сказала неуверенно:

— Не следует быть легковверными, Кейт. Я хочу сказать: нельзя верить абсолютно всему, что мы слышим. Ты же знаешь, что говорят о старом Томе.

— Где, в деревне? Да знаю я, что они говорят: «Самый отъявленный лгун в пяти графствах». Но ведь говорить так стали из-за добываек; понимаете, вначале он всем рассказывал о них. Это было ошибкой. Он думал, людям будет интересно. Но им вовсе не было интересно... ни капельки; они просто не верили ему. — Кейт стала на колени и, тяжело дыша, заглянула в дыру. — По-моему, был только один человек, кроме Тома, который верил в добываек.

— Ты имеешь в виду миссис Драйвер, кухарку из Фирбэнка?

Кейт нахмурилась и, выпрямившись, села на пятки.

— Нет, вряд ли миссис Драйвер по-настоящему верила в них. Я знаю, что она их видела, но думаю, что она не поверила своим глазам. Нет, я говорю о другом человеке, о цыгане по прозвищу Кривой Глаз. Он вытряхнул их из ботинка на пол своего фургона. Он увидел их прямо у себя под носом. Какие уж тут сомнения? Он попробовал схватить их, говорит Том, но они ускользнули. Он хотел посадить наших добываек в клетку и показывать на ярмарке за

деньги. Но Том их спас. Конечно, с помощью Спиллера.

— А кто этот Спиллер? — спросила миссис Мей. Она всё ещё словно заворожённая смотрела на крысиную дыру.

Кейт удивлённо взглянула на неё.

— Вы не слышали о Спиллере?

— Нет, — сказала миссис Мей.

— О! — вскричала Кейт, откидывая голову и полузакрыв глаза. — Спиллер — настоящее чудо!

— Не сомневаюсь, — сказала миссис Мей; она подтащила к себе стул с плетеным сиденьем и с трудом опустилась на него. — Но не забывай — вы с Томом разговариваете целыми днями... я не совсем в курсе событий... Кем он считался, этот Спиллер? Добывайкой?

— Он и был добывайкой, — поправила её Кейт. — Но — как бы вам сказать? — диким: жил под живыми изгородями, одевался в старые кротовые шкуры и, если честно, никогда не мылся...

— Он не кажется мне таким уж потрясающим чудом.

— Ой, что вы! Он сбегал за Томом, и Том кинулся туда и спас их, схватил их с пола прямо из-под носа у цыган и спрятал у себя в кармане, а потом принёс всех добываек сюда — всех четверых: Спиллера, Пода, Хомили и Арриэтту. И опустил их очень осторожно, одного за другим, — Кейт притопнула ногой по тёплым каменным плитам пола, — на это самое место. И они, бедняжки, убежали за стену через эту крысиную дыру, — Кейт снова наклонила голову, пытаясь заглянуть внутрь, — и забрались по крошечной лестнице наверх, туда, где жили их родичи...

Неожиданно Кейт поднялась на ноги и, вытянув вверх руку, постучала по штукатурке возле очага.

— Их дом, этих родичей, был где-то здесь. Довольно высоко. Они жили на двух этажах между стенкой прачечной и этой стенкой. Том говорит, они пользовались водой из трубы, что идёт от бака на крыше в прачечную; сделали в ней дырки с затычками. Арриэтте не нравилось там, наверху, и она каждый вечер спускалась потихоньку сюда и болтала с Томом. Но наша семья — Куранты — недолго тут оставалась. Понимаете, произошла ужасная вещь...

— Рассказывай же, — поторопила её миссис Мей.

— Нам не успеть. Мистер Зловрединг вот-вот начнёт ворчать. Да и рассказывать про это должен старый Том; похоже, он всё про них знает — даже то, что они говорили и делали, когда их никто не видел.

— Да, он прирождённый рассказчик, — сказала, смеясь, миссис Мей. — И разбирается в людях. Когда приходится бороться за жизнь, люди ведут себя одинаково — конечно, согласно своему характеру и темпераменту — независимо от роста и общественного положения. — Миссис Мей наклонилась вперёд, словно желая получше рассмотреть плинтус. — Даже я, — добавила она, — могу представить себе, что чувствовала Хомили, лишённая домашнего крова и всего своего добра, стоя перед этой тёмной дырой... А наверху родственники, которые вовсе её не ждут и которых она не видела уже тысячу лет.

Глава вторая

Но миссис Мей ошибалась: она не представляла, какую радость испытывают добывайки, оказавшись в надёжном убежище, где им ничто не грозит. Спору нет, проходя друг за другом через дыру в плинтусе, они немного волновались, им было не по себе, но потому лишь, что похожее на пещеру, пустое и тёмное пространство, в котором они очутились, на первый взгляд казалось необитаемым: здесь пахло пылью и мышами, все звуки отдавались гулким эхом...

— О боже, — словно не веря сама себе, разочарованно пробормотала Хомили, — неужто они тут живут?

Постепенно её глаза привыкли к полумраку, и неожиданно она наклонилась и что-то подняла.

— Батюшки! — взволнованно шепнула она, оборачиваясь к Поду. — Ты знаешь, что это?

— Да, — ответил Под, — это кусок пера для чистки трубок. Брось его, Хомили, и пойдём. Спиллер нас ждёт.

— Это носик от нашего чайника из чернильного ореха, — не отступалась Хомили, — вот что это такое. Я бы узнала его где угодно, и не спорь со мной... Значит, они на самом деле здесь, — удивлённо бормотала она, идя следом за Подом в темноту, — и сумели как-то заполучить наши собственные вещи.

— Нам надо подняться, — сказал Спиллер, и Хомили увидела, что он стоит, держась рукой за приставную лестницу, которая уходила в высоту и терялась во тьме. Сделана она была из двух половин расщеплённой вдоль тростинки с перекладинами из спичек, аккуратно приклеенными по бокам, и напоминала те подставки, что продаются в цветочных магазинах для вью-

щихся растений. Посмотрев наверх, Хомили содрогнулась.

— Я полезу первым, — сказал Под. — Лучше будем подниматься по одному.

Хомили со страхом смотрела ввысь, пока не услышала его голос.

— Всё в порядке, — шепнул он откуда-то сверху — видеть его она не могла. — Поднимайся.

Хомили стала карабкаться следом, хотя колени её тряслись, и наконец очутилась рядом с Подом на тускло освещённой площадке, похожей на воздушный причал. Когда Хомили на неё ступила, она тихонько заскрипела и даже, казалось, качнулась. Внизу была пустота и мрак, перед ними — открытая дверь.

— Ах, батюшки, — бормотала Хомили, — надеюсь, здесь не опасно... Не гляди вниз, — остерегала она дочь, поднимающуюся третьей.

Но Арриэтта и не собиралась глядеть вниз: её глаза были устремлены к освещённому дверному проёму и движущимся теням за ним. До неё донесли еле слышные голоса и внезапный взрыв пронзительного смеха.

— Пошли, — сказал Спиллер, проскальзывая мимо них к двери.

Арриэтта на всю жизнь запомнила эту комнату: тепло, непривычную ей теперь чистоту, мерцающий свет свечи и запах горячей домашней пищи.

И так много голосов... так много добываек...

Постепенно словно из тумана перед ней стали всплывать отдельные лица: верно, это — тётя Люпи... та, что обнимает её мать. Тётя Люпи, такая кругленькая и румяная; её мать, такая тощая и грязная. Странно, с чего это они обнимаются и плачут, подумала Арриэтта. Они никогда не любили друг друга, кто этого не знает? Хомили считала Люпи заносчивой, потому что раньше, в большом доме, Люпи жила в гостиной и переодевалась к обеду (Арриэтта слышала, как об этом судачили). А Люпи презирала Хомили за то, что та жила под кухней и неправильно произносила слово «паркет».

А там, конечно, сам дядя Хендрири — этот мужчина с реденькой бородкой, который спрашивает у отца: «Неужто это Арриэтта? Быть того не может!» И отец гордо отвечает: «Она самая, собственной персоной». А эти три мальчика, должно быть, её двоюродные братцы — имён их она не расслышала. Они выросли, но по-прежнему были все на одно лицо. А эта высокая, худенькая, не то девочка, не то девушка, похожая на фею, что застенчиво стоит со смущённой улыбкой на губах, — она кто?

— Эглтина! Не может быть!

Но так оно и было. Арриэтта не могла отвести от неё глаз. Уж не ослышалась ли она? Эглтина, эта давно утерянная двоюродная сестрица, которая в один злосчастный день убежала из подполья и исчезла навсегда? Легендарная Эглтина, чью историю ей рассказывали в назидание, с тех пор как она себя помнит?.. И вот пожалуйста, она здесь, вместе со всеми, цела и невредима, если только всё это не сон.

Сама комната, обставленная мебелью из кукольного домика самой разной формы, размера и цвета, казалась какой-то ненастоящей. В ней были кресла, обитые бархатом и репсом: одни — слишком маленькие, чтобы в них уместиться, другие — слишком большие; ещё были высоченные шифоньеры и низкие-пренизкие журнальные столики, а также игрушечный камин с раскрашенными гипсовыми углями и каминными щипцами, вырезанными вместе с решёткой. Там

были два нарисованных окна с резными ламбрекенами и красными атласными занавесями. Из них открывался прекрасный, но нарисованный вид: из одного — на швейцарские горы, из другого — на лесистое ущелье в Шотландии. («Это Эглтина, её работа, — похвасталась тётя Люпи светским тоном. — Когда достанем ещё занавеси, нарисуем третье — с видом на озеро Комо».) Там были торшеры и настольные лампы, отделанные оборками, фестонами и кистями, но Арриэтта заметила, что освещали комнату скромные самодельные свечи, которыми и они пользовались у себя дома.

Все выглядели такими чистыми и аккуратными, что Арриэтта ещё больше сконфузилась. Она кинула быстрый взгляд на мать и отца и чуть не сгорела со стыда. Они не стирали одежду уже несколько недель и сами уже несколько дней как не мыли руки и не умывались. У Пода была дыра на колене, волосы Хомили торчали в разные стороны. А пухленькая тётя Люпи любезно просит Хомили снять свои вещи («будь добра, раздевайся») так, словно речь идёт о боа из перьев, мантилье и свежевывищенных лайковых перчатках.

Но Хомили, которая раньше, в большом доме, всегда боялась, как бы её вдруг не застали врасплох в грязном переднике, была на высоте. Она великолепно, как с гордостью заметили Под и Арриэтта, играла роль женщины, подвергшейся невероятным испытаниям, безропотной и стойкой страдальцы. У неё появилась никогда не виданная ими улыбка — бледная, но мужественная; она даже — для большего правдоподобия — вынула последние две шпильки из пропылённых волос.

— Бедняжка Люпи, — говорила она, утомлённо глядя вокруг, — как тут заставлено... Кто тебе помогает убирать? — И, покачнувшись, она упала в кресло.

Все кинулись ей на помощь — чего она и ожидала. Принесли воды и побрызгали ей в лицо. У Хендрири на глазах были слёзы.

— Молодчина, она так героически держалась, — пробормотал он, качая головой, — просто с ума сойти можно, когда подумаешь, что ей пришлось пережить...

Затем Куранты помылись и почистились на скорую руку, остальные быстренько осушили слёзы, и все уселись за ужин. Ужинали они на кухне, которая была куда скромнее гостиной, зато тут горел настоящий огонь в прекрасной плите, сделанной из большого чёрного дверного замка. Угли можно было мешать через замочную скважину — как красиво она светилась! — а дым (сказали им) через целую систему труб выходил в дымоход.

Длинный белый стол ломился от угощения. Это был наличник от старинного замка, снятый с двери гостиной, — покрытая белой эмалью и разрисованная незабудками медная пластинка, укреплённая на четырёх огрызках карандашей, вставленных в отверстия от винтов. Острия грифеля чуть высовывались над поверхностью стола. Один из карандашей был чернильный, и Курантов предупредили, чтобы они не дотрагивались до него, не то вымажут руки.

Какой только еды не было на столе: свежая и консервированная, настоящая и искусственная; пироги, пудинги, варенья и соленья, приготовленные руками Люпи, а также баранья нога и пирожные из гипса, заимствованные в куколь-

ном домике. Там стояли три настоящих стакана, чашки из жёлудя и два графина зелёного стекла.

Вопросы — ответы, расспросы — рассказы...

У Арриэтты закружилась голова. Наконец ей стало ясно, почему их прихода ожидали: Спиллер, оказывается, обнаружил, что пещера пуста — ни ботинка, ни его обитателей, — собрал их немногочисленные пожитки, прибежал сюда и рассказал обо всём Тому. При упоминании об этом молодом человеке Люпи чуть не сделалось дурно, пришлось ей выйти из-за стола. Она села на хрупкий позолоченный стульчик, поставив его в проёме между кухней и гостиной, чтобы освежиться, как она сказала, и принялась обмахивать круглое красное лицо жаворонковым пером.

— Мама всегда так, стоит заговорить о человеках, — объяснил её старший сын. — Он уже почти взрослый! Вот тут-то, говорят, они и становятся опасными.

— Люпи права, — подтвердил Под. — Я и сам им не доверяю.

— Ну как ты можешь так, папа? — вскричала Арриэтта. — Ведь он вырвал нас прямо из когтей смерти!

— Вырвал вас? — взвизгнула Люпи с порога комнаты. — Ты хочешь сказать — своими собственными руками?

Хомили беспечно рассмеялась, со скучающим видом гоня косточку от малины по скользкой тарелке.

— Естественно... — Она пожала плечами. — Что в этом такого?

— Ох, какой ужас! — еле слышно произнесла Люпи. — Бедняжка... только подумать! Если вы не возражаете, я, пожалуй, пойду на минутку прилягу... — И она подняла своё увесистое

тело со стульчика, который покачнулся и чуть не упал.

— Где вы раздобыли всю эту мебель, Хендрири? — спросила Хомили, сразу взбодрившись, стоило Люпи уйти.

— Её нам принесли, — ответил ей брат, — в простой белой наволочке. Из большого дома.

— Из нашего? — спросил Под.

— Скорее всего да, — сказал Хендрири. — Всё это стояло в кукольном домике, помнишь? В классной комнате на втором этаже. На верхней полке шкафа с игрушками справа от двери.

— Ещё бы не помнить, — сказала Хомили, — притом что часть этой мебели моя. Жаль, — заметила она, обращаясь к Арриэтте, — что мы не захватили инвентарного списка, — она понизила голос, — того, что ты сделала на промокашке.

Арриэтта кивнула — ей было ясно, что впереди их ждут бои. Она вдруг почувствовала страшную усталость, слишком много все говорят и слишком жарко, ведь комната набита битком.

— Принесли? Кто? — с удивлением спрашивал Под. — Кто-нибудь из людей?

— Так мы считаем, — ответил Хендрири. — Наволочка лежала на земле на той стороне живой изгороди. Это было вскоре после того, как нас выгнали из барсучьей норы и мы поселились в старой плите...

— В плите? — повторил за ним Под. — Неужели в той, у выгона?

— Именно, — сказал Хендрири. — Прожили там два года в общей сложности.

— Слишком близко к цыганам, на мой вкус, — сказал Под. Он отрезал себе толстый ломоть горячего варёного каштана и густо намазал его маслом. Ему вдруг пришла на память кучка хрупких костей на земле у плиты.

— Приходится быть близко к человекам, по вкусу это нам или нет, — возразил Хендрири, — если хочешь что-нибудь добыть.

Под, уже поднёсший бутерброд ко рту, отодвинул руку в сторону, у него был удивлённый вид.

— Ты добывал в цыганских фурах? — воскликнул он. — В твоём возрасте?

Хендрири пожал плечами и скромно промолчал.

— Ну и ну! — восхищённо воскликнула Хомили. — Вот какой у меня брат! Ты понимаешь, что это значит, Под?..

— Ещё бы! — ответил Под, поднимая голову. — А как же с дымом?

— У нас не было дыма, — сказал Хендрири, — его никогда не бывает, когда готовишь на газе.

— На газе? — воскликнула Хомили.

— Ага. Мы добываем его из газопровода, который идёт вдоль насыпи. Плита ведь, ты помнишь, лежит на боку. Мы вырыли через дымоход туннель, целых шесть недель копали. Но дело того стоило, шутка сказать — три газовых горелки!

— А как вы их зажигали и гасили? — спросил Под.

— А никак... как зажгли, так и не тушили. Они до сих пор горят.

— Вы что, бываете там?

Хендрири зевнул и покачал головой (они наелись до отвала, а в комнате было жарко).

— Там живёт Спиллер, — сказал он.

— О! — воскликнула Хомили. — Вот, значит, как он готовит! Мог бы и рассказать нам, — она обиженно оглянулась, — или по крайней мере пригласить нас в...

— Только не пригласить, — сказал Хендрири. — Как говорится, пуганая ворона куста боится.

— Не понимаю, — сказала Хомили.

— После того как мы ушли из барсучьей норы... — начал Хендрири и вдруг замялся. Вид у него был слегка смущённый, хотя он по-прежнему улыбался. — Ну, словом, плита была одним из его убежищ, он пригласил нас туда перекусить и отдохнуть, а мы прожили два года.

— После того как добрались до газа, ты хочешь сказать? — спросил Под.

— Ага, — ответил Хендрири. — Мы готовили, а Спиллер добывал.

— А-а-а... — протянул Под. — Спиллер добывал? Теперь понятно... Нам с тобой, Хендрири, надо смотреть правде в глаза — мы уже не так молоды, как прежде. Далеко не так.

— А где сейчас Спиллер? — вдруг спросила Арриэтта.

— Ушёл, — неопределённо ответил Хендрири; он нахмурился и принялся постукивать по столу, чтобы скрыть неловкость, оловянной ложкой. («Одной из моей полудюжины, — сердито подумала Хомили, — интересно, много ли их осталось».)

— Куда ушёл? — спросила Арриэтта.

— Домой, наверно, — ответил Хендрири.

— Но мы же ещё не поблагодарили его! — вскричала Арриэтта. — Спиллер спас нам жизнь.

Хендрири снова повеселел.

— Выпей капельку ежевичного ликёра, — предложил он Поду. — Люпи сама его делала. Это нас подбодрит...

— Я — нет, — твёрдо сказала Хомили, прежде чем Под успел ответить. — К добру это не приведёт, мы убедились на собственном опыте.

— Но что Спиллер о нас подумает? — не отступалась Арриэтта, чуть не плача. — Мы даже его не поблагодарили.

Хендрири удивлённо взглянул на неё.

— Спиллер терпеть не может, когда его благодарят. Не волнуйся, всё в порядке... — И он похлопал Арриэтту по руке.

— А почему он не остался к ужину?

— Никогда не остаётся, — сказал Хендрири. — Не любит большую компанию. Приготовит что-нибудь сам себе.

— Где?

— В той плите.

— Но это же так далеко отсюда!

— Для Спиллера такое расстояние — ничто... Он привык. Часть пути проплывёт.

— И ведь уже, наверно, темнеет, — горестно продолжала Арриэтта.

— Полно, о Спиллере тревожиться нечего, — сказал ей дядя. — Кончай свой пирог...

Арриэтта опустила глаза на тарелку (из розовой пластмассы, она помнила этот сервиз); у неё почему-то пропал аппетит. Она взглянула на Хендрири.

— А когда он вернётся? — спросила она тревожно.

— Он не часто сюда приходит. Раз в год — за новой одеждой. Или по специальному поручению Тома.

Арриэтта задумалась.

— Ему, должно быть, одиноко, — заметила она наконец робко.

— Спиллеру? Нет, я бы этого не сказал. Некоторые добывайки такие с рождения. Одиночки. Иногда они попадают среди нас. — Он взглянул через комнату туда, где, выйдя из-за стола, сидела у огня Эглтина. — Эглтина тоже из

них... Жаль, но что поделаешь? Им никого не надо — подавай лишь человеков. Прямо с ума по ним сходят, как поглядишь...

Когда, отдохнув немного, в кухню вернулась Люпи, всё началось снова: расспросы — рассказы, вопросы — ответы... Арриэтте было нетрудно незаметно выскользнуть из-за стола. Но даже в соседней комнате ей всё ещё было слышно, как они обсуждали, где устроятся вновь прибывшие, говорили что-то насчёт квартиры наверху, рассказывали о ловушках, которые подстерегают добычаек в новой жизни, и о созданных ими правилах, чтобы их избегать (например, о том, что на ночь лестницы-стремянки втягиваются наверх, но всегда остаются на месте, если кто-нибудь ушёл добывать), о том, что мальчики по очереди ходят учиться ремеслу, но женщины по традиции остаются дома. Арриэтта услышала, как в ответ на предложение Люпи пользоваться кухней Хомили говорит:

— Спасибо, Люпи, ты очень любезна, но лучше начать с самого начала так, как будет потом, — совсем отдельно. Ты согласна?

Всё по-прежнему, подумала Арриэтта, садясь в твёрдое кресло. Хотя не всё, теперь они не в подполье, теперь они даже выше пола, за дранкой и штукатуркой. Вместо коридоров у них будут стремянки, и, может быть, площадки послужат ей вместо окна.

Арриэтта окинула взглядом комнату, набитую разнокалиберной мебелью: как жалко и глупо она выглядела — все напояз, почти ничего для употребления. Искусственные угли в камине казались совсем бесцветными, словно Люпи слишком часто тёрла их щёткой, а нарисованные виды в «окнах» были захватаны пальцами по краям.

Арриэтта вышла на тускло освещённую площадку. Всюду была пыль, лежали тени, точно она попала за кулисы в театре (только Арриэтта не могла об этом знать). Она заметила, что лестница спущена — знак, что кто-то вышел из дому, однако сейчас вернее было сказать: ушёл. «Бедный Спиллер... Одиночка... так называли его. Может быть, — подумала Арриэтта, — и я такая?» И ей стало жалко не только Спиллера, но и себя.

Как темно было в этом чужом доме — почти так же темно, как под полом кухни в Фирбэнке, ведь освещали его лишь самодельные восковые свечи, наколотые на острия кнопок. («Сколько человеческих жилищ, — вдруг подумала Арриэтта, — сгорело из-за беспечности добываек, снующих взад и вперёд с горящими свечами в руках».) Как ни старалась Люпи навести чистоту, пахло сажей и тянуло из углов прогорклым сыром.

Братцы спали в кухне — ради тепла, объяснила Люпи; нарядной гостиной пользовались лишь по особым случаям. Снаружи от неё была неосвещённая площадка, с которой спускалась вниз шаткая лестница.

Над площадкой, скрытые в полумраке, были две комнаты, которые им отвела Люпи. Лестницу к этим комнатам смастерить ещё не успели, и добраться до жёсткого настила, сделанного Хендрири из крышки обувной коробки, можно было, только цепляясь пальцами за дранку и вслепую нащупывая место для ноги.

— Ну, ты приведёшь тут всё в жилой вид, — сказала Люпи (она знала, что у Пода золотые руки), — а мы для начала одолжим вам кое-что из мебели.

— Для начала... — бормотала Хомили в то первое утро, поднимаясь, шаг за шагом, вслед за Подом по дранкам (в отличие от большинства добываек, она боялась высоты и не увлекалась лазанием). — А потом что?

Ей было страшно взглянуть вниз. Она знала, что там была неустойчивая площадка, а от неё уходила ещё дальше спичечная лестница, поблёскивавшая, как рыба кость.

— Ладно, — утешала она себя, неуклюже нащупывая место, куда поставить ногу, — пусть подъём и крутой, зато вход отдельный...

— Как тебе тут, Под? — спросила Хомили, просовывая наконец голову в круглый люк, прорезанный в полу; ну и странно же это выглядело — словно её голову отделили от плеч.

— Здесь сухо, — ответил Под уклончиво и топнул несколько раз по полу, точно желая проверить его крепость.

— Ой, не топай так сильно, Под, — взмолилась Хомили, еле удерживаясь на ногах. — Это только картон.

— Знаю, — сказал Под. — Но дарёному коню в зубы не смотрят, — добавил он, когда Хомили добралась до него.

— Дома под кухней, — сказала Хомили, осматриваясь, — мы по крайней мере были на твёрдой земле...

— С тех пор тебе пришлось жить в ботинке, — напомнил ей Под, — и в пещере на берегу. И ты чуть не умерла с голоду. И чуть не замёрзла насмерть. И чуть не попала в руки к цыганам. Дарёному коню в зубы не смотрят, — снова сказал он.

Хомили ещё раз огляделась по сторонам. Две комнаты? Назвать их так можно было лишь с трудом. Кусок картона между двумя решётками дранки, разделённый книжным переплётом, где на тёмно-красном холсте тускло поблёскивало вытесненное золотом название: «Разведение свиной. Ежегодник». В этой стене Хендрири вырезал дверь. Потолков вообще не было, и откуда-то сверху падал слабый свет. Верно, через щель между половицами и стеной в спальне лесника, подумала Хомили.

— Кто там спит? — спросила она Пода. — Отец этого мальчика?

— Дед, — ответил Под.

— Не удивлюсь, если он захочет нас поймать, — сказала Хомили, — наставит мышеловок и тому подобное.

— Спору нет, — сказал Под, — когда имеешь дело с лесниками, надо сидеть тишком. Правда, он на целый день уходит из дому, и мальчик с ним... Да, здесь сухо, — добавил он, осматриваясь вокруг, — и тепло.

— Не очень-то, — возразила Хомили. Проходя вслед за Подом в проём между комнатами, она увидела, что дверь держится на холстине переплёта, которую Хендрири оставил неразрезанной.

— Скоро обтреплется, вот увидишь, — заметила она, несколько раз закрывая и открывая дверь, — и что тогда?

— Я могу прошить холст, — сказал Под, — сапожными нитками. Пара пустяков. — Он прижал ладони к каменной кладке дальней стены. — Дымоход, — объяснил он, — тёплый, да?

— Да, — хмыкнула Хомили, — когда прижмёшься к нему.

— Что, если нам спать тут, рядом с трубой?

— На чём? — спросила Хомили.

— Они хотели одолжить нам кровати.

— Нет, лучше использовать дымоход для стряпни. — Хомили ощупала руками кладку и принялась выколупывать штукатурку из вертикальной трещины между камнями. — Тут можно добраться до жара.

— Но ведь мы будем питаться внизу вместе с ними, — сказал Под. — Мы же так договорились... и готовить будем вместе.

— Вместе готовить — вместе добывать, — сказала Хомили. — Но тебе, Под, добывать здесь будет нечего.

— Чепуха, — сказал Под. — С чего ты это взяла?

— А с того, что в таком небольшом доме, как этот, где живут всего двое человек — старик и мальчик, — нет столько поживы, сколько в Фирбэнке. Помни мои слова. Я разговаривала с Люпи: Хендрири и два старших парнишки вполне управляют здесь. А ты станешь

у них хлеб отбивать. Вряд ли это им придётся по вкусу.

— Так что же мне делать? — сказал Под.

Добывайка, лишённый возможности добывать, в особенности такой мастер своего дела, как Под! Глаза у него округлились, стали пустыми.

— Займёшься мебелью скорее всего.

— Но они дадут нам её займы.

— Дадут займы! — прошипела Хомили. — Всё, что у них есть, было нашим!

— Полно, Хомили... — начал Под.

Хомили понизила голос до шёпота:

— Все, до последней вещи. И это красное бархатное кресло, и кухонный шкаф для посуды с нарисованными тарелками, всё, что мальчик принёс нам из кукольного домика...

— Но плита из замка их собственная, — вставил Под, — и стол из дверного наличника. И этот...

— ...И гипсовая баранья нога была наша, — прервала его Хомили, — и блюдо с гипсовым тортом. И кровати наши были, и диван. И пальма в кадке...

— Послушай, Хомили, — взмолился Под, — мы уже обсуждали всё это, вспомни. Как говорится, что с воза упало, то пропало, что нашёл, то моё. Для них мы тогда всё равно что умерли... ну, вроде как сквозь землю провалились или в воду канули. Все эти вещи им принесли в простой белой наволочке и сложили у дверей. Понимаешь, что я хочу сказать? Вроде как мы их оставили им в наследство.

— Оставить что-нибудь Люпи? Да ни за что! — воскликнула Хомили.

— Право, Хомили, надо признать, что они были к нам добры.

— Да, — согласилась Хомили, — надо.

И грустно посмотрела вокруг.

Картонный пол был усеян кусками упавшей сверху штукатурки. Хомили рассеянно принялась подталкивать их ногой туда, где между ровным краем картона и бугристой обмазкой стены были небольшие отверстия. Обломки с шумом обрушились вниз, в кухню Люпи.

— Видишь, что ты наделала? — сказал Под. — Если нам дорога жизнь, мы не должны поднимать шума. Особенно вроде этого. Для человека, если что бухает или катится, значит — там мыши или белки. Сама знаешь не хуже меня.

— Прости, — сказала Хомили.

— Погоди-ка минутку, — сказал Под.

Всё это время он пристально смотрел на луч света, падавший сверху, и сейчас, не успела Хомили отозваться, как Под быстро полез по дражке к щели, откуда он выбивался.

— Осторожней, Под, — шепнула Хомили.

Ей показалось, что он тащит какой-то предмет, но какой — от неё заслоняло его тело. Слышно было, как Под пыхтит от натуги.

— Не волнуйся, — сказал Под своим обычным голосом, начиная спускаться. — Там, наверху, сейчас никого нет. Принимай, — добавил он, передавая жене старую костяную зубную щётку, чуть подлиннее её самой. — Первая добыча, — скромно произнёс Под, и Хомили увидела, что он доволен. — Кто-то уронил её там, в спальне, и она застряла между полом и стеной. Залезть туда, в комнату, — продолжал он, — проще простого: то ли стена немного отошла, то ли половицы усохли; подальше щель ещё шире... Принимай ещё, — добавил он, передавая ей довольно большую раковину, которую он вытащил из обмазки стены. — Ты подмети тут, — доба-

вил он, — а я снова поднимусь наверх. Самое время, пока там никого нет.

— Только осторожней, Под... — умоляюще произнесла Хомили с гордостью и беспокойством.

Она не сводила с него глаз, пока он взбирался по дранке, и лишь после того как Под исчез из виду, принялась подметать пол, используя раковину вместо совка. К тому времени, когда снизу поднялась Арриэтта, чтобы сообщить, что их ждут к столу, на полу лежала неплохая добыча: донышко фарфоровой мыльницы (таз для умывания), вязанная тамбуром жёлтая с красным салфетка под блюдо, из которой мог выйти коврик, обмылок светло-зелёного мыла, длинная штопальная игла (чуть заржавевшая), три таблетки аспирина, пачка пёрышек для чистки трубок и длинный кусок просмоленной бечёвки.

— Я вроде бы нагулял аппетит, — сказал Под.

Глава третья

Они спустились по дранке на площадку и, держась подальше от её краев, прошли в гостиную, а через неё на кухню.

— Ну наконец-то! — воскликнула Люпи громким, сочным, «тётушкиным» голосом. Рядом с пухленькой, розовой от печного жара Люпи в пунцовом шёлковом платье Хомили казалась ещё более тощей и угловатой — форменная защипка для белья. — Мы уж собирались начинать без вас.

Кухня освещалась одной-единственной лампой — серебряная солонка с дырочками наверху, из которой торчал фитиль. Воздух был неподвижным, пламя горело ровно, но слабо,

и фарфоровая столешница, белая, как лёд, тонула в полумраке.

Эглтина, стоя у плиты, разливала суп. Тиммис, младший мальчик, нетвёрдо держась на ногах, разносил его в жёлтых раковинах от улиток; вычищенные и отполированные, они выглядели очень мило. А Эглтина и Тиммис похожи друг на друга, подумала Арриэтта, оба тихие, бледные

и как будто насторожённые. Хендрири и два старших мальчика уже сидели за столом и жадно хлебали суп.

— Встаньте! — игриво вскричала Люпи. — Вы должны вставать, когда в комнату входит ваша тётя!

Мальчики неохотно поднялись и тут же плюхнулись обратно. «Уж эти Клавесины, — было

написано у них на лицах, — им бы только хорошие манеры». Братцы были слишком молоды, чтобы помнить благословенные дни в гостиной большого дома — ромовые бабы, китайский чай, музыку по вечерам. Неотёсанные, подозрительные, они почти не раскрывали рта. «Мы не очень-то им нравимся», — подумала Арриэтта, занимая своё место за столом. Маленький Тиммис, прихватив раковину тряпкой, принёс ей суп. Тонкие стенки раковины были горячи, как огонь, и Арриэтта с трудом удерживала её в руках.

Еда была простая, но питательная: суп и варёные бобы с каплей мясного соуса — по одному бобу на каждого. Ничего похожего на роскошное угощение, поданное на ужин, когда Люпи выставила на стол все свои запасы. Казалось, они с Хендрири посовещались и решили спуститься на более низкую ступень. «Мы должны начать, — так и слышался Арриэтте твёрдый, уверенный голос Люпи, — так как собираемся продолжать».

Однако Хендрири и старшим братцам подали омлет из ласточкина яйца, приготовленный на жестяной крышке. Люпи сделала его собственными руками. Приправленный тимьяном и ди-ким чесноком, он очень вкусно пахнул, шкворча на сковородке.

— Они сегодня выходили из дома, всё утро искали добычу, — объяснила Люпи. — Выйти можно, только если открыта входная дверь, и бывает, что им не попасть обратно. Однажды Хендрири пришлось три ночи провести в деревянном сарае, прежде чем он смог вернуться.

Хомили посмотрела на Пода, он уже закончил свой боб и теперь глядел на неё как-то странно округлившимися глазами.

— Под тоже кое-что добыл сегодня утром, — заметила она небрежно, — правда, он был не столько далеко, как высоко, но от этого не меньше живот подводит.

— Добыл? — удивлённо спросил дядя Хендрири; его реденькая бородка перестала двигаться вверх и вниз, он больше не жевал.

— Так, кое-что, — скромно сказал Под.

— Но где? — спросил дядя Хендрири, не отрывая от него взгляда.

— В спальне старика. Она как раз над нами...

С минуту Хендрири молчал, затем проговорил:

— Что ж, прекрасно, Под, — таким тоном, точно это вовсе не было прекрасно. — Но мы должны действовать по плану. В этом доме не так-то много добычи, разбазаривать её нельзя. Мы не можем все кидаться на неё, как быки на ворота.

Он положил в рот кусок омлета и принялся медленно жевать; Арриэтта как заморожённая смотрела на его бороду и её тень на стене.

Проглотив то, что было у него во рту, Хендрири сказал:

— Я буду тебе очень благодарен, Под, если ты на время перестанешь ходить за добычей. Мы знаем здешнюю территорию, так сказать, и работаем здесь своими методами. Лучше мы пока что будем всё вам давать взаймы. А еды на всех хватит, если вам не нужны разносолы.

Наступило молчание. Арриэтта заметила, что старшие мальчики, проглотив омлет, уставились в тарелки. Люпи гремела посудой у плиты. Эглтина сидела, глядя на свои руки, а Тиммис удивлённо смотрел то на одного, то на другого, и его широко раскрытые глаза казались ещё больше на маленьком бледном личике.

— Как хочешь, — медленно произнёс Под.

Люпи поспешила обратно к столу.

— Хомили, — весело сказала она, нарушая неловкое молчание, — если у тебя сегодня днём найдётся свободная минутка, не поможешь ли ты мне с шитьём? Я шью летнюю одежду для Спиллера. Я была бы очень тебе благодарна.

Хомили подумала о неудобных комнатах наверху — ей так не терпелось за них взяться.

— Конечно, — сказала она, выдавливая улыбку.

— Я всегда кончаю её к началу весны, — объяснила Люпи. — Время не ждёт, завтра уже первое марта.

И она принялась убирать со стола. Все вскочили, чтобы помочь ей.

— Но где он сам, Спиллер? — спросила Хомили, пытаясь сложить раковины стопкой.

— Понятия не имею, — сказала Люпи. — Отправился куда-то, какая-нибудь новая затея. Никому не известно, где он. И что делает, если уж о том зашла речь. Я знаю одно, — продол-

жала она, вынимая затычку из трубы (как они сами делали в старом доме, вспомнила Арриэтта) и набирая воду для мытья посуды, — я шью ему кротовую одежду каждую осень и белую лайковую — каждую весну, и он всегда приходит, чтобы её забрать.

— Какая ты добрая, что шьёшь ему одежду, — сказала Арриэтта, глядя, как Люпи полощет раковины в хрустальной солонке и ставит их рядом сохнуть.

— Это только человечно, — сказала Люпи.

— Человечно? — воскликнула Хомили, удивлённая и напуганная таким выбором слова.

— «Человечно» означает в этом случае «отзывчиво, внимательно», — объяснила Люпи, вспомнив, что Хомили, бедняжка, не получила никакого образования, ведь её выкормили под кухней. — Это не имеет никакого отношения к человекам. Какая тут связь?

— Вот и я спрашиваю себя о том же... — сказала Хомили.

— К тому же, — продолжала Люпи, — Спиллер приносит нам за это разные вещи.

— Понятно, — сказала Хомили.

— Он охотится, а я копчу для него мясо — здесь, в дымоходе. Часть мы съедаем, часть он забирает. Что остаётся, я вялю и кладу в банки, а сверху заливаю маслом — хранится в таком виде чуть не год. Он приносит птичьи яйца, и ягоды, и орехи... и рыбу с реки. Рыбу я тоже копчу или мариную. Кое-что засаливаю... А если нам нужна какая-то определённая вещь, надо только сказать Спиллеру — конечно, заранее, — и он добудет её у цыган. Старая плита, в которой он живёт, лежит рядом с выгоном, где они останавливаются. Дайте Спиллеру время, и он

принесёт от цыган всё, что вы хотите. Он принёс целый рукав от парусинового плаща... очень нам пригодился: когда однажды летом сюда налетели пчёлы, мы все залезли в него.

— Какие пчёлы? — спросила Хомили.

— Разве я не рассказывала вам о пчёлах на крыше? Их больше нет, улетели. Но благодаря им мы запаслись мёдом — хватит на всю жизнь — и прекрасным прочным воском для свечей...

Хомили ничего не ответила — молчание её скрывало зависть: она была ослеплена богатством Люпи. Наконец, вытерев последнюю раковину, она сказала:

— Куда их поставить, Люпи?

— В плетёный футляр для гребёнки. Они не разобьются — положи на жестяную крышку и сбрось их туда...

— Должна сказать, Люпи, — заметила Хомили, не скрывая своего удивления, и принялась бросать раковины одну за другой в футляр (он имел форму рожка, сверху у него была петелька, чтобы вешать его на стену, и вылинявший голубой бант), — ты стала, что называется, хорошей хозяйкой.

— Пожалуй, да, если учесть, что я выросла в гостинной и за всю жизнь палец о палец не ударила.

— Ну, росла ты не в гостинной, — напомнила ей Хомили.

— Ах, те дни, что я жила в конюшне, совсем выветрились у меня из памяти, — беспечно сказала Люпи. — Я была так молода, когда вышла в первый раз замуж, совсем дитя... — И неожиданно повернулась к Арриэтте: — А ты о чём мечтаешь, мисс Тихоня?

— Я думала о Спиллере.

— Ага! — вскричала тётя Люпи. — Она думала о Спиллере! — И она опять рассмеялась. — Нечего тебе тратить свои драгоценные мысли на этого оборвыша. Придёт время, и ты повстречаешься с кучей воспитанных добываек. Может быть, даже познакомишься с добывайкой, который вырос в библиотеке; говорят, они лучше всех: джентльмены все до одного и прекрасно образованы.

— Я думала о том, — ровным голосом сказала Арриэтта, стараясь не выйти из себя, — как странно, наверно, выглядит Спиллер в костюме из белой лайки.

— Ну, белым-то он остаётся недолго, — вскричала Люпи, — уж ты мне поверь! Поначалу он белый, потому что я шью его из белой бальной перчатки. Длинной, до самого плеча, — одна из немногих вещей, которую я захватила, когда мы покидали гостиную. Но Спиллер хочет только лайку и больше ничего... говорит, что она ноская. Конечно, она становится жёсткой, как только он попадает под дождь или в речку, но он снова изнашивает её; а к тому времени, — добавила она, — его одежда уже всех цветов радуги.

«Всех цветов радуги? Нет, — подумала Арриэтта, — радуга тут ни при чём». И она мысленно представила себе одежду Спиллера — это даже не цвета, а оттенки цветов, делающие его невидимым: мягкий желтовато-коричневый, палевый, тускло-зелёный, что-то вроде серого с красноватым отливом. Спиллер старался подладить свою одежду ко времени года. Он приводил её в такой вид, чтобы он мог слиться с любым фоном, чтобы он мог стоять рядом с вами, чуть не дотрагиваясь до вас, а вы бы его не заметили. Спиллер обманывал животных, не только цыган.

Спиллер обманывал ястребов, горностаев и лис... и хотя он не мылся, они не могли учуять его по запаху: от него пахло листьями, корой и травами и влажной, тёплой от солнца землёй; от него пахло лютиками, сухим коровьим навозом и ранней утренней росой...

— Когда он придёт? — спросила Арриэтта.

Но тут же, не дожидаясь ответа, побежала к себе наверх. Там, скрючившись на полу возле мыльницы, она дала волю слезам.

Разговор о Спиллере напомнил ей про жизнь на открытом воздухе, про ту вольную жизнь, которой, верно, ей больше не видать. Их новое убежище между стен может скоро превратиться в тюрьму...

Глава четвёртая

Мебель наверх занёс Хендрири со старшими мальчиками. Под лишь принимал её. Таким образом, Люпи дала им только то, что хотела дать, а не то, что они выбрали бы сами. Однако Хомили не ворчала, последнее время она стала очень тихой — хоть и медленно, она наконец осознала, в каком они оказались положении.

Иногда они оставались после еды внизу, помогали по хозяйству или болтали с Люпи. Но время, которое они там проводили, зависело от настроения Люпи: когда она начинала раздражённо винить их за какой-нибудь промах, виновата в котором была сама, они знали, что пора уходить. «Сегодня всё у нас шло наперекосяк», — говорили они, сидя без дела наверху на старых пробках от шампанского, которые Люпи раскопала где-то у себя и дала им в качестве стульев, — их собственных пробках. Сидели они

обычно во внутренней комнате возле дымохода, где было теплее. Здесь у Пода и Хомили стояла двуспальная кровать из кукольного домика; Арриэтта спала в первой комнате — той, где был люк. Она спала на толстом куске войлока, добытом в старые дни из ящика с красками, и родители отдали ей почти всё постельное бельё.

— Не надо нам было сюда приходить, Под, — сказала как-то вечером Хомили, когда они сидели наверху одни.

— У нас не было выбора, — сказал Под.

— Нам надо уйти, — добавила она, не спуская с него глаз.

Под прошивал подошву сапога.

— Куда? — спросил Под.

В последнее время Поду стало немного легче: он отшлифовал ржавую иглу и занялся шитьём обуви. Хендрири принёс ему шкурку ласки, одну из тех, что лесник прибил для просушки под дверь пристройки, и теперь Под мастерил всем новую обувь. Люпи была очень этим довольна и не так сильно командовала ими.

— Где Арриэтта? — внезапно спросила Хомили.

— Скорее всего внизу, — ответил Под.

— Что она там делает?

— Укладывает Тиммиса в постель и рассказывает ему сказку.

— Это я и сама знаю. Но почему она остаётся там так долго? Я вчера уже совсем засыпала, когда услышала, что она поднимается сюда...

— Они, верно, болтают, — сказал Под.

С минуту Хомили молчала, затем добавила:

— Мне не по себе. У меня снова мурашки...

Она говорила о неприятном чувстве озноба, которое бывает у добываек, когда неподалёку оказываются люди. У Хомили оно начиналось с колен.

Под взглянул наверх, на половицы над головой, откуда пробивался тусклый свет.

— Старик ложится спать, вот и всё.

— Нет, — сказала Хомили, вставая. — К этому я привыкла. Слышу, как он это делает, каждый вечер.

Она принялась ходить взад и вперёд.

— Пожалуй, загляну-ка я вниз, — сказала она наконец.

— Зачем? — спросил Под.

— Посмотрю, там ли девочка.

— Уже поздно, — сказал Под.

— Тем более, — сказала Хомили.

— Где ей ещё быть? — спросил Под.

— Не знаю, Под. У меня мурашки, и за последнее время они были у меня два или три раза.

Хомили уже привыкла к дранке и спускалась по ней проворней, чем раньше, даже в темноте. Но в тот вечер кругом был сплошной мрак. Когда она добралась до площадки, ей почудилось, что она стоит на краю зияющей пропасти, откуда порывами дует ветер. Нащупывая путь к дверям в гостиную, Хомили старалась держаться подальше от края.

В гостиной тоже было непривычно темно, как и в кухне; там лишь тускло поблёскивала замочная скважина в печи да раздавалось сонное дыхание.

— Арриэтта, — позвала Хомили тихонько, чуть не шёпотом, не переступая порога.

Хендрири всхрапнул и пробормотал что-то во сне; она слышала, как он перевернулся на другой бок.

— Арриэтта... — снова шепнула Хомили.

— Кто там?.. — вдруг пронзительно вскричала Люпи.

— Это я... Хомили...

— Что тебе нужно? Мы все спим. У Хендри-ри был тяжёлый день.

— Ничего, — пробормотала Хомили, — всё в порядке. Я искала Арриэтту...

— Арриэтта давным-давно поднялась на-верх, — сказала Люпи.

— О-о... — протянула Хомили и замолкла. Слышалось только дыхание спящих. — Ладно, — сказала она наконец. — Спасибо. Извини.

— И закрой за собой дверь на площадку, когда будешь выходить, — сказала Люпи. — Ужасный сквозняк.

Пробираясь ощупью к дверям по заставленной вещами комнате, Хомили увидела впереди тусклый свет; казалось, он отражался от площадки. «Неужели он падает сверху, — удивлённо подумала Хомили, — из второй комнаты, где сидит за работой Под? Однако раньше его не было...»

Хомили боязливо ступила на площадку. И тут же поняла, что слабое свечение идёт не сверху, а откуда-то из глубины; лестница была всё ещё на месте, и Хомили увидела, что верхние пере-кладины дрожат. После мгновенного колебания Хомили собралась с духом и заглянула вниз. Её испуганные глаза встретились с испуганными глазами Арриэтты, взбиравшейся по лестнице и сейчас достигшей предпоследней ступеньки. Далеко внизу Хомили увидела островерхую дыру в плинтусе; казалось, она горит огнём.

— Арриэтта? — открыла рот от изумления Хомили.

Арриэтта молча выбралась на площадку, прижала палец к губам и шепнула:

— Мне нужно затащить сюда лестницу. Под-винься.

И Хомили словно в трансе отступила на несколько шагов, чтобы не мешать Арриэтте — ступенька за ступенькой, — подтянула лестницу наверх, приставила её к стене у себя над головой, затем, напрягшись всем телом, осторожно опустила и положила вдоль дранки.

— Ну... — начала Хомили, ловя ртом воздух.

В неярком свете, струившемся снизу, они могли видеть лица друг друга — объятые страхом лицо Хомили с разинутым ртом и серьёзное лицо Арриэтты, прижимающей палец к губам.

— Минутку, — шепнула она и снова подошла к краю площадки. — Всё в порядке! — негромко крикнула она в пространство, наклонившись вниз.

Хомили услышала приглушённый стук, поскрипыванье, удар дерева о дерево... и свет внизу погас.

— Он поставил на место дровяной ларь, — шепнула Арриэтта в наступившей вдруг темноте. — Не волнуйся, — умоляюще проговорила она, — и не расстраивайся! Я так и так хотела вам всё рассказать.

И, подхватив дрожащую мать под локоть, она помогла ей забраться наверх.

Под удивлённо взглянул на них.

— В чём дело? — спросил он.

Хомили молча рухнула на кровать.

— погоди, пока я подниму ей ноги, — сказала Арриэтта.

Она осторожно уложила мать и укрыла её до пояса сложенным вчетверо пожелтевшим от стирки шёлковым платком в чернильных пятнах, который Люпи дала им в качестве покрывала. Не открывая глаз, Хомили проговорила сквозь зубы:

— Она снова взялась за своё.

— За что? — спросил Под.

Отложив в сторону сапог, он встал с места.

— Разговаривала с человеком, — сказала Хомили.

Под пересёк комнату и сел в ногах кровати. Хомили открыла глаза. Оба пристально смотрели на Арриэтту.

— С которым? — спросил Под.

— С молодым Томом, ясное дело, — сказала Хомили. — Я поймала её с поличным. Вот где она проводила все вечера, не сомневаюсь. Внизу думали, что она здесь, а мы думали, что она внизу.

— Но ты же знаешь, куда это нас приведёт, — сказал Под. У него сделался очень встревоженный вид. — С этого, дочка, начались все наши неприятности тогда в Фирбэнке...

— Разговаривать с людьми... — простонала Хомили, и её лицо исказилось мукой. Внезапно

она приподнялась на локте и грозно взглянула на Арриэтту. — Ты, гадкая легкомысленная девчонка, как ты посмела сделать это снова?!

Арриэтта смотрела на них, не опуская глаз, не то что с вызовом, но и без раскаяния.

— Но ведь я говорила только с Томом, — протестующе произнесла она. — Не понимаю, какое это имеет значение? Он же всё равно знает, что мы здесь. Ведь он сам нас сюда принёс! Ему ничего не стоило причинить нам вред, если бы он захотел.

— Как бы он добрался до нас? — спросила Хомили.

— Сломал бы стенку — это всего лишь дранка и штукатурка.

— Не говори таких вещей, дочка, — содрогнулась от ужаса Хомили.

— Надо смотреть правде в глаза, — сказала Арриэтта. — Но так или иначе, он уезжает.

— Уезжает? — переспросил Под.

— Они оба уезжают, — сказала Арриэтта, — и он, и его дедушка; дед в какое-то место, которое называется больница, а Том — в место, которое называется Лейтон-Баззард; он будет там жить у своего дяди, конюха. Что такое конюх? — спросила она.

Но и мать, и отец молчали и смотрели друг на друга отсутствующим взглядом. Казалось, они потеряли дар речи. Арриэтта не на шутку испугалась.

— Надо сказать об этом Хендрири, — проговорил наконец Под, — и побыстрей.

Хомили кивнула и опустила ноги с кровати. Не успела она прийти в себя после одного потрясения, как на неё обрушилось другое.

— Не стоит их сейчас будить, — сказал Под. — Завтра я первым делом спущусь к ним.

— О боже, — вздохнула Хомили, — все эти несчастные детки...

— В чём дело? — спросила Арриэтта. — Что я такого сказала?

Ей вдруг стало страшно, она неуверенно переводила глаза с отца на мать, с матери на отца.

— Арриэтта, — проговорил Под, оборачиваясь к ней; лицо его было серьёзным, — всё, что мы рассказывали тебе про человеков, — правда, но одно мы упустили из виду, а возможно, упомянули об этом только вскользь: мы, добываяйки, не можем без них существовать. — Он глубоко вздохнул. — Когда они запирают дом и уезжают, это — конец.

— Ни пищи, ни тепла, ни одежды, ни огня, ни воды... — запричитала Хомили.

— Голодная смерть, — закончил Под.

Глава пятая

На следующее утро, после того как семейству Хендрири сообщили новости, было созвано совещание. Встревоженные, удручённые, они входили один за другим в гостиную и усаживались за большим столом на указанные Люпи места. Арриэтта повторила свой рассказ.

— Ты уверена в числах, Арриэтта?

Да, Арриэтта была абсолютно уверена.

— А в самих фактах?

— Да. Молодой Том с дедом уезжают через три дня в двуколке; повезёт их серый пони по кличке Герцогиня, а править будет дядя Тома по имени Фред Тэрабоди, конюх, который живёт в Лейтон-Баззарде, а работает в гостинице «Лебедь»... («Что такое конюх?» — снова спросила себя Арриэтта.) И молодой Том очень встрево-

жен, потому что он потерял своего хорька, хотя у того на шее колокольчик и ошейник с именем Тома: хорёк кинулся в кроличью нору два дня назад и не вернулся, и Том боится, что ему придётся уезжать без хорька; даже если тот найдётся, Том не уверен, что ему разрешат взять его с собой.

— Ну, это к делу не относится, — заметил дядя Хендрири, постукивая пальцами по столу.

Все были обеспокоены и в то же время держались на удивление спокойно.

Хендрири обвёл взглядом стол.

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, — сказал он мрачно и принялся поглаживать бороду.

— Под тоже может ходить за добычей, — сказала Хомили.

— И я, — вставила Арриэтта.

— И я, — неожиданно пропищал Тиммис.

Все, кроме Хендрири, обернулись к нему, а Люпи погладила его по голове.

— За добычей? — спросил Хендрири. — За какой? Нет, нам не добытки нужны, — он взглянул через стол, и Хомили, встретив его взгляд, неожиданно покраснела, — было бы что добывать. Они не оставят нам ни крошки, этот мальчишка и его дед, уж я-то знаю. Нам придётся жить только на наши запасы.

— Пока их хватит, — хмуро проговорила Люпи.

— Пока их хватит, — повторил Хендрири, — таких, какие есть.

Глаза всех, кто был за столом, стали ещё шире.

— ...А хватит их ненадолго, — продолжала Люпи.

Она взглянула на полки с продуктами и быстро отвела глаза. Её щеки тоже неожиданно вспыхнули.

— Насчёт добычи... — заикаясь, проговорила Хомили, — я имела в виду — выходить из дома... на огород... за бобами и горохом... и всё в таком роде.

— Это всё склюют птицы, — сказал Хендрири, — стоит человекам запереть дом и уехать. Птицы вмиг об этом узнают... И что ещё важнее, — продолжал он, — в окрестных лесах водятся больше хищников и всяких вредных тварей, чем во всём остальном графстве, — ласки, лисы, горностаи, барсуки, сорокопуты, сороки, ястребы-перепелятники, пустельга воробьиная, вороны...

— Хватит, Хендрири, — прервал его Под, — Хомили уже дурно...

— Ничего, ничего, — пробормотала Хомили.

Отпив глоток воды из желудёвой чашки, она подпёрла рукой голову и уставилась на стол.

Хендрири, увлёкшись, казалось, ничего не заметил.

— ...совы и канюки, — удовлетворённо закончил он свой длинный перечень. — Вы сами видели шкурки, прибитые над дверью в пристройку, и птиц, наколотых на шипы боярышника. Этот куст называется «виселица лесника». Когда старик здоров и обходит лес, все эти твари сюда носа не кажут. И мальчик ему помогает. Но когда их тут не будет!..

Хендрири поднял тощие руки и возвёл глаза к потолку.

Все молчали. Арриэтта взглянула украдкой на Тиммиса; его лица посерело.

— А когда они закроют ставни и запрут двери, — вдруг снова заговорил Хендрири, — как, вы полагаете, мы выберемся наружу?

Он торжествующе обвёл взглядом стол, словно привёл неоспоримый довод. Хомили, по-прежнему не поднимая глаз, ничего не ответила. Она стала сожалеть о том, что вообще открыла рот.

— Ну, всегда можно найти выход из положения, — пробормотал Под.

— Какой? — налетел на него Хендрири. — Какой? — И не успел Под ответить, как Хендрири загремел: — В последний раз, что человеки уезжали отсюда, на дом напали полевые мыши... повсюду кишели здесь, внизу и наверху. Теперь, когда они запирают, то крепко. И пауку не пролезть внутрь.

— И не вылезти наружу, — добавила Люпи.

— И не вылезти наружу, — согласился Хендрири и, словно устав от собственного красноречия, отпил глоток воды.

Несколько мгновений все молчали. Затем Под откашлялся и сказал:

— Ну, не навсегда же они уезжают.

Хендрири пожал плечами.

— Кто знает?

— Мне кажется, — сказал Под, — что без лесника здесь не обойтись. Скажем, этот уйдёт, так пришлют другого. Дом недолго будет пустовать: он так удобно стоит, на самой опушке леса, и вода сюда проведена...

— Кто знает? — повторил Хендрири.

— Ваша задача, как я это понимаю, — продолжал Под, — продержаться здесь какое-то время.

— Именно, — подтвердил Хендрири.

— Но какое именно время, вы не знаете, так?

— Так, — подтвердил Хендрири.

— И чем больше вы сможете растягивать запасы, — развивал свою мысль Под, — тем дольше вы сможете продержаться...

— Разумеется, — сказала Люпи.

— И чем меньше у вас будет едоков, — продолжал Под, — тем надолше вам хватит еды.

— Верно, — сказал Хендрири.

— Скажем, — продолжал Под, — вас шестеро...

— Нас девять, — сказал Хендрири, обводя взглядом стол, — если быть точным.

— Мы не в счёт, — сказал Под. — Хомили, Арриэтта и я... мы съезжаем с квартиры. — Настала гробовая тишина, а Под, обернувшись к Хомили, спокойно спросил: — Ты ведь согласна со мной, да?

Хомили вытаращила на него глаза, словно на сумасшедшего, и он в отчаянии толкнул её под столом ногой. Судорожно проглотив комок в горле, она тут же закивала.

— Согласна... — с трудом проговорила она, хлопая ресницами.

Поднялся страшный шум: вопросы, советы, доводы, возражения.

— Ты сам не знаешь, что говоришь, Под, — снова и снова повторял Хендрири, а Люпи так же безостановочно спрашивала:

— Съезжаете с квартиры? Но куда?

Наконец Хендрири сказал:

— Нечего спешить, Под. Конечно, тебе решать, но мы попали в беду все вместе, и пока хватит наших запасов, — он посмотрел на всех сидящих за столом с таким видом, словно делал публичное заявление, — таких, какие есть, — что наше, то ваше.

— Это очень великодушно с твоей стороны, — сказал Под.

— Вовсе нет, — сказал Хендрири, пожалуй, слишком ровным голосом. — Это только справедливо.

— И человечно, — добавила Люпи; ей очень нравилось это слово.

— Но я вижу, — продолжал Хендрири, так как Под ничего не ответил, — что ты уже всё решил.

— Верно, — сказал Под.

— В таком случае, — проговорил Хендрири, — нам остаётся одно: объявить собрание закрытым и пожелать вам успеха.

— Верно, — сказал Под.

— Желаю тебе удачи, Под, — сказал Хендрири.

— Спасибо, Хендрири, — сказал Пол.

— И всем вам трим смельчакам — Поду, Хомили и крошке Арриэте — удачи и хорошей добычи.

Хомили пробормотала что-то в ответ, и настало неловкое молчание — все отводили от них глаза.

— Пошли, старушка, — сказал наконец Под и, обернувшись к Хомили, помог ей встать с места.

— Ты нас извини, — сказал он Люпи, которая снова покраснела до корней волос, — но нам надо кое-что обсудить.

Все поднялись, и Хендрири проводил их до дверей.

— Когда ты думаешь уходить, Под? — озабоченно спросил он.

— Дня через два, — сказал Под, — когда там, внизу, путь будет свободен.

— Ни к чему спешить, — сказал Хендрири. — И всё, что надо в дорогу, к твоим услугам...

— Спасибо, — сказал Под.

— Ты только скажи...

— Хорошо, — пообещал Под.

На его губах мелькнула несмелая улыбка, и он вышел из комнаты.

Глава шестая

Хомили молча взобралась по дранке, прошла во внутреннюю комнату и села на кровать. Её била дрожь.

— Я не мог этого не сказать, — проговорил Под, — и, что ещё важнее, мы должны это сделать.

Хомили кивнула.

— Ты же видишь, в каком мы положении?

Хомили снова кивнула.

— Можешь что-нибудь предложить? — спросил Под. — Какой-нибудь другой выход?

— Нет, — сказала Хомили, — нам надо уходить. А главное, — добавила она, — нам в любом случае пришлось бы уйти.

— С чего ты это взяла? — сказал Под.

— Я не стала бы дольше жить с Люпи, — заявила Хомили, — даже если бы она посулила мне гору золота, что она вряд ли сделает. Я молчала, Под, ради Арриэтты. Всё же ровесники ей для компании, думала я, и семейные связи. Я даже о мебели не заикнулась...

— Да, это так, — подтвердил Под.

— Просто я очень испугалась, — сказала Хомили и снова задрожала, — когда Хендрири принялся говорить про диких зверей...

— Он никак не мог остановиться, — сказал Под.

— Лучше жить одним, — сказала Хомили.

— Верно, — согласился Под, — лучше жить одним...

И он обвёл глазами комнату. Но вид у него был загнанный, на круглом плоском лице была растерянность.

Когда Арриэтта поднялась вместе с Тиммисом наверх, было видно, что, несмотря на тревогу, она на седьмом небе.

— О, — сказала Хомили, — вот и вы.

И, словно не узнавая, посмотрела на Тиммиса.

— Он ни за что не хотел там оставаться, — сказала Арриэтта, крепко держа его за руку.

— Ладно, заberi его... в свою комнату. И расскажи ему какую-нибудь историю...

— Хорошо. Сейчас. Только сперва я хочу спросить...

— Потом, — сказал Под, — у нас куча времени. Мы поговорим обо всём позднее.

— Отец прав, — сказала Хомили. — Расскажи Тиммису что-нибудь.

— Только не про сов, — взмолился Тиммис. У него всё ещё был испуганный вид.

— Конечно, не про сов, — поддержала его Хомили. — Попроси Арриэтту рассказать тебе про кукольный дом. — Она взглянула на дочь. — Или про это место... как оно называется?.. Где есть гипсовые добывайки.

Но Арриэтта, казалось, не слышала её.

— Вы правда думали то, что сказали? — вдруг вырвалось у неё.

Хомили и Под, удивлённые и испуганные её тоном, уставились на Арриэтту.

— Конечно, — сказал Под.

— О, — вскричала Арриэтта, — слава богу... слава богу! — И её глаза вдруг наполнились

слезами. — Снова жить под открытым небом... снова видеть солнце...

Подбежав к родителям, она обняла каждого из них.

— Всё будет хорошо... Уверена, что будет. — Сияя от радости, она обернулась к Тиммису. — Пошли, Тиммис, я знаю замечательную историю... лучше, чем про кукольный домик... о целом городке, где полным-полно домов, это место называется Литл-Фордэм.

Литл-Фордэм был легендарным местом, рассказы о котором, особенно в последние годы, передавались добывайками из уст в уста. Откуда они о нём узнали, никто не помнил, возможно, из разговоров, подслушанных в чьей-нибудь кухне, гостиной или детской, но знали о нём добывайки все до одного. Литл-Фордэм был, как говорили, игрушечным посёлком, который занимал целых пол-акра в саду построившего его человека. Там было всё, как в настоящем городке: церковь с органом, школа, несколько магазинов и — поскольку сбоку сада протекала река — своя собственная гавань, пароходы и таможня. Всё было построено очень прочно и не боялось перемен погоды. Населяли Литл-Фордэм — во всяком случае, ходили такие слухи — гипсовые фигурки ростом с добываек, которые неподвижно, с деревянными лицами, стояли там и сям на улицах посёлка или ездили по кругу в поездах. Добывайки знали также, что с раннего утра до вечера по асфальтовым дорожкам, надёжно отгороженные цепями, по посёлку бродят орды человеков. Они знали — как знают это птицы, — что человеки роняют на землю всякие остатки: куски вафельных стаканчиков от мороженого,

крошки от бутербродов и булочек, орехи, недоеденные яблоки. («Конечно, нельзя питаться этим изо дня в день, — замечала Хомили, — такая еда быстро надоест...») Но больше всего добываек привлекали дома — множество пустых домов на все вкусы и любое число обитателей: особняки, дома на две семьи с отдельными входами, дома, стоящие вдоль улицы вплотную один к другому или окружённые собственным садом. Все они были прочно построены, с прочно крытыми крышами и прочно вкопаны в землю; как бы ни были любопытны человеки, они не могут без труда их открыть, как кукольный домик, и сунуть туда свой нос. Арриэтта слышала даже, что окна и двери этих домов просто нарисованы на стенках и вообще не открываются — в домах нет ни одного отверстия. Но этот недостаток легко устраним.

— Конечно, никто не стал бы открывать парадные двери, — объясняла она Тиммису, в то время как они лежали, свернувшись клубочком, в её постели, — добывайки не так глупы; они бы прокопали туннель под полом... никто из человеков и не догадался бы, что там кто-то живёт...

— Расскажи ещё про поезда, — попросил Тиммис.

И Арриэтта продолжала рассказывать. Объясняла, придумывала, жила вместе с мальчиком в ином, сказочном, мире. Погрузившись в эту жизнь, она забыла, в каком они сейчас бедственном положении, забыла о тревогах родителей и страхах дяди, забыла о пыльных, мрачных комнатах между стен, об опасностях, таящихся в лесах вокруг их дома, забыла даже то, что уже давно хочет есть.

Глава седьмая

— Но куда мы пойдём? — спросила Хомили в двадцатый раз.

Прошло уже два дня после совещания; они были в комнате Арриэтты и собирали вещи в дорогу. На полу лежала куча разных предметов, часть они отбрасывали в сторону, часть откладывали, чтобы взять с собой. Они могли взять лишь то — тут Под был непреклонен, — что Люпи называла «ручная кладь». Она дала им рукав брезентового плаща, и они аккуратно разрезали его на квадраты.

— Я думал, — сказал Под, — сперва попробуем пойти в пещеру на склоне.

— Вряд ли мне там очень понравится, — сказала Хомили, — особенно без сапога.

— Но, Хомили, надо же нам куда-то пойти. И скоро весна.

Хомили обернулась и взглянула на Пода.

— А ты знаешь дорогу?

— Нет, — сказал Под, продолжая сматывать в клубок просмолённую нитку. — Это надо выяснить.

— Какая сегодня погода?

— Я попросил Арриэтту это узнать.

Понимая, что другого выхода нет, они, хотя и не без страха, отправили вниз Арриэтту поговорить с молодым Томом.

— Попроси его оставить нам какую-нибудь лазейку, — учил её Под, — пусть самую крошечную, лишь бы выйти из дома. Если понадобится, мы распакуем вещи и протащим их одну за другой. В самом крайнем случае я согласен даже на окно первого этажа, если снаружи будет на что прыгнуть. Но скорее всего они крепко-накрепко запрут окна и закроют ставни.

И скажи, чтобы он отодвинул дровяной ларь от стены. Нам самим не справиться, даже если он будет пустой. В хорошеньком мы окажемся положении, да и семейство Хендрири тоже, если мальчишка укатит в Лейтон-Баззард и оставит нас взаперти. Скажи ему, куда мы направляемся... на это поле, которое зовут Паркинс-Бек... но ни словечка о пещере на склоне... и пусть он напомним, как туда пройти и не сбиться с пути... Последнее время здесь, в доме, довольно прохладно, а ведь уже март, спроси, не выпал ли снег. Если выпал, мы пропали: нам придётся ждать...

«Но разве мы можем ждать?» — спрашивал себя Под, вешая моток просмолённых ниток на гвоздь в дранке и задумчиво беря в руки шляпную булавку. Верно, в приступе великодушия Хендрири сказал: «Мы все вместе попали в беду... и что наше, то ваше». Но потом, обсуждая с Хомили их уход из дома, Люпи заметила: «Не считай меня жестокой, Хомили, но в такие времена каждый думает о своих. На моём месте ты сказала бы то же самое». Она, не скупясь, давала им разные вещи — Под прежде всего подумал о рукаве плаща, — подарила Хомили напёрсток с колечком из рождественского пудинга, Хомили надела его на шею; но полки в кладовой вдруг оказались пусты; все припасы были забраны и спрятаны где-то в другом месте, а им Люпи выдала пятнадцать сухих горошин, которых, сказала Люпи, им, «надо надеяться, хватит». Они вымачивали их у себя наверху в мыльнице, а затем Хомили брала по три горошины вниз и варила их на плите.

«Хватит, но на сколько? — спрашивал себя Под, счищая пятнышко ржавчины со шляпной булавки. — Как новенькая, — подумал он,

попробовав пальцем острйё, — чистая сталь, и длинная, длиннее, чем он сам. Нет, придётся им уходить, как только путь будет свободен, неважно, выпал снег или нет...»

— Кто-то идёт! — воскликнула Хомили. — Должно быть, Арриэтта.

Они подошли к люку и помогли ей взобраться на пол; они заметили, что глаза девочки сияют, а щёки горят огнём. В одной руке она держала длинный стальной гвоздь, в другой — ломтик сыра.

— Это нам на сейчас, — еле переводя дух, сказала Арриэтта, — там, внизу, ещё целая куча всякой всячины. Том засунул всё через дыру за дровяным ларем. Ломоть чёрствого хлеба, сыр, шесть печёных каштанов и яйцо.

— Неужто куриное яйцо? — сказал Под.

— Да.

— О боже! — воскликнула Хомили. — Как нам закатить его сюда, наверх?

— И как сварить его? — добавил Под.

Хомили тряхнула головой.

— Я сварю его вместе с горохом там, у Люпи. Это наше яйцо, никто и словечка не скажет.

— Оно уже сварено, — прервала их Арриэтта, — вкрутую.

— Слава богу! — воскликнул Под. — Я возьму с собой вниз лезвие — мы можем занести его сюда по кусочкам. Так что ты узнала? — спросил он Арриэтту.

— Погода вовсе не плохая, — ответила она. — Том говорит, когда выходит солнце, совсем тепло и пахнет весной.

— Ты мне прежде всего скажи, — прервал её Под, — как нам выбраться из дома?

— С этим тоже всё в порядке. В самом низу входной двери есть дыра, там, где дверь толкали ногами — Том всегда так делает, когда у него полны руки сучьев. Но они её заколотили дощечкой, чтобы в дом не забрались полевые мыши. Двумя гвоздями — по гвоздю с каждой стороны. Это один из них, — показала она на принесённый гвоздь. — Все, что нам надо сделать, говорит Том, повернуть дощечку вверх на втором гвозде да закрепить чем-нибудь, и путь открыт — мы все сможем выйти наружу. А когда мы уйдём, дядя Хендрири и братцы снова её прибьют... если захотят.

— Прекрасно, — сказал Под, — прекрасно.

У него был очень довольный вид.

— Конечно, они захотят, из-за мышей. И когда, он говорит, они уезжают — я имею в виду он и его дед?

— Как он и раньше сказал — послезавтра. Но он так и не нашёл хорька.

— Прекрасно, — повторил Под; хорьки его не интересовали. — А теперь давайте быстренько нырнём вниз и поднимем сюда продовольствие, пока его никто не увидел.

Хомили и Арриэтта спустились вместе с Подом, чтобы ему подсобить. Они отнесли наверх хлеб, и сыр, и печёные каштаны, но яйцо решили не трогать.

— В курином яйце куча еды, — сказал Под, — и вся она чисто и аккуратно упакована, если так можно выразиться, в скорлупе. Мы возьмём яйцо с собой, когда уйдём отсюда, и возьмём в том виде, в каком оно есть.

Поэтому они закатали яйцо за стенную панель и спрятали в тёмном углу под стружками.

— Здесь оно нас и подождёт, — сказал Под.

Глава восьмая

В день отъезда человек добывайки старались вести себя как можно тише. Собравшись вокруг стола, они с любопытством и волнением прислушивались к хлопанию дверей, глухим ударам, беготне вверх и вниз по лестнице. До них доносились голоса, которые они никогда раньше не слышали, звуки, которые они не могли распознать. Они продолжали сидеть, притаившись, ещё долго после того, как захлопнулась входная дверь и наступила тишина.

— Кто знает, — шепнул Поду Хендрири, — они ещё могут за чем-нибудь вернуться.

Но постепенно безмолвие покинутого дома каким-то таинственным образом просочилось к ним сквозь штукатурку и дранку, и Под почувствовал, что дом действительно пуст.

— Думаю, всё в порядке, — наконец отважился он сказать, — может, кто-нибудь из нас пойдёт на разведку?

— Я пойду, — сказал Хендрири, поднимаясь на ноги. — Не трогайтесь с места, пока я не подам сигнал. Мне надо, чтоб было совершенно тихо.

И он ушёл. Все молча сидели вокруг стола. Хомили не сводила глаз с трёх небольших узлов, привязанных к шляпной булавке. Люпи одолжила Хомили свой кротовый жакет... который стал ей узок; на Арриэте был шарф Эглтины; высокая, стройная девушка накинула его Арриэте на шею и трижды обмотала, так ничего и не сказав. «Она хоть когда-нибудь говорит?» — спросила как-то Хомили у Люпи, воспользовавшись её хорошим настроением. «Почти никогда, — сказала Люпи, — и не улыбается. Она стала такой после того, как ещё девочкой убежала из дома. Не один год прошёл с тех пор».

Но вот вернулся Хендрири и сказал, что путь свободен.

— Лучше зажгите свечи, сейчас позднее, чем я думал.

Один за другим они спустились по спичечной лестнице, больше не боясь шуметь. Дровяной ларь был далеко отодвинут от стены, и они гуськом вышли в комнату, высокую, как собор, огромную и тихую — лишь их голоса отражались от стен, — сами себе хозяева: ходи куда хочешь, делай что пожелаешь. Окно, как Под и предвидел, было закрыто ставнями, но через небольшое оконце, низко прорезанное в толстой стене, просачивались последние бледные лучи заходящего солнца. Братцы и Арриэтта были вне себя: они носились взад и вперед между ножками стульев, обследовали пещеру под столом, где в свете свечей плясала висящая там паутина. А сколько было сделано открытий, сколько найдено сокровищ — под половиками, в щелях двери, между свободными камнями очага!.. Здесь булавка, там спичка; пуговица, старая запонка от воротничка, почерневшая монета, коралловая бусина, крючок без петельки, отломанный кончик грифеля от карандаша (Арриэтта бросилась к нему и тут же спрятала в карман: ей не разрешили взять с собой дневник, пришлось оставить его вместе с прочими «не самыми важными» вещами, но кто знает...). Затем, поставив на пол свечи, они принялись взбираться кто куда — все, кроме Люпи, которая для этого слишком растолстела, и Пода с Хомили, стоявших у входных дверей. Хендрири решил залезть на висевшее на гвозде пальто, чтобы проверить карманы, но ему было далеко до Пода, и он повис на рукаве, еле переводя дыхание и обливаясь потом, — пришлось старшему сыну его вызволять.

— Надо было забираться по петлям, — шепнул Под Хомили, — за них можно цепляться ногами, а карман подтащить к себе за материю. Никогда не надо лезть прямо к карману...

— Хоть бы они угомонились, — шепнула в ответ Хомили, — пока мы не уйдём.

В обычное время она и сама получила бы удовольствие от этой игры «что нашёл, то моё», где любые средства хороши — что лучше для добывайки, чем охота за добычей без помехи, — но сейчас всё омрачала мысль о ждавших их испытаниях, и паясничанье родичей казалось ей глупым.

— Ну а теперь, — неожиданно сказал Хендрири, приводя в порядок платье и направляясь к ним, словно он прочитал её мысли, — давайте испробуем лазейку.

Он позвал старших сыновей, и, поплевав на руки, они ухватились за дощечку, прикрывавшую дыру в двери.

— Раз, два, три, ух! — произнёс нараспев Хендрири.

Они изо всех сил толкнули дощечку вверх, и она медленно, со скрипом, повернулась на гвозде, открыв глазам похожее на арку отверстие.

Под взял свечу и выглянул наружу; он увидел траву и камни и, до того как ветер чуть не задул пламя, мелькнувшую перед глазами тень. Под заслонил пламя свечи ладонью.

— Быстрее, Под, — еле дыша, произнёс Хендрири, — эта деревяшка тяжёлая...

Под опять посмотрел в дыру: ни травы, ни камней — струящийся мрак, еле слышное дыхание и неожиданно возникшие две огненные точки, как острия булавок, — немигающие, неподвижные, беспомощные.

— Бросайте, — еле слышно сказал Под, не разжимая губ. — Быстрее, — ещё тише проговорил он, так как Хендрири замешкался. — Ты что, не слышишь колокольчик? — И замер на месте, держа свечу перед собой.

Раздался глухой стук упавшей дощечки и одновременно с ним визг Хомили.

— Ты тоже видела его? — спросил Под, обращившись.

Поставив свечу на пол, он, всё ещё тяжело дыша, вытер лоб рукавом.

— Видела его? — вскричала Хомили. — Да ещё секунда, и он был бы тут, среди нас.

Тиммис заплакал, и Арриэтта подбежала к нему.

— Всё в порядке, Тиммис, он ушёл. Это был всего лишь хорёк. Старый ручной хорёк. Пошли, я расскажу тебе сказку.

Она отвела его под грубо сколоченный деревянный стол, под которым ещё раньше заметила большую книгу. Арриэтта раскрыла книгу, поставила её на стол, превратила в шалаш, и они забрались вдвоём под его уютный кров.

— Что это было? — спросила ничего не заметившая Люпи.

— То самое, что сказала Арриэтта, — хорёк, — ответил ей Под, — хорёк Тома скорее всего. Если это так, он будет теперь день и ночь бродить вокруг дома, искать, как бы ему попасть внутрь... — Он обернулся к Хомили. — О том, чтобы уйти сегодня, нечего и думать.

Люпи, стоявшая в очаге, где зола всё ещё не потеряла тепла, опустилась на пустой спичечный коробок, тот угрожающе заскрипел.

— Был бы тут, среди нас, — чуть слышно повторила она, закрывая глаза, точно боясь увидеть это страшное зрелище. И махнула несколь-

ко раз рукой, чтобы рассеять поднявшееся облачко золы.

— Ну что ж, Под, — проговорил, помолчав, Хендрири, — ничего не поделаешь.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Под.

— Этим путём вам не выйти. Хорек будет кружить возле дома неделю за неделей.

— Да... — согласился Под и замолчал. — Нам надо снова всё обдумать.

Он тревожно посмотрел на закрытое ставнями окно: в меньшем окошечке стекло было вмуровано в стену, свет оно давало, но не открывалось. Нет, здесь не пройдёшь.

— Давайте взглянем на прачечную, — сказал Под.

Дверь туда, к счастью, была закрыта неплотно, и Под протиснулся в щель. Хендрири и Хомили проскользнули следом, немного погодя за ними вошла туда Арриэтта. Ей не терпелось увидеть прачечную, как и все прочие уголки этого огромного человеческого жилья, которое находилось теперь в их владении. В неровном свете свечи она заметила, что очаг здесь находится там же, где высится за стеной очаг в комнате, а в очаге стоит закопчённая кухонная плита; пол, как и там, выложен каменными плитами. В одном углу виднелся старый бельевой коток, в другом — медный котёл для кипячения. У стены под окном была каменная раковина. Окно плотно закрывали ставни. Дверь наружу была заперта на два засова и для крепости обита внизу листом оцинкованного железа.

— Нет, здесь ничего не выйдет, — сказал Хендрири.

— Да, — согласился Под.

Они вернулись в комнату. Люпи немного оправилась и слезла с короба, чуть не расплю-

щив его. Она уже привела свою одежду в порядок и сейчас собирала добычу, готовясь подняться наверх.

— Пошли, детки, — звала она, — скоро полночь, завтра у нас будет целый день... — Увидев Хендрири, она сказала: — Пожалуй, пора пойти перекусить. — Она хихикнула. — Я немного устала... Этот хорёк и всё такое прочее.

Хендрири взглянул на Пода.

— А вы как же? — И так как Под молчал, он обернулся к Люпи: — У них тоже был трудный день... этот хорёк и всё такое прочее... и сегодня им не выйти...

— Да? — сказала Люпи и уставилась на Пода. Казалось, она захвачена врасплох.

— Что у нас на ужин? — спросил её Хендрири.

— Шесть варёных каштанов... — Она приостановилась. — И по копчёной рыбке тебе и старшим мальчикам.

— Может быть, откроем какую-нибудь банку? — предложил Хендрири после неловкой паузы.

Люпи не ответила, пауза затянулась.

— Да, конечно... — начала она в смятении, но тут её прервала Хомили:

— Большое спасибо, это очень любезно с вашей стороны, но у нас самих есть три печёных каштана. И яйцо.

— Яйцо? — удивлённо повторила Люпи. — Какое яйцо?

— Куриное.

— Куриное яйцо? — снова повторила за ней Люпи так, словно курица — это птеродактиль или какая-нибудь легендарная птица вроде феникса. — Где вы его взяли?

— О, — сказала Хомили, — оно у нас давно.

— И мы хотели бы побыть немного здесь, внизу, — сказал Под, — если вы не возражаете.

— Нисколько, нисколько, — натянуто сказала Люпи. Она всё ещё ломала себе голову, откуда у них взялось яйцо. — Пошли, Тиммис.

Прошло немало времени, пока все сошлись вместе. То и дело мальчики возвращались за забытыми вещами, звали друг друга, смеялись, ссорились, болтали.

— По одному, — не переставала повторять Люпи, когда все сгрудились под лестницей. — По одному, мои ягнятки.

Но вот они поднялись наверх и с площадки, откуда гулко доносился каждый звук, вошли во внутренние комнаты. Теперь до Арриэтты долетало лишь тихое журчанье голосов, приглушённые раскаты смеха и ещё слышное попискивание.

«Для человеков, верно, что мыши, что мы», — подумала Арриэтта, прислушиваясь. Но постепенно всё замолкло, наступила тишина. Арриэтта обернулась и посмотрела на родителей, наконец они были одни.

Глава девятая

— Между молотом и наковальней — вот мы где, — сказал Под с вымученной улыбкой, он цитировал изречение из календаря с поговорицами и поговорками, где Арриэтта вела дневник.

Они сгрудились вместе на неостывших камнях очага, рядом валялся в золе железный совок, всё ещё слишком горячий, чтобы на него сесть. Хомили затащила сюда мятый спичечный коробок — при её весе он вполне ей годился. Под и Арриэтта пристроились на обугленной го-

ловешке; три зажжённые свечи стояли между ними в золе. Огромная комната была погружена во мрак, и когда замерли все звуки (семейство Хендрири, наверно, село за ужин), Арриэтта почувствовала, что они всё глубже погружаются в тишину.

Её нарушило слабое звяканье колокольчика — казалось, он звучит совсем рядом, — затем раздалось царапанье и почти беззвучное сопенье. Широко раскрыв глаза, они дружно взглянули на входную дверь, но оттуда, где они сидели, ничего не было видно — она тонула в темноте.

— Он не может забраться сюда, да? — шепнула Хомили.

— Исключено, — сказал Под, — пусть себе царапается, сколько влезет... нам ничто не грозит.

Но Арриэтта всё же окинула изучающим взглядом стенки дымохода: камни были неровные, если не останется другого выхода, по ним будет нетрудно вскарабкаться наверх. И вдруг высоко-высоко над собой она увидела квадрат тёмно-синего неба, а на нём яркую звёздочку и, сама не зная почему, успокоилась.

— Насколько я понимаю, — начал Под, — мы не можем отсюда выйти и не можем оставаться здесь.

— Так именно понимаю это и я, — сказала Хомили.

— А что, — сказала Арриэтта, — если нам забраться по трубе — здесь, внутри, — на крышу?

— А дальше что? — спросил Под.

— Не знаю, — сказала Арриэтта.

— Там мы и останемся, — сказал Под.

— Да, там мы и останемся, — подтвердила Хомили жалобно, — даже если сможем туда забраться, в чём я сомневаюсь.

Несколько минут все молчали, затем Под хмуро сказал:

— Что ж, Хомили, нам не остаётся ничего другого...

— Кроме чего? — спросила Хомили, встревоженно поднимая лицо, освещённое снизу, оно выглядело особенно худым, так и сям темнели пятна от золы.

Арриэтта, догадываясь, что он скажет, крепче обхватила колени руками и уставилась на совок, лежавший наискосок от неё.

— Кроме того, чтоб смирить свою гордость, — сказал Под.

— Что ты имеешь в виду? — еле слышно спросила Хомили, хотя она прекрасно это знала.

— Нам придётся пойти к Люпи и Хендрири и прямо, без обиняков попросить у них разрешения остаться.

Хомили сжала худое лицо ладонями и молча посмотрела на Пода.

— Ради девочки... — мягко проговорил Под.

Печальные глаза повернулись, как на шарнирах, к Арриэтте и снова уставились на Пода.

— Несколько сухих горошин — вот всё, что мы их попросим, — ещё мягче продолжал Под, — только несколько глотков воды и несколько сухих горошин...

Хомили продолжала молчать.

— И мы скажем, чтобы они оставили себе нашу мебель, — предложил Под.

Только тут Хомили вышла из оцепенения.

— Она так и так достанется им, — хрипло сказала она.

— Ну, так как? — спросил, помолчав, Под, вглядываясь ей в лицо.

Хомили с загнанным видом оглянулась во круг, посмотрела вверх, в дымоход, взглянула

на золу у себя под ногами. Наконец она кивнула головой.

— Пойдём тогда сразу, — уныло предложила она, — пока они не кончили ужинать, и покончим с этим.

— Не возражаю, — сказал Под.

Он поднялся на ноги и протянул руку Хомили.

— Двинулись, старушка, — ласково сказал он.

Хомили медленно поднялась, и Под, подхватив её под локоть, обернулся к Арриэтте. Стоя рядом с женой, он вытянулся во весь свой рост.

— Есть два вида мужества, которые я знаю, — сказал он, — а возможно, их и больше, но сколько бы их ни было, твоя мать обладает всеми. Запиши это в своём дневнике, дочка...

Но Арриэтта не смотрела на него; побелев как мел, она уставилась в тёмный угол между дровяным ларём и дверью в прачечную в глубине комнаты.

— Там что-то движется, — шепнула она.

Под обернулся и взглянул туда, куда были устремлены её глаза.

— Какое оно? — резко спросил он.

— Мохнатое...

Все замерли на месте. Затем Хомили с криком ринулась вперёд. С удивлением и страхом они смотрели, как она неуклюже слезает с очага и бежит, раскинув руки, к дровяному ларю. Казалось, она смеётся... или плачет... дыхание с трудом вырывалось у неё из груди.

— Милый мальчик, — всхлипывая, приговаривала она, — славный мальчик... благослови тебя господь!

— Спиллер! — радостно завопила Арриэтта.

Она тоже спрыгнула на пол, вместе с Хомили вытащила его из темноты и потянула за собой

на очаг; яркое пламя свечей осветило его кровный костюм, сильно поношенный, слегка порванный, с коротковатыми штанинами. Босые ноги мальчика лоснились от грязи. Казалось, он подрос и раздался в плечах. Но волосы его были так же взлохмачены и торчали во все стороны, а заострённое лицо было таким же загорелым,

как раньше. Они и не подумали спрашивать его, откуда он явился, им было достаточно того, что он здесь. Арриэтте казалось, что Спиллер всегда возникает из воздуха и так же быстро растворяется в нём.

— Ой, Спиллер! — всхлипнула Хомили (а ведь Арриэтта считала, что мать не очень жалуется его). — В самый последний момент, самый последний-препоследний момент!

И она села на конец головешки — отчего другой конец подпрыгнул, подняв тучу золы, — и разразилась счастливыми слезами.

— Приятно видеть тебя, Спиллер, — сказал Под, улыбаясь и осматривая его с головы до ног. — Пришёл за летним платьем?

Спиллер кивнул; его блестящие глаза обшаривали комнату. Ничто не ускользнуло от его внимания: ни узлы, притороченные к шляпной булавке, ни отодвинутый от стены дровяной ларь, ни отсутствие привычных вещей и перестановка мебели, говорящие об отъезде хозяев. Но он ничего не сказал: сельские жители вроде Спиллера и Пода не торопятся с расспросами, даже если их что-нибудь удивляет, они помнят о хороших манерах и ожидают подходящего момента для объяснений.

— Я случайно знаю, что оно не готово, — продолжал Под. — Куртку-то она сделала, но вот штанины ещё не сшиты вместе.

Спиллер снова кивнул и поискал глазами Арриэтту, которая, устыдившись своей радостной вспышки, сконфуженно спряталась за совок.

— Да, — наконец сказал Под, озираясь вокруг, словно только сейчас осознал, насколько странно выглядит всё вокруг, — как видишь, мы попали в беду...

— Переезжаете? — небрежно спросил Спиллер.

— В некотором роде, — сказал Под. И в то время как Хомили вытирала передником глаза и подкалывала волосы, он в нескольких неуклюжих словах обрисовал Спиллеру их положение. Спиллер слушал, подняв одну бровь, и рот его насмешливо кривился. Любимое выражение Спиллера, вспомнила Арриэтта, — о чём бы ему ни рассказывали. — Теперь тебе ясно, — ска-

зал Под, пожимая плечами, — какие у нас тут дела?

Спиллер задумчиво кивнул.

— А хорёк этот, — продолжал Под, — верно, сильно сейчас голодный, бедняга. Охотиться-то с колокольчиком он не может, кролики услышат его за версту. Бросятся врассыпную, только пятки засверкают. Но нас-то с нашими короткими ножками он сразу поймает — неважно, есть на нём колокольчик или нет... А ты как сумел сюда попасть? — вдруг спросил Под.

— Как всегда, — ответил Спиллер.

— Как всегда?

Спиллер кивнул в сторону прачечной.

— Через водосток, как же ещё, — сказал он.

Глава десятая

— Какой водосток? — спросила Хомили, — Куставясь на него во все глаза.

— Тот, что идёт от пола, — сказал Спиллер таким тоном, словно ей следовало бы это знать. — Который от раковины — не годится, у него двойной поворот, а на котле крышка.

— Я не видел на полу никакого отверстия... — начал было Под.

— Оно под катком для белья, — объяснил Спиллер.

— Но... — продолжала Хомили, — я хочу сказать — ты всегда приходишь сюда по водостоку?

— И ухожу, — сказал Спиллер.

— И весь путь под — как бы это выразиться? — под крышей, — добавил Под, — где тебе ничто не грозит. Ни плохая погода...

— Ни лесные твари, — сказала Хомили.

— Верно, — согласился Спиллер, — через лес лучше не ходить. Только не через лес, — задумчиво повторил он.

— А где он кончается, этот водосток? — спросил Под.

— Там, у чайника, — сказал Спиллер.

— Какого чайника?

— Его собственного чайника, — вставила Арриэтта нетерпеливо. — Того, что лежит на берегу реки...

— Верно, — сказал Спиллер.

Под задумался.

— А Хендрири и все остальные знают об этой трубе?

Спиллер покачал головой.

— На ум не приходило сказать им, — ответил он.

Под помолчал немного, затем спросил:

— А кто-нибудь другой может воспользоваться этим ходом?

— Почему бы и нет, — сказал Спиллер. — Куда вы направляетесь?

— Мы и сами ещё не знаем.

Спиллер нахмурился и почесал колено в том месте, где чёрная нашлёпка грязи высохла от тепла.

— Думали когда-нибудь о городке? — спросил он.

— Лейтон-Баззарде?

— Нет! — презрительно воскликнул Спиллер. — О Литл-Фордэме.

Если бы Спиллер предложил им переселиться на Луну, они бы не так поразились. По лицу Хомили было ясно, что она не верит своим ушам и считает слова Спиллера бредом. Арриэтта застыла на месте — казалось, она даже дышать перестала. Под был само удивление.

— Так, значит, он существует на самом деле? — медленно сказал Под.

— Конечно, существует, — оборвала его Хомили, — это всем известно, что никому не известно, так это — где. И я сомневаюсь, что даже Спиллер это знает.

— Где? В двух днях пути вниз по реке, — сказал Спиллер, — при попутном ветре.

— О-о... — протянул Под.

— Ты хочешь сказать — туда надо плыть? — спросила Хомили.

— У меня есть барка, — сказал Спиллер.

— О господи... — пробормотала Хомили и опустилась на пол, словно из неё выпустили воздух.

— Большая? — спросил Под.

— Порядочная, — сказал Спиллер.

— Там будет место для пассажиров? — спросил Под.

— Будет, — ответил Спиллер.

— О боже... — снова пробормотала Хомили.

— В чём дело, Хомили? — спросил Под.

— Даже представить не могу себя в барке, — простионала Хомили. — Я хочу сказать — на воде, никак не могу.

— Ну, на суше от барки мало проку, — сказал Под. — Не рискнёшь — не выиграешь, так уж оно ведётся на этом свете. Нам надо найти какое-нибудь пристанище.

— Неужели нет такого места, куда можно дойти пешком? — произнесла с запинкой Хомили.

— Например?

— Ну, — удручённо проговорила Хомили, кидая быстрый взгляд на Спиллера, — ну, скажем... чайник на берегу реки.

— Вряд ли это очень удобное жильё, — сказал Под.

— Более удобное, чем ботинок, — возразила Хомили.

— Послушай, Хомили, — сказал Под с неожиданной твёрдостью, — да ты в чайнике и дня не проживёшь. Не пройдёт и недели, как ты примешься меня пилить, чтобы я переправил тебя в Литл-Фордэм. Тебе предоставляют возможность иметь хороший дом и начать новую жизнь. И везут тебя туда без билета, а ты сходишь с ума из-за капли чистой проточной воды. Вот если бы ты возражала против водостока...

Хомили обернулась к Спиллеру.

— Какая она на вид, эта барка? — боязливо спросила она. — Понимаешь, если бы я могла её представить...

Спиллер задумался.

— Она деревянная, — сказал он.

— Да?

Спиллер сделал ещё одну попытку:

— Она похожа... да, можно сказать, что похожа на ящик для ножей и всякого такого.

— Сильно похожа? — спросил Под.

— Сильно, — сказал Спиллер.

— Говоря точнее, — торжествующе произнесла Хомили, — эта барка и есть деревянный ящик.

Спиллер кивнул.

— Верно, — признал он.

— С плоским дном? — спросил Под.

— С отделениями для ложек, вилок и ножей, да? — вставила Хомили.

— Верно, — кивнул Спиллер, отвечая им обоим.

— Просмолённая и провощённая на швах?

— Провощённая, — сказал Спиллер.

— Звучит неплохо, — сказал Под. — Ты как думаешь, Хомили? — Он видел, что она с ним

согласна, но ещё не готова признаться в этом. И он снова обратился к Спиллеру: — А что приводит её в движение?

— Что?

— Как она движется — под парусом?

Спиллер покачал головой:

— Когда я спускаюсь с грузом вниз по течению — гребу, а когда иду вверх с балластом — отталкиваюсь шестом.

— Понятно, — сказал Под. Видно было, что слова Спиллера произвели на него впечатление. — Ты часто ездишь в Литл-Фордэм?

— Частенько, — сказал Спиллер.

— Понятно, — снова сказал Под. — Ты правда можешь нас подвезти?

— Захвачу вас на обратном пути, — сказал Спиллер. — От чайника. Сойдёт? Мне надо подняться по реке за грузом.

— Каким грузом? — спросила его в упор Хомили.

— Грузить барку, — сказал Спиллер.

— Это я понимаю, — сказала Хомили, — но что это за груз?

— Послушай, Хомили, — прервал её Под, — это не наше дело. Касается одного Спиллера. Плавает вверх-вниз по реке, торгует. Всем понемножку. Да, Спиллер? Орехи, птичьи яйца, мясо, рыба... еда в основном — примерно то же, что он приносит Люпи.

— Зависит от того, в чём у них нехватка, — сказал Спиллер.

— У них? — воскликнула Хомили.

— Полно, Хомили, — принялся увещевать её Под, — у Спиллера есть свои покупатели. Это вполне понятно. Мы же не единственные добывайки на свете, вовсе нет...

— Но ведь про этих, что в Литл-Фордэме, говорят, будто они из гипса, — прервала его Хомили.

— Так оно и есть, — сказал Спиллер. — А сверху раскрашены. Все на одну колодку... Кроме одного.

— Один живой? — спросил Под.

— Ага, — сказал Спиллер.

— Вот уж это не по мне! — воскликнула Хомили. — Совсем не по мне: быть одним-единственным живым добывайкой среди кучи гипсовых кукол или как там их зовут. Это действовало бы мне на нервы.

— Они ему не мешают, — возразил ей Спиллер, — во всяком случае не так, говорит он, как мешали бы настоящие добывайки, будь их много.

— Очень мило с его стороны, — возмутилась Хомили, — радушный же нас ждёт приём, когда мы явимся туда без приглашения.

— Там полно домов, — сказал Спиллер, — никто вас не заставляет жить рядом с ним...

— И он там не хозяин, — напомнил ей Под.

— Это верно, — кивнула Хомили.

— Ну так как, Хомили? — спросил Под.

— Я согласна, — сказала Хомили, — если мы будем жить недалеко от магазинов.

— В этих магазинах ничего нет, — нетерпеливо объяснил ей Под, — по крайней мере я так слышал, кроме бананов и других фруктов из гипса, слепленных вместе.

— Пусть нет, — сказала Хомили, — но уж очень приятно упомянуть об этом в разговоре с Люпи...

— Вряд ли ты будешь разговаривать с Люпи, — сказал Под. — Люпи даже не узнает, что мы ушли, пока не встанет завтра утром и не

подумает, что придётся предложить нам завтрак. Нет, Хомили, — серьёзно продолжал Под, — нам надо забыть о торговых центрах и прочих глупостях; куда лучше спокойное местечко на берегу — ты же не хочешь с утра до ночи таскать в дом воду? А Спиллеру где ставить барку и разгружаться? Он же, наверно, станет регулярно приплывать к нам со всяким добром. Когда мы попадём туда, у нас будет достаточно времени, чтобы осмотреться и выбрать то, что нам по вкусу.

«Выбрать то, что нам по вкусу...» Внезапно Хомили ощутила магию этих слов — волнение, словно пузырьки от шампанского, вздымалось в ней всё выше и выше, и наконец она радостно всплеснула руками. Вздвогнув от неожиданности, Под резко обернулся к ней.

— О, Под, — шепнула она, и глаза её наполнились слезами. — Ты только подумай... столько домов... мы можем пожить в каждом из них, если захотим. В каждом по очереди. Что нам мешает?

— Здравый смысл, — ответил Под и улыбнулся Арриэтте. — А ты что скажешь, девчушка? Магазины или река?

Арриэтта откашлялась.

— Река, — хрипло проговорила она; глаза её сияли, по лицу бегали тени в трепетном свете свечи. — Хотя бы для начала...

Наступило молчание. Под взглянул на тюки, привязанные к шляпной булавке, затем наверх, на часы.

— Скоро половина второго, — сказал он. — Пора нам посмотреть на этот водосток. Ты как полагаешь, Спиллер, сможешь ты уделить нам минутку? Ввести нас, так сказать, в курс дела?

— О! — горестно воскликнула Хомили. — Я думала, Спиллер пойдёт вместе с нами.

— Но, Хомили, — сказал Под, — это немалый путь, а Спиллер только что проделал его... Зачем ему сразу возвращаться?

— А что ему тут делать? Его летняя одежда ещё не готова. Ведь ты за ней пришёл, да, Спиллер?

— Не только, — сказал Под, — думаю, что он принёс разные вещи для Люпи.

— Неважно, — сказал Спиллер, — я могу свалить их здесь, на полу.

— И пойдёшь с нами? — вскричала Хомили. Спиллер кивнул:

— Почему бы и нет?

Судя по его лицу, даже Под почувствовал облегчение.

— Это очень любезно с твоей стороны, Спиллер, — сказал он, — право, очень любезно. — Он обернулся к Арриэтте: — Ну-ка, девочка, возьми свечку и сходи за яйцом.

— О, не стоит с ним возиться, — сказала Хомили.

Под укоризненно взглянул на неё.

— Сходи за яйцом, Арриэтта. Закати его в прачечную, да будь поосторожней со свечой возле стружек. Хомили, возьми мою свечу, а я занесу багаж.

Глава одиннадцатая

Пройдя в прачечную через неплотно закрытую дверь и очутившись на каменных плитах пола, они снова слышали хорька. Но теперь Хомили не боялась.

— Царапайся, царапайся, — с вызовом сказала она; что ей хорёк, когда у них есть воз-

можность уйти отсюда! Но когда они наконец собрались все вместе под бельевым катком и заглянули в водосточную трубу, вновь обрётённое мужество ей изменило. — О боже, — вздохнула она.

Водосток казался глубоким и тёмным, труба, как колодец, уходила под пол. Квадратная решётка, обычно закрывавшая её, лежала наискосок рядом, и в зияющей глубине отражалось пламя их свеч; оттуда тянуло промозглым воздухом, доносился кислый запах хозяйственного мыла, несвежих дезинфицирующих средств и спитого чая.

— Что там, на дне? — спросила Хомили, вглядываясь в глубину. — Вода?

— Слизь, — сказал Спиллер.

— Мыльный кисель, — быстро проговорил Под.

— И нам придётся по нему идти?

— Там неглубоко, — сказал Спиллер.

— Это ведь не канализационная труба, — успокаивающе сказал Под, стараясь, чтобы его слова звучали убедительно. — Но, убей меня, не могу понять, — продолжал он, обращаясь к Спиллеру, — как тебе удаётся сдвигать с места эту решётку.

И Спиллер ему показал. Опустив в трубу свечу, он ткнул пальцем вниз, оттуда поднимался прислонённый к стенке и упёртый на дне колодца в камень небольшой медный прут вроде тех, на которые вешают шторы. Верхушка прута чуть-чуть выступала наружу. Когда решётка лежит на месте, объяснил Спиллер, она ничем не прикреплена. Навалившись снизу на прут всем телом, он может приподнять один угол — так прачка поднимает подпоркой верёвку с бельём. Затем он ставит нижний конец прута на камень,

и всё сооружение держится на месте само собой. А он вылезает из трубы на куске верёвки, пропущенной через дырочки решётки, «всего в два раза длиннее меня». Верёвка, как понял Под, была закреплена намертво. Двойную петлю между двумя отверстиями в тонкой железной решётке было невозможно заметить сверху, а сама верёвка, когда ею не пользовались, уходила вниз, в водосток. Если Спиллеру надо было полностью отодвинуть решётку, как, например, сейчас, он, выбравшись в щель, сделанную при помощи медного прута, вытаскивал следом за собой верёвку, перекидывал её через перекладину между ножками бельёвого катка у себя над головой и принимался её тянуть и дёргать. Иногда, объяснил Спиллер, решётка легко соскальзывала с места, иногда опускалась одной стороной вниз и застревала под углом. В таком случае он доставал небольшой, но тяжёлый болт, который хранился специально для этой цели, привязывал его к свободному концу верёвки и садился на него верхом, болт опускался под его тяжестью и приподнимал решётку.

— Прекрасно придумано, — не уставал повторять Под.

Со свечой в руке он зашёл под каток, потрогал мокрую верёвку, подёргал узлы и, наконец, словно желая проверить, тяжёлая ли она, толкнул решётку — она легко скользнула вперёд по стёртым каменным плитам.

— Толкать-то легче, чем поднимать, — заметил он.

Посмотрев наверх, Арриэтта увидела огромные тени на потолке прачечной — они возникали, приближаясь и удаляясь, и вновь исчезали в мерцающем свете свечей: колёса, ручки, валки, кружащиеся спицы... как будто огромный каток,

под которым они стояли, вдруг каким-то чудом бесшумно заработал.

На полу возле водостока она увидела знакомый предмет — крышку алюминиевой мыльницы, той самой, в которой Спиллер пустил её волчком вниз по реке, той, в которой он обычно удил. Сейчас она была чем-то нагружена и покрыта куском старой шкуры — возможно, крысиной, — обвязанной вместе с грузом верёвкой. Из дырки, просверленной в борту с одного конца, свисал другой кусок верёвки.

— Я тащу её сюда, волоком, — объяснил Спиллер, заметив, куда глядит Арриэтта.

— Я понимаю теперь, как ты попадаешь сюда, наверх, — сказала Хомили, уныло глядя на дно колодца, — меня волнует другое — как попасть вниз.

— О, просто прыгнуть, — сказал Спиллер и, взяв конец верёвки, потащил мыльницу к двери.

— Всё будет хорошо, Хомили, — поспешно сказал Под, — мы спустим тебя на болте.

Он обернулся к Спиллеру.

— Куда ты? — спросил он.

Не желая привлекать внимания к водостоку, Спиллер, по-видимому, решил разгрузиться в комнате. Теперь, когда человеки уехали, а дровяной ларь был отодвинут от стены, не было нужды подниматься к Люпи: он мог оставить всё, что он принёс, у дыры в плинтусе.

Пока Спиллер распаковывал свой груз, Под коротко наметил план действий.

— Если Спиллер будет согласен, — вежливо повторял он каждый раз, уступая ему первое место.

Спиллер был со всем согласен, вернее, не имел никаких возражений. Сперва они опусти-

ли на дно колодца пустую крышку от мыльницы, затем кинули в неё яйцо, подкатив его к краю водостока; словно огромный футбольный мяч, Под изо всех сил пнул его ногой, оно полетело, вертясь волчком, и с треском грохнулось в крышку. Однако это их не испугало, ведь оно было сварено вкрутую.

Вслед за яйцом спустили вниз Хомили. Сидя верхом на болте и не переставая ахать и охать, она одной рукой цеплялась за верёвку, в другой держала зажжённую свечу. Когда она перелезла с болта в мыльницу, та быстро заскользила вперёд, и на один тревожный миг Хомили скрылась из глаз. Однако, перебирая руками верёвку, Спиллер подтащил мыльницу обратно, все увидели, что Хомили благополучно сидит позади яйца, хотя и ворчит потихоньку, держа в руке всё ещё горящую свечу.

— В крышке хватит места для двоих, — заявил Спиллер, и Арриэтту осторожно, чтобы не погасла свеча, спустили на дно колодца таким же торжественным манером (а ей так хотелось самой прыгнуть вниз!). Она села напротив матери по другую сторону качающегося яйца.

— Вы обе — хранительницы огня, — сказал Под. — Ваше дело сидеть спокойно и — держите яйцо! — светить туда, куда мы скажем...

В мыльнице послышалось шарканье ног, и она угрожающе закачалась; это Хомили, которая никогда не любила ездить, как сказали бы человеки, спиной к движению, встала, чтобы поменяться местами с Арриэттой.

— Крепче держи верёвку, — умоляла она Спиллера, пока они проделывали этот манёвр.

Но вот уже они с Арриэттой снова сидят лицом к лицу, зажав яйцо коленями, и у каждой

в руке свеча. Всё это время Арриэтта не переставала смеяться.

— Я вас сейчас немного сдвину с места, — предупредил Спиллер и отпустил потихоньку несколько дюймов верёвки.

Мыльница заскользила под сводами туннеля, блесевшими от сырости в свете их свеч, и тут же остановилась. Арриэтта протянула руку и коснулась пальцем блестящей поверхности: ей показалось, что это — обожжённая глина.

— Ничего здесь не трогай, ничего, — прошипела Хомили, и сё передёрнуло от отвращения. — И не дыши... разве что не сможешь удержаться.

Опустив пониже свечу, Арриэтта стала внимательно смотреть на дно трубы.

— Рыбья кость, — заметила она, — и жестяная крышечка от пузырька. И шпилька... — добавила она довольным тоном.

— Даже не смотри, — снова судорожно дёрнулась Хомили.

— Шпилька могла бы нам пригодиться, — сказала Арриэтта.

Хомили закрыла глаза.

— Хорошо, — согласилась она; она так старалась себя перебороть, что у неё перекошило лицо. — Подними её быстренько и сразу брось на дно лодки. И вытри руки о мой фартук.

— Мы можем вымыть её в реке, — напомнила Арриэтта.

Хомили кивнула, она старалась не дышать.

Поверх плеча матери Арриэтте был виден колодец водостока; сверху что-то спускалось. Это был их багаж, обернутый в брезент и надёжно привязанный к шляпной булавке. С лёгким плеском он упал на дно и закачался на жиже. Чуть погодя следом за узлами плюхнулся вниз сам Под. За ним Спиллер. Несколько секунд, и они погрузились по колено в мыльную слизь.

Спиллер снял медный прут с камня и поставил его в незаметное местечко в шахте колодца. Прежде чем спуститься, они с Подом, должно быть, передвинули поудобней решётку, когда

Спиллер ловко дёрнул верёвку, решётка тут же стала на место — они услышали глухой металлический звук, гулко разнёсшийся по всему туннелю. Хомили уставилась во тьму, словно хотела проследить его полёт.

— О боже, — вздохнула она, когда звук замер вдали, Хомили внезапно почувствовала себя в заточении.

— Ну, — бодро проговорил Под, подходя к ним сзади, и положил руку на край мыльницы, — в путь!

Глава двенадцатая

Чтобы удобнее было везти мыльницу на буксире, Спиллер смотал почти всю верёвку, оставив лишь короткий кусок. Хотя выражение «везти на буксире» не совсем точно передаёт то, что он делал. Водосток шёл под уклон, и Спиллер скорее служил якорем и использовал верёвку, чтобы тормозить движение.

— Двинулись, — сказал Под и слегка подтолкнул мыльницу.

Придерживаемые Спиллером, они заскользили вперёд по студенистой массе. Дрожащий свет свечей танцевал на сводчатом потолке и сочащихся влагой стенах. Студень, по которому они двигались, был такой густой и мыльный, что казалось — Под не тащит за собой тюки, а лишь управляет их движением. Порой даже казалось, что это они тащат его вперёд.

— Эй, вы, там! — кричал он тогда. — Тпру!

Он был в прекрасном настроении... с того самого момента, заметила Арриэтта, как спустился в водосток. У неё тоже было легко на душе: она двигалась навстречу рассвету с двумя самы-

ми дорогими для неё существами и Спиллером в придачу. Водосток не пугал Арриэтту, он вёл на свободу, прочь от пыли и тусклого света свечей, её ждала впереди жизнь, где ночью с неба будет светить луна, а днём — солнце.

Только она обернулась, чтобы посмотреть вперёд, как слева от неё показалось большое круглое отверстие, и струя промозглого воздуха чуть не загасила пламя свечи. Арриэтта быстро заслонила её ладошкой, Хомили тоже.

— Здесь подходит труба от раковины, — сказал Спиллер, — и от котла из прачечной.

Им попало по пути ещё не одно отверстие — другие трубы, которые уходили в темноту и поднимались наверх. Там, где они присоединялись к главному водостоку, высились груды самых разнообразных предметов, через которые им приходилось перетаскивать мыльницу. В таких случаях Хомили и Арриэтта выходили из лодки, чтобы её легче было тянуть. Спиллер знал все эти трубы по названиям домов, от которых они шли, знал, где именно находится каждый дом. Только теперь Арриэтта поняла, насколько широко было поле его деятельности.

— Правда, не во все дома можно попасть, — объяснил ей Спиллер. — Я не против, когда у трубы двойной поворот, но при такой трубе в дырке для стока обычно бывает медная решётка или что-нибудь в этом роде. — Один раз он сказал, кивнув на вход в круглую пещеру: — Холмкрофт, там, наверху... ничего, кроме воды от ванны, последнее время.

И действительно, эта труба из блестящего фаянса кремового цвета — Арриэтта заглянула в неё, проплывая мимо, — была гораздо чище всех прочих; после того как они её миновали, запах спитого чая в воздухе стал куда слабее.

Время от времени они натыкались на торчащие веточки ясеня или остролиста — лодка с трудом их обходила. Арриэтта заметила, что они находятся почти на равных расстояниях друг от друга.

— Хоть убей, не могу понять, как эти штуки попали в трубу, — раздражённо проговорила Хомили, когда им чуть ли не в пятый раз пришлось, держа в руках свечки, вылезать из мыльницы и стоять по лодыжки в нанесённом сюда мусоре, дожидаясь, пока Под со Спиллером повернут её в сторону, чтобы провести осторожно мимо ветки.

— Я сам их сюда заколотил, — сказал Спиллер, держа лодку, чтобы им было удобней в неё залезть.

В этом месте водосток стал круче спускаться вниз. Когда Хомили села напротив Арриэтты, мыльница вдруг рванулась вперёд, увлекая за собой Спиллера; но хотя он скользил и чуть не падал, ему каким-то чудом удавалось держаться на ногах. Внезапно они уткнулись в завал возле одного из «деревьев», поставленных Спиллером на дне трубы, и Арриэтта от неожиданности уронила свечу за борт.

— Так вот они для чего! — воскликнула Хомили, прикрывая чуть не погасшую свечу рукой, чтобы та разгорелась и Арриэтта могла зажечь от неё свою.

Но Спиллер ответил не сразу. Он протолкнул лодку мимо преграды и остановился, чтобы подождать Пода, лишь тогда он сказал:

— Может, и так.

У догнавшего их наконец Пода был усталый вид. Он запыхался и скинул куртку — она болталась у него на плечах.

— Последний отрезок пути всегда самый длинный, — сказал он.

— Может, хочешь поехать в мыльнице? — спросила Хомили. — Я выйду, а ты садись.

— Нет, мне лучше идти пешком, — сказал Под.

— Тогда дай мне куртку, — сказала Хомили.

Она сложила её аккуратно у себя на коленях и легонько погладила, словно куртка (подумала Арриэтта, глядя на мать) устала, как и Под.

И они снова пустились в путь по бесконечному коридору между уходящими вдаль круглыми стенами трубы. Вскоре Арриэтта задремала, голова её упала на колени, и она прижалась к яйцу. В последний миг, перед тем как погрузиться в сон, она почувствовала, что Хомили вынимает свечу из её разжавшихся пальцев и укрывает её отцовской курткой.

Когда Арриэтта проснулась, вокруг было всё то же: тени и блики, играющие на мокром потолке, узкое бледное лицо идущего рядом Спиллера, неуклюжая, еле видная фигура позади — отца.

Заметив недоумение в её глазах, Хомили улыбнулась.

— Забыла, где ты? — спросила она.

Арриэтта кивнула. Мать держала по свече в каждой руке, они почти догорели.

— Верно, скоро утро? — спросила Арриэтта. Она ещё не совсем проснулась.

— Вполне возможно... — сказала Хомили.

Стены скользили мимо, ничто не нарушало их однообразия, кроме возникающих через равные промежутки утолщений там, где одно колено трубы соединялось с другим. Когда они разговаривали, их голоса гулко разносились по туннелю.

— Я не вижу больше боковых труб, — сказала Арриэтта немного погодя.

Спиллер покачал головой.

— Их больше нет, Холмкрофт — последний дом...

— Но это было сто лет назад... Мы, наверно, скоро будем на месте?

— Уже подходим, — сказал Спиллер.

Арриэтта задрожала и плотнее натянула на плечи отцовскую куртку, ей показалось, что воздух стал более свежим и, как ни странно, потерял всякий запах. «Но, возможно, — подумала она, — мы просто привыкли». Было совершенно тихо, слышалось лишь слабое шуршание дна мыльницы по жиже да хлюпанье под ногами Спиллера и Пода. Но слой жижи, казалось, стал тоньше; время от времени под днищем раздавался хруст, словно лодка шла по песку.

Вдруг Спиллер остановился.

— Тихо, — сказал он.

Все застыли, но единственное, что до них доносилось, — это дыхание Пода да мелодичный перезвон капель где-то впереди.

— Пошли дальше, — неожиданно сказала Хомили, прерывая напряжённое молчание. — Свеч надолго не хватит.

— Тише! — снова воскликнул Спиллер.

И тут они услышали слабый монотонный гул, не более чем колебание воздуха.

— Что бы это могло быть? — спросила Хомили.

— Холмкрофт, что ж ещё, — сказал Спиллер. Он стоял как вкопанный, подняв одну руку, и внимательно прислушивался. — Но кто станет принимать ванну в такое время? — спросил он, оборачиваясь к Поду.

Под покачал головой.

— Уже утро, — сказал он, — наверно, шестой час.

Гул делался всё громче, всё менее ровным, больше походил на грохот водопада; он приближался всё стремительней.

— Спасайтесь! — крикнул Спиллер.

Не выпуская верёвки из рук, он развернул мыльницу и побежал по туннелю. Мыльница с шумом неслась позади. Хомили и Арриэтту кидало из стороны в сторону, от стены к стене. Казалось, они вот-вот разобьются. Но панически боясь остаться в темноте, обе они старались, чтобы свечи не потухли. Свободную руку Хомили протянула Поду, тот успел ухватиться за неё в тот самый миг, когда сзади на него налетели связанные вместе тюки и сбили его с ног. Под упал на тюк, не выпуская руки Хомили, и стремительно заскользил вслед за остальными.

— Лезьте вверх! — крикнул Спиллер из темноты, и они увидели поблёскивающие прутья, крепко вколотенные в свод туннеля.

— Бросьте пожитки! — крикнул он. — Быстреей вверх!

Каждый из них схватился за прут и, подпрыгнув, плотно прижался к своду. Брошенные свечи, оплывая, лежали в лодке; слышался рёв несущейся воды. В неровном свете свечей они увидели первые перламутровые пузыри, а следом — kloкочущую серебряную стену, надвигающуюся на них. Один миг — и их захлестнула, не давая вздохнуть, душистая тьма.

Но когда прошли первые секунды, объятая паникой Арриэтта заметила, что она снова может дышать, а прутья держатся крепко. Её залил поток горячей ароматной воды, промочив насквозь платье; он то поднимался, то спадал, то танце-

вал у самых плеч, забрызгивая лицо и волосы, то кружил у талии и щекотал ноги.

— Держись! — заорал Под, перекрывая шум воды.

— Скоро утихнет! — крикнул Спиллер.

— Ты тут, Арриэтта? — задыхаясь, позвала Хомили.

Они все были здесь, никто не захлебнулся, и прямо у них на глазах уровень воды стал падать, скорость её замедлилась. Когда погасли слабые язычки пламени, темнота уже не была такой густой, казалось, от воды поднимается серебристая дымка; поток бежал теперь далеко от них и, судя по ровному журчанию, был безобиден, как ручей.

Подождав ещё немного, они спустились вниз, погрузившись по лодыжки в тёплую воду. На фоне тёмных стен туннеля она казалась полупрозрачной.

— Вроде бы стало светлей, — удивлённо сказал Под.

Ему почудилось во мгле какое-то движение: это Спиллер бродил по воде в поисках вещей.

— Нашёл что-нибудь? — спросил Под.

— Ничего, — сказал Спиллер.

Их имущество исчезло — яйцо, крышка мыльницы и всё прочее, — унесённое водой.

— Что же нам теперь делать? — уныло спросил Под.

Но Спиллер не волновался.

— Подхватим всё позднее, — сказал он. — Ничего страшного. И тащить не надо.

Хомили потянула носом воздух.

— Сандал! — вдруг воскликнула она, обращаясь к Арриэтте. — Любимое мыло твоего отца.

Но Арриэтта, ухватившись рукой за прут, чтобы её не сбил с ног тёплый поток, покры-

вавший ей лодыжки, ничего не ответила: она глядела прямо вперёд, в уходящую под уклон трубу. Там во мраке висела бусинка света. На секунду Арриэтта подумала, что каким-то таинственным образом уцелела одна свеча, но затем увидела, каким круглым и неподвижным было светлое пятно. А вместе с запахом сандалового дерева до неё донеслись другие запахи — мяты, травы, земли...

— Утро! — объявила она, словно сама себе не веря. — Мало того, — продолжала она, глядя как зачарованная на далёкую жемчужину света, — вон конец водостока.

Глава тринадцатая

Постепенно вода от ванны перестала их согревать, и остаток пути они мёрзли. Светлый кружок впереди становился всё больше и ярче, он так сверкал, что слепил глаза.

«Взошло солнце», — решила Арриэтта. Приятная мысль, ведь они промокли до нитки; все ускорили шаг. От бурного потока осталась тонкая струйка, труба сверкала чистотой.

Арриэтте казалось, что и она прошла своего рода очищение, словно с неё самой, не говоря уж об одежде, были смыты все следы старой жизни в пыли и мраке. Хомили, видно, подумала о том же.

— Ничего лучше для стирки, чем сильная струя мыльной воды... ни тереть, ни выжимать не надо, одно осталось — повесить сушить.

Наконец они вышли наружу. Арриэтта, опередив остальных, выбежала на полоску песка, которая спускалась вниз к реке. Конец водостока прятался под крутым берегом, поросшим травой

и камышами; укромный безветренный уголок под прямыми лучами солнца — здесь всё обещало раннее лето.

— Хотя трудно сказать наверняка, — заметила Хомили, рассматривая исторгнутые из трубы остатки различных предметов. — Особенно в марте.

Они нашли свой багаж у самого выхода из водостока, там, где булавка застряла в песке. Крышка от мыльницы зацепилась боком за торчащий корень, а яйцо, как обнаружила Арриэтта, скатилось в реку; оно лежало на дне, покрытое серебристой рябью, и казалось почему-то расплюснутым. Но когда они со Спиллером вытащили его на песок, они увидели, что причиной тому было преломление света в воде, яйцо сохранило свою обычную форму, пострадала лишь скорлупа — она вся была в трещинах. Арриэтта и Спиллер вкатили яйцо на берег, туда, где Под распаковывал намокшие сверху узлы: ему не терпелось узнать, помогли ли куски брезента, в которые он их завернул. И теперь он с торжеством одну за другой вынимал вещи и клал их на тёплый песок. «Сухие, как порошок», — приговаривал он.

Хомили взяла из дому по смене белья для каждого из них. Тёплые фуфайки, хоть и чистые, были сильно поношены и растянуты; она сама их связала на штопальных иглах, когда они жили под кухней в Фирбэнке — как давно это было! Арриэтта и Хомили разделись, зайдя в трубу, но Спиллер, хотя ему и предложили взять что-нибудь из вещей Пода, не захотел менять свой наряд и ускользнул за поворот реки посмотреть, в порядке ли чайник.

Когда все переоделись и повесили мокрое платье сушиться, Хомили сняла скорлупу с вер-

хушки яйца. Под обтёр своё драгоценное лезвие бритвы, смазанное маслом, чтобы оно не заржавело, и отрезал каждому по ломтю. Они сидели на солнышке, любуясь рябью, и с аппетитом ели. Вскоре к ним присоединился Спиллер. Усевшись у самой воды, он задумчиво жевал; под горячими солнечными лучами от его мокрой одежды шёл пар.

— Где именно он стоит, твой чайник? — спросил Под.

Спиллер дёрнул головой в сторону:

— Там, за поворотом.

Под захватил с собой из дома напёрсток, и они напились свежей воды. Затем снова запаковали вещи и, оставив своё платье сушиться, пошли следом за Спиллером за излучину реки.

Перед ними возник ещё один песчаный пляж, более открытый, чем первый; чайник стоял у самого берега в дальнем конце. Он немного наклонился в сторону — так Спиллер его и нашёл, — застряв среди веток и сучьев, принесённых течением. В этом месте река делала поворот, и всё, что по ней плыло, цеплялось за выступавший углом берег. Арриэтта заметила, что течение здесь быстрое, а дно круто уходит вниз.

Над водой свисали ветви куманики, росшей на берегу возле чайника, — среди рыжевато-коричневых мёртвых листьев зеленели молоденькие листочки; некоторые из старых побегов опускались прямо в воду, и в туннеле под ними Спиллер держал свою барку.

Арриэтте хотелось первым делом посмотреть на барку, но Под стал обследовать со всех сторон чайник; с одного бока у самого дна он увидел довольно большое круглое отверстие, проеденное ржавчиной.

— Вход? — спросил Под.

Спиллер кивнул.

Под посмотрел наверх. Он заметил, что крышка закрыта неплотно, а к шишечке посредине неё привязана верёвка, перекинутая через поднятую ручку.

— Пошли внутрь, — сказал Спиллер, — я вам всё покажу.

Они вдвоём зашли в чайник, а Арриэтта и Хомили остались греться на солнце. Однако не успели они скрыться, как Спиллер снова появился у входа.

— Убирайся! Чтоб духу твоего здесь не было! — сердито крикнул он и поддал босой ногой пятнистой жёлтой лягушке.

Один прыжок, и та скатилась в воду. За ней последовали две мокрицы (когда они свернулись шариком, Спиллер поднял их с пола и выбросил наружу).

— Больше ничего нет, — заметил он, с улыбкой глядя на Хомили, и вновь исчез.

Помолчав немного, Хомили шепнула Арриэтте:
— Не очень-то мне хочется спать там этой ночью.

— Мы можем устроить генеральную уборку, — шепнула в ответ Арриэтта. — Вспомни ботинок.

Хомили грустно кивнула.

— Когда, ты думаешь, он отвезёт нас в Литл-Фордэм?

— Как только сплавает за грузом. Ему нужна полная луна, — шепнула Арриэтта.

— Почему?

— Он плавает большей частью по ночам.

— А-а... — протянула Хомили; по её растерянному лицу было видно, что она совсем сбита с толку.

Их внимание привлёк металлический звук, доносившийся с верхушки чайника; они увидели, что крышка поднимается и опускается, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Зависит от того, что вам надо... — услышали они голос Спиллера.

— Ловко придумано, — раздался в ответ второй голос; он звучал как из бочки.

— Совсем не похоже на Пода, — шепнула Хомили испуганно.

— Это потому, что он в чайнике, — объяснила Арриэтта.

— А-а... — снова протянула Хомили. — Лучше бы они вышли.

И не успела она закончить, как Под и Спиллер действительно вышли. Стоя на плоском камне, служившем Спиллеру порогом, Под выглядел на редкость довольным.

— Видела? — спросил он у Хомили.

Хомили кивнула.

— Ловко придумано, да?

Хомили снова кивнула.

— А теперь, — весело продолжал Под, — мы взглянем на барку. Какие у тебя на ногах туфли?

На Хомили были её старые туфли, сшитые Подом.

— А что, — спросила Хомили, — там очень грязно?

— Понятия не имею. Но когда садишься на корабль, можешь и поскользнуться. Лучше иди босиком, как Арриэтта...

Глава четырнадцатая

Хотя издали казалось, что барка стоит вплотную к берегу, между нею и песком была полоска холодной как лёд воды, которую им пришлось перейти вброд. Забравшись на нос, Спиллер помог им подняться на борт. Неуклюжая (как подумала Арриэтта, залезая внутрь под навес, сделанный из гетры) барка оказалась просторной и — благодаря плоскому дну — устойчивой. Это был, как и угадала Хомили, ящик для ножей, вилок и ложек: очень узкий и длинный, с отделениями разной величины.

— Его скорее можно назвать баржей, — сказал Под, разглядывая всё вокруг, он заметил посередине барки деревянную ручку, к которой была прибита гетра.

— Не даёт гетре сползти, — объяснил Спиллер, похлопывая навес над головой, — если, скажем, захочешь поднять её с боков.

Трюмные отсеки (отделения ящика) были пусты, за исключением самого узкого. В нём Под увидел вязальную спицу янтарного цвета длиной во всё судно, сложенное вчетверо обтрёпанное по краям красное одеяло, тонкий десертный нож

из чёрнёного серебра и свою собственную половинку ножниц — одно лезвие с ручкой.

— Значит, они всё ещё у тебя? — сказал он.

— Частенько идут в ход, — сказал Спиллер. — Осторожно, — добавил он, видя, что Под взял ножницы в руки. — Я их немного подточил.

— Не отказался бы получить их обратно, — проговорил Под с завистью, — если, скажем, ты когда-нибудь раздобудешь другие.

— Не так легко их найти, — сказал Спиллер и, словно желая сменить тему, тронул десертный нож. — Нашёл его здесь... застрял в щели сбоку... хорошее вышло весло.

— То, что надо, — сказал Под.

С сожалением кладя ножницы обратно, он заметил, что все щели, стыки и пазы были чем-то зашпаклёваны.

— Где ты наткнулся на этот ящик, вот мне что скажи.

— Лежал на дне, там, вверх по течению. Был полон ила, когда я его заметил. Пришлось попотеть, пока я его поднял. Неподалёку от выгона, где останавливаются цыгане, вот где он был. Скорее всего кто-то слямзил серебро, а ящик бросил в воду.

— Скорее всего так, — сказал Под. — Значит, ты его наточил? — продолжал он, глядя на лезвие ножниц.

— Верно, — сказал Спиллер и, наклонившись, поднял с полу красное одеяло. — Возьмите, — сказал он, — не то ночью замёрзнете.

— А как же ты? — спросил Под.

— Обо мне не беспокойтесь, берите.

— Ой! — воскликнула Хомили. — То самое одеяло, что было у нас в ботинке... — И тут она вдруг покраснела. — Если я не ошибаюсь.

— То самое, — подтвердил Спиллер. — Лучше возьмите его.

— Что ж, спасибо, — сказал Под и перекинул одеяло через плечо.

Он снова посмотрел кругом, он догадался, что гетра служила и для защиты от дождя и солнца, и для маскировки.

— Ты немало тут потрудился, Спиллер. Я хочу сказать... в такой барке и жить можно... хоть в ветер, хоть в дождь.

— Верно, — согласился Спиллер и принялся вытаскивать из-под гетры вязальную спицу; первой показалась шишечка на тупом конце.

— Не хочу вас торопить, — сказал он, — но... Хомили обомлела.

— Как, ты отправляешься? — запинаясь, спросила она.

— Чем скорее он уедет, тем скорее вернётся, — сказал Под. — Пошли, Хомили. Все на берег!

— Но когда же он вернётся?

— Как ты думаешь, Спиллер? Приблизительно хотя бы, — спросил Под. — Сколько тебе надо? Два дня? Три? Четыре? Неделю?

— Может быть, меньше, может быть, больше, — сказал Спиллер, — зависит от погоды. Ночи четыре, если будет луна.

— А вдруг мы все будем тогда спать? — спросила Хомили.

— Какое это имеет значение, Хомили? Спиллер постучит.

Под крепко взял её под руку.

— А теперь пошли. Все на берег... и ты тоже, Арриэтта.

В то время как Под помогал Хомили спускаться в воду, Арриэтта прыгнула с борта на берег; она заметила, что сырой песок был испещрён чьими-то крошечными следами.

Взяв друг друга под руки, они отступили на несколько шагов, чтобы посмотреть, как будет отчаливать Спиллер. Он поднял якорь и, держа в руке весло, вывел барку кормой вперёд из-под ветвей куманики. Выскользнув на открытое место, она вдруг стала невидимой, слилась с ландшафтом: её можно было принять за колечко коры или кусок дерева.

Лишь тогда, когда Спиллер отложил весло и начал отталкиваться от дна спицей, они смогли его разглядеть. Добываяки следили из-за ветвей куманики, как медленно, старательно налегая всем телом на шест, он ведёт свой корабль вверх по течению. Когда Спиллер поравнялся с ними, они выбежали из-под кустов, чтобы им было лучше видно. Держа туфли в руках, они пересекли полоску песка, где стоял чайник, и, чтобы не отставать от Спиллера, зашли за поворот и вышли на отмель у водостока. Здесь, в самом её конце, у древесного корня, уходящего глубоко в воду, они помахали ему на прощанье.

— Ах, лучше бы он не уплывал, — сказала Хомили, в то время как они брели по песку обратно ко входу в трубу, где сушилась на солнце их одежда.

Когда они подошли поближе, с верхушки яйца поднялось переливчатое облако, похожее на стаю птиц.

— Навозные мухи! — закричала Хомили, устремляясь им навстречу, но тут же, успокоившись, замедлила шаг: она увидела, что это чистые, словно отполированные речные мушки в синюю с золотом полоску. Яйцо с виду казалось нетронутым, но Хомили обдула его со всех сторон и обмахнула своим передником.

— Кто знает... — объяснила она.

Под, ворошивший всякую всячину, вынесенную водой из трубы, вытащил из кучи круглую пробку, и Хомили села.

— Да, так мы и сделаем, — пробормотал Под задумчиво.

— Как — так? — спросила лениво Арриэтта.

Из ямки, где лежала пробка, выбежал жук, и, наклонившись к нему, Арриэтта ухватила его за панцирь. Ей нравились жуки, их блестящая, чётко очерченная броня, их механические сочленения. И ей нравилось поддразнивать их, ничего не стоило удержать их за жёсткий край надкрылья, в то время как они норовили удрать.

— Когда-нибудь они тебя укусят... — пригрозила ей Хомили, складывая одежду; даже высохнув, она всё ещё чуть-чуть пахла сандалом. — Или ужалят, или ущипнут, или что там они делают — и поделом.

Арриэтта выпустила жука.

— Да они на самом деле не сердятся, — сказала она, глядя, как покрытые шипами ноги поспешно бегут вверх по склону, а из-под них сыплются песчинки.

— Вы только взгляните! Шпилька! — воскликнул Под.

Это была та самая шпилька, которую Арриэтта нашла в трубе, сверкающая после мытья.

— Знаете, что мы сделаем? — продолжал он. — То есть пока мы здесь?

— Что? — спросила Хомили.

— Станем приходить сюда каждое утро и смотреть, что вынесла из трубы вода.

— Вряд ли мы тут что-нибудь найдём, — сказала Хомили, кончая складывать бельё.

— А как насчёт золотого кольца? Не одно золотое кольцо — во всяком случае так гово-

рят — потерялось, упав в водосток... Да и от английской булавки ты тоже не откажешься.

— Лучше уж булавка, чем кольцо, — сказала Хомили, — при нашем-то образе жизни.

Они отнесли узлы за излучину и сложили у чайника. Хомили забралась на гладкий камень у входа и заглянула через дыру внутрь. Сверху, через приоткрытую крышку, лился холодный свет, пахло ржавчиной, и было очень неудобно.

— Что нам нужно успеть до захода солнца, — сказал Под, — это раздобыть хорошей, сухой травы, чтобы постелить здесь на дно. Оде-
яло у нас есть...

Он посмотрел по сторонам — как бы им забраться на склон? — и увидел неподалёку идеальное место, словно созданное для добываек: с кромки крутого берега позади них свисал пучок спутанных корней. В былые времена, выйдя из берегов, река вымыла между ними землю, и теперь они спускались вниз кистями и гроздьями, пружинистые, но надёжные. Под и Арриэтта ловко вскарабкались по ним наверх, там были кольца для рук, упоры для ног, качели, лестницы, канаты... настоящий гимнастический зал для добываек, и Арриэтта была разочарована, когда они — слишком скоро — добрались до верхнего края.

Здесь, среди бледно-зелёных копий свежей весенней травы, попадались пучки тонких, как волосы, прошлогодних травинок, выгоревших до светло-жёлтого цвета. Под косил их лезвием бритвы, а Арриэтта связывала из них копешки и бросала вниз. Хомили собирала копешки и относила к чайнику.

Когда дно чайника было устлано толстым слоем травы, Под и Арриэтта слезли со склона.

Арриэтта заглянула внутрь через дыру, теперь в чайнике пахло сеном. Солнце садилось, воздух посвежел.

— Что нам всем не повредило бы сейчас, — заметила Хомили, — это чашечка горячего чая, перед тем как лечь в постель...

Но поскольку вскипятить его было невозможно, они довольствовались тем, что вытащили яйцо. Осталось ещё больше половины, и каждый из них получил по толстому ломтю, украшенному сверху листом щавеля.

Под размотал просмоленную верёвку, завязал один конец узлом, а второй продел через середину пробки и туго затянул.

— Для чего это? — спросила Хомили, подходя к нему и вытирая руки передником (слава богу, сегодня не надо было мыть посуду; она просто отнесла скорлупки к реке и бросила их в воду).

— А ты не догадываешься? — спросил Под.

Теперь он, тяжело дыша, обрезал пробку со всех сторон и скашивал её края.

— Чтобы заткнуть дыру?

— Именно, — сказал Под. — Когда заберёмся внутрь, засунем её туда вроде затычки, закроемся наглухо.

Арриэтта снова вскарабкалась по корням наверх. Родители видели её на гребне склона. Там было более открытое место, и ветер развеивал её волосы. Вокруг неё на фоне темнеющего неба колыхались высокие травинки.

— Ей нравится жить на открытом воздухе, — нежно сказала Хомили.

— А тебе? — спросил Под.

— Ну, — ответила, помолчав, Хомили, — насекомые не в моём вкусе, Под, я их никогда не любила. Да и суровая жизнь тоже не по мне.

Но сегодня, — она посмотрела вокруг, — сегодня у меня вроде бы хорошо на душе.

— Вот это разумные слова, — продолжая орудовать лезвием бритвы, сказал Под.

— Но возможно, — продолжала Хомили, глядя на него, — я так себя чувствую благодаря этой пробке.

Где-то далеко заухала сова — глухой звук плавно и мелодично долетал к ним из полутьмы. Глаза Хомили расширились от страха.

— Арриэтта! — пронзительно позвала она. — Быстро! Скорее спускайся сюда!

В чайнике было уютно, а с закрытым входом и опущенной крышкой к тому же вполне безопасно. Опустить крышку уговорила их Хомили.

— Смотреть нам ночью не на что, — объяснила она Арриэтте и Поду, — а воздуха сюда попадёт достаточно и через носик.

Когда они проснулись на следующее утро, солнце уже поднялось, и стенки чайника сильно нагрелись. Но какая радость — поднять крышку, подтягивая постепенно верёвку, и увидеть безоблачное небо! Под выбил ногой пробку, они выбрались через дыру наружу, и перед ними снова был берег...

Завтракали они на воздухе. Яйцо понемногу уменьшалось, но оставалось ещё две трети.

— А солнечный свет — та же еда, — заметил Под.

После завтрака, взяв шляпную булавку, Под отправился к трубе посмотреть, что вынесла вода; Хомили вывесила проветрить красное одеяло, затем занялась в чайнике уборкой, а Арриэтта снова залезла по корням наверх, чтобы обследовать склон.

— Не уходи далеко, — предупредил Под, — и время от времени подавай голос. Нам не нужны сейчас никакие происшествия... по крайней мере до возвращения Спиллера.

— И после его возвращения — тоже, — вернула Хомили.

Но она казалась непривычно спокойной и умиротворённой; делать ей было нечего — только ждать, — никакой работы по дому, никакой подготовки, никаких поисков добычи, никаких планов...

«Можно в кои веки понежиться», — подумала она и устроилась поудобнее на красном одеяле под горячими лучами солнца. Под и Арриэтта решили, что она задремала, но они ошибались: Хомили строила воздушные замки. Она рисовала себе их будущий дом, с окнами и парадной дверью — настоящий семейный очаг. Иногда он виделся ей маленьким и уютным, иногда — в четыре этажа высотой. «А не поселиться ли нам в особняке?» — спросила она себя.

По какой-то непонятной причине мысль об особняке напомнила ей о Люпи: «Интересно, что она подумала, спустившись вниз из этих своих тёмных комнатёнок? Что мы растворились в воздухе... провалились сквозь землю... так это для них и выглядит». Хомили представила удивлённое лицо Люпи, громкие возгласы, предположения... И, улыбаясь про себя, она прикрыла глаза. «Они в жизни не догадаются, что мы ушли по водостоку, — подумала она. — А уж мысль о Литл-Фордэме им и в голову не придёт, для этого у них слишком бедная фантазия».

Прошло два безмятежных солнечных дня, а на третий день пошёл дождь. Уже с утра начали сгущаться тучи, и к полудню лило как из

ведра. Сперва Арриэтта, желая остаться на воздухе, укрылась среди корней под нависающей кромкой берега. Но вскоре дождь усилился, ветер кидал ей брызги в лицо, а сверху на неё текли целые потоки; корни сделались скользкими и грязными. Все трое кинулись бежать к водостоку.

— Во всяком случае, — заметила Хомили, когда они уселись, скорчившись, в начале трубы, — отсюда нам всё видно, не то что в чайнике.

Однако им пришлось отсюда уйти, когда Под услышал далеко в трубе нарастающий шум.

— Холмкрофт! — воскликнул он, прислушиваясь. — Скорей выходите... Бежим.

Но, глядя на серую пелену дождя, Хомили продолжала сидеть. Если уж им суждено промокнуть до нитки, заявила она, горячая вода приятней холодной.

Глава пятнадцатая

Они всё же ушли отсюда, и хорошо сделали: река поднялась почти до самого обрыва, который им надо было обогнуть, чтобы добраться до чайника. Песчаную кромку берега уже залило, и им пришлось разуться и идти босиком. Вода была мутная и коричневая от ила. Мелкую зыбь сменили упругие, стремительные волны, и когда добываялки бежали к чайнику, они увидели, что поток несёт огромные ветви, то скрывающиеся в глубине, то вновь взлетающие на гребнях волн.

— Спиллер не сможет плыть по такой воде... — простионала Хомили в то время, как, добравшись до чайника, они переодевались в сухую одежду.

Голос её, хотя она кричала во всё горло, был едва слышен из-за грохота дождя, барабанившего по крышке. Снизу, так близко, словно это было в подвале их дома, доносился рёв разлившейся реки. Но чайник, стоящий на каменном фундаменте и накрепко застрявший в откосе берега, казалось, был несокрушим. Носик у него глядел в подветренную сторону, крышка не пропускала внутрь ни одной капли.

— Двойной ободок, — объяснил Под. — Эти старомодные чайники сделаны как надо...

Рассчитывая на то, что скоро появится Спиллер, они съели остаток яйца. Они всё равно не наелись и горестно смотрели через входную дыру, как поток пронёс мимо них полбуханки хлеба.

Наконец совсем стемнело; они закрыли вход пробкой и приготовились ложиться.

— Во всяком случае, — сказал Под, — здесь сухо и тепло. И конечно же, скоро прояснится...

Но на следующий день по-прежнему шёл дождь. И на следующий...

— Он не сможет вернуться в такую погоду, — стонала Хомили.

— Для Спиллера нет ничего невозможного, — сказал Под. — Этот ящик — вполне надёжное судно, и навес у него крепкий. Течение здесь, под куманикой, идёт у самого берега. Вот почему он выбрал этот уголок. Помяни мои слова, Хомили, он может появиться в любой момент. Спиллер не из тех, кто пугается капли воды.

Разговор этот был в их «банановый» день. Под отправился на разведку по скользкой корке грязи под куманикой. Таща вперёд её свисающие ветки, вода ровным и сильным потоком шла через укрытие, где Спиллер держал свою барку. В ветвях застряла наполовину пустая пачка промокших насквозь сигарет, мокрый лоскут и перезревший банан.

Когда Под принялся через входную дыру протискивать его дюйм за дюймом в чайник, Хомили отчаянно завизжала. Она не поняла сперва, что это такое, а когда узнала банан, стала смеяться и плакать одновременно.

— Успокойся, Хомили, — печально глядя на неё, сказал Под, втолкнув наконец весь банан, он заглянул внутрь. — Возьми себя в руки.

Что она и сделала... почти что сразу.

— Ты должен был нас предупредить, — протестуяще сказала она, всё ещё тихонько всхлипывая и вытирая фартуком глаза.

— Я звал вас, — сказал Под, — но дождь так грохочет...

Они досыта наелись бананом — всё равно он перезрел и долго хранить его было нельзя. Под нарезал его поперёк вместе со шкуркой, чтобы удобней было держать. Дождь так барабанил по крышке, что вести беседу было трудно.

— Льёт ещё сильнее, — сказал Под.

Хомили наклонилась к нему.

— Ты не думаешь, что с ним случилась беда? — спросила она, стараясь говорить как можно громче.

Под покачал головой.

— Он вернётся, когда перестанет лить. Надо запастись терпением, — добавил он.

— Чем запастись? — крикнула Хомили, перебивая шум ливня.

— Терпением, — повторил Под.

— Я тебя не слышу...

— Терпением! — во всё горло заорал Под.

Дождь стал попадать в носик чайника. Пришлось пожертвовать одеялом. Хомили запихнула его в носик, и в чайнике вскоре стало очень душно.

— Может, и через месяц не перестанет, — проворчала Хомили.

— Что? — крикнул Под.

— И через месяц, — повторила Хомили.

— Что — через месяц?

— Дождь не перестанет! — крикнула Хомили.

Разговаривать было невозможно, и они замолчали: игра не стоила свеч. Все трое зарылись в сено и попробовали уснуть. Так как животы у них были полны, а в чайнике было тепло и душно, они вскоре задремали. Арриэтте снилось, будто она вышла в море на барке Спиллера — её слегка покачивало; сперва это нравилось Арриэтте, но затем барка стала вращаться. Она вращалась всё быстрее и быстрее, вот она превратилась в колесо, оно вертелось... вертелось... Арриэтта ухватилась за спицы, но они обернулись соломинами и сломались у неё в руках. Она ухватилась за обод, но он с разгона отбросил её. Арриэтта услышала, как чей-то голос вновь и вновь повторяет:

— Проснись, дочка, проснись...

Арриэтта открыла глаза; голова у неё кружилась, в мерцании полусвета кружилось и всё вокруг. «Утро», — догадалась Арриэтта; и кто-то вытащил из носика одеяло. У себя за спиной она разглядела отца; вид у него был странный: казалось, каким-то необъяснимым образом он приклеился к стенке чайника. Напротив она увидела мать; раскинув руки в стороны, словно фея с поднятыми крыльями, она стояла, так же плотно прижавшись к стенке. Сама Арриэтта, пытаясь подняться с пола, почувствовала, что её крепко держит какая-то таинственная сила.

— Мы на плаву, — крикнул Под, — и нас вертит!

И Арриэтта заметила, что их не только вращает, но и раскачивает из стороны в сторону.

— Мы дрейфуем, плывём по воле волн, — продолжал Под, — нас несёт вниз по течению.

— О господи! — простонала Хомили, поднимая глаза; это было единственное движение, которое она могла сделать, ведь она приклеилась к чайнику, как муха к липкой бумаге.

Но она ещё не закончила, как скорость, с какой нёсся вперёд чайник, замедлилась, он стал не так быстро кружиться, и на глазах у Арриэтты мать медленно соскользнула вниз и с хлопанием села на пропитанное водой сено.

— О господи! — снова проговорила Хомили.

Арриэтта заметила, что без труда слышит её: дождь наконец затих.

— Хочу поднять крышку, — сказал Под.

Когда чайник перестал вращаться, он, упав сперва на колени, медленно поднялся, держась за стенку, так как их всё ещё качало.

— Помоги мне, Арриэтта.

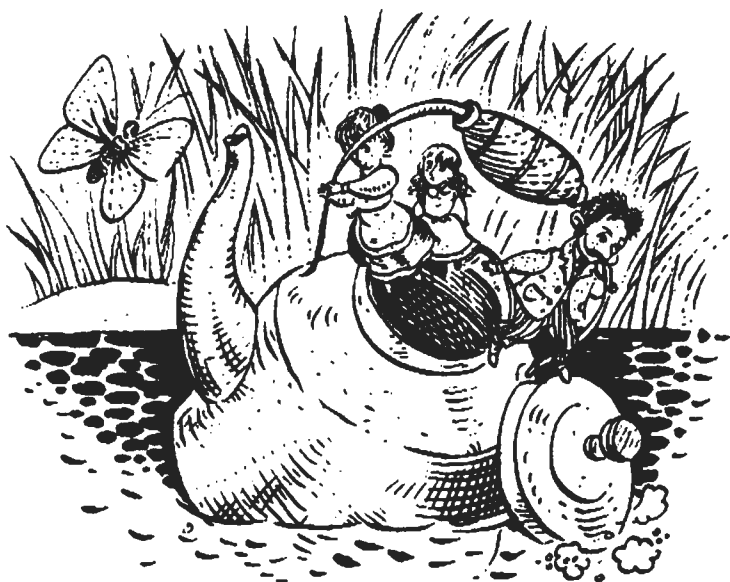
Они вместе уцепились за верёвку. Через вход, несмотря на пробку, просочилась вода, и по дну плавало мокрое сено. Ноги у них скользили, но постепенно, рывок за рывком они поднимали крышку и увидели над головой круг ярко-голубого неба.

— О господи! — не переставая, стонала Хомили, иногда добавляя: — Боже мой!

Но она помогла им собрать в кучу узлы.

— Нам надо подняться, так сказать, на палубу, — настойчиво повторял Под, — здесь, внутри, мы пропадём.

Выкарабкаться наружу оказалось нелегко. Всё было пущено в ход: верёвка от крышки, шпилька, остатки банана, узлы, — и наконец, сами не зная как, они выбрались на верх круто накренившегося чайника — навстречу жаркому солнцу и безоблачному небу. Сев на край отверстия,

Хомили изо всех сил уцепилась за ручку чайника; ноги её свисали внутрь; Арриэтта сидела рядом с ней, держась за ободок. Чтобы убрать лишний вес, Под разрезал верёвку и толкнул крышку за борт, и теперь они смотрели, как она удаляется от них.

— Зря пропадёт... — сказала Хомили.

Глава шестнадцатая

Чайник не спеша плыл вниз по течению, медленно поворачиваясь вокруг своей оси. Солнце стояло высоко в сияющем голубизной небе — было позднее, чем они думали. Вода после недавней бури казалась жёлтой и мутной и кое-где заливала берега. Справа от них лежали открытые поля, слева склон порос ивняком и возвышавшейся над ним лещиной. Трепетали

на фоне неба серёжки орешника, ровными рядами шли в воду полчища камыша.

— С минуты на минуту мы уткнёмся в берег, — с надеждой сказал Под, глядя вниз. — Одним боком или другим, — добавил он. — Чайник не может до бесконечности плыть по течению.

— Надеюсь, что нет, — сказала Хомили.

Она уже не так крепко держалась за ручки и, вопреки собственному желанию, с любопытством озиралась вокруг.

Вдруг они услышали велосипедный звонок, и через несколько секунд над кустами проплыл шлем полисмена.

— О боже! — шепнула Хомили. — Значит, там пешеходная тропа...

— Спокойно, — сказал Под.

Но, бросив быстрый взгляд на отца, Арриэтта увидела, что он тоже встревожен.

— А если бы он посмотрел в нашу сторону... — прошептала Хомили.

— Всё в порядке, — сказал Под. — Он укатил. А «если» не считается.

— А как быть со Спиллером? — продолжала Хомили.

— Со Спиллером?

— Ну да, он же теперь не найдёт нас.

— Почему не найдёт? — сказал Под. — Он увидит, что чайник исчез. Насчёт Спиллера можешь не волноваться. Нам надо одно: запастись терпением и спокойно ждать... когда мы окажемся на суше.

— А если чайник не остановится и нас пронесёт мимо Литл-Фордэма?

— Спиллер тоже проплывёт мимо него и разыщет нас.

— А если чайник остановится среди всех этих людей?

— Каких? — спросил Под устало. — Из гипса?

— Нет, среди людей, которые ходят там стадами по дорожкам.

— Право, Хомили, хватит. Что толку терзаться раньше времени.

— Раньше времени?! — воскликнула Хомили. — А когда же, по-твоему, терзаться, когда попадём в беду, да?

Она посмотрела на дно чайника, на пропитанное водой сено.

— Ещё немного, и чайник будет полон воды.

— Нет... ведь пробка разбухла, — сказал Под. — Чем она мокрей, тем плотнее закрывает дыру. Всё, что тебе надо делать, Хомили, это сидеть и крепко держаться, а когда подойдём к суше — быть готовой прыгнуть на берег.

Говоря это, Под не переставал ладить «кошку» из шляпной булавки и обвязывать куском верёвки её головку.

Всё это время Арриэтта лежала плашмя на чайнике и смотрела в воду. Она была счастлива; потрескавшаяся эмаль нагрелась от солнца, и, обхватив ручку чайника, она чувствовала себя в полной безопасности. Один раз Арриэтта различила в воде неясные очертания огромной рыбы — она шевелила еле заметными плавниками, развернувшись против течения.

Иногда им попадались небольшие леса из водорослей, где шныряли тёмные рыбёшки, а один раз мимо чайника, чуть не перед носом у Арриэтты, быстро проплыла водяная крыса; девочка закричала от восторга, словно увидела кита. Даже Хомили едва не свернула шею, глядя на крысу и восхищаясь пузырьками воздуха, которые, точно лунные камушки, поблёскивали на её влажной шкурке. Добываяки все трое встали на ноги, чтобы разглядеть, как крыса выбирается на берег и поспешно отряхивается, подняв облако брызг, прежде чем убежать в траву.

— Чудеса, да и только, — сказала Хомили. — Явление природы, — добавила она задумчиво.

И тут, подняв глаза, она увидела корову. Корова стояла неподвижно рядом со своей огромной тенью, уйдя выше бабок в пахучую грязь, и не издавала ни звука. Хомили оцепенела от ужаса, и даже Арриэтта была рада, что их разделяет полоска воды, а чайник уносит всё дальше. Она бесстрашно смотрела на корову — чего ей бояться, они были так близко к ней и в то же время так далеко, — но тут чайник неожиданно попал в водоворот, и их бросило чуть не к самому берегу.

— Не бойся! — крикнул Под, увидев, что Арриэтта отпрянула назад. — Она тебя не тронет...

— О господи! — прошептала Хомили и шевельнулась, словно намереваясь спрятаться внутрь.

Чайник накренился.

— Осторожно! — испуганно закричал Под. — Не раскачивай его!

Чайник быстро скользил по направлению к берегу. Под откинулся всем телом в сторону, уцепившись за ручку.

— Приготовься!.. — крикнул он, в то время как чайник, резко свернув, стал приближаться к кромке грязи. — Держись!

Чайник мчался прямо на корову, и она отступила на два шага. Опустила голову, помотала ею из стороны в сторону, словно в замешательстве, и затем, с шумом втянув носом воздух, снова неуклюже отступила назад.

Подгоняемый потоком чайник несколько раз ударился об истоптанный коровами берег и качался на волнах, ходя ходуном. Ухватившись одной рукой за ободок и свесившись наружу, Под оттолкнулся шляпной булавкой от камня;

чайник подпрыгнул, отскочил от берега и поплыл по течению.

— Слава тебе, господи! — воскликнула Хомили. — Слава тебе, господи... слава тебе, господи... О боже, боже мой!

Она сидела белая как мел, вцепившись в ручку чайника, и дрожала всем телом.

— Ничего бы она тебе не сделала, — сказал Под, в то время как они выплывали на середину реки, — корова-то. Нипочём не сделала.

— Могла на нас наступить, — тяжело дыша, проговорила Хомили.

— Нет, когда бы увидела нас, не наступила бы.

— Так она же нас видела! — вскричала Арриэтта, глядя назад. — Она и сейчас на нас смотрит...

У них отлегло от сердца, и, позабыв обо всём вокруг, они во все глаза уставились на корову. Никто из них не был готов к тому, что затем произошло. Глухой удар, и, потеряв равновесие, Хомили с криком летит на устланное сеном дно чайника, Под хватается за ручку, а Арриэтта цепляется за Поду. Помогая Арриэтте подняться, Под повернул голову и увидел, что чайник врезался в похожее на гнездо скопление веток и сучьев на самой середине реки. Чайник дребезжал, ударяясь о преграду, лёгкая рябь разбивалась, как настоящие волны, об облепленную водорослями шаткую массу.

— Вот теперь мы застряли, — сказал Под, — что и говорить. Ни туда ни сюда.

— Под, вытащи меня наверх... скорей, — слышали они снизу голос Хомили.

Они помогли ей вылезти наружу и показали, что случилось. Вглядываясь в глубину пёстрого вороха, Под разглядел обломок столба от ворот и клубок ржавой проволоки, в которой запутал-

ся всякий хлам, принесённый течением, — нечто вроде островка, все части которого намертво переплелись между собой.

Что толку отталкиваться шляпной булавкой? Их прибило к «острову» вплотную, и с каждым новым ударом чайник заклинивало всё сильнее.

— Могло быть и хуже, — заметила на удивление Поду и Арризте Хомили, когда она наконец отдышалась.

Она оценивающим взглядом осмотрела похожее на гнездо сооружение; некоторые прутья, выступающие из воды, уже высохли на солнце. На её взгляд, всё вместе это походило на сушу.

— Я хочу сказать, — продолжала Хомили, — здесь и ноги размять есть где. По правде говоря, мне тут, пожалуй, нравится больше, чем в чайнике... Лучше, чем плыть без конца вперёд, пока не очутишься в Индийском океане. И Спиллеру нетрудно будет нас тут найти... прямо посредине реки.

— В этом что-то есть, — согласился Под.

Посмотрев на берег, он заметил, что река здесь расширяется. На левом берегу среди низкорослого ивняка, за которым скрывался бечевник, склоняла над водой ветви высокая лещина; справа к воде сбегали по склону луга и возле истоптанного коровами выгона росла купа крепких ясеней. Два самых высоких дерева — лещина и ясень — стояли, как стражи, на обоих берегах реки. Да, Спиллер должен хорошо знать это место. Такому месту, подумал Под, человеку даже могли дать название. С двух сторон от «острова» река казалась тёмной и глубокой — вымытые течением заводи... да, это такое место, решил Под, и его пробрала дрожь, куда летом люди, возможно, приходят купаться. А затем, посмотрев вперёд, Под заметил мост.

Глава семнадцатая

Мост был небольшой, деревянный, поросший мхом, с одним поручнем, но для них в их положении даже самый скромный мостик представлял опасность: мост — это дорога для человека, с него далеко в обе стороны видна река.

Как ни странно, когда Под показал его Хомили, та не встревожилась; прикрыв глаза от солнца, она некоторое время смотрела на него.

— Никто из человеков, — сказала она наконец, — не разберёт, что тут такое на этих ветках, — слишком далеко...

— Могут и заметить, — сказал Под, — если мы будем двигаться. Застанут нас врасплох...

— Не застанут. Мы заметим их первыми. Пошли, Под, надо разгрузить чайник и положить вещи на просушку.

Они спустились вниз и, переложив балласт, сумели сильно наклонить чайник набок. Когда наклон оказался достаточным, Под взял верёвку и привязал ручку к проволоке под водой. Теперь чайник не мог сдвинуться с места, и им было легко залезать в него через верхнее отверстие. Скоро все их пожитки уже лежали на солнце, а сами добывайки, усевшись рядком на обсохшей ветке ольхи, с аппетитом ели банан.

— Могло быть во много раз хуже, — проговорила Хомили с набитым ртом, озираясь по сторонам.

Она была рада тишине и неподвижности. Правда, внизу между переплетёнными ветками поблёскивала тёмная вода, но она казалась такой спокойной, до неё было так далеко, что о ней можно было забыть.

Поев, Арриэтта спустилась к самой кромке «острова», туда, где играла мелкая рябь, и, сняв чулки и туфли, свесила вниз ноги.

Ей казалось, что вокруг звучат приглушённые голоса, без умолку, без остановки слышится несвязный лепет, рокот, ропот, журчанье, бормотанье — невнятный, таинственный говор реки... Вскоре Арриэтта перестала прислушиваться, как, бывало, переставала слушать мать, когда та без конца рассказывала ей одно и то же. Однако шум реки по-прежнему стоял в её ушах, и ей подумалось, что он заглушает все остальные звуки. Под его покровом на «остров» может незаметно влезть кто угодно и неожиданно на них напасть. И тут до её сознания дошло, что попасть к ним можно только по воде. В тот же миг на веточку рядом с ней опустилась синица. Склонив на сторону голову, она уставилась на банановую кожуру, оставшуюся от ломтя банана, съеденного Арриэттой на завтрак. Арриэтта подняла её и кинула в синицу — та тут же улетела.

А Арриэтта вновь забралась наверх. Время от времени она слезала с верхних сухих веток на мокрые пониже. В причудливых пустотах между ними, то освещённых солнцем, то тонущих в тени, было за что ухватиться руками и куда поставить ногу. Над ней на фоне ясного неба перекрещивались сучья и ветки. Один раз Арриэтта спустилась внутрь, к тёмной воде, и, пренебрегая опасностью, склонилась над ней, всматриваясь в своё отражение, которое глядело на неё из глубины. Она нашла улитку, прилепившуюся к листу, опустила одну ногу в воду, распугала головастика — многочисленное лягушачье потомство. Арриэтта попыталась вытащить водоросль, но скользкий стебель не поддавался её усилиям — слегка растянувшись, как кусок эластичной резины, он неожиданно вырвался из рук.

— Ты где, Арриэтта? — позвала сверху Хомили. — Вылезай оттуда, там сыро...

Но Арриэтта будто не слышала. Она нашла куриное перо, пучок овечьей шерсти и половинку мяча для пинг-понга, всё ещё пахнувшего целлулоидом. Наконец Арриэтта вышла наружу, чтобы похвастаться своей добычей. Родители не поверили своим глазам. Хомили тут же сделала из овечьей шерсти подушку, засунула её в половинку мяча и села на неё.

— Очень удобно, — сказала она, слегка покачиваясь.

Один раз на мосту показались человеки — два деревенских мальчика лет девяти-десяти. Они дурачились, хохотали, лазали по перилам и бросали в реку камни. Когда мальчики повисли на перилах, чтобы посмотреть, как плывут по течению кинутые ими ветки, добывайки замерли, вперив взгляд в их спины.

— Хорошо, что мы с этой стороны моста, — пробормотал Под, не разжимая губ.

Солнце садилось, река сверкала, как жидкое золото. Арриэтта прищурилась — от блеска было больно глазам.

— Даже если они увидели нас, — шепнула она, не сводя взора с моста, — им сюда не добраться, тут для них слишком глубоко.

— Возможно, — сказал Под, — но пойдут разговоры...

Наконец мальчики ушли. Однако добывайки по-прежнему не шевелились, они вглядывались в кусты, стараясь расслышать сквозь шум реки, не доносятся ли с тропинки за ними человеческие голоса.

— Думаю, они пошли напрямик через поле, — сказал Под. — Ну-ка, Арриэтта, помоги мне управиться с брезентом.

До того как на мосту появились мальчишки, Под устраивал убежище на ночь в продолговатой выемке, где уложены были рядом четыре ветки, кусок плаща, затем их сухая одежда, комок овечьей шерсти вместо подушки, красное одеяло и поверх всего — ещё один кусок брезента. Прекрасная защита от дождя, и росы, и от чужих глаз на берегу — уютное, тёплое гнёздышко.

Высокая вода начала спадать, и «остров», казалось, поднимался всё выше. Взору открылись невидимые раньше глубины; внутри мотка ржавой проволоки они обнаружили разбухший от воды башмак.

— Нет, тут пожить нечем, — сказал Под, поразмыслив. — Разве что шнурками...

Хомили тоже присоединилась к ним и теперь с любопытством оглядывалась кругом. Ей пришлось призвать всю свою смелость, чтобы спуститься в такую глубь, она не знала, куда ей ступить. Некоторые ветки сгнили и рассыпались от прикосновения, другие, которые заклинило не так крепко, уходили у неё из-под ног, всё сооружение дрожало, то тут, то там что-то рушилось в воду. Всё это напоминало гигантскую гору бирюлек, когда игроки пытаются её разобрать. Хомили вдруг осознала, что их «остров» не разваливается окончательно на составные части лишь потому, что каждый листик, прутик, пучок водорослей переплетён с другими. И всё же по пути наверх она отщипнула молодой побег боярышника, на котором заметила почки.

— Будет нам на ужин вроде бы салат, — объяснила она Арриэте. — Нельзя же до скончания века питаться только яйцом и бананом.

Глава восемнадцатая

Ужинали они на той стороне «острова», которая была против течения; у самых их ног плескались мелкие волны. Вода больше не доставала до лежавшего на боку, крепко привязанного чайника; уровень реки быстро падал, поднятая со дна муть оседала.

Их ужин — последний кусочек липкого банана — нельзя было назвать сытным. Добывайки по-прежнему были голодны, даже когда прикончили почки боярышника и запили их холодной водой. Они мечтательно вспоминали о Спиллере и его барке, доверху гружённой добычей.

— А что, если мы его прозеваем? — спросила Хомили. — Вдруг он проплывёт здесь ночью?

— Я сегодня не лягу, — сказал Под.

— О, Под, — воскликнула Хомили, — но тебе требуется восемь часов сна!

— Не этой ночью, — возразил Под, — и не завтрашней. Нам нельзя спать, пока стоит полная луна.

— Но мы можем дежурить по очереди, — сказала Хомили.

— Сегодня караулить буду я, — сказал Под, — а там посмотрим.

Хомили не ответила — она не сводила глаз с воды. Вечер был сказочный: взошла луна, однако яркие краски дня, хотя и приглушились, ещё не совсем погасли, всё вокруг, казалось, светится изнутри.

— Что это? — вдруг сказала Хомили, вглядываясь в воду. — Что-то розовое...

Под и Арриэтта посмотрели вниз. Под самой поверхностью воды что-то извивалось, стоя против течения.

— Червяк, — сказала Арриэтта.

Хомили задумчиво воззрилась на него.

— Ты был прав, Под, — немного помедлив, сказала она, — я переменялась...

— В каком смысле? — спросил Под.

— Глядя на этого червяка, — продолжала Хомили, — я подумала... — Она умолкла на мгновение. — Ну, я подумала... пожалуй, я бы его съела... Конечно, если его отскрести и отмыть добела, чтобы он был чистый, как стёклышко.

— Что, сырым? — воскликнул Под.

— Нет, естественно, тушёного, — сердито ответила Хомили, — с диким чесноком.

Она снова посмотрела вниз.

— За что он зацепился?

Под наклонился вперёд.

— Мне плохо видно...

Неожиданно на лице его отразился испуг, напряжённо-внимательный взгляд устремился по невидимой кривой к поросшему кустами берегу.

— В чём дело, Под? — спросила Хомили.

Он медленно поднял глаза — в них застыл ужас.

— Кто-то удит, — чуть слышно шепнул он.

— Где? — так же тихо спросила Хомили.

Под кивнул на ивняк.

— Там, под кустами...

Только тут, посмотрев наконец наверх, Хомили увидела леску. Арриэтта тоже. Тонкая, как волос, леска спускалась прямо к ним, лишь местами проступая на фоне воды. Вот она пропала из виду, слившись с кустами, но добываянки представляли, куда она ведёт.

— Ничего не вижу, — шепнула Хомили.

— Само собой, нет, — оборвал её Под, — не забывай, у рыб есть глаза, как и у нас с тобой...

— Ну, не в точности как у нас с тобой, — запротестовала Хомили.

— Когда удишь рыбу, — продолжал Под, — нельзя показываться.

— В особенности если ты браконьер, — встала Арриэтта.

«Почему мы шепчемся? — подумала она. — Река всё равно заглушает наши голоса».

— Правильно, девочка, — сказал Под, — в особенности если бы браконьер. А он и есть браконьер, по-моему.

— Что такое браконьер? — шепнула Хомили.

Под поднял руку, прося её быть потише.

— Тсс... — А затем добавил: — Это что-то вроде человека-добывайки.

— Человека-добывайки? — в недоумении повторила Хомили — одно противоречило другому.

— Тише, Хомили, — умоляюще произнёс Под.

— Он нас не услышит, — сказала Арриэтта, — оттуда, с берега. Ой! — воскликнула она. — Глядите — червяк исчез.

Червяк действительно исчез — вместе с леской.

— Погодите минутку, — сказал Под, — он сейчас снова её забросит. Увидите сами.

Всматриваясь в полумрак, они разглядели на воде леску, а чуть поглубже — розовое пятно: это несло мимо них червяка. В том же месте, что и раньше, у самых их ног, червяк остановился — леска удерживала его против течения. Внизу, у подножия «острова», вихрем мелькнула какая-то тень, поворот, рывок — и от червяка осталась одна четверть.

— Рыба? — шепнула Арриэтта.

Под кивнул.

Хомили наклонилась вперёд: рыбная ловля захватила её целиком.

— Погляди, Арриэтта, теперь уже и крючок виден.

Арриэтта не успела его рассмотреть — крючок почти что сразу исчез.

— Он почувствовал рывок, — сказал Под, имея в виду рыболова, — и думает, что у него клюнуло.

— Но у него на самом деле клюнуло, — сказала Арриэтта.

— Да, клюнуло, но рыба-то ушла... Смотрите, снова закидывает...

Появился новый червяк, более тёмного цвета. Хомили передёрнуло.

— Вот этот мне совсем не нравится, как бы его ни приготовить.

— Спокойно, Хомили, — сказал Под.

— Знаете что! — воскликнула Хомили. — Знаете, что можно было бы сделать... если бы у нас был огонь? Мы могли бы снять рыбу с крючка, и сварить её, и съесть.

— В том случае, если бы рыба была на крючке, — заметил Под, глядя на кусты.

Внезапно он пригнулся и с громким криком прыгнул в сторону, закрыв лицо руками.

— Берегись! — заорал он, как безумный.

Но было поздно: крючок вместе с червяком вонзился в юбку Хомили. Под и Арриэтта кинулись к ней и схватили с обеих сторон, чтобы её не утащило; дикие вопли Хомили разносились по всей реке.

— Расстегни юбку, Хомили! Скинь её! Быстрей!

Но Хомили не могла... или не желала это сделать. Возможно, причина крылась в том, что её нижняя юбка была короткая и красная — в прошлом юбка Арриэтты, — и Хомили боялась, что будет иметь не очень приличный вид, а возможно, она просто потеряла голову от страха. Она вцепилась в Поду, а когда её вырвало

из его рук, ухватилась за Арриэтту. И пока её тащило к воде, цеплялась за все ветки и прутья по пути.

Когда леска на миг ослабла, они вытащили Хомили из воды, и Арриэтта попыталась растегнуть янтарную бусинку, служившую пуговицей для юбки. Затем леска снова натянулась. Крепко обхватив Хомили за плечи, Под уголком глаза увидел, что рыбак поднялся на ноги.

Он стоял на самой кромке берега — здесь ему было легче закидывать удочку; резкий взмах, и Хомили, вопя во всё горло, взлетает вверх тормашками в воздух, Под и Арриэтта, вцепившись в неё с двух сторон, вместе с ней. Но тут янтарная пуговка отскочила, юбка вместе с червяком исчезла, а добывайки свалились в одну кучу обратно на «остров». Под их тяжестью ветки чуть прогнулись и, спружинив, вновь распрямились, смягчив удар от падения.

— Мы были на волосок от гибели, — сказал, тяжело дыша, Под, вытаскивая ногу, застрявшую между ветками.

Арриэтта, упавшая на спину, так и продолжала лежать, она не пострадала, только перепугалась. Хомили, скрестив на груди руки, поглаживала плечи; на щеке у неё краснела царапина, из нижней юбки был вырван неровный клоч.

— Как ты себя чувствуешь, Хомили? Всё в порядке?

Хомили кивнула, узел волос на затылке медленно раскрутился, и она машинально стала нащупывать шпильки. Бледная, дрожащая, она не сводила глаз с берега.

— А ветки выдержали, — сказал Под, рассматривая расцарапанную голень, и слегка покачал ногой. — Перелома нет, — сказал он.

Хомили будто и не слышала, она сидела и как зачарованная в упор смотрела на рыболова.

— Это Кривой Глаз, — наконец мрачно сообщила она.

Под быстро обернулся и прищурил глаза. Ариэтта встала, чтобы лучше видеть. Кривой Глаз,

цыган... да, эту похожую на гориллу фигуру, на-
супленные брови, копну седеющих волос нельзя
было не узнать.

— Мы пропали, — прошептала Хомили.

Несколько мгновений Под молчал.

— Сюда ему не добраться, — сказал он, —
мы на самой середине реки, здесь глубоко
и с той стороны от нас, и с этой.

— Он может дотянуться рукой с мелкого ме-
ста, — сказала Хомили.

— Сомневаюсь, что ему это удастся.

— Он нас знает, и он нас видел, — сказала
Хомили тем же бесцветным голосом. Она преры-
висто выдохнула. — И, помани моё слово, он не
намерен снова нас упустить.

Наступила тишина, лишь река лепетала что-то
своё. Говорливое журчанье, непрерывное, ровное,
вдруг показалось им враждебным и жестоким.

— Почему он не двигается? — спросила Ар-
риэтта.

— Размышляет, — сказала Хомили.

Немного погодя Арриэтта снова робко спросила:

— О том, сколько он будет брать за показ
и всякое такое, когда посадит нас в клетку?

— О том, как поступить сейчас, — сказала
Хомили.

Несколько секунд все трое молча следили за
Кривым Глазом.

— Смотрите, — сказала Арриэтта.

— Что ещё он задумал? — спросил Под.

— Он снимает с крючка мамину юбку.

— И червяка тоже, — сказал Под. — Осто-
рожней! — вскричал он в то время, как рука
рыболова взлетела вверх.

«Остров» внезапно дёрнулся и резко закачался
из стороны в сторону.

— Он закидывает сюда крючок! — крикнул Под. — Хочет нас поймать. Нам лучше укрыться внутри.

— Нет, — сказала Хомили, когда их перестало качать; она смотрела, как ветка, выдернутая крючком, сносится вниз течением. — Если ему удастся растащить по частям эту кучу, безопаснее быть наверху. Пойдём лучше в чайник...

Но не успела она закончить, как вновь заброшенный крючок впился в пробку, затыкавшую вход. Чайник, привязанный к веткам и прутьям, какое-то время сопротивлялся тянувшей его уде, но ветки стали уходить из-под ног добываек, и они в панике прижались один к другому. Затем пробка вылетела и ускакала на конце танцующей лески. «Остров» снова качнуло; расцепив руки и отойдя друг от друга, они с ужасом слышали, как в чайник, булькая, льётся вода.

В четвёртый раз крючок попал в ту ветку, на которой они стояли. Они видели, что крючок крепко вонзился в дерево, видели, как дрожит леска, натянутая, как струна. Под подошёл поближе и, откинувшись назад всем телом, попытался ослабить её напряжение. Но всё было напрасно — леска оставалась такой же тугой, а крючок так же прочно сидел в древесине.

— Разрежь леску, — раздался голос, перекрывая треск и скрежет. — Разрежь её... — снова прозвучал тот же голос, на этот раз почти не слышный; казалось, это просто журчит река.

— Так, дай мне лезвие бритвы, — еле переводя дух, сказал Под, и Арриэтта, кинувшись за ним со всех ног, тут же принесла его. Послышался звенящий звук, и рассечённая леска взлетела в воздух; добываики низко пригнулись.

— Ну почему я сам, — воскликнул Под, — не подумал об этом первым делом?

Он взглянул на берег. Кривой Глаз сматывал леску; лёгкая, без крючка, она летела, подгоняемая ветром.

— Он не очень-то доволен, — сказала Хомили.

— Да, — согласился Под, садясь с ней рядом. — И не удивительно.

— Не думаю, чтобы у него был ещё один крючок, — сказала Хомили.

Они смотрели, как цыган разглядывает конец лески, встретили его злобный взгляд, когда, сердито подняв голову, он пристально всматривался в их «остров».

— Очко в нашу пользу, — сказал Под.

Глава девятнадцатая

Добывайки устроились поудобнее на прутьях — им предстояла бессонная ночь. Хомили сунула руку за спину, туда, где лежали постельные принадлежности, и вытащила красное одеяло.

— Глянь-ка, Под, — сказала она, укутывая одеялом колени, — он что-то ещё придумал. Интересно — что?

Они пристально смотрели, как Кривой Глаз, взяв в руку удочку, двинулся к кустам.

— Вряд ли он решил отступить, как потвоему? — добавила она, когда Кривой Глаз исчез из виду.

— На это надеяться нечего, — сказал Под. — Ведь он видел нас и знает, что мы здесь, — надо только до нас добраться.

— Здесь ему нас не поймать, — сказала Хомили, — мы же на самой глубине. А скоро совсем стемнеет.

Как это ни странно, она казалась спокойной.

— Пожалуй, — сказал Под, — хотя взгляни — луна поднимается всё выше. А утром мы

всё ещё будем здесь. — Он взял в руки бритву. — Придётся избавиться от чайника: только лишний вес.

Он перерезал верёвку, и чайник медленно пошёл на дно. Печальное это было зрелище.

— Бедный Спиллер, — сказала Арриэтта, — по-моему, он любил этот чайник...

— Что ж, он сослужил нам хорошую службу, — сказал Под.

— Давайте сделаем плот, — вдруг предложила Хомили.

Под взглянул на прутья и ветки вокруг, на верёвку у себя в руках.

— Почему бы и нет? — сказал он. — Но это займёт немало времени. А когда он торчит тут поблизости... — Под кивнул в сторону ивняка. — Нет, не стоит, здесь не опаснее, чем в любом другом месте.

— Здесь даже лучше, — сказала Арриэтта, — здесь нас легче увидеть.

Хомили обернулась и удивлённо посмотрела на неё.

— Зачем нам, чтобы нас увидели? — спросила она.

— Я думаю про Спиллера, — сказала Арриэтта. — При такой луне и при такой погоде он вполне может появиться этой ночью.

— Скорее всего так, — подтвердил Под.

— О боже, — вздохнула Хомили, плотнее натягивая на себя одеяло, — что он может подумывать? Я хочу сказать, когда встретит меня в таком виде — в Арриэттиной нижней юбке?

— Прекрасная юбка, особенно цвет, — сказал Под, — сразу кинется ему в глаза.

— Прекрасная? Она села и стала короткая. Да ещё эта дыра на боку, — горестно проговорила Хомили.

— Но красной-то она осталась, — сказал Под, — хороший ориентир. И я теперь жалею, что мы потопили чайник. Спиллер сразу бы его приметил. Но что толковать, слезами горю не поможешь.

— Смотрите, — шепнула Арриэтта, глядя на берег.

Там стоял Кривой Глаз. Казалось, он стоит совсем рядом. Он прошёл вниз по реке по бечевнику и снова вышел на берег у лещины. В ярком свете луны они ясно видели его горевший яростью единственный глаз, видели стыки на его удочке, прищепки для белья и моток верёвки в корзине, висевшей у него на сгибе локтя. Они были прямо у него под боком. Будь между ними суша, четыре шага — и они оказались бы в его руках.

— О боже, — бормотала Хомили, — что же теперь?

Прислонив удочку к лещине, Кривой Глаз поставил корзинку на землю и вынул оттуда две крупные рыбы, связанные вместе за жабры. Затем тщательно завернул рыбу в листья щавеля.

— Радужная форель, — сказала Арриэтта.

— Откуда ты знаешь? — спросила Хомили.

Арриэтта заморгала.

— Знаю, и всё, — сказала она.

— Том — вот от кого она это знает, — сказал Под. — Скорее всего так. Ведь его дед — лесник. И про браконьеров от него, да, Арриэтта?

Арриэтта не отвечала, она внимательно следила, как Кривой Глаз прячет рыбу в корзину. Он старательно уложил её на самое дно под прищепки для белья, а сверху прикрыл двумя мотками верёвки.

Арриэтта рассмеялась.

— Будто, — презрительно шепнула она, — они не перевероят всю его корзинку.

— Тихо, Арриэтта, — сказала Хомили, не отрывая взора от Кривого Глаза; тот, глядя на них в упор, подошёл к самой воде. — Смейся тот, кто смеётся последним...

На берегу Кривой Глаз уселся и, не выпуская добываек из виду, принялся расшнуровывать ботинки.

— Ах, Под, — вдруг закричала Хомили, — видишь эти ботинки? Это те самые, да? Подумать только, что мы жили в одном из них! В котором, Под? В правом или в левом?

— В том, на котором заплата, — сказал Под, насторожённо смотря на Кривого Глаза. — Нет, — задумчиво прибавил он, — у него ничего не выйдет. Сюда ему вброд не подойти.

— Подумать только, что на нём ботинок, который ты чинил, Под!

— Спокойно, Хомили, — умоляюще сказал Под.

Кривой Глаз уже разулся и теперь закатывал штанины.

— Приготовьтесь к отходу.

— А я уже было полюбила этот ботинок! — еле слышно воскликнула Хомили.

Она как зачарованная смотрела на ботинки, аккуратно поставленные на траву.

Уцепившись за склонённую к воде ветку лещины, Кривой Глаз вступил в воду. Она дошла ему всего до лодыжек.

— О господи, — шепнула Хомили, — здесь мелко. Лучше отойдём подальше...

— Погоди, — сказал Под.

Ещё шаг, и вода покрыла Кривому Глазу колени, замочив подвёрнутые штаны. Он растерянно остановился, всё ещё держась за ветку.

— Спорю, что вода холоднющая, — шепнула Арриэтта.

Кривой Глаз прикинул расстояние до «острова», затем, обернувшись, посмотрел на берег. Перехватив рукой ветку, он шагнул вперёд и очутился в воде по самые бёдра. Добывайки видели, как он вздрогнул от холода и взглянул на ветку над головой. Она уже сильно опустилась; двигаться дальше было небезопасно. Затем его свободная рука протянулась к ним, и он стал наклоняться вперёд...

— О боже, — застонала Хомили, когда смуглое лицо нависло над ней. Жадно вытянутые пальцы неотвратимо приближались. Ещё немного и...

— Не бойтесь, — сказал Под.

Казалось, цыган его услышал. Чёрный зрячий глаз слегка расширился, кривой безучастно смотрел в сторону. Река тихо струилась вперёд, штаны Кривого Глаза намокали всё больше. До них долетело его тяжёлое дыхание.

Под откашлялся.

— Тебе сюда не добраться, — проговорил он.

И снова зрачок цыгана расширился, челюсть отвисла. Но сказать он ничего не сказал, лишь дышать стал ещё глубже и снова посмотрел на берег. Затем стал неуклюже пятиться назад, цепляясь за ветку и нащупывая, куда поставить ногу на топком дне. Под его тяжестью ветка угрожающе скрипела, и, выйдя на мелкое место, он тут же её отпустил и пошлёпал по воде к берегу. Там, мокрый до пояса, он остановился, тяжело дыша и угрюмо глядя на добываек. Лицо его ничего не выражало. Но вот он сел на землю и, по-прежнему не сводя с них глаз, трясущимися руками свернул себе сигарету.

Глава двадцатая

— Я вам говорил, что у него ничего не выйдет, — сказал Под, — ему до нас ещё шага два было, не меньше...

Он похлопал Хомили по руке.

— Нам всего-то и надо — продержаться до полной темноты. А там Спиллер нас заберёт.

Они сидели рядом на одной ветке лицом к верховью реки. Чтобы видеть Кривого Глаза, им надо было слегка повернуться налево.

— Посмотри на него, — шепнула Хомили, — он всё ещё размышляет.

— Пусть, — сказал Под.

— А вдруг Спиллер приплывёт прямо сейчас? — сказала Арриэтта, с надеждой обшаривая глазами водную гладь.

— Сейчас Спиллеру ничего не удастся сделать, — сказал Под, — у него под носом. Даже если Спиллер сейчас приплывёт... он увидит, что с нами всё в порядке, и спрячется где-нибудь поблизости, пока не стемнеет. А потом подведёт барку с той, противоположной, стороны и возьмёт всех нас на борт. Уверен, что именно так он и сделает.

— Пока не стемнеет? Какая темнота при полнолунии? — запротестовала Арриэтта.

— Полнолуние или нет, — сказал Под, — Кривой Глаз не будет сидеть здесь всю ночь. Он скоро проголодается. Притом он думает, что мы, так сказать, связаны по рукам и ногам, и он вполне может оставить нас тут до утра. А когда рассветёт, он снова сюда заявится со всем снаряжением.

— А что это за снаряжение? — тревожно спросила Хомили.

— Я надеюсь, — сказал Под, — что утром нас здесь не будет и нам не придётся это узнать.

— Откуда ему известно, что мы не умеем плавать? — спросила Арриэтта.

— Оттуда же, откуда нам известно это про него; если бы умел, приплыл бы сюда. То же самое относится к нам.

— Глядите, — сказала Арриэтта, — он снова поднялся... достаёт что-то из корзинки!

Они напряжённо смотрели, как Кривой Глаз, не выпуская изо рта сигареты, принялся нащупывать что-то среди прищепок.

— О боже! — сказала Хомили. — Видите, что он делает? Он вытащил моток верёвки. Мне это не нравится, Под. Сдаётся мне, — она судорожно вздохнула, — что это и есть снаряжение.

— Сиди спокойно и ничего не упускай из виду, — сказал Под.

Кривой Глаз осторожно отмотал часть верёвки, затем, взяв в руку её конец, стал всматриваться в ствол дерева.

— Я знаю, что он собирается делать, — прошептала Хомили.

— Спокойно, Хомили... мы всё знаем. Но, — Под прищурился, пристально глядя, как Кривой Глаз привязывает верёвку к одной из верхних ветвей, — но я не совсем понимаю, что это ему даст...

Спустившись с узловатого корня на землю, Кривой Глаз изо всех сил дёрнул верёвку, проверяя, крепкий ли узел. Затем, повернувшись к ним лицом, поглядел на другой берег. Добываяки обернулись, чтобы увидеть, на что он смотрит.

— Он хочет перебросить верёвку на ту сторону, — выдохнула Хомили и инстинктивно при-

гнулась, когда моток, пролетев у них над головой, упал на противоположном берегу.

Свободная часть верёвки, чуть не задев их «остров», протянулась по воде.

— Хорошо бы нам её подцепить, — сказала Хомили, но не успела она закончить, как течение отнесло верёвку прочь. Сам клубок, видно, зацепился за колючки куманики, росшей у подножия ольхи.

Кривой Глаз куда-то исчез. Наконец они снова его увидели — в конце бечевника, почти у самого моста.

— Не представляю, что он задумал, — сказала Хомили, в то время как Кривой Глаз, по-прежнему босой, бежал по мосту. — Зачем ему было бросать туда верёвку? Что он станет делать — ходить по канату или что?

— Не совсем, — сказал Под, — скорее наоборот, под канатом, он ладит что-то вроде моста над головой — двигаешься вперёд, перебирая руками. Я сам так один раз перелезал с кресла на столик.

— Ну для этого нужны обе руки! — воскликнула Хомили. — Я хочу сказать, ему трудно будет схватить нас по пути. Разве что ногой.

— И ему вовсе ни к чему переправляться на другую сторону, — устало объяснил ей Под. — Ему только надо за что-то держаться, за такое, что длиннее, чем ветка лещины, и достаточно прочно. Чтобы было легче сюда подойти и безопасней нагнуться... ведь он был очень близко от нас в прошлый раз. Помнишь?

— Да... — тревожно сказала Хомили, глядя, как Кривой Глаз с трудом пробирается по левому берегу к ясеню. — На этом поле одна стерня, — злорадно добавила она, помолчав.

Верёвка взлетела в воздух, окропив их брызгами, когда Кривой Глаз подтащил её и привязал к дереву. Она дрожала у них над головой, роняя редкие капли, — туго натянутая, прямая и на вид очень крепкая.

— Выдержит двоих таких, как он, — сказал Под.

— О господи! — прошептала Хомили.

Они не сводили взгляда с ясеня: конец верёвки свисал вдоль ствола до земли, всё ещё слегка покачиваясь.

— Знает, как завязать узел... — заметила Хомили.

— Да, — кивнул Под с ещё более мрачным видом. — В два счёта его не развяжешь.

Обратно Кривой Глаз шёл вразвалку. Остановился на мосту и посмотрел на реку, словно хотел полюбоваться своей работой. Он не спешил, так он был уверен в себе.

— Ему видно нас оттуда? — спросила Хомили, прищуриваясь.

— Сомневаюсь, — сказал Под. — Нет, если мы не шевельнёмся. Разве заметит твою юбку...

— Впрочем, это уже неважно, — сказала Хомили.

— Да, теперь неважно, — согласился Под. — Пошли, — добавил он, в то время как Кривой Глаз спустился с моста и двинулся в их сторону по бечевнику за кустами. — Я думаю, нам лучше перейти на тот край «острова» и порознь сесть верхом на хороший, крепкий прут, такой, чтобы можно было на нём удержаться. Неважно, получится у него что-нибудь или нет, мы, все трое, должны не терять головы и положиться на счастливый случай. Ничего другого нам не остаётся.

Каждый из них выбрал себе прут — крепкий и лёгкий, чтобы он держался на плаву, с отростками, за которые можно было уцепиться. Под помог Хомили взобраться; она так отчаянно дрожала, что с трудом удерживала равновесие.

— О, Под, — простонала она, — я сама не своя, сидя тут одна-одинёшенька. Лучше бы мы сели все вместе.

— Мы будем рядом, — успокаивал её Под. — А Кривой Глаз, может, и не сумеет близко к нам подобраться. Ты, главное, ухватись покрепче и, что бы ни случилось, не разжимай рук. Даже если попадёшь в воду.

Арриэтта сидела на своём пруте как на велосипеде: там были две выемки для ног и сучки, чтобы взяться руками. Как ни удивительно, она совсем не волновалась. Она чувствовала, что, если её прут и оторвётся от «острова», она всё равно не утонет — будет держаться руками и бить ногами, как вёслами.

— Ты же видела, — объяснила она матери, — как плавают водяные жуки...

Но Хомили, куда больше, чем Под или Арриэтта, похожая на водяного жука, была безутешна.

Под уселся на узловатую ветку бузины.

— И двигайся к тому берегу, — сказал он, кивая головой на ясень, — если вообще сможешь куда-нибудь двигаться. Видишь конец верёвки, который там болтается? Можно будет за него ухватиться. Или за куманику, там, где ветки спускаются в воду... Зависит от того, где ты окажешься...

Они были так высоко, что Хомили могла со своего «насеста» позади прутьев и веток следить за Кривым Глазом.

— Двинулся, — зловеще сказала она.

Её глухой, ничего не выражающий голос звучал спокойно, но это было спокойствие отчаяния.

На этот раз Кривой Глаз обеими руками взялся за верёвку и более смело спустился с берега вниз. Два осторожных шага, и он уже стоял по бёдра в воде; тут он приостановился.

— Ещё один шаг, и всё, — сказал Под.

Кривой Глаз убрал правую руку с верёвки и, наклонившись вперёд, протянул её к ним. Пальцы его слегка шевелились — он старался рассчитать расстояние. Натянутая прежде верёвка под его тяжестью провисла, зашелестели листья лещины. Кривой Глаз снова оглянулся назад, как и в первый раз, дерево казалось гибким и крепким, и это, видимо, ободрило его, но с того места, где они находились, добывайки не могли рассмотреть выражение его лица, так как становилось всё темней. Где-то во мгле печально замычала корова, затем послышался велосипедный звонок. Ах, если бы наконец приплыл Спиллер...

Скользнув вперёд пальцами по верёвке, Кривой Глаз сомкнул их крепкой хваткой и, стараясь не потерять равновесия, сделал ещё один шаг. По-видимому, там было глубоко, но он подошёл так близко, что ветки наполовину скрывали его. Добывайки больше не видели протянутых к ним пальцев, хотя слышали треск сучьев и ощущали, как движется «остров», в то время как Кривой Глаз тащит его к себе.

— Ах, Под, — воскликнула Хомили, чувствуя безжалостную силу невидимой руки и слыша под собой скрип и скрежет, — ты был так добр ко мне! Всю жизнь. А я никогда тебе не говорила, Под, ни одного раза, каким хорошим мужем ты всегда мне был...

Она замолчала, не докончив фразы, и в ужасе вцепилась в свой прутик, «остров» резко накренился. Раздался глухой хруст, две крайние ветки медленно сдвинулись с места и, качаясь, поплыли вниз по реке.

— У тебя всё в порядке, Хомили? — позвал её Под.

— Пока что да, — ответила она, судорожно глотая воздух.

А дальше всё произошло одним махом. Хомили увидела, как, наклонившись вперёд, чтобы схватить их «остров», Кривой Глаз — ну и удивлённый же у него был вид! — падает лицом в воду. Оглушительный плеск, и добывайки погружаются вместе с ним, хотя Хомили чудится, что не они идут вниз, а, напротив, вода поднимается им навстречу. Она было открыла рот, чтобы закричать, но вовремя закрыла его. Мимо неё неслись пузырьки воздуха, цеплялись за тело усики водорослей. Холодная как лёд вода была полна шума и движения. Не успела Хомили выпустить свой сучок, чтобы он, как ей подумалось, не утянул её на дно, как «остров» обрёл свободу и устремился вверх. Кашляя и лоя ртом воздух, Хомили всплыла на поверхность; она снова увидела деревья, восходящую луну и глубокое вечернее небо. Она громко позвала Поду.

— Я здесь, — откликнулся сдавленный голос где-то позади. Раздался кашель. — И Арриэтта тоже. Держись крепче, как я тебя учил. Мы на плаву...

Удерживаемый одним концом проволоки, «остров» медленно вращался вокруг своей оси, двигаясь по кривой к берегу, где рос ясень. Хомили догадалась, что, падая, Кривой Глаз столкнулся с места всё сооружение.

Они остановились почти у самого берега. Хомили увидела побеги куманики и ствол ясеня со свисающей верёвкой. Под и Арриэтта уже спустились на ближний к берегу край «острова» и теперь, повернувшись к ней спиной, что-то внимательно там рассматривали. Когда, скользя и оступаясь на мокрых ветках, Хомили пробиравась к ним, она услышала, как, схватив отца за руку, Арриэтта взволнованно повторяет:

— Это она, это она...

Хомили подошла поближе, и Под обернулся, чтобы помочь ей перебраться через завал. Вид у него был озадаченный, казалось, он теряется в догадках. Со спины у него, как скользкий хвост, свисал длинный кусок водоросли.

— Что с тобой, Под? У тебя всё в порядке?

Позади них раздались вопли ужаса — это Кривой Глаз, вынырнув из глубины, пытался

нащупать ногой дно. Напуганная Хомили схватила Пода за локоть.

— Не бойся, — сказал он, — ему не до нас. Во всяком случае, сегодня...

— Что случилось, Под? Верёвка лопнула или что? А может, сломалось дерево?

— По-видимому, — сказал Под, — верёвка. Но я не пойму как. Послушай, что говорит Арриэтта. — Он кивнул на берег. — Она говорит — там стоит барка Спиллера.

— Где?

— Там, под куманикой.

Хомили, уцепившись за Пода, чтобы не упасть, вытянула вперёд шею. Берег был совсем рядом — какой-нибудь один человеческий шаг.

— Это она, я знаю, что она, — снова вскричала Арриэтта, — вот та штука, похожая на бревно!

— Она похожа на бревно, — сказал Под, — потому что это и есть бревно.

— Спиллер! — позвала Хомили, повышая голос, и ещё внимательнее стала всматриваться в куманику.

— Пустое дело, — сказал Под. — Мы уже звали. И если бы там была его барка, он бы ответил. Спиллер! — снова позвал он громким шёпотом. — Ты здесь?

Ответа не было.

— А это что? — воскликнул Под, оборачиваясь.

На противоположном берегу, где-то возле бечевника, мелькнул огонёк.

— Кто-то едет, — шепнул он.

Хомили услышала шорох велосипедных шин, затем скрип тормозов. Велосипед остановился. Кривой Глаз перестал ругаться и отфыркиваться и замер, хотя всё ещё был в воде. Тишину нарушал лишь плеск реки. Только было Хомили

открыла рот, как Под предостерегающе схватил её за руку.

— Шш, — шепнул он.

Человек на противоположном берегу продирался сквозь кусты. Снова вспыхнул огонёк, описал круг. Он слепил глаза, полумрак стал мраком.

— Хелло... хелло... — раздался голос.

Это был молодой голос, строгий и вместе с тем весёлый. Голос показался Хомили знакомым, хотя чей он — она пока сказать не могла. А затем она вспомнила последний день в Фирбэнке под полом кухни, вспомнила, что творилось наверху и что им пришлось пережить. Ну конечно же, это голос старинного врага миссис Драйвер, полисмена Эрни Ранэйкра.

Она обернулась к Поду.

— Шш, — опять прошептал он.

Круг света от фонарика задрожал на воде. Под знал: если они не будут двигаться, их трудно будет разглядеть среди веток. Вдруг Хомили громко перевела дыхание.

— Ой, Под! — воскликнула она.

— Тише, — настойчиво повторил Под, крепко сжимая ей локоть.

— Наши ножницы, — не отступала Хомили, понизив голос до еле слышного шёпота. — Погляди же, Под. На ясене, посередине ствола...

Да, это было его собственное лезвие от ножниц; оно висело, поблёскивая на фоне коры, держась каким-то таинственным образом на свободном конце верёвки, которую оставил болтаться Кривой Глаз.

— Значит, это всё-таки барка Спиллера, — взволнованно шепнула Арриэтта.

— Спокойней, не шевелитесь, — умоляюще произнёс Под, почти не разжимая губ, — пока он не перестанет сюда светить.

Но, по-видимому, Эрни Ранэйкр, стоявший на другом берегу, не замечал ничего, кроме Кривого Глаза.

— Эй! — слышали они его напористый голос — типичный голос полисмена. — Что тут происходит?

Луч света скользнул в сторону и остановился на цыгане.

Под облегчённо вздохнул.

— Так-то лучше, — сказал он своим обычным тоном и немного расслабился.

— Где же Спиллер? — не могла успокоиться Хомили. Зубы её стучали от холода. — Может быть, с ним случилась беда?

— Но он же был на ясене, — горячо прервала её Арриэтта, — спускался по коре на землю, а лезвие висело у него на плече.

— Ты что — видела его?

— Нет, Спиллера увидеть нельзя. Только если он сам захочет.

— Он вроде бы слился с корой, — объяснил Под.

— Но если вы его не видели, — спросила, помолчав, Хомили, — как вы можете быть уверены, что он там был?

— А мы и не уверены в этом, — сказал Под. Хомили ещё сильнее растревожилась:

— Вы думаете, Спиллер разрезал верёвку?

— Похоже на то, — сказал Под. — Влез по свободному концу на дерево — ведь он спускался донизу, — как, помнишь, я лазал дома по тесьме?

Хомили уставилась на куманику.

— Но, послушай, если там, под ветками, и правда стоит его барка — в чём я сомневаюсь, — почему он не придёт и не заберёт нас?

— Я уже говорил тебе, — устало произнёс Под, — он дожидается темноты. Подумай сама, Хомили. Спиллеру нужна эта река... она даёт ему средства к жизни. Верно, он мог вызволить нас. Ну а вдруг бы Кривой Глаз его заметил? С той минуты все цыгане стали бы его выследживать... его и барку. Понимаешь, что я хочу сказать? Глаз бы не спускали с реки. Порой, — продолжал Под, — ты такое городишь, словно ты не добывайка. И ты, и Арризтта — обе вы. Словно вы и не слышали о таких вещах, как укрытие, и всё такое в этом духе, не говоря уж о том, что для нас значит, если нас увидят. Вы ведёте себя так, словно обе вы — человеки.

— Право, Под, — запротестовала Хомили, — совсем ни к чему браниться.

— Но я и правда так думаю, — сказал Под. — К тому же Спиллер знал, что с нами всё в порядке и можно подождать до темноты. Раз мы отрезали крючок.

Они замолчали, прислушиваясь к плеску воды у другого берега. Привлечённая звуком знакомого голоса, Хомили отошла от Поды, желая узнать, что там происходит.

— Ну-ка, вылезай, — говорил Эрни Ранэйкр, — ставь ногу на этот корень. Так. А теперь дай мне руку. Рановато для купания, я бы сказал. Я бы лично в воду не полез. Скорей уж попробовал бы поудить... конечно, если бы мне было наплевать на запрещение... Ну, что там, давай шевелись. — У него прервалось дыхание, точно он тащил какую-то тяжесть. — Раз, два, три — хоп! Вот мы и здесь. Ну-ка, взглянем, что в этой корзинке...

Чтобы лучше их разглядеть, Хомили влезла на ветку и тут почувствовала ладонь Поды у себя на плече.

— Смотри! — в волнении вскричала она, хватая его за пальцы. — Он сейчас найдёт эту рыбу — его добычу. Зеркальную форель, или как там она называется...

— Пошли, — шепнул Под.

— Одну минутку, Под...

— Но нас ждёт Спиллер, — настойчиво сказал Под. — Он говорит, что лучше отчалить сейчас, пока они занимаются корзинкой... и что от света фонарика на берегу река кажется темней.

Хомили медленно обернулась. Рядом, рукой подать, колыхалась на волнах барка Спиллера. А сам он вместе с Арриэттой стоял на корме. В лунном свете были ясно видны их лица, бледные на тёмном фоне листвы. Всё было тихо, лишь журчала река.

Словно во сне Хомили начала спускаться.

— Спиллер... — еле слышно сказала она.

И, оступившись, чуть не свалилась на Пода.

Бережно поддерживая прильнувшую к нему жену, Под довёл её до воды. Помогая ей подняться на борт, он сказал:

— Вы с Арриэттой лучше идите под навес. Тесновато сейчас из-за груза, но тут уж ничего не попишешь...

Но Хомили задержалась, она молча смотрела на Спиллера, столкнувшись с ним на корме. Она не могла найти слов благодарности и не решалась пожать ему руку. У него вдруг сделался отчуждённый вид — перед ней был начальник, капитан. Она просто стояла и смотрела на него, пока, насупившись от смущения, он не отвернулся.

— Пошли, Арриэтта, — хрипло сказала Хомили; и они покорно скользнули под гетру.

Глава двадцать первая

Забравшись на груз, выпирающий там и сям буграми, Арриэтта и Хомили прижались друг к другу, чтобы разделить последние остатки тепла. Когда Под опустил край гетры и Спиллер оттолкнулся от берега веслом, Хомили громко вскрикнула.

— Всё в порядке, — успокоила её Арриэтта, — мы уже плывём, нас качнуло в последний раз.

Барка плавно скользила по волнам, искусно меняя курс при каждом повороте. На корме, за аркой, образованной задним концом гетры, словно в рамке виднелись Под и Спиллер. «О чём они разговаривают?» — спросила себя Арриэтта. Как бы ей хотелось их слышать!

— Под простудится до смерти, — простонала Хомили, — и мы тоже.

Луна становилась всё ярче, фигуры на корме покрылись серебром. Ничто не шевелилось, кроме весла в руке Спиллера; ловко, даже небрежно, он вёл барку вниз по течению. Один раз до них донёсся смех Пода, другой раз он воскликнул: «Провались я на этом месте!»

— Не будет у нас никакой мебели и ничего другого, — сказала, помолчав, Хомили, — только платье, что у нас на плечах, если это можно назвать платьем. Четыре стены — вот всё, что у нас будет, четыре стены...

— И окна, — сказала Арриэтта. — И крыша над головой, — мягко добавила она.

Хомили громко чихнула.

— Да, если мы выживем, — фыркнула она, нашаривая платок.

— Возьми мой, — сказала Арриэтта, протягивая ей промокший комок, — твой улетел вместе с юбкой.

Хомили высморкалась и подколола сырые волосы; затем, ещё тесней приникнув друг к другу и глядя на силуэты на корме, они снова замолчали.

— К тому же твой отец потерял ножовку, — сказала она наконец.

— А вот и папа, — заметила Арриэтта, когда его фигура заслонила выход на корму. И, схватив руку матери, воскликнула: — Всё будет хорошо, я знаю! Посмотри, он улыбается...

Под залез на груз и подполз к ним на четвереньках.

— Подумал: стоит тебе сказать, — начал он, слегка понизив голос, — Спиллер говорит, у него в трюме столько всякого добра, что нам вполне хватит на обзаведенье.

— Какого добра? — спросила Хомили.

— Продукты в основном. И кое-какие инструменты и прочее, чтобы возместить нам лезвие от ножниц.

— Одежда — вот чего нам не хватает.

— Спиллер говорит, в Литл-Фордэме полно всякой одежды: перчатки, носовые платки, шарфы, вязаные вещи, — бери что хочешь. Дня не проходит, чтобы кто-нибудь что-нибудь не потерял.

Хомили молчала.

— Под, — сказала она наконец, — я так и не поблагодарила его.

— Ничего страшного. Он не любит благодарностей.

— Но, Под, должны же мы что-то для него сделать.

— Я уже об этом подумал, — сказал Под, — как только мы устроимся, так сказать, под своей крышей, мы сможем много чего для него добывать. Скажем, каждый вечер станем обходить все улицы после закрытия. Понимаешь, о чём я толкую?

— Да, — неуверенно сказала Хомили.

Ей трудно было представить себе Литл-Фордэм.

— Пустите-ка меня, — сказал Под, протискиваясь мимо них. — Спиллер говорит, там, на носу, у него лежит куча овечьей шерсти. Раздевайтесь да залезайте в неё. Можете поспать. Спиллер говорит, мы доберёмся туда только к рассвету...

— А ты как же, Под? — спросила Хомили.

— Со мной всё в порядке, — сказал Под из темноты. — Спиллер даёт мне на время свой костюм. А-а, вот она, шерсть, — добавил он и начал передавать её Хомили.

— Костюм? — удивлённо переспросила Хомили. — Какой костюм?

Она принялась механически складывать овечью шерсть в кучу. Пахла шерсть не очень-то приятно, но зато её было много.

— Его летнюю одежду, — сказал Под смущённо.

— Значит, Люпи дошла её?

— Да, он за ней вернулся.

— Ах! — воскликнула Хомили. — А про нас он им что-нибудь рассказывал?

— Ни слова. Ты же знаешь Спиллера. Рассказывали они ему. Говорит, Люпи очень расстроена. Ты, мол, была её лучшим другом. Больше, чем другом — сестрой, говорит она. Похоже, она надела траур.

— Траур? По ком?

— По нам, я думаю, — сказал Под.

Он слегка улыбнулся и стал расстёгивать жилет.

Некоторое время Хомили молчала. Затем тоже улыбнулась — по-видимому, мысль о Люпи в трауре польстила ей.

— Подумать только! — сказала она и, внезапно оживившись, принялась расстёгивать блузку.

Арриэтта разделась ещё раньше и закуталась в овечью шерсть.

— Когда Спиллер увидел нас в первый раз? — сонно спросила она.

— Заметил нас в воздухе, — сказал Под, — когда мы были на крючке.

— Господи... — пробормотала Арриэтта. Борясь с дремотой, она попыталась вернуться мысленно к тому моменту. — Вот почему мы не видели его.

— И Кривой Глаз тоже. Слишком большая суматоха. Спиллер, не мешкая, воспользовался

этим: подвёл барку как можно ближе и загнал её под куманику.

— Странно, что он нас не позвал.

— Он звал, — сказал Под, — но он всё же не был у нас под самым носом. А река так шумела...

— Шш, — шепнула Хомили. — Девочка засыпает.

— Да, — продолжал Под, понизив голос, — он-то нас звал, да мы-то его не слышали. Кроме того одного раза, конечно.

— Когда? — спросила Хомили. — Я ничего не слыхала.

— Когда Кривой Глаз в четвёртый раз закинул удочку, — прошептал Под, — и крючок вонзился в нашу ветку. Ту, на которой мы стояли. Помнишь? И я старался выдернуть его. Спиллер заорал тогда во всё горло: «Перережь леску!» А я подумал, что это ты кричишь...

— Я?.. — сказала Хомили.

В полумраке послышался какой-то шорох.

— Но это был Спиллер, — сказал Под.

— Ну и ну... — проговорила Хомили.

Голос её звучал глухо; скромность не позволяла ей раздеваться у всех на глазах, и она зарылась в овечью шерсть. Наконец оттуда вынырнула голова и одна тощая рука, держащая скатанное в узел бельё.

— Как ты думаешь, можно его где-нибудь развесить на просушку?

— Оставь его здесь, — сказал Под. В это время он, кряхтя, влезал в костюм Спиллера. — И Арриэттино тоже. Я спрошу у него... Полагаю, что найдём какой-нибудь выход. Помоему, — продолжал он, натянув на живот куртку и подтянув штаны, — в нашей теперешней жизни, что бы ни случилось, всегда есть выход

из положения. Так было, и скорей всего так будет. Вот что я думаю. Может быть, мы нанижем одежды на спицу и выставим наружу, чтобы её продуло ветром...

Хомили молча смотрела, как он собирает вещи.

— Может быть, — сказала она.

— Скажем, закрепим остриё и поднимем спицу шишечкой вверх, — предложил Под.

— Я имела в виду, — мягко прервала его Хомили, — то, что ты сказал раньше: что всегда есть выход из положения. Беда в том, так мне кажется, что не всегда можешь его найти.

— Да, в том-то и беда, — согласился Под.

— Понимаешь, о чём я говорю?

— Да, — сказал Под и замолчал, обдумывая её слова. — Ну, что ж... — сказал он немного погодя и повернулся, чтобы уйти.

— Минутку, Под, — окликнула его Хомили, приподнимаясь на локте. — Дай мне тебя осмотреть. Нет, подойди поближе. Повернись немного... Так, да. Хоть бы тут было посветлее... — Сидя в своём шерстяном гнезде, Хомили молча смотрела на мужа, и взгляд её был необычайно ласковым. — Да, — наконец решила она, — белое вроде бы тебе к лицу.

Эпилог

В большой кухне Фирбэнк-Холла садовник Крэмпырл отодвинул стул от стола. Ковыряя в зубах заострённой спичкой, он уставился на угли в плите.

— Странно... — пробормотал он.

Миссис Драйвер, кухарка, убиравшая со стола, перестала складывать стопкой тарелки и подозрительно скосила на него глаза.

- Что именно?
- То, что я видел.
- Где... на рынке?
- Нет... сегодня вечером по пути домой...

Крэмпфирл замолчал и снова уставился в огонь.

— Вы помните ту историю — это было в марте прошлого года, если не ошибаюсь, — когда мы взламывали здесь пол?

Смуглое лицо миссис Драйвер ещё потемнело. Сжав губы, она с грохотом поставила на стол тарелки и принялась сердито бросать ложки в лохань.

— Ну и что?

— Вы сказали, там, под полом, было гнездо. Разодетые мыши, сказали вы.

— Никогда я не...

— Спросите Эрни Ранэйкра, он был здесь — хохотал до упаду... Разряженные мыши, сказали вы. Ваши собственные слова. Видела, мол, как они бегают...

— Клянусь, я никогда не...

Крэмпфирл задумчиво посмотрел на миссис Драйвер.

— Вы, конечно, можете это отрицать. Но я и сам ещё удержался от смеха... я хочу сказать, когда вы забрались на стул и...

— Хватит.

Миссис Драйвер подтянула к себе табурет и тяжело села. Наклонившись вперёд и опершись локтями о колени, она глядела в упор на Крэмпфирла.

— Предположим, я действительно видела их, — что тогда? Что тут смешного? Беготня, писк, визг... — Голос её поднялся. — Мало того... Я вам вот что сейчас скажу, Крэмпфирл. — Она перевела дыхание. — Они были

больше похожи на людей, чем на мышей. У одной даже были на голове...

Крэмпфирл не сводил с неё глаз.

— Продолжайте. Даже были — что?

— Папильотки...

Миссис Драйвер сердито нахмурилась, словно хотела сказать: «Только засмейся!» Но Крэмпфирл не смеялся. Он медленно кивнул. Сломал спичку пополам и кинул в огонь.

— И всё же, — сказал он, поднимаясь с места, — если бы там что-нибудь было, мы бы, надо думать, нашли. Ведь и пол подымали, и дыру под часами законопатили.

Он громко зевнул и потянулся.

— Что ж, пойду. Спасибо за пирог.

Миссис Драйвер не шевельнулась.

— Они и сейчас могут быть здесь. Откуда мы знаем? — не уступала она. — Половина комнат в доме закрыта.

— Нет, вряд ли, мы столько сторожили тогда, да и следы какие-нибудь они оставили бы. Нет, не думаю. Мне кажется, они убежали — конечно, если было кому убежать.

— Ещё как было! Но что толку об этом говорить, когда этот Эрни Ранэйкр поднял меня на смех. Лучше скажите мне, — она пронизательно взглянула на него, — вы-то почему вдруг так изменились?

— Не могу сказать, что я изменился. Просто стал об этом всё думать. Помните шарф, который вы тогда вязали? Серый такой. Вы не запомнили, какого цвета были спицы?

— Спицы?.. Вроде бы кораллового... Такие розовые...

— Кораллового?

— Сейчас я их вам покажу. Они у меня здесь.

Миссис Драйвер подошла к шкафу, выдвинула ящик и вынула пучок спиц, перевязанных шерстинкой.

— Вот они, эти две спицы. Скорее розовые, чем коралловые. Почему вы спрашиваете?

Крэмпфирл взял в руки связку. С любопытством повертел в руках.

— Почему-то казалось, что они жёлтые... — сказал он.

— Верно. Подумать только, что вы запомнили. Начала я вязать и правда жёлтыми, но потом одну из них потеряла; в тот день ко мне приехала в гости племянница, и мы пили чай в саду.

Повертев связку, Крэмпфирл вытащил одну спицу; она была янтарного цвета и слегка просвечивала. Он задумчиво измерил её пальцами.

— Вторая такая же, как эта, да?

— Верно. А что, вы её нашли?

Крэмпфирл покачал головой.

— Не совсем так.

Он глядел на спицу, крутя её в пальцах: той же толщины та, другая, и если взять в расчёт, что видна она была не целиком, той же длины. Освещённая луной, она казалась на фоне тёмной воды хрупкой, как стекло. Мачта? Не веря своим глазам, он низко свесился через перила моста, стараясь получше всё разглядеть. На корме, облитое с обеих сторон серебром, мелькало весло — словно рыба. Когда судёнышко подплыло поближе, он рассмотрел, что весло — это десертный нож, заметил странную форму навеса и неглубокую, как у баржи, осадку корпуса. Сигнальные флаги, спускавшиеся с топа мачты, были скорее похожи на одежду, которую вывесили на просушку, — крошечные штаны, трусики и кальсоны; венчала всё это красная фла-

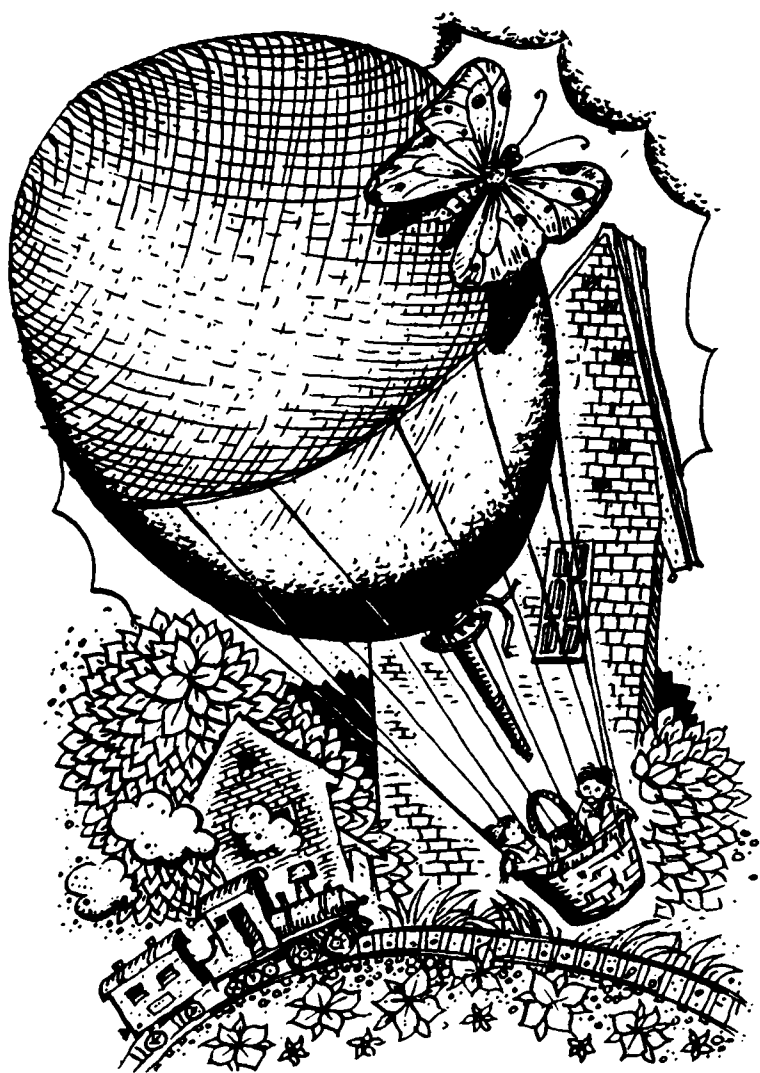
нелевая юбка, хлопающая на ветру. Детская игрушка, подумал было Крэмпфирл, брошенная и забытая, оставленная на волю волн... И тут, когда судёнышко подошло к тени от моста, он различил в свете луны лицо, глядевшее с кормы наверх, — бледное, как яичная скорлупа, с расплывчатыми чертами. Взмах весла, блеснувшего, как рыбий хвост, разбил поверхность воды на блёстки, и посудинка исчезла под мостом.

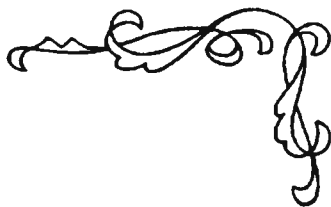
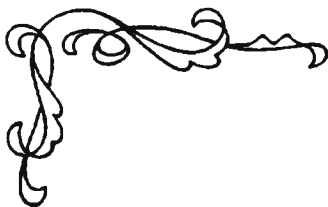
Нет, решил Крэмпфирл, стоя на кухне и вертя в руках спицу, он не станет рассказывать об этом миссис Драйвер. Ни это, ни то, как судёнышко выплыло из-под моста и двинулось вниз по течению. Чёрный силуэт четко выделялся на сверкающей воде, так же чётко была очерчена летящая по ветру одежда... Не расскажет он и про то, как, становясь всё меньше, оно наконец скрылось в тени от дерева, наброшенной, точно шаль, на залитую лунным светом реку, и больше он его не видел.

Крэмпфирл вздохнул и, положив спицу вместе с остальными, тихонько задвинул ящик. Нет, он ни о чём не расскажет миссис Драйвер. Во всяком случае не сегодня. Сегодня — нет.

ДОБЫВАЙКИ В ВОЗДУХЕ

Глава первая

Многим казалось странным, что на свете существуют два игрушечных городка, да ещё рядом друг с другом (по правде сказать, был и третий — у девочки по имени Эгнис Мерси Фостер, но там никто не бывал, и его можно не брать в расчёт, потому что построен он был ненадолго).

Один игрушечный городок находился в Фордэме и назывался Литл-Фордэм; он принадлежал мистеру Потту. Другой был в Уэнт-ле-Крейсе, назывался Бэллихоггин и принадлежал мистеру Плэттеру.

Начал всё это тихо и мирно, для собственного удовольствия и развлечения мистер Потт, а последовал за ним, причём совсем по другим соображениям, деловой мистер Плэттер.

Мистер Потт служил раньше на железной дороге путевым обходчиком и однажды вечером в полутьме на пустынном участке пути потерял одну ногу, но не по небрежности, а потому что хотел спасти жизнь барсуку. Мистер Потт всегда волновался из-за лесных тварей: одноколейка шла через лес, а в сумерках барсуки выходили на прогулку и с сопеньем трусили по шпалам. Особой угрозы для них не было, разве что два

раза в году, когда последний поезд из Хэттерс-Кросса пересекал лес ранним вечером — в излюбленное барсуками время для вылазок. Поезд исчезал, и в лесу снова наступала тишина; лисицы, кролики и зайцы перебегали рельсы без опасности для жизни, опять принимались выводить рулады соловьи.

В те ранние дни существования железной дороги уединённая сигнальная будка, где жил мистер Потт, была для него родным домом. Там у него был чайник и стол под плюшевой скатертью, стояло вагонное кресло со сломанными пружинами, висели масляные фонари. Скоротать время между редкими поездами мистеру Потту помогали лобзик, коллекция марок и захватанная пальцами Библия, которую он иногда читал вслух. Мистер Потт был хороший человек, очень добрый и деликатный. Он любил своих ближних почти так же, как любил поезда. Лобзиком он выпиливал ящички для сбора денег в Железнодорожный благотворительный фонд; он делал их из старых коробок для сигар в виде домиков, и ни один из них не походил на другой. В первое воскресенье каждого месяца мистер Потт, сев на велосипед, объезжал свой городок, вооружившись отвёрткой и небольшой чёрной сумкой. У каждого дома он отвинчивал крышку прибитого снаружи ящичка и, пересчитав деньги, кидал их в свою сумку. Иногда (не часто) ящик оказывался пустым, и мистер Потт печально бормотал, отъезжая: «Лисичка снова наведалась в курятник».

Время от времени мистер Потт рисовал картинки, маленькие и очень подробные. На двух была городская церковь, на трёх — дом священника, на двух — почта, на трёх — кузница и на одной — его собственная сигнальная будка.

Он давал их в качестве приза тем, кто собирал больше всех денег в благотворительный фонд.

В ту ночь, о которой идёт речь, барсук укусил мистера Потта — вот в чём была беда. Мистер Потт растерялся, и секундная задержка стоила ему ноги. Мистер Потт так и не увидел следа барсучьих зубов — он был отрезан вместе с ногой... Барсук убежал цел и невредим.

Железнодорожный благотворительный фонд вёл себя благородно. Мистеру Потту не скупясь выплатили единовременное пособие и приискали домик за пределами городка, там, где на берегу ручья стояли три старых тополя. Вот здесь-то в своём саду мистер Потт и стал строить на насыпи железную дорогу.

Сперва он купил подержанный набор игрушечных поездов. О том, что они продаются — вместе с электрической батареейкой, приводящей их в движение, — мистер Потт прочитал в местной газете. Поскольку в его крошечном домике было для этого тесно, он уложил рельсы в саду. Рельсы ему помог сделать кузнец, но со шпалами он управился сам; он вырезал их в одну двадцатую натуральной величины и надёжно закрепил на насыпи, так же, как раньше закреплял настоящие шпалы. А затем просмолил их, и, когда светило солнце, они пахли, как настоящие. Мистер Потт садился на землю, вытягивал вперёд деревянную ногу, закрывал глаза и вдыхал милый его сердцу запах, который словно по волшебству переносил его в былые дни. Но чего-то недоставало. Дыма — вот чего! Да, мистеру Потту нужен был дым, и не только запах его, но и вид. Позднее с помощью мисс Мензиз из Хай-Бича мистер Потт решил эту задачу.

Сигнальную будку он построил из прочного кирпича. Она была как две капли воды по-

хожа на его старую будку, такое же деревянное крыльцо и всё прочее. Мистер Потт вставил в окна настоящие стёкла и сделал так, что створки открывались и закрывались (зря, что ли, подумал мистер Потт, он сохранил все наклейки от коробок с сигарами, которые он получал по праздникам от дирекции дороги). Кирпичики он изготовил из красных кирпичей, взятых в полуразрушенном свинарнике; он дробил их, толоч в мелкую пыль и смешивал с цементом. Эту смесь он выливал в форму, которую ставил на большой жестяной поднос. Форма была сделана из старого корсета со стальными пластинками; после того как кузнец спаял их крест-накрест, получилась решётка с крошечными прямоугольными отверстиями. При помощи этого приспособления мистер Потт получал пятьсот кирпичиков зараз. Иногда, чтобы изменить их цвет, он добавлял в свою смесь измельчённую охру или красную кошениль. Крышу сигнальной будки он покрыл шифером — тонкими чешуйками соответственной величины всё с того же свинарника.

Прежде чем укрепить на стенах крышу, мистер Потт взял комок цементного теста и принялся катать его своими старыми, одеревенелыми ладонями. Он сделал четыре колбаски для рук и ног и одну — покорооче и потолще — для туловища. Слепил яйцо-голову и приладил её к плечам. Затем кое-где сдавил фигурку и снял то, что было лишним, ороговевшим ногтем.

Но результат его не удовлетворил. Чтобы придать неуклюжей кукле больше сходства — ведь он хотел сделать автопортрет, — мистер Потт отсёк ей одну ногу до колена и всунул туда спичку. Когда цемент затвердел, он покрасил его сверху: синяя железнодорожная форма, розовое лицо — и приклеил на голову клочок седого

мха. Затем всунул фигурку в будку. Там она гораздо больше походила на человека и даже вселяла страх — неподвижная, застывшая, вперившая взгляд в окно.

Но сама сигнальная будка казалась совсем настоящей: крыльцо из посеревшего от времени дерева, жёлтый лишайник на шиферной кры-

ше, неровно выцветшие от непогоды кирпичи, распахнутые окна и время от времени звонкое щёлканье сигналов.

Соседские ребятишки стали сильно докучать мистеру Потту. Они то и дело стучались к нему и просили показать им железную дорогу. Когда мистер Потт сидел на полу, выставив вперёд де-

ревяшку, ему было не так-то легко встать, тем более быстро. Но он терпеливо, хотя и с трудом, поднимался и, стуча деревяшкой, ковылял к двери, чтобы впустить своих незваных гостей. Он вежливо их приветствовал и провожал в сад через судомойню. Драгоценное рабочее время уходило на ответы, объяснения и суету. Иногда, пока шли расспросы, пересыхал цемент или остывал паяльник. Поэтому вскоре мистер Потт установил правило — пускать к себе он будет только в субботу и воскресенье, и по этим дням двери его дома были всегда открыты. На столе в судомойне он поставил один из своих ящичков для сбора пожертвований взрослых, которые тоже стали наведываться к нему, просил платить за вход один пенни: выручку он отсылал в благотворительный фонд. Дети по-прежнему пропускались бесплатно.

После того как мистер Потт смастерил железнодорожную станцию, интерес к его дороге возрос, всё больше людей приходили на неё посмотреть, и всё больше становилась выручка. Станция была точной копией городской станции, и мистер Потт назвал её Литл-Фордэм (Крошка Фордэм). Название это было выложено белыми камешками на насыпи, покрытой мхом. Прежде чем увенчать вокзал крышей, мистер Потт оставил комнаты внутри. В зале ожидания появились тёмные жёсткие скамьи, в кабинете начальника станции — высокая деревянная конторка с отделениями для билетов. Кузнец (юноша по имени Генри, который к этому времени горячо разделял увлечение мистера Потта) выковал ему из мягкой стали камин. Они подожгли сухой мох и сосновые иглы, чтобы проверить тягу, и убедились, что труба тянет хорошо.

Но когда крыша оказалась на месте, всё это было потеряно для глаз. Заглянуть внутрь через окна можно было, только если лечь на землю, да и это лишь до тех пор, пока мистер Потт не сделал платформу. Крышу платформы он окаймил тончайшей деревянной резьбой, на столбах горели старомодные лампы, которые мистер Потт заправлял маслом.

При скрупулёзности мистера Потта и его стремлении всё доводить до совершенства постройка станции заняла два года семь месяцев. А затем он принялся за городок.

Глава вторая

Мистер Потт никогда не слышал о мистере Плэттере, как и тот не слышал о мистере Потте.

Мистер Плэттер был владельцем похоронного бюро и строительным подрядчиком в Уэнт-ле-Крейсе, городке на другом берегу реки, в которую впадал ручей, протекавший за садом мистера Потта. Они жили совсем близко один от другого, но по дороге через мост путь между ними был немалый. У мистера Плэттера был прекрасный кирпичный дом у шоссе, ведущего в Бедфорд, с гравиевой подъездной дорожкой и садом, спускающимся по склону к реке. Мистер Плэттер сам построил его и назвал Бэллихоггин. Больше всего на свете мистер Плэттер любил деньги и скопил их довольно много. Но люди стали умирать реже, чем прежде, а когда закрылась кирпичная фабрика, желающих поселиться в тех краях стало не так уж много, потому что кое-как построенные мистером Плэттером домишки для рабочих совершенно испортили ландшафт.

Некоторые из этих домиков так и остались у него на руках, и он помещал объявления в местной газете, где предлагал их «пожилым, удалившимся на покой парам». Он сердился, если, отчаявшись найти других арендаторов, был вынужден сдать домик внаём молодожёнам, потому что он умел и любил устраивать дорогие похороны и предпочитал иметь более пожилых клиентов, так сказать, впрок. У мистера Плэттера было непроницаемое лицо и очки без оправы, отражающие свет, поэтому глаз его рассмотреть было нельзя. Однако держался он на редкость вежливо и мягко, так что глаза вы принимали на веру. Милый мистер Плэттер всегда «так добр», говорили родные усопшего, им и в голову не приходило проверить счета.

Мистер Плэттер, низенький и тощий, казался ещё меньше рядом с миссис Плэттер, дамой внушительных размеров. У обоих был розовато-лиловый цвет лица, только у мистера Плэттера оттенок был скорее лиловый, а у миссис Плэттер — розовый. Миссис Плэттер была образцовая жена, и оба они с утра до ночи трудились, не жалея сил.

Всё больше домиков оставалось пустыми, всё реже происходили погребенья, и у мистера Плэттера оказалось слишком много свободного времени. Он никогда не любил сидеть без дела и, чтобы убить время, взялся за цветоводство. Все его цветы содержались как узники — крепко привязанными к колышкам; стоило им чуть-чуть изогнуться или пустить побег не в ту сторону, тут же следовало наказание: здесь подрезали, там подстригали — цветы должны расти по нитке. Скоро растения сдались и безропотно стояли рядами, как гвардейцы по команде «смирно». На лужайки мистера Плэттера тоже стоило посмо-

треть: очищенные от сорняков, аккуратно скошенные, они полого спускались к реке. Одного взгляда на мистера Плэттера с мотыгой в руках было достаточно, чтобы самое хитрое семечко одуванчика, уже поднявшееся в воздух, проворно свернуло в сторону в середине пути; говорят даже, что маргаритки, внезапно осознав, где они находятся, в одночасье стали из розовых белыми.

Миссис Плэттер в расчёте на проезжающие по шоссе автомобили повесила объявление: «Чай» и поставила на траве у дороги прилавок, чтобы продавать цветы и фрукты. Сперва дела шли у них не очень хорошо, но однажды мистера Плэттера осенило, и он написал новое объявление: «Чай на берегу реки». Вот теперь автомобили стали возле них останавливаться. А уж пройдя вместе с хозяйкой за дом и усевшись за столик, проезжающие поневоле пили «общий чай», так как другого не было. Угощение это было дорогим, хотя вместо масла к хлебу подавали маргарин и ядовито-розовый липкий джем, который миссис Плэттер покупала прямо на фабрике в больших жестяных банках. Миссис Плэттер продавала также лимонад в стеклянных бутылках с мраморными пробками, воздушные шарики и бумажные мельницы. Покупателей становилось всё больше. Велосипедисты были рады немного посидеть, те, кто ехал в автомобилях, — снять пыльное пальто и очки и размять ноги. Дела у Плэттеров пошли хорошо.

Они и не заметили, как постепенно всё переменялось. «Троица, — сказал мистер Плэттер, когда они переставляли столики на пустой лужайке, чтобы не погубить траву. — Все на гулянье».

Мистер Плэттер подумал было, не купить ли им мороженицу, но решил подождать: он был не прочь, как он говорил, выложить деньги, но только в том случае, если видел, что затраты окупятся с лихвой.

Вместо этого он починил старую плоскодонку и с помощью сачка для ловли креветок почистил реку. Он хотел добавить к объявлению слова: «Катание на лодке», но миссис Плэттер ему отсоветовала. Она боялась, что будут жалобы, так как при всём желании, хоть гребки, хоть толкай шестом, единственное, что можно было сделать, — это объехать на лодке вокруг заросшего крапивой островка.

Но праздники в августе потерпели полный провал: десять порций чая в субботу, одиннадцать — в воскресенье и семь — в понедельник.

— Ничего не могу понять, — в который раз повторяла миссис Плэттер, когда они с Эгнис Мерси собирали в корзину чёрствые булочки для кур. — В прошлом году не хватало столов, люди стояли в очереди.

Эгнис Мерси уже исполнилось пятнадцать. Она сделалась крупной, медлительной, приметливой девочкой и казалась старше своих лет. Это была её первая работа, называлась она «ходить на подмогу к миссис Плэттер».

— Миссис Рид тоже стала теперь поить чаем, — сказала как-то Эгнис Мерси, когда они делали бутерброды.

— Миссис Рид из Фордэма? Миссис Рид из «Короны и якоря»? — Миссис Плэттер редко ездила в Фордэм, ей было, как она говорила, «не по пути».

— Угу, — сказала Эгнис Мерси.

— В цветнике?

Эгнис Мерси кивнула.

— И во фруктовом саду тоже. На следующий год они приспособят амбар.

— А чем она заманивает? Я хочу сказать, реки-то там нет. Может быть, клубникой?

Эгнис Мерси покачала головой.

— Нет, — сказала она, — это всё из-за игрушечной железной дороги... — И, как всегда медленно, под градом вопросов она рассказала миссис Плэттер о мистере Потте.

— Игрушечная железная дорога... — задумчиво произнесла миссис Плэттер после небольшого молчания. — Что ж, в эту игру можно играть и вдвоём.

Мистер Плэттер в два счёта соорудил игрушечную железную дорогу. Нельзя было терять ни одной минуты, и он не скупясь выложил на это деньги. Мистер Потт работал не торопясь, но он опередил их на несколько лет. Мистер Плэттер вызвал всех своих строительных рабочих. На остров перебросили мостик, сам остров очистили от сорняков, проложили дорожки, уложили дёрн. Мистер Плэттер съездил в Лондон и купил два набора самых дорогих поездов, какие были в продаже, багаж и пассажиров. Он купил две железнодорожные станции, одинаковые как две капли воды, зато куда более современные, чем станция в Литл-Фордэме. Из Лондона приехали мастера, чтобы поставить сигнальные будки, положить рельсы, отрегулировать стрелки и установить электрические батарейки для движения поездов. И сделано это было всего-навсего за какие-то три месяца.

Это принесло свои плоды. К началу следующего лета рядом с объявлением «Чай на берегу реки» появилось объявление «Игрушечная железная дорога».

Люди повалили к ним валом.

Мистеру Плэттеру пришлось скосить луг и вымостить его булыжником, чтобы было где ставить машины. К стоимости «общего чая» прибавился шиллинг за право пересечь мостик и посмотреть железную дорогу. К середине лета асфальтированные дорожки на островке искрошились, и их пришлось заново покрывать, а также выстроить второй мостик, чтобы люди не задерживались на острове. Мистер Плэттер поднял входную плату до полутора шиллингов на человека.

Вскоре появилась асфальтовая площадка для машин и специальное место для фургонов, а также каменный жёлоб с проточной водой для лошадей. В Бэллихоггин стали приезжать на пикник целые компании, ели, пили чай и оставляли после себя кучи мусора.

Но мистера Потта всё это ничуть не тревожило. Он вовсе не гнался за посетителями — они отнимали время и мешали работе. Он и пускал-то к себе только ради своего любимого Железнодорожного благотворительного фонда.

Мистер Потт не принимал никаких мер, чтобы обеспечить посетителям хоть какие-то удобства. Этой стороной дела занималась миссис Рид, хозяйка трактира «Корона и якорь», естественно, не без выгоды для себя. Вся железная дорога мистера Потта была видна со ступенек его чёрного хода, ведущих в сад, и посетителям приходилось проходить через дом; само собой, когда они оказывались на кухне, он радушно угощал их стаканом холодной воды из-под крана.

Когда мистер Потт построил церковь, она ни на каплю не отличалась от норманнской церкви в Фордэме; он сделал также колокольню, могильные памятники на погосте и всё остальное. Мистер Потт больше года собирал камень для

церкви, прежде чем приступить к работе. Ему помогали каменобойцы, дробящие камень на щебень у шоссе, и каменщик мистер Флад. К этому времени у мистера Потта появилось в городке несколько помощников; кроме кузнеца Генри с ним подружилась мисс Мензиз из Хай-Бича. Мисс Мензиз была очень полезна мистеру Потту, так как она увлекалась резьбой по дереву, ручной вязкой и лепкой из воска. Жила она тем, что писала детские книги, придумывала и разрисовывала рождественские открытки. К тому же она верила в эльфов.

Когда мистер Плэттер услышал о церкви, а это случилось не сразу, — ведь пока церковь не была закончена, мистер Потт накидывал на неё мешковину в те дни, когда его дом был открыт для посетителей, — мистер Плэттер тут же выстроил свою церковь, куда больше, скопировав её с собора в Солсбери, и высоченную колокольню. Стоило нажать кнопку, в окнах зажигался свет, а при помощи фонографа внутри звучала музыка. За последнее время выручка в Бэллихоггине стала меньше, но теперь снова подскочила вверх.

Тем не менее мистер Плэттер не знал ни минуты покоя, мистер Потт стоял ему поперёк горла, нельзя было предугадать, что ещё придумает этот странный человек, который всё делал не за страх, а за совесть и никогда не порол горячки. Когда мистер Потт смастерил два глинобитных домика с крышами из тростника, сборы мистера Плэттера упали и не поднимались в течение нескольких недель. Мистер Плэттер был вынужден отгородить часть острова и с быстротой молнии построить там несколько домов на две семьи и закусную. То же самое случилось,

когда мистер Потт соорудил лавку, где выставили в витринах товары, сделанные из крашеного воска — подарок мисс Мензиз из Хай-Бича. Понятно, мистер Плэттер тут же построил кучу магазинов и парикмахерский салон с полосатым шестом у входа.

А через некоторое время мистер Плэттер нашёл способ подсматривать за мистером Поттом.

Глава третья

Он починил плоскодонку, которая, пока стояла без употребления, снова наполнилась водой.

Заросшая водорослями река и её петляющие притоки образовывали сеть, пересечь которую и попасть из одного городка в другой можно было или по редким мостикам, или идя вброд с одного обрывистого берега на другой. «Но если удастся пробраться с лодкой через камыш, — подумал мистер Плэттер, — по реке до Потта рукой подать, а там уж ничего не стоит подсмотреть, что у него делается, спрятавшись за ивами у воды».

Так он и поступал летними вечерами, когда деловой день подходил в концу. Вылазки эти не доставляли мистеру Плэттеру удовольствия, но он чувствовал, что это его долг. Его кусали комары, жалили слепни, царапал колючий кустарник, и, когда он возвращался домой и докладывал обо всём миссис Плэттер, настроение у него было хуже некуда. Иногда он застревал в тине, иногда, при низкой воде, ему приходилось вылезать за борт прямо в вязкий ил и лягушачью икру, чтобы перетащить лодку через какое-нибудь невидимое препятствие вроде затонувшего бревна или колючей проволоки. Но он нашёл

местечко чуть подальше тополей, за пологом серебристых трепещущих листьев ивы, где с пенька весь игрушечный городок мистера Потта был виден как на ладони.

— Тебе не следует этого делать, душенька, — говорила миссис Плэттер, когда, багрово-красный, покрытый потом, он, тяжело дыша, опустился в саду на скамейку. — В твоём возрасте, с твоим давлением!

Но протирая ему комариные укусы нашатырным спиртом и кладя примочки туда, где его ужалили осы, она не могла не согласиться, что, вообще-то говоря, сведениям, которые приносит муж, нет цены. Только благодаря мужеству и стойкости мистера Плэттера они узнали о начальнике станции, и двух носильщиках, и священнике в сутане, который стоял у входа в церковь мистера Потта. Каждую из этих фигурок вылепила мисс Мензиз, она же и одела их, как положено, и промаслила одежду, чтобы её не испортил дождь.

Это открытие потрясло мистера Плэттера. Сделал он его как раз накануне начала сезона.

— Совсем как живые... — повторял он, — иначе не скажешь. Куда до них мадам Тюссо! Так и ждёшь, что кто-нибудь из них с тобой заговорит, понимаешь? Достаточно, чтобы нас разорить, — закончил он, — так бы и было, если бы я вовремя их не увидел.

Однако он их увидел, и увидел вовремя, так что скоро обитатели появились в обоих городках. Но фигурки мистера Плэттера были куда менее натуральные, чем фигурки мистера Потта. Слепили их в спешке, одежду сделали из гипса, раскрасили в кричащие цвета и покрыли лаком. Чтобы это возместить, их сделали в большом количестве, причём самых разных: там были по-

чтальоны, солдаты, моряки, продавцы молока и дети. На ступени церкви мистер Плэттер поставил епископа в окружении мальчиков-певчих; все — на одно лицо, с разинутыми ртами, все в одинаковых белых одеждах из гипса, с одинаковыми сборниками церковных гимнов в руках.

— Вот эти точно как живые, — не раз с гордостью говорила миссис Плэттер. И в ответ ей в церкви гудел орган.

А затем настал ужасный вечер, который на всю жизнь врезался им в память, когда, возвратившись с лодочной прогулки, мистер Плэттер еле поднялся от реки на лужайку. Миссис Плэттер мирно сидела за столиком с белым котом на коленях и считала дневную выручку; усыпанный мусором сад купался в лучах вечернего солнца, на деревьях попискивали засыпающие птицы.

— Что случилось? — воскликнула миссис Плэттер, увидев его лицо.

Мистер Плэттер тяжело опустился на зелёный стул напротив неё, толкнув столик и рассыпав стопку монет. Напуганный кот, полный дурных предчувствий, стрелой кинулся в кусты. Мистер Плэттер тупо уставился на упавшие монеты, но, хотя они раскатились по траве, не наклонился, чтобы поднять их. Не сделала этого и миссис Плэттер, она не могла отвести глаз от лица мужа: цвет его был очень странный — тёмно-сиреневый, с фиолетовым оттенком.

— Что случилось? Почему ты молчишь? Какой ещё он выкинул номер?

Мистер Плэттер посмотрел на неё пустым взглядом.

— Нам крышка, — сказал он.

— Глупости. Что может он, можем и мы. Уже не раз так было. Вспомни про дым. Ну же, расскажи мне.

— Дым! — горько воскликнул мистер Плэттер. — Тут и говорить не о чем — кусочек обугленной верёвки! Мы быстро раскусили, что там к чему. Нет, сейчас другое дело, это конец. Наша песенка спета, — добавил он устало.

— Почему ты так говоришь?

Мистер Плэттер встал со стула и механически, словно сам того не замечая, принялся собирать рассыпавшиеся монеты. Он сложил их в аккуратную стопку и подвинул к жене.

— Нам надо теперь беречь деньги, — сказал он тем же тусклым, бесцветным голосом и снова тяжело опустился на стул.

— Право, Сидни, — сказала миссис Плэттер, — ты совсем пал духом. Это не похоже на тебя. Мы ещё повоюем с этим Поттом.

— Что толку воевать, когда все козыри у него на руках? То, что я там видел, — нереально, невысказанно, неосуществимо.

Глаза мистера Плэттера обратились к островку, где золотые лучи заходящего солнца выхватывали среди длинных вечерних теней неподвижные, тускло поблёскивающие гипсовые фигурки, застывшие каждая в своей позе: одни, казалось, бежали, другие шли, третьи стояли у дверей, готовые постучать, четвертые просто сидели. Окна игрушечного городка, отражая закат, горели огнём. Среди домов прыгали птицы, подбирая крошки, которые уронили посетители. Ничто, кроме птиц, не шевелилось... мёртвый покой.

Мистер Плэттер моргнул.

— А я ещё так мечтал устроить крикетное поле, — сказал он хрипло, — боулер и отбивающие с битой в руке и всё остальное. Спал и видел.

— А кто тебе мешает? — сказала миссис Плэттер.

Муж с сожалением посмотрел на неё.

— Никто. Но играть-то они не смогут... Неужели ты не понимаешь? Я же тебе говорю: то, что я там видел, — нереально, невысказано, неосуществимо.

— Да что же такое ты видел? — испуганно спросила миссис Плэттер, вдруг тоже почувствовав, что их ждёт беда.

Мистер Плэттер устало взглянул на неё.

— У него там живёт... несколько штук... живых человечков, — медленно сказал он.

Глава четвёртая

Первая их увидела мисс Мензиз, та самая, что верила в эльфов. И как девчонка, задыхаясь от восторга и волнения, побежала к мистеру Потту.

Мистер Потт как раз заканчивал вывеску «Корона и якорь» для своего миниатюрного трактира и говорил в ответ лишь «да», «нет» «неужто?». Иногда, слыша, что голос мисс Мензиз лихорадочно повышается, он восклицал: «Поди ж ты!» — или: «Подумать только!» Сначала первое из этих выражений тревожило мисс Мензиз, она смущённо замолкала, голубые глаза наполнялись слезами. Но постепенно она стала расценивать его как признак крайнего удивления со стороны мистера Потта и, когда он говорил: «Поди ж ты!» — принимала это за комплимент.

— Но это же правда, — настаивала она, качая головой. — Они живые! Они такие же живые, как мы с вами, и они поселились в Виноградном домике... Да вы и сами увидите, если посмотрите, какую тропинку они протоптали ко входу.

Мистер Потт, держа в пальцах пинцет с болтающейся вывеской, посмотрел в глубь сада,

на Виноградный домик, чтобы ей угодить. Но вскоре, так и не поняв, о чём она толкует, он хмыкнул и вернулся к своей работе.

— Ну и ну! Скажи на милость! — то и дело говорил он.

Мистеру Потту и в голову не приходило слушать мисс Мензиз, когда она «заходила», как он это называл. Он кивал ей и улыбался, но её слова проходили мимо его сознания. Он научился этому, когда жил со своей покойной ныне женой по прозвищу Сорока. Мисс Мензиз говорила таким странным высоким, переливчатым голосом, употребляла такие диковинные слова и выражения и даже, к ужасу мистера Потта, читала ему стихи. Нет, он ничего не имел против мисс Мензиз, наоборот. Он был рад, когда она приходила; ему нравилась её длинноногая фигура, нравились её девичьи повадки, её радостный смех; она всегда казалась по-детски счастливой; а от её щебета, как от песни канарейки, у него делалось весело на душе. А в каком долгу он был у этих неутомимых пальцев, которые мастерили одно, чинили другое; они не только умели рисовать, чертить, шить, лепить и вырезать из дерева, они могли также проникнуть туда, куда пальцам самого мистера Потта, толстым и одеревеневшим, было не попасть. Быстрая, как вспышка молнии, — вот какая она была, жизнерадостная, как жаворонок, надёжная, как скала... «У всех нас есть свои недостатки, — говорил себе мистер Потт, — не одно, так другое...» У мисс Мензиз это были «тары-бары».

Мистер Потт знал, что она уже немолода, но когда она сидела рядом с ним на траве, закрыв глаза и обхватив тонкими руками согнутые колени, и трещала без умолку, покачиваясь взад и вперёд, она казалась ему чем-то вроде вытя-

нувшей не по возрасту школьницы. А как хороши были у неё глаза! Скорее как фиалки, чем незабудки, они освещали, когда были открыты, всё её длинное, худощавое лицо, но она застенчиво отводила их в сторону, если вы смотрели на неё в упор. Сейчас они сияли; поблёскивали суставы длинных пальцев, туго стиснутых на поднятых коленях; даже у её шелковистых, мышиного цвета волос внезапно появился блеск.

— Понимаете, главное — не показывать, что вы их увидели. Замереть, застыть... и никогда не глядеть на них прямо, только уголком глаза. Вроде как на птиц, когда не хочешь их спугнуть.

— ...Их спугнуть, — подтвердил мистер Потт, поскольку мисс Мензиз приостановилась. Иногда, чтобы выказать симпатию к ней и скрыть, что он слушает её вполуха, мистер Потт повторял конец последней фразы мисс Мензиз, а не то, опережая её, произносил последний слог. Если мисс Мензиз говорила: «Король и королевство», — он понимающе вставлял: «...во!» Порой, задумавшись о чём-то, мистер Потт ошибался, и не успевала мисс Мензиз сказать: «...садовая калитка», — как, подхватив последнее слово, он говорил: «... канава», что обоих приводило в смущение.

— Понимаете, я никак не могу понять, что они такое. Я хочу сказать, по величине и вообще они больше всего похожи на эльфов. Как повашему? — настойчиво спросила мисс Мензиз.

— Верно, — ответил мистер Потт, проверяя корявым пальцем, хорошо ли качается на петлях вывеска, и стараясь вспомнить, куда он задевал смазочное масло.

— Нет, не верно. Этот человечек с тюком на спине, которого я видела... он пыхтел. Совсем запыхался. Эльфы не могут пыхтеть. — Мистер

Потт ничего не ответил, и мисс Мензиз звонко сказала: — Или могут?

— Что — могут? — спросил мистер Потт, глядя, как раскачивается вывеска, и огорчаясь, что она так скрипит.

— Пыхтеть! — ответила мисс Мензиз, выжидающе глядя на него.

У мистера Потта сделался тревожный вид; о чём она толкует?

— Пыхтеть? — повторил он. — Понятия не имею.

— И я тоже, — весело согласилась с ним мисс Мензиз, к его огромному облегчению. — Я хочу сказать, мы, в общем, так мало знаем об эльфах...

— Верно, — подтвердил мистер Потт. Он снова чувствовал себя в безопасности.

— ...и об их привычках. Устают ли они и стареют ли, как мы, спят ли ночью, ведут ли домашнее хозяйство. Или про их еду. У нас так мало фактов. Мы даже не знаем, что они...

— Едят, — вставил мистер Потт.

— ...собой представляют, из чего они сделаны. Вряд ли у них та же плоть и кровь, что у нас.

— Вряд ли, — согласился мистер Потт. И вдруг испуганно взглянул на мисс Мензиз — в его уме звучало непривычное слово; неужели она сказала «кровь»? Мистер Потт положил вывеску и обернулся к мисс Мензиз. — О чём, ради всего святого, вы толкуете? — спросил он.

— О том, что по зрелом размышлении эти существа не могут быть эльфами. Да что там! У этого человечка на штанах была дыра, и он пыхтел и отдувался, поднимаясь на холм. Там есть ещё одна — в юбке, а может быть, две — трудно разобрать, сколько их. Я видела в окне руку, кто-то протирал изнутри стекло. Но чья

она — было не разобрать. Белая, как стебель колокольчика, и примерно такой же толщины. Двигалась из стороны в сторону, забиралась во все углы. А потом я нашла очки и рассмотрела её до локтя. Настоящая рука. Рука, а в ней тряпка. Я не верила своим глазам. И всё же в известном смысле это казалось естественным.

— В известном смысле, да, — согласился мистер Потт. Но вид у него был растерянный.

Глава пятая

Для мисс Мензиз началась чуть не самая счастливая пора её жизни, во всяком случае, так ей казалось потом. Она всегда любила наблюдать природу: следила за муравьями в траве, мышами в амбаре, подмечала, как плетут паутину пауки, как строят гнёзда птицы. Она могла часами не двигаться с места; глядя, как паук спускается с листка, она чувствовала и себя пауком и столько раз смотрела, как они плетут паутину, что и сама могла бы её сплести, причём любой самой неудобной формы. По правде сказать, мисс Мензиз даже наводила критику на работу пауков.

— Ну куда же ты, глупый... — шептала она пауку, висевшему в воздухе. — Этот лист тебе не годится, он скоро упадёт. Попробуй зацепиться за колючку...

И вот теперь, сидя, руки вокруг колен, на склоне холма, прикрытая — так она думала — большим кустом чертополоха, мисс Мензиз наблюдала за маленьким народцем. И всё, что она видела, описывала мистеру Потту.

— Их трое, — сказала она несколько дней спустя после первого разговора. — Мать, отец

и худенькая девочка. Сколько им лет, сказать трудно. Иногда мне кажется, там есть и четвёртый... кто-то или что-то, который то появляется, то исчезает. Какая-то неуловимая тень. Но, возможно, — мисс Мензиз радостно вздохнула, — это просто моя...

— Выдумка, — сказал мистер Потт.

— Фантазия, — поправила его мисс Мензиз. — Странно, что вы не видели их.

Мистер Потт, занятый кирпичиками, не ответил. Он решил, что речь идёт не об игрушечном Виноградном домике у него в саду, а о настоящем доме под таким же названием в Фордэме и мисс Мензиз передаёт ему местные пересуды.

— Вы не представляете, что они там делают. Это просто чудо! Парадная дверь не открылась, наверно, покоробилась от дождя. Весь вчерашний день он трудился над ней, скрёб чем-то, похожим на лезвие бритвы. А ещё они сняли занавески, которые я сшила для «Короны и якоры», и повесили у себя, так что теперь нельзя заглянуть в окна. Я бы и так не решилась заглядывать, понимаете, близко к ним подходить нельзя. А Главная улица такая узкая. Потрясающе, правда?

Мистер Потт что-то буркнул. Помешивая кашу из кирпичной муки и клея, он хмурился и сердито сопел. Сплетни о соседях... он этого не одобрял никогда. И мисс Мензиз до сих пор тоже. Болтушка — да, но леди до мозга костей. «Это на неё не похоже, — печально думал он, — заглядывать в чужие окна... нет, совсем не похоже».

А она принялась рассказывать о пальто начальника станции.

— ...Понимаете, она взяла его. Вот куда оно исчезло. Она взяла его для него... оно такое

красивое, и пуговицы золотые... и он надевает его по вечерам после захода солнца, когда делается прохладно. Я не удивлюсь, если она в один прекрасный день снимет со священника сутану. Ну чем не платье? И по размеру ей в самый раз. Но, конечно, это бы сразу бросилось в глаза. А они умные. Всякий бы заметил, что у священника исчезла сутана — ведь он стоит в дверях церкви у всех на виду. А чтобы увидеть начальника станции, нужно заглянуть внутрь вокзала, а это теперь трудно; он может оставаться голым неделю за неделей, и никто об этом не узнает.

Мистер Потт перестал помешивать кирпичное тесто и возмущённо посмотрел на мисс Мензиз. Она с испугом взглянула в его круглые сердитые глаза.

— Что такое? — спросила она тревожно.

Мистер Потт глубоко вздохнул.

— Если вы сами не понимаете, — сказал он, — что толку говорить?

Не очень-то логичное высказывание. Мисс Мензиз снисходительно улыбнулась и положила руку ему на плечо.

— Но им ничто не грозит, — успокоила она мистера Потта, — у них всё в порядке.

Он сбросил её руку и продолжал мешать, тяжело дыша и грохоча мастерком.

— Им много чего грозит, — сказал он сурово, — от злых языков. Я видел, как сплетни разрушали семьи и разбивали сердца.

Немного помолчав, мисс Мензиз сказала:

— Да мне вовсе не жалко этого пальто. — Мистер Потт фыркнул, но она продолжала: — По правде говоря, я собиралась сшить им одежду. Я думаю оставить её на траве, чтобы они её нечаянно нашли и не догадались, откуда она появилась...

— Так-то лучше, — сказал мистер Потт, соскребая крошку с кирпича.

Мисс Мензиз ничего не сказала. Она молчала так долго, что мистер Потт это заметил. Может быть, он был с ней слишком резок? Мистер Потт посмотрел искоса на мисс Мензиз. Сжав колени руками, она сидела и улыбалась в пространство.

— Понимаете, я их люблю, — прошептала она.

Больше мистер Потт её не прерывал. Если интерес мисс Мензиз проистекает из сердечной склонности, тогда другое дело. День за днём он кивал и улыбался, а мисс Мензиз заливалась соловьём. Нежные, весёлые слова обгоняли друг друга и растворялись в солнечном свете, отскакивая от мистера Потта, редко когда что-нибудь привлекало к себе его внимание. Так было даже в тот знаменательный день в июне, когда мисс Мензиз, запыхавшись, кинулась на траву рядом с ним, чтобы поскорей поделиться своей потрясающей новостью.

Мистер Потт во второй раз просмаливал шпалы и, держа в одной руке жестянку со смолой, в другой — кисть, медленно продвигался вдоль рельсов, вытянув вперёд деревяшку. Мисс Мензиз, не переставая рассказывать, тоже, чтобы не отстать, двигалась вместе с ним.

— ...И когда она заговорила со мной, — захлёбываясь, продолжала мисс Мензиз, — я не поверила своим ушам. Вы бы и сами изумились.

— Возможно, — сказал мистер Потт.

— Такое крошечное создание... и ничуть меня не боится. Сказала, что следила за мной много недель подряд.

— Поди ж ты! — учтиво проговорил мистер Потт и стёр с рельсов каплю дёгтя. — Так-то

лучше, — сказал он, любуясь блеском стали. «Нигде ни крошки ржавчины», — радостно думал он.

— Теперь я знаю, как их зовут и всё прочее. Их зовут добывайки.

— Догадайки? — переспросил мистер Потт.

— Нет, добывайки.

— А, догоняйки, — сказал мистер Потт, размешивая дёготь, банка с ним стояла в ведёрке с горячей водой. «Пожалуй, немного загустел», — подумал он, подняв кисточку и смотря на падающие капли.

— Но это не фамилия, — продолжала мисс Мензиз, — их фамилия Куранты, а это название их народа — вроде национальности. Они добывают себе пропитание, как мыши... или птицы... бедняжки. Я думаю, они произошли от людей и живут на то, что перепадёт от людей же на их долю. У них нет ничего своего. И, конечно, у них нет денег... О, это неважно, — сказала мисс Мензиз, когда мистер Потт сочувственно, хотя и рассеянно покачал головой. — Деньги им ни к чему. Они бы не знали, что с ними делать. Но им нужно как-то жить...

— ...и давать жить другим, — бодро подхватил мистер Потт. Ему понравилась эта фраза, и он надеялся, что он ещё где-нибудь её вставит.

— Но они вовсе не мешают жить другим, — сказала мисс Мензиз. — Они никогда не берут ничего существенного. Кроме... ну, я не совсем уверена насчёт пальто начальника станции. Но если подумать, начальнику станции оно нужно для вида, а не для тепла. Ведь он сделан из воска. Да оно ему и не принадлежит — сшила-то его я. И уж если об этом зашла речь, самого начальника тоже сделала я. Так что пальто это на самом деле моё. А меня оно не согреет.

— Не согрееет, — рассеянно согласился мистер Потт.

— А вот добывайкам ещё как нужно тепло. Им нужно топливо, и крыша над головой, и вода, и им очень нужны люди. Хотя они людям не доверяют. И правильно делают, по-моему. Стоит только почитать газеты. Но это грустно, правда? То, что они нам не доверяют, хочу я сказать. Что было бы приятней для человека — вроде меня, например, — чем приютить их под своим кровом? Не то чтобы мне было одиноко, дело не в этом. — Глаза мисс Мензиз подозрительно заблестели, слова стали обгонять друг друга. — Мои дни слишком заполнены, чтобы я томилаь от одиночества. У меня столько разных увлечений, я не отстаю от жизни. И у меня есть мой старый пёс и две птички. Но всё равно, это было бы так мило... Я знаю теперь их имена — Под, Хомили и маленькая Арриэтта. Эти создания умеют говорить. Вы только представьте, — она неожиданно рассмеялась, — я буду теперь шить для них с утра до ночи! Смастерю им разные вещи. Куплю что надо. Я... но мне не надо вам объяснять...

— Не надо, — сказал мистер Потт. — Я вас понимаю...

Но, по правде говоря, он ничего не понимал. Ему казалось невежливым, хотя высказать это словами он бы не смог, то, что мисс Мензиз называет семью своих новых друзей «создания». Тем более, если они попали в беду... Но, с другой стороны, она всегда выбирает такие странные слова и выражения...

— Наверно, девочка потому и заговорила со мной, — продолжала мисс Мензиз, — что чувствовала себя в безопасности. Они всегда...

— ...Знают, — услужливо закончил мистер Потт.

— Да. Как звери, и дети, и птицы, и... эльфы.

— Ну, за эльфов я бы не поручился, — сказал мистер Потт. И если уж на то пошло, он не поручился бы и за зверей; мистер Потт подумал о барсуке, которому он спас жизнь: если бы тот знал, мистер Потт не лишился бы ноги.

— Чего только они не натерпелись, бедняжки! — Глаза мисс Мензиз скользнули вниз и остановились у подножья холма: группки миниатюрных домиков, дымящие трубы, церковь, кузница, поблёскивающие рельсы — всё дышало миром и покоем. — Для них было чудом, сказала мне Арриэтта, попасть в наш городок.

Мистер Потт кивнул. Он подвинулся вперёд на два шага и переставил жестянку со смолой. Мисс Мензиз, поглощённая своим рассказом, казалось, ничего не заметила. Обхватив колени, полузакрыв глаза, она продолжала нараспев, словно читала стихи:

— Стояла полная луна, говорит Арриэтта, когда они сюда прибыли. Вы можете это себе нарисовать? Яркий свет, резкие тени. Им надо было занести на берег кучу всяких вещей, а легко, думаете, пробраться через камыш, что растёт у воды!.. Спиллер — так зовут дикого добывайку — провёл Арриэтту по всему городку. Они зашли на вокзал, и она увидела все эти фигуры, которые я слепила: женщину с корзинкой, и старика, и девочку, все они сидели в ряд на скамье тихо и неподвижно, а за ними — солдат с ранцем. Пёстрые от лунного света, падающего на них сквозь деревянную резьбу на вокзальной крыше, они были совсем как живые, говорит Арриэтта, но казалось, что они околдованы или слушают музыку, которая им со Спиллером была не слышна. Арриэтта тоже стояла тихо, глядя во все глаза на их бледные лица, освещённые лу-

ной. Но тут внезапно раздался шорох, и прямо по неподвижным фигурам пробежал большой чёрный жук. Арриэтта увидела, что они неживые. Вообще-то она не боится жуков, даже любит их, но здесь она завизжала что есть мочи... Она говорит, в касе растут поганки, а когда они вышли из вокзала, по Главной улице туда и сюда шныряли мыши. А на ступенях церкви стоял священник в чёрной сутане — безмолвный, неподвижный. И всюду лунный свет...

Хомили сразу приглянулся Виноградный домик. И её можно понять, он и правда радует глаз. Но дверь не открывалась, видимо, разбухла от дождей, а когда они распахнули окно, увидели, что внутри что-то есть и пахнет сыростью. Спиллер сунул в окно руку, и знаете, что оказалось? — комната заросла травой до самого потолка. Белая, как шампиньоны, ведь росла она в темноте. Так что первую ночь добывайкам пришлось провести под открытым небом.

Но следующий день, говорит Арриэтта, был чудесным. Яркое солнце, весенние запахи и первая пчела. Понимаете, добывайкам всё так хорошо видно — каждый волосок на бархатной спинке пчелы, прожилки и переливы красок на крыльях. Мужчины, — мисс Мензиз рассмеялась, — ну а как иначе их назвать? — очистили дом от сорняков, выкосили их кусочком бритвы и половинкой ножниц. Потом привели в порядок крышу. Спиллер нашёл кокон бабочки и подарил его Арриэтте. Она держала его у себя до прошлой недели. Оказалось, что это красный адмирал. Арриэтта смотрела, как бабочка вылезает из кокона. Но когда появились концы крыльев и все поняли, каких она размеров, поднялась паника. В самый последний момент им удалось вытолкнуть бабочку наружу через парадную дверь. Если бы она расправила крылья, она бы заняла всю комнату от стены до стены. Представьте, что в вашей комнате оказалась огромная бабочка, величиной со слона, и нет никакой возможности выпустить её! Фантастика! Даже подумать об этом страш...

— ...но, — добавил мистер Потт.

— Неделю спустя они нашли вашу кучу песка и, когда углубили пол, засыпали его песком и утрамбовали. Прыгали и топали, колотили и хлопали. Целое утро отплясывали, как сумасшедшие. Ну и весело было, говорит Арриэтта. А три недели назад они добыли у вас кирпичное тесто. Вы как раз смешали клей с кирпичной пылью... помните?.. для последней партии кирпичей. Они наложили его поверх песка, ну, и ещё кое-что сделали, и теперь, говорит Арриэтта, пол стал ровный и гладкий. Они подметают его головками чертополоха. Но он ещё не рас-

цвёл, говорит она, лепестки стиснуты слишком тесно. Позднее они будут удобнее...

Наконец до мистера Потта дошёл смысл её слов.

— Моя куча песка? — медленно сказал он, оборачиваясь.

— Да, — рассмеялась мисс Мензиз, — и ваше кирпичное тесто.

— Моё кирпичное тесто? — повторил мистер Потт и замолчал, словно обдумывая то, что она сказала.

— Да, — снова засмеялась мисс Мензиз, — но они берут такую малость... самую крошку.

— Моё кирпичное тесто, — повторил мистер Потт. И когда он обернулся к мисс Мензиз, лицо его показалось суровым, даже гневным. — Где эти люди? — спросил он.

— Но я же вам говорила! — воскликнула мисс Мензиз, и, так как он всё ещё выглядел сердитым, она взяла его мозолистую руку в свои, словно желая помочь ему подняться. — Пошли, — тихо проговорила она, всё ещё улыбаясь, — пошли, и я вам покажу. Только не шумите.

Глава шестая

— Главное — не двигаться, — шепнул Под Арриэте, когда впервые заметил мисс Мензиз, сидевшую на корточках за кустом чертополоха. — Они не ожидают нас увидеть и, если ты не двигаешься, на самом деле не видят. И никогда не гляди на них прямо, только искоса. Понимаешь?

— Ещё бы не понимать... Я слышала это сто раз. Не двигайся, не шевелись... тихо, спокойно... ползком, тишком... Что толку тогда быть живым?

— Ш-ш, — сказал Под и положил руку ей на плечо.

Последнее время Арриэтта была сама не своя. «Словно, — подумал Под, — у неё камень на сердце». Но обычно она не грубила. Под решил пропустить её слова мимо ушей: переходный возраст скорее всего.

Они стояли в жёсткой траве, доходившей им до плеч, так что видны были только головы.

— Понимаешь, — прошептал Под, не разжимая губ, — мы ей кажемся цветком или каким-нибудь другим растением. Возможно, бутонами...

— А если ей вздумается нас сорвать? — раздражённо сказала Арриэтта.

У неё ныли ноги, и страшно хотелось сесть на землю; десять минут переросли в пятнадцать, и по-прежнему никто из троих не шевельнулся.

На травинку рядом с Арриэттой взобрался муравей, помахал усиками и поспешил вниз; под листом подорожника спал слизень, время от времени лист колыхался — это слизень ворочался с боку на бок. «Ему, наверно, что-то снится, — подумала Арриэтта, любуясь бликами на глянцевитой, серой с красным отливом коже. — Если бы отец не был таким старомодным, — подумала она виновато, — я бы рассказала ему про мисс Мензиз, и мы могли бы уйти. Но, на его взгляд и на взгляд мамы, если тебя увидят, это позор, чуть не трагедия, надо бросать свой дом, переселяться в чужие края и там начинать всё сначала. Легко ли это для них! По их понятиям, с той минуты, как о твоём существовании узнали, жизнь твоя в опасности, и увиденный добывайка должен немедленно скрыться».

При всём том за пятнадцать лет её короткой жизни Арриэтту видели четыре раза. Что за непонятное чувство, спрашивала она себя, так

страстно влечёт её к человекам? А в этот — четвёртый — раз даже заставило заговорить с мисс Мензиз. Без сомнения, она поступила опрометчиво и глупо, но какой трепет восторга и ужаса её охватил, когда ей ответило это огромное создание, когда глаза великанши засияли радостью, а огромные губы раздвинула ласковая улыбка. Стоило однажды заговорить с человеком без всяких дурных последствий, и трудно было устоять от соблазна сделать это ещё раз. Арриэтта дошла до того, что сама подстерегала мисс Мензиз. Возможно, потому, что её истории вызывали у мисс Мензиз восхищение, а Арриэтте — когда Спиллер их покидал — часто бывало одиноко.

Ах, с каким удовольствием она вспоминала о первых днях в игрушечном городке! Как замечательно было кататься со Спиллером в поезде! Они забирались потихоньку в полупустой вагон, а когда поезд трогался, сидели так тихо и неподвижно, будто они, как и прочие пассажиры, были вылеплены из воска. Они кружили по кругу, десятки раз проезжая мимо Виноградного домика, а на обратном пути пересекая по мостику ручей. Над ними склонялись лица человеков, они видели перед чёрным ходом в дом мистера Потта ряды туфель и сапог, видели ноги — толстые, тощие, в чулках, босые. Они слышали смех человеков и их удивлённые возгласы. Это было страшно и упоительно, но почему-то рядом со Спиллером Арриэтта чувствовала себя в безопасности. За поездом стелился хвост дыма. Такой же дым валил из труб всех домиков — для этого в трубу засовывали пучок промоченной нитратом верёвки и прикрепляли его шпилькой-невидимкой. «Вы видели мои шпильки-невидимки?» — как-то спросила мисс Мензиз мистера Потта — на редкость несуразный вопрос. Одна-

ко в Виноградном домике Под вытащил крючком тлеющую верёвку и зажёл вместо этого настоящий огонь, который Хомили подкармливала кусочками сальных свечей, угольной крошкой и смолистыми крупинками шлака.

Не кто иной, как Спиллер, дикарь Спиллер, помог Арриэтте разбить садик и найти для него белый первоцвет, маленькие голубые цветочки незабудки, похожую на папоротник кудрявую травку и заячью капусту с крошечными светло-розовыми лепестками. С помощью Спиллера она засыпала щебнем дорожку и сделала лужайку из мха.

Мисс Мензиз с восторгом наблюдала за этим из своей засады. Арриэтту она видела ясно, но Спиллера, этого добывайку-исчезайку, она разглядеть не могла. То стремительный, то недвижимый, нюхом чующий, где укрыться от чужих глаз, он в любой момент мог слиться с любым фоном и исчезнуть.

Вместе со Спиллером Арриэтта обследовала все остальные дома Литл-Фордэма, удила рыбу и купалась под прикрытием камышей.

«Настоящий мальчишка, — ворчала Хомили. Ей не нравилось влияние Спиллера. — Он не такой, как мы, он совсем другой породы, — жаловалась она Поду в припадке неблагодарности, — пусть он и спас нам жизнь».

Стоя рядом с отцом в траве и думая обо всём этом, Арриэтта вдруг почувствовала, каким бременем легла на неё её тайна. Она осознала с тревогой, что, обыщи родители хоть весь белый свет, они не найдут лучшего места для жизни — целый городок, подогнанный под их рост, где благодаря посетителям была на редкость богатая добыча. Арриэтта уже не помнила, когда мать последний раз напевала, возясь по хозяйству, как это было сейчас, а отец, что-то

беззвучно насвистывая, расхаживал по улицам городка.

«Укрытый» в Литл-Фордэме было хоть отбавляй, но добываяки в них не нуждались. Между ними и восковыми фигурками почти не было разницы, и по вечерам после закрытия Под мог гулять сколько ему вздумается, если он не боялся замёрзнуть. А сколько он приносил тряпич на одежду! У Хомили наконец снова появилась шляпка, и она никогда не выходила без неё из дому. «Погодите, — говорила она, — я ещё не надела шляпку». С каким волнением и радостью она произносила магическое слово! Нет, выселять их отсюда нельзя, это было бы жестоко. Под даже приделал к парадной двери замок... с ключом. Это был замок от карманного футлярчика для бус, принадлежавшего мисс Мензиз. Он и не догадывался, кому он обязан этой находкой, ведь мисс Мензиз нарочно бросила футлярчик возле куста чертополоха, чтобы его легче было увидеть. Арриэтта не могла даже намекнуть на это отцу. Стоило ему узнать правду, и их ждали тревога, отчаяние, взаимные упреки и переселение в другое место. Она уже не раз через это прошла.

— О боже, боже, — печально вздохнула Арриэтта, — как мне быть?

Под искоса взглянул на неё.

— Опускайся, — шепнул он, подталкивая её. Она отвернулась. — Опускайся в траву... медленнее... медленнее...

Арриэтта была только рада это сделать. Головы и плечи добываек понемногу скрылись из виду, и, прислушавшись к тишине, они пробрались между стеблями травы, укрылись на миг за стеной церкви и скоро были в безопасности, проскользнув через чёрный ход в свой собственный дом.

Глава седьмая

Настал день, когда мисс Мензиз сама принялась говорить. Сперва она молчала — от изумления — и ограничивалась наводящими вопросами, чтобы вызвать Арриэтту на разговор. Для мисс Мензиз это положение вещей было в новинку и не могло тянуться долго. К концу лета она знала мельчайшие подробности короткой жизни Арриэтты и много чего ещё. Она услышала о добытой Подом библиотеке из книжек-малюток писателей-викторианцев, по которым Арриэтта научилась читать и частично познакомилась с миром. Мисс Мензиз расширила это знакомство. Как всегда торопливо, не переводя дыхания, она принялась весело рассказывать Арриэтте о своём детстве, родителях и родном доме, который она неизменно называла «милый Гэдстон». Она описывала лондонские балы, которые были ей ненавистны, и молодого человека по имени Обри — самого близкого и дорогого её сердцу друга.

«Мой кузен, понимаешь? Мы росли вместе, можно сказать — с самого детства. Он всегда приезжал в милый Гэдстон на каникулы». Они с мисс Мензиз вместе ездили верхом, беседовали, читали стихи. Узнав от мисс Мензиз о лошадях, Арриэтта подумала, нет ли такой зверушки, на которой она могла бы кататься? Можно приручить мышь (как её двоюродная сестра Эглтина), но мышь слишком маленькая и суматошливая, на ней далеко не уедешь. Крысу? Нет, об этом не может быть и речи. Арриэтта не была уверена, что даже у Спиллера хватит смелости дрессировать крысу. Сражаться с ней — да. Вооружённый старой шляпной булавкой Пода, Спиллер мог бы вступить с ней в бой, но укро-

тить и выехать её — вряд ли. А как замечательно было бы скакать во весь дух рядом со Спиллером, как скакала мисс Мензиз с её Обри.

— Он женился на девушке по имени Мэри Чамли-Гор, — сказала мисс Мензиз. — У неё были очень толстые ноги.

— Ах! — воскликнула Арриэтта.

— Почему ты сказала «ах» таким тоном?

— Я думала, он женится на вас.

Мисс Мензиз улыбнулась и поглядела на свои руки.

— Я тоже так думала, — призналась она. И добавила, вздохнув: — Наверно, он слишком хорошо меня знал. Как сестру. — Она снова замолкла и задумалась. Затем сказала весело: — Однако они были счастливы, насколько я знаю. Жили где-то неподалёку от Бата и вырастили пятерых детей.

Ещё до того, как Арриэтта объяснила ей это, мисс Мензиз сама поняла, что значит для добывайки, если его увидят.

— Можешь не волноваться за родителей, — успокоила она Арриэтту. — Я бы никогда, даже если бы ты не заговорила об этом, не стала смотреть на них в упор. Что касается нас — за мистера Потта я ручаюсь, — они могут спокойно жить здесь до конца своих дней. Я бы даже на тебя не посмотрела прямо, если бы ты сама не заговорила со мной. Но ещё до того, как я увидела вас, мне кое-что стало казаться странным... понимаешь, из вашей трубы шёл дым в самое неподходящее время; ведь я зажигаю верёвку только тогда, когда приходят посетители, и её не хватает надолго.

— И вы не станете поднимать никого из нас? Я хочу сказать — брать нас в руки?

Мисс Мензиз презрительно рассмеялась.

— Мне бы это и в голову не пришло, — обиженно проговорила она.

Мисс Мензиз поняла также насчёт Спиллера, что когда он ненадолго появляется в Литл-Фордэме со своими дарами: орехами, зёрнами пшеницы, сваренными вкрутую ласточкиными яйцами и другими деликатесами, — Арриэтта реже приходит к ней. Но когда Спиллер опять уходит, она с удовольствием слушала рассказы об их приключениях.

В общем и целом это было для всех них чудесное, счастливое лето.

Правда, несколько раз у добываек возникал переполох. Как-то перед рассветом они услышали человечесьи шаги — это не был мистер Потт со своей деревяшкой, — кто-то пытался открыть их дверь. А однажды лунной ночью в городок наведалься лиса; она бесшумно кралась по улице, отбрасывая огромную тень и оставляя за собой резкий запах. Постоянным источником опасности была живущая на дубе сова. Но, как большинство сов, она охотилась далеко в полях, и когда её огромная тень пропадала за рекой и они слышали её уханье с дальнего края долины, можно было спокойно отправляться по своим делам.

За добычей ходили чаще всего ночью, до того, как на объедки, которые роняли посетители, набрасывались полевые мыши. На первых порах Хомили воротила нос, когда, скажем, ей приносили початый бутерброд с ветчиной. Под уговорил её смотреть на вещи практичней — свежий хлеб, натуральное масло, чистый бумажный мешок; что хорошо для человека, должно быть хорошо для них. Чем плохи, спрашивал он её, последние три виноградины на ощипанной грозди? Ты же можешь их вымыть в ручье. Можешь снять с них

кожицу. А что плохого в карамельке, завёрнутой в прозрачный фантик? Наполовину съеденные булочки с изюмом и глазурью труднее обработать — тут он согласен, — но ведь можно выковырнуть изюм, не так ли? А сахарную поливу соскрести и крупинки высушить.

Вскоре у них установился определённый порядок, в котором они собирали добычу, сортировали её, чистили и заготавливали впрок. Кладовой им служила лавка мисс Мензиз с её полного — чего не знали Хомили и Под — согласия. Обставляя в своё время лавку (с тех пор прошло несколько лет), она немного схитрила — съездила в соседний город и купила там игрушечный бакалейный магазин с полным комплектом всего, что положено: весами, бутылками, жестянками, бочонками и стеклянными банками. При их помощи мисс Мензиз искусно убрала прилавок и украсила витрину. Лавка эта, в точности такая же, как у них в городке, — полукруглый «фонарь», крыша, крытая тростником, и всё прочее, — особенно привлекала посетителей. Внутри, за прилавком, стояла точная копия старой миссис Пербоди (немного постройнее, чтобы ей польстить). Мисс Мензиз даже связала для неё такую же красную шерстяную шаль, как та, что и зимой и летом красовалась на плечах миссис Пербоди, почти целиком прикрывая накрахмаленный белый передник. Разбирая продукты в задней комнате лавки, Хомили брала на время этот передник, но всегда вовремя возвращала его перед приходом посетителей. Иногда она его стирала и каждое утро — точно, как часы, — подметала лавку и вытирала там пыль.

Целый день поезда гроыхали по шпалам, но добывайки привыкли к шуму, даже, сказать по правде, были ему рады.

Когда они слышали грохот колёс, а над трубами появлялся дымок, добывайки знали: пора уходить — сейчас придут посетители. Хомили успевала снять фартук, выйти из лавки и, перейдя улицу, очутиться у себя. И пока поезда не останавливались и не наступала тишина и покой, она занималась приятными домашними делами. Сад безмятежно дремал в мирных лучах вечернего солнца, а мистер Потт заходил в дом выпить чай.

Глава восьмая

— Должен же быть какой-то выход, — сказала — Д в отчаянии миссис Плэттер в пятый раз за час, — посмотри, сколько денег мы угробили.

— «Угробили» — самое здесь подходящее слово, — сказал мистер Плэттер. — И что меня больше всего бесит — у этого Эйбла Потта, похоже, всё получается само собой, он из кожи вон не лезет. Похоже, ему всё равно, приходят к нему люди или нет. «Игрушечный город с живыми обитателями» — вот что будет скоро написано у него на дверях, и тогда нам конец. Раз и навсегда. Лучше признать своё поражение, поверь мне, и сбыть с рук дело, пока оно на ходу.

— Должен же быть какой-то выход... — упрямо повторила миссис Плэттер.

Они сидели, как и всегда, за зелёным столиком на своей чисто прибранной лужайке. В этот воскресный вечер она была ещё чище, чем всегда: только пять человек остановились у них, чтобы выпить чай на берегу реки. Перед этим два воскресенья подряд с утра до ночи лил дождь, а в следующее — то, о котором идёт речь, — все отправились смотреть на, как называли это

местные жители, «воздушное плавание»: подъём воздушного шара с ярмарочной площади, где в палатках продавались чай, мороженое и сахарная вата, а для желающих была карусель. В субботу люди отправились смотреть сам воздушный шар (шесть пенсов за право один раз пройти мимо канатного ограждения), а сегодня, в воскресенье, сотни их устремились в Фордэм, чтобы увидеть, как он взлетит. Мимо Бэллихоггина двигался поток экипажей и автомобилей, не обращая никакого внимания на вывеску «Чай на берегу реки». Грустное это было зрелище для мистера и миссис Плэттер. Их настроение не стало лучше, когда часа в три пополудни этот злосчастный воздушный шар проплыл прямо над их головами, чуть не задев дерево, которое росло перед домом. Им даже был виден сам «воздушный плаватель», глядевший — с насмешкой, как им казалось, — прямо в пылавшие яростью глаза мистера Плэттера.

— Что толку повторять: «Должен же быть какой-то выход», — раздражённо сказал он. — День и ночь я ломаю себе голову, да и ты тоже. Когда все помешались на воздухоплавании, а Эйбл Потт преподнёс такой сюрприз, нам с ними не тягаться. Всё. Конец. Неужели не ясно? Нам ничего не осталось... разве что выкрасть их.

— Почему бы и нет, — сказала миссис Плэттер.

— Что — нет?

— Почему бы нам и не выкрасть их? — спросила миссис Плэттер.

Мистер Плэттер вытаращил на неё глаза. Открыл рот, снова закрыл его.

— Но это невозможно, — выдавил он наконец из себя.

— Почему? — снова спросила миссис Плэттер. — Он их ещё никому не показывал. Никто не знает, что они у него есть.

— Но это же будет... я хочу сказать — это уголовное преступление.

— Ну и пусть, — прервала его миссис Плэттер. — Мы пойдём на него.

— О, Мейбл! — ловя ртом воздух, произнёс мистер Плэттер. — Хорошенькие вещи ты говоришь! — Но на его лице страх постепенно уступал место восхищению.

— Другие люди совершают их, — твёрдо сказала миссис Плэттер, нежась в лучах его внезапного одобрения. — Чем мы хуже?

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал мистер Плэттер, он всё ещё не мог прийти в себя.

— Всё когда-нибудь делаешь впервые, — изрекла миссис Плэттер.

— Но, — мистер Плэттер нервно сглотнул, — но преступников сажают в тюрьму. Я не против того, чтобы выложить лишние деньги, на это я готов, душенька, всегда был готов, сама знаешь. Но это... О, Мейбл, такое могло прийти в голову только тебе!

— Не спорю, я говорила, что должен быть какой-то выход, — скромно признала миссис Плэттер. — Но чтобы выкрасть их, потребуются здравый смысл. Мы просто не можем сидеть сложа руки.

— Ты права, — сказал мистер Плэттер, — у нас нет другого выхода. Ни одна живая душа не станет винить нас за это.

— Ни одна живая душа, — торжественно подтвердила миссис Плэттер; голос её звучал горячо и твёрдо.

Мистер Плэттер перегнулся через столик и потрепал её по руке.

— Я снимаю перед тобой шляпу, Мейбл, за твоё бесстрашие и находчивость. Ты замечательная женщина.

— Спасибо, душенька, — сказала миссис Плэттер.

— Ну а теперь подумаем, как нам сделать это... — предложил деловым тоном мистер Плэттер. Он принялся задумчиво протирать очки. — Орудия труда, транспорт, время суток...

— Нет ничего проще, — прервала его миссис Плэттер. — Ты берёшь лодку...

— Это само собой понятно, — снисходительно сказал мистер Плэттер. Он водрузил на нос очки, спрятал платок в карман, откинулся на спинку стула и принялся барабанить пальцами по столу... — Разреши мне немного подумать...

— Ну, разумеется, Сидни, — сказала миссис Плэттер и сложила руки на коленях.

Прошло несколько минут. Наконец мистер Плэттер откашлялся и через столик взглянул на жену.

— Тебе придётся пойти со мной, душенька, — сказал он.

Миссис Плэттер испуганно вздрогнула; её спокойствие рассеялось, как дым.

— Ой, Сидни, я не могу. Ты сам знаешь, как я боюсь воды. Возьми кого-нибудь из работников.

— Невозможно. Они станут болтать.

— А как насчёт Эгнис Мерси?

— Ей тоже нельзя доверять, и недели не пройдёт, как об этом узнает всё графство. Нет, душенька, кроме тебя никому.

— Я бы с радостью тебе помогла, Сидни, — запинаясь, произнесла миссис Плэттер, — если бы мы пошли по дороге, вкруговую. В эту лодку мне не влезть.

— К нему в сад с дороги не попадёшь, разве что через дом. А по бокам густая изгородь

из остролиста, и ни калитки, ни другого какого прохода. Нет, душенька, я всё это продумал: подобраться туда можно только по воде. Перед самым рассветом, когда все будут спать, включая Эйбла Потта. Нам понадобится крепкая картонка, сачок для ловли креветок и фонарь. У нас есть запасные фитили?

— Да, полно. Лежат в мансарде.

— Там мы и будем держать их... этих... кто они там...

— В мансарде?

— Да. Я всё взвесил, Мейбл. Это единственное место, которое всегда под замком... ведь мы храним там все летние принадлежности. Надо, чтобы им... этим... было тепло и сухо; они будут жить там целую зиму, пока я построю для них дом. Собственно говоря, они тоже войдут в число принадлежностей. Я поставлю на дверь две задвижки и ещё один замок и прибью железную полоску внизу. Пусть попробуют выбраться оттуда! Понимаешь, — продолжал мистер Плэттер серьёзно, — мне нужно время, чтобы сделать для них подходящий дом. Это скорее должна быть клетка, но по виду напоминать дом. Понимаешь, что я хочу сказать? Надо, чтобы они были видны снаружи и в то же время чтобы они не могли вылезти изнутри. Тут немало придётся потрудиться, Мейбл.

— Ты справишься, душенька, — подбодрила его миссис Плэттер. — Но, — призадумалась она, — что, если Потт придёт сюда и узнает их? Каждый может купить билет.

— Не придёт. Он так занят своими поделками, что верней всего и не слышал о нас или Бэллихоггине, а возможно, и об Уэнт-ле-Крейсе. Но даже если он и увидит их — что с того? Как он докажет, что они принадлежат ему? Он

хранил их в тайне, верно? Никто их не видел... иначе об этом говорили бы по всему графству. И в газетах бы написали, надо думать. Людей в Фордэм понаехало бы без счёта. Нет, душенька, на слово ему не поверят. Пойди докажи, кто из нас прав. Но действовать надо быстро, Мейбл, и ты должна мне помочь. До конца сезона осталось две недели; может быть, он решил придержать их и выставить на обозрение только будущей весной. А может быть, покажет их сразу... Тогда мы пропали... Понимаешь, что я имею в виду? Ничего не известно...

— Да, — сказала миссис Плэттер. — Ладно. Что я должна делать?

— Ничего особенного, только не терять головы. Я возьму фонарь и картонку, а ты понесёшь сачок. Выйдешь за мной на берег и будешь идти сзади след в след, куда — увидишь, у нас же будет фонарь. Я покажу тебе их домик, и единственное, что от тебя требуется, — накинуть сачок на его крышу и заднюю стену и прижать его как можно плотней. Затем я подниму шум у их парадной двери — они запирают её на ночь, я это узнал. И — запомни мои слова — как только они услышат шум, они кинутся бежать... через чёрный ход. И попадут прямоком в сачок. Понимаешь? Ты только прижимай его покрепче к стене дома. А у меня к тому времени уже будет наготове картонка и крышка. По моей команде ты взмахнёшь сачком в воздухе и высыпешь их в картонку. Я закрою её крышкой, и дело с концом.

— Да, — неуверенно сказала миссис Плэттер. Немного подумав, она спросила: — А они не кусаются?

— Не знаю. Видел их только издалека. Но если и укусят, — то несильно.

— А если один выпадет из сачка или ещё что-нибудь?

— Постарайся, чтобы этого не случилось, Мейбл. Я хочу сказать, их всего-навсего три или четыре. Мы не можем допустить, чтобы хоть один пропал...

— Ах, Сидни, лучше бы ты взял кого-нибудь из мужчин. Я даже грести не умею.

— А тебе и не надо грести. Грести буду я. Единственное, что тебе надо, Мейбл, это держать сачок и выйти за мной на берег. Я покажу тебе их домик, и всё будет кончено в два счёта. Ты и ахнуть не успеешь, как мы уже снова будем в лодке.

— А собака у него есть?

— У Эйбла Потта? Нет, душенька, он не держит собак. Всё будет хорошо. Положись на меня и делай, как я скажу. Хочешь, пойдём сейчас на остров и попрактикуемся на одном из наших домиков? Сбегай в мансарду и возьми сачок, а я захвачу вёсла. Придётся тебе себя пересилить, — раздражённо добавил мистер Плэттер, видя, что жена всё ещё колеблется. — Каждый из нас должен внести свою долю. Честь по чести.

Глава девятая

На следующий день полил дождь, он шёл с короткими перерывами целых десять дней. Даже у мистера Потта сократился поток посетителей. Нельзя сказать, чтобы это его огорчало: у них с мисс Мензиз было достаточно работы в доме. Сидя за длинным кухонным столом, они чинили, перешивали, перекрашивали, промасливали, лепили и, что надо, делали заново. Лампа бросала на них мягкий свет. Перекрывая шум

дождя, в котелке на плите булькал клей, рядом с ним пел песенку чайник. Наконец наступило первое октября — последний день сезона.

— Мистер Потт, — сказала мисс Мензиз после короткой паузы, когда слышалось только её дыхание (она простёгивала пуховое одеяло для двуспальной кровати Хомили — занятие не из лёгких). — Я очень беспокоюсь.

— О! — сказал мистер Потт. Он делал ограду из спичек, осторожно приклеивая их друг к другу с помощью пинцета и тонкой колонковой кисточки.

— Говоря по правде, — продолжала мисс Мензиз, — я просто места себе не нахожу. Вы можете меня выслушать?

Эта прямая атака застала мистера Потта врасплох.

— Что, случилась какая-нибудь беда? — спросил он.

— Боюсь, что да. Я уже три дня как не вижу Арриэтту. А вы?

— Пожалуй, тоже нет.

— И никого из них?

Мистер Потт молчал, перебирая в памяти события последних дней.

— Нет, — наконец сказал он, — не припомню, думаю, что нет.

— Мы с ней сговорились встретиться в понедельник у ручья, но она не появилась. Тогда я не встревожилась — шёл дождь, а возможно, подумала я, приплыл Спиллер. Но его не было здесь. Я знаю теперь, где он ставит барку, — там пусто. А затем, когда я шла мимо их домика, я увидела, что задняя дверь раскрыта. Это на них не похоже, но я подумала, что они не поступили бы так легкомысленно, если бы не собрались все внутри, и это меня успокоило. Но

когда я снова проходила там по пути домой, дверь оставалась распахнута. И весь день вчера, и сегодня утром... Это немного...

— Чудно, — согласился мистер Потт.

— Странно, — сказала мисс Мензиз (и то, и другое было сказано одновременно). — Мистер Потт, миленький, — продолжала мисс Мензиз, — после того как я показала их вам... помните, мы так старались быть осторожными, чтобы они нас не заметили... вы не ходили на них смотреть... я хочу сказать — в упор? Вы не напугали их?

— Нет, — сказал мистер Потт, — мне хватало дела здесь, мы же закрываемся на зиму. Я не спорю, мне нравится на них смотреть, но я просто был занят.

— А из трубы не идёт дым, — продолжала мисс Мензиз, — вот уже три дня. Я хочу сказать, это вызывает...

— Тревогу, — сказал мистер Потт.

— Опасения, — сказала мисс Мензиз. Она положила на стол работу. — Вы всё ещё слушаете меня? — спросила она.

Тяжело дыша, мистер Потт намазал кончик спички клеем.

— Да... но я думаю... — сказал он.

— Мне не хотелось бы заглядывать прямо внутрь, — объяснила мисс Мензиз. — Во-первых, спереди не заглянешь, потому что Главная улица слишком узкая, там негде присесть, а если встать на колени позади дома, испортишь их сад. А во-вторых, вдруг они всё же там — я имею в виду Пода и Хомили? Тогда я выдам себя с головой. Помните, я объясняла вам, как они боятся, что их увидят? Если они ещё не ушли оттуда, они тут же уйдут... из-за меня. И мы попадём из огня да в полымя...

Мистер Потт кивал головой; для него добы-
вайки были ещё внове, и все сведения о них
он получал от мисс Мензиз; он понимал, что,
изучая их месяц за месяцем, мисс Мензиз могла
оценить их по достоинству, знала в них толк.

— Вы посчитали наш народец? — спросил он.

— наших человечков? Да, я тоже подумала
об этом — два раза пересчитала их всех по го-
ловам. Сто семь и эти двое, что тут у нас в по-
чинке. Я не ошиблась? Я тщательно осмотрела
их одного за другим, проверила каждый ва-
гон, каждую щёлочку. Нет, они или спрятались
в доме, или ушли совсем. Вы уверены, что не
напугали их? Хотя бы случайно?

— Я вам уже сказал, — ответил мистер Потт.

Он взглянул на неё, положил на стол кисточ-
ку и спички и открыл ящик стола.

— Что вы хотите сделать? — спросила мисс
Мензиз, не сомневаясь, что у него уже созрел
план.

— Хочу найти отвёртку, — сказал мистер
Потт. — Крыша Виноградного домика снимается
целиком... вот почему мы смогли надстроить вто-
рой этаж, помните?

— Ой, что вы, это невозможно... если они
там, внутри... это всё погубит!

— Придётся рискнуть, — сказал мистер
Потт. — Наденьте пальто и возьмите зонтик.

Так мисс Мензиз и сделала; она почувство-
вала внезапно облегчение, передав командова-
ние мистеру Потту. Точно так же, подумала она,
действовал бы её отец, ну и, само собой, Обри.

Мисс Мензиз послушно вышла следом за ми-
стером Поттом под дождь и держала зонтик,
пока он работал. Мистер Потт осторожно стал
на Главной улице, а мисс Мензиз (неуклюже
расставив ноги, чтобы не причинить вреда) воз-

вышалась над Церковным переулком и Арриэ-
тиным садом. Оба тревожно склонились над Ви-
ноградным домиком.

Несколько ловких поворотов отвёртки, сопро-
вождаемых громким ворчанием, и промокшая
крыша целиком снялась с дома.

— Внутри сухая, как порох, — заметил мистер Потт, кладя её в сторону.

Они увидели спальню Пода и Хомили — она казалась довольно голой, несмотря на кукольную мебель, которую купила и подбросила им мисс Мензиз. Постель с простынями из носовых платков была смята, словно её покинули в спешке. Аккуратно сложенная рабочая одежда Пода лежала на стуле, а парадный костюм висел на плечиках, сделанных из английской булавки. Платья Хомили висели в ряд на вешалке, стоящей в ногах кровати.

Никаких признаков жизни — никаких звуков, кроме шума дождя, барабанившего по намокшему зонту.

На мисс Мензиз страшно было смотреть.

— Какой ужас — они даже не успели одеться! Что могло произойти?

— Внутри ничего нет, — сказал мистер Потт, глядя вниз и держа в руках отвёртку, — ни звериных следов, ни признаков потасовки... Что ж, посмотрим, что там, внизу. Если память мне не изменяет, верхний этаж тоже снимается вместе с лестницей целиком. Лучше взять коробку для обстановки.

«Обстановка», — подумала мисс Мензиз, шлёпая по лужам обратно в дом, пробираясь, как Гулливер, между улицами и переулками, перешагивая через стены и рельсы. Возле кладбища она поскользнулась и, чтобы не упасть, ухватилась за колокольню; построенная добротно, та даже не покачнулась, но внутри раздался чуть слышный звон колокола — тихий, печальный, призрачный протест. Нет, подумала мисс Мензиз, «обстановка» — слишком громкое слово для того, что они увидели в комнатёнке. Если бы она представляла это себе, она купила бы для них много других

вещей, подкинула бы их где-нибудь неподалёку, чтобы Под их «добыл». Она знала, какие добывайки искусные мастера, какие изобретательные, но только теперь она впервые осознала, сколько времени требуется, чтобы меблировать целый дом, используя всякие ошмётки... Мисс Мензиз нашла коробку и побрела назад.

Мистер Потт уже снял второй этаж вместе с идущей вниз лестницей и теперь заглядывал в комнату на первом этаже. Аккуратно, но тоже голо, снова подумала мисс Мензиз: комод из спичечных коробков, деревянный брусок в качестве стола, кастрюли из крышечек от пузырьков возле очага, а в углу Арриэттина кровать, сделанная из нижней половины обитого бархатом футляра, в котором некогда хранился мундштук для сигарет. Интересно, где они его нашли? Возможно, его принёс Спиллер. Здесь тоже постель была смята, одеяло скинуто на пол, а одежда Арриэтты аккуратно лежала на коробочке из-под пилюль в ногах кровати.

— Не могу этого вынести, — сказала мисс Мензиз сдавленным голосом, шаря в кармане в поисках носового платка. — Не обращайтесь внимания, — торопливо продолжала она, вытирая глаза, — я сейчас перестану. Но что нам делать? В полицию идти бесполезно, они посмеются над нами — разумеется, не в глаза — и подумают, что мы сумасшедшие. Так именно и было, когда я увидела эльфа. В лицо-то они ничего не скажут, люди вежливые, но за спиной...

— Насчёт эльфов не знаю, — сказал мистер Потт, мрачно глядя на опустошённый дом, — но этих я видел собственными глазами.

— Я так рада и благодарна вам за то, что вы их видели! — горячо воскликнула мисс Мензиз. — Это для меня большое утешение.

В кои-то веки у них с мистером Поттом шёл нормальный разговор.

— Что ж, давайте заберём вещи, — сказал мистер Потт, сопровождая свои слова делом. — И поставим на место крышу. Не то здесь всё намокнет.

— Да, — откликнулась мисс Мензиз, — хоть это. Вдруг они...

Голос её задрожал, дрожали и пальцы, когда она поднимала с пола платяной шкаф. Она заметила, что внутри нет крючочков — игрушки никогда не доделывают до конца, — поэтому она положила его в коробку плашмя, как сундук, и упаковала в него платья. Осколок зеркала в дверце вдруг вспыхнул под бледным лучом солнца, и мисс Мензиз увидела, что дождь перестал.

— Правильно ли мы делаем? — неожиданно спросила она. — Я хочу сказать, может быть, лучше оставить здесь всё как есть? Вдруг они вернутся?

Мистер Потт задумался.

— Право, не знаю, — ответил он, — просто я подумал, раз уж мы тут всё разворошили, я кое-что изменю.

Перестав сражаться с защёлкой на старом зонтике мистера Потта, мисс Мензиз подняла на него глаза.

— Вы хотите сказать... благоустроите?

— Вот-вот, — сказал мистер Потт. — Переиначу тут... сделаю настоящую плиту, проведу воду...

— Проведёте воду? Неужели вы это можете?

— Нет ничего проще, — сказал мистер Потт.

Зонтик закрылся со щелчком, оросив их крупными каплями, но мисс Мензиз и не заметила этого.

— А я смогу всё здесь обставить! — воскликнула она. — Коврики, кровати, кресла, всё, всё...

— Да, вам нужно какое-нибудь занятие, — сказал мистер Потт, глядя на её мокрое от слёз лицо, — чтобы отвлечься от грустных мыслей.

— Вы правы, — сказала мисс Мензиз.

— Но вы не очень-то надейтесь, что они вернутся, нам надо быть готовыми к худшему. Скажем, они чего-то испугались и убежали по собственному почину. Это одно дело. Как только они успокоятся, они скорее всего вернутся. Ну а если их забрали? Это совсем другое дело. Тот, кто их взял — кто бы это ни был, — взял их, чтобы оставить у себя. Понимаете, о чём я толкую?

— Но кто бы это мог быть? — недоумевающе проговорила мисс Мензиз.

— Видите? — сказал мистер Потт, отодвигая свою деревяшку и указывая отвёрткой на наполненное водой неровное пятно на мостовой Главной улицы. — Это след ноги. Человеческой ноги, но не мой и не ваш; мостовая разломана, мост провалился, точно на нём кто-то стоял. Ни вы, ни я этого не сделали бы, не так ли?

— Да, — еле слышно шепнула мисс Мензиз. — Но, — озадаченно продолжала она, — никто, кроме нас с вами, не знал об их существовании.

— Мы так думали, — сказал мистер Потт.

— Понятно, — сказала мисс Мензиз и замолчала. Затем медленно добавила: — А уж теперь, пусть они там смеются сколько хотят, я всё же заявлю о пропаже в полицию. Предъявлю наши права. На случай, если добывайки объявятся где-нибудь в другом месте.

Мистер Потт задумался.

— В этом есть смысл, — сказал он.

Глава десятая

Сперва они неподвижно лежали в углу картонки, приходя в себя от потрясения. Когда сняли крышку, в неизмеримой высоте над ними стал виден белый покатый потолок. Через два слуховых оконца в косых стенах сочился холодный свет. Пол заслоняли бока картонки.

Арриэтте казалось, что у неё переломаны все кости. Она взглянула на мать: Хомили лежала как мёртвая, в своей длинной ночной сорочке, упрямо зажмурив глаза, и Арриэтта поняла, что мать сложила оружие. До поры до времени. Арриэтта посмотрела на отца: он сидел, наклонившись вперёд, погружённый в мысли, единственный из них, кто успел схватить одежду — свои залатанные рабочие штаны — и натянуть её поверх ночной рубашки.

Поёживаясь от холода в батистовой ночной сорочке, Арриэтта подползла и прильнула к нему, положив голову ему на грудь. Под ничего не сказал, но его рука мягко обхватила её за плечи, и он рассеянно, но нежно погладил её.

— Кто они такие, папа? — хрипло шепнула Арриэтта. — Что случилось?

— Я ещё толком не знаю, — ответил он.

— Всё произошло так быстро... как землетрясение...

— Верно, — сказал он.

— Мама не хочет разговаривать.

— И я её не виню, — сказал Под.

— Но она не ушиблась, по-моему, — продолжала Арриэтта, — это всё нервы...

— Давай всё-таки взглянем на неё, — сказал Под.

Они подползли к Хомили на коленях по вылинявшему одеялу, положенному на дно картон-

ки, — почему-то, возможно, как всегда, стремясь укрыться, они не вставали во весь рост.

— Как ты себя чувствуешь, Хомили? — спросил Под.

— Полумёртвой, — беззвучно пробормотала она, едва шевеля губами. Она лежала так ровно, так неподвижно — на неё страшно было смотреть.

— У тебя что-нибудь сломано? — спросил Под.

— Всё, — простионала она. Но когда он стал тревожно ощупывать её похожие на палочки руки и торчащие из-под сорочки тощие ноги, она внезапно села и, сердито воскликнув: «Не тронь меня, Под!» — принялась подкалывать волосы. Затем снова откинулась назад, тихо прошептав: — Где я? — трагическим жестом взмахнула рукой и прикрыла ею глаза.

— Ну, мы все можем задать себе этот вопрос, — сказал Под. — Мы в какой-то комнате, в каком-то человеческом доме. — Он поглядел на оконца под потолком. — В мансарде — вот мы где. Посмотри...

— Не могу, — сказала Хомили и задрожала.

— И мы здесь одни, — добавил Под.

— Ну, это ненадолго, — сказала Хомили. — У меня мурашки по всему телу.

— Верно. — Арриэтта схватила отца за плечо. — Слышишь?

Подняв кверху лица, они замерли в уголке картонки, сжавшись в комок, сердца их лихорадочно бились — внизу, на лестнице, раздавались шаги.

Арриэтта в панике вскочила, но отец схватил её за руку:

— Спокойно, девонька. Куда ты?

— В укрытие, — выдохнула Арриэтта. Шаги стали громче. — Неужели тут негде спрятаться? Бежим! Скорей...

— Что толку, — сказал Под, — им известно, что мы здесь. Нас начнут искать, тыкать повсюду палкой, станут вытаскивать... Мать этого не перенесёт. Нет, лучше остаться на месте и не впадать в панику.

— Но мы же не знаем, что нас ждёт. — Арриэтта чуть не плакала. — Не можем же мы просто сидеть тут сложа руки — надо спастись.

Внезапно Хомили села и обняла Арриэтту.

— Тихо, девочка, тихо, — шепнула она. Как ни странно, голос её неожиданно стал спокойным. — Отец прав. Мы ничего не можем сделать.

Шаги приближались, становились всё громче, скрипели голые деревянные ступени. Добывайки тесней прижались друг к другу. Под, подняв лицо, превратился в слух.

— Отлично, — шепнул он Арриэтте на ухо, — мне это нравится, всегда будем знать заранее, что они идут... не застанут нас врасплох.

Арриэтта, всё ещё тихонько всхлипывая, прильнула к матери, никогда в жизни она не была так напугана.

— Полно, дочка, полно, — повторяла Хомили.

Шаги звучали уже на площадке. За дверью слышалось тяжёлое дыхание, звяканье ключей, бренчанье посуды. Раздался глухой стук отодвигаемой задвижки, затем второй, ключ со скрипом повернулся в замке.

— Осторожней, — услышали добывайки голос. — Прольёшь.

Затрещали, затряслись половицы — две пары ног подходили всё ближе к ним. Внезапно над их головами нависла огромная тарелка, позади неё маячило лицо. Добывайки никогда ещё

не видели таких лиц — розовое, напудренное, с башней жёлтых волос на голове; с двух сторон, чуть не задевая их, болтались агатовые серьги. Лицо опускалось... ближе, ближе... Добывайки уже могли разглядеть каждую жилку на запудренных багровых щеках, каждую светлую ресничинку вокруг водянисто-голубых глаз, которые неотрывно смотрели в картонку... Тарелка опустилась на пол.

Рядом с первым лицом появилось и нависло над ними второе: более жёсткое и бледное, в очках без оправы — свет отблёскивал от них, глаз не было видно. Над картонкой взлетело блюдо и опустилось рядом с тарелкой.

Внезапно розовые губы на первом лице раскрылись, и вместе с тёплым дыханием, которое, словно порыв ветра, взъерошило волосы у Хомили на голове, оттуда донеслись слова:

— Ты думаешь, душенька, у них всё в порядке?

Очки вдруг исчезли со второго лица, затем снова там появились — владелец их протирал. Как Под ни был напуган, он всё же подумал: «А они бы мне на что-нибудь сгодились, и этот шёлковый носовой платок тоже».

— Немного не в форме, — ответили более тонкие губы, — ты их растрясла, когда несла в картонке.

— Может быть, добавить в молоко капельку коньяка, душенька? — предложили розовые губы. — У тебя с собой фляжка?

Очки удалились, исчезли на миг, слышалось звяканье металла по фарфору. Под крепче сжал руку Хомили, словно желая что-то ей сообщить. Она в ответ изо всех сил стиснула его плечо. Первый голос сказал:

— Хватит, Сидни, не переборщи.

Над ними снова показались огромные лица, огромные глаза уставились на них...

— Погляди на их личики... на эти ручки, волосики, ножки и всё другое. Что они такое, как ты думаешь, Сидни?

— Для нас они находка, вот что они такое для нас! Золотое дно! Пошли, душенька, они не будут есть при нас.

— Можно, я выну кого-нибудь из них?

— Нет, Мейбл, лучше их руками не трогать.

(Под снова сжал ладонь Хомили.)

— Но почему?

— Неужели не ясно? Мы взяли их не для того, чтобы приручать. Оставь их в покое, Мейбл, посмотрим, как они здесь устроятся. Можем прийти попоздней.

Глава одиннадцатая

— Мейбл и Сидни, — сказала Арриэтта, — когда шаги замерли вдаль. Казалось, спокойствие духа неожиданно вернулось к ней.

— Ну и что из этого? — спросил Под.

— Это их клички, — небрежно сказала Арриэтта. — Ты разве не слышал, что они говорили?

— Почему ж? Я слышал, как он сказал, что нас нельзя брать в руки и что надо налить капельку коньяка в молоко.

— Молоко! Словно мы кошки, — пробормотала Хомили.

Однако у всех троих гора упала с плеч: страшный момент — встреча с их тюремщиками — остался позади.

— Если вы хотите знать моё мнение — они не очень-то сообразительные. Может быть, они и не глупы, даже умны по-своему, но сообразительными их не назовёшь.

— Кто — Мейбл и Сидни, да? — спросила Арриэтта. И внезапно рассмеявшись, подошла к стенке картонки.

Под улыбнулся, услышав её тон.

— Да, они самые, — сказал он.

— Еда, — объявила Арриэтта, заглядывая за край картонки. — Я ужасно проголодалась, а вы?

— Я и пальцем ни к чему не притронусь, — заявила Хомили. Но тут же, по-видимому, передумала. — А что там есть? — слабым голосом спросила она.

— Мне отсюда плохо видно, — ответила Арриэтта, перевешиваясь через край.

— Погодите-ка, — сказал Под, — у меня сейчас мелькнула одна мысль, очень важная мысль, можно сказать — осенило. Вернись сюда, Арриэтта, сядь возле матери — еда не убежит.

Когда обе они уселись, выжидаяще глядя на него, Под откашлялся, чтобы прочистить горло.

— Мы должны реально смотреть на вещи, — начал он. — Я всё это обдумал, и, хоть мне и не хочется вас пугать, надо признать, что положение наше тяжёлое — хуже некуда.

Он приостановился, и Хомили, взяв в свои ладони руку Арриэтты, погладила её успокаивающе.

— Ни один добывайка, — продолжал Под, — во всяком случае из тех, кого я знаю, не находился в полной власти у людей. В полной власти, — мрачно повторил он, переводя взгляд с одного испуганного лица на другое. — Добываек видели — нас самих видели, добываек вымаривали голодом или выгоняли из дома другим путём, но чтобы их брали в плен — о таких штуках я ни разу не слышал... ни разу за всю жизнь. А ты, Хомили?

Хомили облизнула сухие губы.

— Нет, — прошептала она.

У Арриэтты был очень мрачный вид.

— Так вот, если мы не найдём способа отсюда убежать, это с нами и произойдёт — мы до самой смерти будем в полной власти у людей... Полной власти, — медленно повторил он, словно хотел, чтобы слова эти отпечатались у них в уме.

Наступила зловещая тишина; наконец Под снова заговорил:

— Кто будет капитаном на нашем корабле?

— Ты, Под, — хрипло сказала Хомили.

— Верно, я. И вам обоим придётся слушать мою команду. Я намерен установить правила... не все сразу, смотря по тому, что нам будет нужно. Понятно, первое правило — послушание...

— Само собой, — сказала Хомили, стискивая руку Арриэтты.

— ...А второе — то самое, что пришло мне сейчас в голову, — мы все как один должны набрать в рот воды...

— Право, Под... — резонно начала Хомили, зная, что всему есть предел.

Арриэтта сразу поняла, о чём говорит отец.

— Папа хочет сказать: мы не должны разговаривать с Мейбл и Сидни.

Под снова улыбнулся, хотя и вымученной улыбкой, её презрительному тону.

— Да, с этими самыми, — подтвердил он. — Они даже знать не должны, что мы умеем говорить. Потому что, — он ударил двумя пальцами правой руки по ладони левой, чтобы подчеркнуть смысл своих слов, — если они не узнают, что мы умеем говорить, они будут думать, что мы ничего не понимаем. Как животные. А если они будут думать, что мы ничего не понимаем, они сами станут при нас говорить. Ясно, куда я клоню?

Хомили несколько раз быстро кивнула головой; она гордилась Подом.

— Ну что ж, — продолжал он более спокойно и неторопливо, — давайте взглянем на их еду, а когда поедим, начнём обход этой комнаты... исследуем все трещины и щели от пола до потолка. Займёт это у нас несколько дней.

Арриэтта помогла матери подняться с пола. Под, подойдя к стенке картонки, перекинул через край ногу и легко соскочил вниз. Затем помог спуститься Хомили. Арриэтта спрыгнула следом и тут же бросилась к тарелке.

— Холодный рисовый пудинг, — сказала она, обходя тарелку кругом, — немного рубленого мяса, холодная капуста, хлеб и, — она дотронулась пальцем до чего-то чёрного и лизнула палец, — и половинка маринованного грецкого ореха.

— Осторожней, Арриэтта, — предупредила Хомили, — он может быть отравленным.

— Вряд ли, — сказал Под. — Похоже, что они предпочитают иметь нас в живом виде. Хотел бы я знать — почему.

— Но как, они думают, мы станем пить молоко? — простила Хомили.

— Зачерпни руками.

Хомили опустилась на колени и, сложив ладони лодочкой, погрузила их в блюдо. Скоро всё лицо у неё было в молоке, но по жилам разлилось живительное тепло, и чем дольше она пила, тем больше поднималось её настроение.

— Коньяк, — сказала она. — Дома, в Фирбэнке, они держали его в гостиной, и эти Надкаминные часто...

— Право, Хомили, — сказал Под, — сейчас не время для сплетен. И там был не коньяк, а виски.

— Неважно что, напивались-то они в дым, а сами говорили всякий раз, что в дом приходил управляющий именем, чтобы представить счета. Как мясо, дочка?

— Вкусное, — ответила Арриэтта, облизывая пальцы.

Глава двенадцатая

— Ну а теперь, — сказал Под, когда они покончили с едой, — пора браться за комнату.

Он посмотрел вверх. В обеих идущих наклонно стенах было по слуховому оконцу, расположенному на головокружительной высоте; створки запирались между собой на задвижку, снизу на каждой был вертикальный шпингалет. Над окнами висел голый металлический прут для занавесок с ржавыми кольцами. В одно из окон Под увидел ветку дуба, которую раскачивал ветер.

— Странно, — заметила Арриэтта, — начали мы под полом, добрались до чердака.

— А добывайкам не следует, — вставила Хомили, — забираться высоко. Это к добру не ведёт. Вспомните хоть о Надкаминных, там, в Фирбэнке. Уж так много о себе понимали, а всё потому, что жили высоко. Хоть бы раз «добрый день» сказали, когда ты был на полу. Вроде бы вовсе тебя не видели... С этих окон проку не будет, — заметила она, — сомневаюсь, что сами человеки могут до них достать. Интересно, как они их моют?

— Забираются на стул, — сказал Под.

— А как насчёт газовой плиты? — спросила Хомили.

— Безнадёжно, — ответил Под, — она наглухо соединена с камином.

Это была небольшая газовая плита с одной горелкой, на конфорке в ведёрке стояла помятая жестянка с клеем.

— А если попробовать дверь? — сказала Арриэтта. — Вырежем внизу дыру...

— Чем? — спросил Под, всё ещё рассматривая топку камина.

— Может быть, найдём тут какой-нибудь инструмент, — сказала Арриэтта.

В комнате было полно разных предметов. Возле камина стоял портновский манекен, обтянутый тёмно-зелёным репсом; формой он напоминал песочные часы, вместо головы у него была шишечка, а пышные бёдра заканчивались чем-то вроде решётчатой нижней юбки из металлических полос — для прилаживания настоящих юбок. Он стоял на трёх изогнутых ножках с колёсиками. Тёмно-зелёная грудь была утыкана булавами, а на одном плече торчали в ряд три иголки с нитками. У Арриэтты возникла

странная мысль: неужели, если снять с человека одежду, они похожи на эту штуку? Может быть, в отличие от добываек, они сделаны вовсе не из плоти и крови? Ей припомнилось, что, когда Мейбл ставила на пол тарелку, раздался какой-то скрип; и ничего удивительного: чтобы удержать стоймя такую массу, надо спрятать под платьем какие-нибудь подставки или подпорки.

Над каминной доской, по обе её стороны, были медные газовые рожки на шарнирах, позеленевшие от времени. На кронштейне одного из них болталась мерная лента с нанесёнными на неё делениями. На самой полке Арриэтта увидела край треснувшего блюда, лезвия огромных, видимо, портновских, ножниц и большую железную подкову, поставленную на попа.

Под прямым углом к камину, отодвинутая от наклонной стены, стояла ножная швейная машина, точь-в-точь как та, вспомнила Арриэтта, что была в Фирбэнке. Над ней свисали с гвоздя резиновая велосипедная камера и мочалка из рафии. На полу стояли два сундука, лежали кипы старых журналов и сломанные садовые стулья. Между сундуками был прислонён к стене сачок, с помощью которого их захватили. Хомили взглянула на бамбуковую ручку и, дрожа, отвела глаза.

С другой стороны комнаты возвышался большой кухонный стол, рядом — кресло с высокой плетёной спинкой. Стол был уставлен аккуратными стопками тарелок и блюдца разного размера и другими вещами, которые снизу было трудно разглядеть.

На полу возле кресла, под самым окном, они увидели массивный ящик орехового дерева, инкрустированный потемневшей от времени бронзой. Полировка растрескалась, местами совсем сошла.

— Похоже на дорожный несессер, — сказал Под, он видел нечто подобное в Фирбэнке, — для гребёнки, мыла и одеколona. Или на одну из этих складных коробок для письменных принадлежностей. Хотя нет, — продолжал он, подойдя поближе к ящику, — тут сбоку ручка.

— Это музыкальная шкатулка, — сказала Арриэтта.

В первый момент им показалось, что ручку заело, но вскоре она пошла совсем легко. Добываяки поворачивали её, словно рукоятку старомодного катка для белья, трудно было лишь на самом верху оборота. Однако Хомили, при её длинных руках и пальцах, умудрилась дотянуться и туда — она была немного выше Пода. Послышался скрип и шорох, затем раздалась мелодия, прелестная, как перезвон колокольчиков, под который эльфы водят свой хоровод, но почему-то немного печальная. И вдруг она кончилась так же внезапно, как началась.

— О, сыграй ещё раз! — вскричала Арриэтта.

— Хватит, — сказал Под, — у нас много дел. Он внимательно рассматривал стол.

— Ну, хоть один разочек, — упрашивала Арриэтта.

— Хорошо, — сдался он, — но поторопись. Уже не так рано...

Пока шкатулка исполняла «на бис» свою песенку, Под стоял посреди комнаты, не сводя глаз со столешницы.

Когда Арриэтта и Хомили присоединились к нему, Под сказал:

— Туда, наверх, есть смысл забраться.

— Не представляю, как ты это сделаешь, — сказала Хомили.

— погоди минутку, — прервал её Под, — я, кажется, придумал...

Они послушно замолчали, глядя, как он переводит глаза с предмета на предмет; вот он измерил высоту кресла с плетёной спинкой, вот, отвернувшись от него, взглянул на мочалку, прикинул, где вколоты в манекен булавки, и снова посмотрел на стол. Хомили и Арриэтта затаили дыхание.

— Легче лёгкого, — сказал наконец Под, улыбаясь, — детская игра. — И потёр руки, он всегда веселел, когда удавалось успешно решить какую-нибудь профессиональную задачу. — Не удивлюсь, если там, наверху, полно всякого добра.

— Но нам-то что с этого толку? — спросила Хомили. — Раз отсюда всё равно не уйти?

— Почём знать? — возразил Под. — Но так или иначе, — бодро продолжал он, — будем при деле — не станем вешать нос.

Глава тринадцатая

Вскоре у них установился определённый распорядок. Утром, часов около девяти, в мансарде появлялись миссис или мистер Плэттер — или оба вместе — и приносили еду. Они проветривали комнату, убрали грязную посуду и вообще устраивали добываек на день. Миссис Плэттер — к ярости Хомили — упорно продолжала смотреть на них как на кошек и помимо блюдца молока и миски с водой ежедневно ставила на чистом листе газеты не только еду, но и противень с золой.

Под вечер, между шестью и семью часами, всё повторялось, и называлось это у Плэттеров «укладывать их спать». К тому времени темно, нередко добывайки уже дремали, и чирканье спички, яркое пламя и рёв газового рожка про-

буждали их ото сна. Согласно одному из правил Пода, как бы деятельны ни были добывайки между приходами их тюремщиков, те не должны были видеть их нигде, кроме как в картонке. Времени забраться туда было предостаточно, так как шаги на лестнице загодя предупреждали их, что идут Плэттеры.

— Они не должны знать, что мы умеем лазать, — напоминал Под.

Завтрак состоял из остатков того, что сами Плэттеры ели утром, ужин — более разнообразный и вкусный — из того, что те ели на обед. Если добывайки оставляли что-нибудь на тарелке нетронутым, это никогда больше не приносилось. «В конце концов, — сказал как-то мистер Плэттер, — книг о них нет, как нам выяснить, чем они питаются? Только путём проб и ошибок. Дадим им немножко того, немножко этого, вот и увидим, что им по вкусу».

За редкими исключениями — когда мистер или миссис Плэттер решали заняться в мансарде починкой или поднимались наверх с подносами чайной посуды, ножей и ложек, чтобы спрятать всё это на зиму, — часы между завтраком и ужином были в полном распоряжении добываек.

Это были очень деятельные часы. В первый день Под с помощью согнутой булавки и длинной, завязанной узлами пасмы ниток умудрился забраться на стол, а когда убедился, что путь этот не представляет опасности, показал Арриэтте, как подняться к нему. Позднее, сказал он, они сделают из рафии верёвочную лестницу.

С трудом пробираясь между картонными стенками, они осмотрели все коробки, стоявшие на столе; в одних были ложки и ножи, в других — бумажные мельнички, в третьих — игрушечные воздушные шары. Были там коробочки

с гвоздями и различными винтиками и даже небольшая жестянка из-под печенья без крышки, полная всевозможных ключей. Они увидели высокую грудку плетёных корзинок из-под клубники в красных пятнах, грозивших упасть, и множество мешков из вощанки, в которых были аккуратно запакованы вставленные один в другой вафельные стаканчики для мороженого.

В столе было два ящика, один оказался открытым. Под и Арриэтта протиснулись внутрь и разглядели в полумраке, что там полно инструментов. У Пода застряла нога между гаечным ключом и отвёрткой, а когда он её вытаскивал, отвёртка откатилась в сторону и ударила Арриэтту. Хотя ушибы их были несерьёзные, они всё же решили, что этот ящик — опасное место и розыскам надо поставить здесь предел.

К концу четвёртого дня вся операция была закончена: добывайки знали, где находится и для чего скорее всего применяется каждый предмет в комнате. Они даже умудрились поднять крышку музыкальной шкатулки, надеясь заменить мелодию. Но их надежда не оправдалась. Крышка легко поднялась вверх на медных шарнирах и, щёлкнув, закрепилась в пазу. Закрылась она так же просто и даже ещё быстрее — стоило нажать на кнопку. Однако это было всё; послушать новую песенку им не удалось: медный цилиндр, украшенный странным узором из стальных штырьков, был добывайкам не под силу. Оставалось лишь жадно смотреть на пять таких же тяжёлых цилиндров, стоящих в ряд у задней стенки шкатулки, в которых прятались неведомые им мелодии.

С каждой новой находкой, с каждым новым открытием — вроде того, что низ двери обит листовым железом, а слуховые оконца находятся

на такой высоте, что даже у Пода, когда он на них смотрит, кружится голова, — надежды добываек на побег становились всё слабей: способа выбраться отсюда они пока не видели.

Под всё больше времени проводил в раздумьях. Арриэтта, когда ей надоела музыкальная шкатулка, раскопала среди журналов несколько старых и рваных экземпляров «Иллюстрированных лондонских новостей». Она вытаскивала их — один журнал за раз — и, разложив под столом, апатично бродила по огромным, как паруса, страницам, рассматривая картинки, а иногда читая вслух.

— Понимаешь, никто не знает, где мы! — порой восклицал Под, нарушая унылое молчание. — Даже Спиллер.

«Даже мисс Мензиз...» — думала про себя Арриэтта, грустно глядя на диаграмму в полстраницы, где была схема плотины, которую собирались строить в низовьях Нила.

Когда утра стали прохладнее, Хомили оторвала несколько полосок от изношенного одеяла и они с Арриэттой обёртывали их вокруг бёдер наподобие саронга и накидывали на плечи вместо шали.

Увидев это, Плэттеры решили зажечь газовую плиту и оставить её гореть, прикрутив горелку. Добывайки были этому рады: хотя в комнате порой делалось душно, они могли теперь подсушивать остатки самых невкусных блюд, и трапезы стали для них привлекательнее.

Однажды миссис Плэттер поднялась торопливо по лестнице и с очень решительным видом направилась к столу. Добывайки увидели, что она выдвигает второй, закрытый, ящик и вытаскивает оттуда лоскуты и свёртки из кусочков старой материи, аккуратно перевязанные тесьмой. Развернув свёрток пожелтевшей фланели, миссис Плэттер взяла портновские ножницы и, подойдя к картонке, стала пристально, прищурив глаза, разглядывать Пода, Хомили и Арриэтту.

Добывайки испуганно смотрели, как над их головой мелькают лезвия ножниц. Щёлк. Щёлк. Неужели она хочет подровнять их по росту? Но нет... Кряхтя и пыхтя, миссис Плэттер опустилась коленями на пол и, сложив фланель вдвое и расстелив её перед собой, вырезала три комбинезона, все на один покрой, из целого куска. Она сострочила их на швейной машине, досадливо ахая всякий раз, как застревало колесо или рвалась нитка. Когда у неё упал напёрсток и закатился под ножку машины, добывайки отметили, где он лежит: наконец-то у них будет чашка!

Тяжело дыша, миссис Плэттер вывернула свои изделия на правую сторону (при помощи крючка для вязания тамбуром).

— Получайте! — сказала она и кинула комбинезоны в картонку.

Они стали колом, как безголовые куклы. Никто из добываек не шевельнулся.

— Ну, одеться-то вы можете сами, не так ли? — сказала, помолчав, миссис Плэттер.

Добывайки смотрели на неё широко раскрытыми немигающими глазами. Поэтому, подождав немного, миссис Плэттер повернулась и вышла.

Одеяния были ужасные — бесформенные, жёсткие, негнущиеся, и сидели они ужасно. Но они грели, а теперь Хомили могла наконец вы полоскать их собственную одежду в миске с питьевой водой и повесить над газом сушиться.

— Слава богу, что я себя не вижу, — мрачно сказала Хомили, подозрительно глядя на Пода.

— Слава богу, — согласился он, улыбаясь, и поскорее отвернулся от неё.

Глава четырнадцатая

Время шло, и постепенно добывайки узнали, по какой причине их взяли в плен и с какой целью. Узнали они и о постройке на острове дома-клетки (уверенные, что теперь-то уж они станут грести деньги лопатой, мистер и миссис Плэттер решили даже поставить вместо ворот на подъездной дороге турникет), и о том, что одна его сторона будет сделана из зеркального стекла, чтобы выставить напоказ их домашнюю жизнь.

— Стекло обязательно должно быть тяжёлым и крепким, — объяснял мистер Плэттер жене план будущего жилища, — чтобы они не могли его разбить, и ходить по бокам в пазах, чтобы можно было его поднимать и чистить клетку. Мебель надо намертво приделать к полу и так расположить, чтобы спрятаться за ней было нельзя. Ты помнишь клетки в зоопарке, где животные спят за стенкой в глубине? Стоишь там часами и ждёшь, когда оно выйдет, и всё зря. Нам это не подойдёт. Мы не можем допустить, чтобы люди требовали назад свои деньги.

Миссис Плэттер была с ним согласна. Она видела мысленным взором будущую постройку

и считала мистера Плэттера на редкость умным и дальновидным.

— Клетку, — продолжал он с серьёзным видом, — или дом, или как там это можно назвать, надо поставить на бетонный фундамент. Нам ни к чему, чтобы они прорыли нору.

— Ещё бы, — поддакнула миссис Плэттер.

Пока мистер Плэттер занимался устройством их жилья, миссис Плэттер, как выяснили добывайки, договорилась с портнихой полностью обновить их гардероб. Чтобы одежда подошла по размеру, миссис Плэттер взяла в качестве образца их ночные сорочки. Хомили с большим интересом слушала, как миссис Плэттер описывает мужу зелёное платье — «с небольшим турнюром... как моё лиловое в полоску, помнишь?».

— Хотела бы я хоть одним глазком взглянуть на её лиловое в полоску, — озабоченно повторяла Хомили не раз и не два, — имела бы по крайней мере какое-то представление.

Но Пода заботили куда более серьёзные вопросы. Каждый подслушанный разговор всё больше укреплял его уверенность в их ужасной судьбе: прожить остаток своих дней на глазах у человеков, под их постоянным неослабленным взглядом. «Ни одно живое существо не выдержит этого, — думал Под, — мы просто зачахнем под этими взглядами — вот что с нами будет, мы захиреем и умрём. А человеки будут на нас пялиться, даже когда мы окажемся на смертном одре; будут смотреть, вытягивая шеи и отталкивая друг друга, как Под гладит по голове умирающую Хомили или Хомили — умирающего Пода. Нет, — мрачно решил он, — с сегодняшнего дня вся наша жизнь, все мысли должны быть посвящены одному — как нам убежать, убежать, пока мы ещё здесь, в мансарде, пока не наступила весна. Только бы не попасть жи-

вьём в эту клетку со стеклянной стенкой. Чего бы это ни стоило. Любой ценой!»

Зима подходила к концу, и Пода всё больше раздражало то, что Хомили нервничает по пустякам вроде противня с золой, а Арриэтта не обращает ни на что внимания и интересуется только «Иллюстрированными лондонскими новостями».

Глава пятнадцатая

За это время (с середины ноября до декабря) добывайки составили несколько планов и попытались претворить их в жизнь. Под ухитрился вытащить четыре гвоздя, которыми была прибита деревянная заплата на полу под кухонным столом.

— Понимаете, они тут не ходят, — объяснил он жене и дочке, — а под столом тень.

Эти четыре крепких гвоздя он заменил более тонкими, взятыми из коробочки. Их было куда легче выдернуть, а втроём они могли сдвинуть в сторону деревянную планку. Под ней они обнаружили уже знакомые им брусья и поперечные балки; всё было покрыто пылью, лежавшей толстым слоем — по колено добывайкам, — между их полом и потолком нижней комнаты. («В точности как тогда, когда мы переехали под кухню в Фирбэнке, — сказала Хомили. — Иногда я думала, что никогда не привести там было всё в порядок, и всё же нам это удалось».)

Но Под вовсе не ставил себе целью поселить там своё семейство — он искал способ добраться до оштукатуренных стен комнаты, которая была под мансардой. Если бы это удалось, думал Под, они смогли бы спуститься по дранке до самого низа дома — пробираются же таким путём мыши и крысы; и, напомнил он, хоть это

утомительно и даже опасно, они и сами не раз проделывали такой путь.

— Мы были тогда моложе, Под, — боязливо напомнила ему Хомили, но при всём том попробовать она, видимо, была не прочь.

Однако у них ничего не вышло; мансарда находилась под крышей, а между крышей и кирпичной коробкой дома, на которую она опиралась, было сплошное бетонное перекрытие. Так что вниз, к drankе, было не попасть.

Следующая идея Пода заключалась в том, чтобы проделать дырочку в потолке комнаты под ними и спуститься туда без прикрытия с помощью верёвочной лестницы из рафии — неважно, куда они попадут.

— По крайней мере, — сказал Под, — мы будем на один этаж ниже, и окна будут не так высоко от земли, и дверь не заперта.

Однако он решил сперва взять сапожную иглу в ящике с инструментами и пробуровать в штукатурке глазок. Это тоже было опасно — по толку могли пойти трещины, и, само собой, немного штукатурки просыплется на пол. Всё же они решили рискнуть: у добываек такое острое зрение, что даже в самую маленькую дырочку они могут всё разглядеть.

Когда наконец они просверлили отверстие, перед их изумлённым взором внезапно возникла нижняя комната — она оказалась спальней мистера и миссис Плэттер. Они увидели большую кровать с медными шишечками, ярко-розовое атласное одеяло, турецкий ковёр, стоячий умывальник с двумя наборами фарфоровых кружек в цветочек, туалетный столик с зеркалом и корзину для кошки. Но встревожило их другое: в комнате была миссис Плэттер — отдыхала после обеда. Так странно было видеть её пышные

формы под таким непривычным углом! Она полужела, прислонившись спиной к подушкам, с мирным и беззаботным видом читая журнал по домоводству; лениво переворачивая страницы, она жевала ириски, беря их из круглой жестянки. У неё в ногах развалилась кошка. На одеяле возле кошки был виден белый на розовом небольшой кружок — штукатурка. Под с радостью подумал, что, когда миссис Плэттер встанет, белые крупинки тут же стряхнутся на пол.

Дрожа и не говоря ни слова, добываялки попытались от глазка и бесшумно пробрались через окутавшую всё пыль до выхода из-под пола. Молча положили деревянную планку на место и осторожно засунули в дырки гвозди.

— Ну и ну!.. — сказал Под, когда они добрались до стоявшей в углу картонки, и, забравшись внутрь, вытер лоб рукавом. — Вот уж чего не ожидал увидеть.

Под был потрясён.

— Я тоже, — отозвалась Хомили и задумалась. — Но, может быть, это пойдёт нам на пользу.

— Может быть, — неуверенно согласился Под.

Следующая попытка была связана с окном — тем, через которое им была видна ветка дуба. Эта ветка была их единственной связью с внешним миром. «Восточный ветер», — иногда говорила миссис Плэттер, открывая окно, чтобы проветрить комнату, — для этого ей приходилось вставать на стул, — и по тому, в какую сторону отдувало листья, добываялки могли приблизительно предсказать погоду. Восточный ветер означал снег.

Они с удовольствием смотрели, как пляшут резвые снежинки, как нарастает на подоконнике снежная гора, и радовались тому, что у них

тепло. Было начало января — не самая подходящая погода, чтобы открывать окно, но они не могли терять времени.

Всё же Хомили попыталась отговорить Под.

— Ну ладно, откроем мы окно, где мы окажемся? На крыше. А какая она крутая — видно по нашим стенам и потолку. Я хочу сказать, нам лучше здесь, внутри, чем снаружи, Под. Я готова на многое, но если ты думаешь, что я прыгну с крыши на эту ветку, то ты ошибаешься.

— Тебе никогда не допрыгнуть до этой ветки, Хомили, — терпеливо говорил ей Под, — до неё очень далеко. И, что важнее, она никогда не стоит на месте. Нет, я думаю не о ветке, я думаю совсем о другом...

— О чём же тогда?

— О том, где мы находимся, — сказал Под, — вот что я хотел бы узнать. С крыши можно что-нибудь увидеть. Ты слышала, что они говорили о Литл-Фордэме и прочем? И о реке. Я просто хочу знать, где мы.

— Что толку, — колко возразила ему Хомили, — если нам всё равно отсюда не уйти?

Под обернулся и посмотрел на неё.

— Мы не должны складывать оружие, — сказал он.

— Я знаю, Под, — быстро проговорила Хомили. Она кинула взгляд под стол, где, как всегда, поглощённая «Иллюстрированными лондонскими новостями», лежала на полу Арриэтта. — И мы обе хотим тебе помочь. Мы ведь сделали из рафии лестницу, верно? Ты только скажи, что надо.

— Сделать вы можете не так-то много, во всяком случае сейчас. Видишь, какая тут хитрость с этим окном: чтобы открыть задвижку, надо повернуть её рукоятку вверх. Понимаешь, что я имею в виду? То же самое со шпингале-

том: чтобы выдернуть его из гнезда, дёргать надо вверх. Если бы, чтобы открыть окно, можно было бы повернуть рукоятку вниз, это было бы проще простого. Мы бы накинули на неё кусок верёвки, повисли бы все трое на другом конце, и под нашей тяжестью рукоятка бы опустилась, а задвижка поднялась.

— Да, — задумчиво сказала Хомили, сосредоточенно глядя на окно. — Да, я понимаю, о чём ты говоришь.

Несколько минут оба молчали в глубоком раздумье.

— А если попробовать прут для занавесок? — сказала наконец Хомили.

— Прут для занавесок? Я не совсем тебя по...

— Он крепко прикреплён к стене?

Под скосил глаза.

— Вполне. Он медный и с этими кронштейнами...

— А за прут ты можешь закинуть верёвку?

— За прут для занавесок?

— Ну да, и использовать его как ворот или блок.

У Поды просияло лицо.

— Хомили, — сказал он, — это как раз то, что нам надо! Подумать только, я неделю за неделей ломал себе голову... а ты с первого раза попала в самую точку.

— Ерунда, — улыбаясь, сказала Хомили.

Под объяснил, кому что делать, и они сразу же принялись за работу. Отнесли на верхнюю коробку, из тех, что стояли на столе — самое близкое место к окну, — небольшой ключик, привязанный к концу верёвки, скинули с каминной доски подкову и оттащили её за музыкальную шкатулку под окно, и Под, забравшись на пирамиду из коробок, принялся терпеливо раз

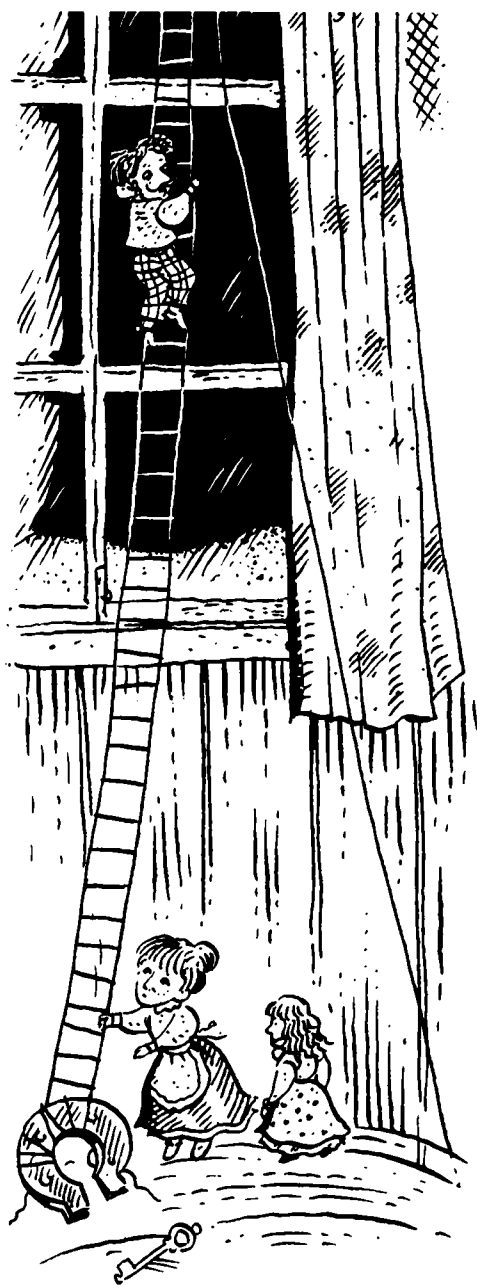
за разом кидать ключик на стену над медным прутом, висящим на двух кронштейнах. Наконец раздался долгожданный звон металла по стеклу, и в то время как Арриэтта разматывала понемногу клубок, отпуская верёвку, ключик опустился — мимо окна, мимо подоконника — на пол, прямо к ногам Хомили, стоявшей рядом с подковой. Хомили отцепила ключ и вместо него прикрепила к верёвке лестницу из рафии, а Арриэтта сматала клубок обратно так, что верхняя ступенька оказалась под медным прутом; Хомили привязала низ качающейся лестницы к подкове, Арриэтта туго натянула верёвку и обмотала её вокруг ножки стола. И тут Под спустился со стола на пол.

Это было настоящее чудо. Лестница, накрепко соединённая с верёвкой, перекинутой через медный прут, поднималась от подковы вдоль стыка створок, тугая, как струна.

Сопровождаемый взглядами Хомили и Арриэтты, Под стал забираться по лестнице. Оказавшись на одном уровне с задвижкой, он перебросил первую перекладину лестницы через медный прут и освободил верёвку — очень важный момент. Арриэтта в это время, стоя у ножки стола, разматала с мотка несколько дюймов, давая Поду возможность обвязать конец верёвки вокруг рукоятки задвижки. Затем Под спустился по ножке стола на пол и перенёс моток под окно.

— Пока всё хорошо, — сказал Под. — Теперь будем тянуть все вместе. Арриэтта берётся первая, ты, Хомили, за ней, а я буду замыкать.

Они послушно выполнили его указание, намотав верёвку на кулаки, добываяки откинулись назад, упёрлись в пол пятками и напрягли мускулы. Медленно-медленно рукоятка задвижки поднялась наверх, похожая на молоток головка

плавно опустилась, описав дугу, и одна из створок окна оказалась свободна.

— Наша взяла! — сказал Под. — Можете отпустить верёвку. Но это ещё полдела.

Добывайки стояли, тяжело дыша и потирая руки. Они чувствовали себя счастливыми.

— Берёмся за шпингалет, — сказал Под.

И всё повторилось с самого начала, на этот раз более умело и быстро. Язычок шпингалета, легко ходивший в вертикальном желобке, свободно поднялся и повис над пазом.

— Окно открыто! — вскричал Под. — Его держит только снег на подоконнике.

— Нам ничего не стоит скинуть его, если залезть на лестницу, — сказала Хомили. — И мне так хочется посмотреть, какой отсюда вид.

— Вид — пожалуйста, — сказал Под, — через одну минуту, но вот снег трогать нельзя. Нам ни к чему, чтобы Мейбл и Сидни зашли сюда и увидели, куда мы забрались. Во всяком случае сейчас... Что нам надо — это закрыть окно. Да побыстрей. Как ты, Хомили? Хочешь немного отдохнуть?

— Нет, я ещё не устала, — ответила она.

— Тогда за дело! — сказал Под.

Глава шестнадцатая

Под руководством Пода всё было проделано в обратном порядке, и хотя Хомили и Арриэтта раза два кое-что напутали, задвижка и шпингалет были прочно закреплены. Но перед тем — как и обещал им Под — все трое торжественно поднялись друг за другом по верёвочной лестнице и, вытерев запотевшее стекло, в первый раз посмотрели на расстилавшийся перед ними ландшафт. Далеко-далеко внизу — у них

даже дух захватило — добывайки увидели на склоне лужайку Плэттеров и чёрную змейку реки, терявшейся вдаль; увидели покрытые снегом крыши Фордэма, а за излучиной ручья — три высоких тополя, стоявших, как они знали, на границе Литл-Фордэма. «Неближний свет, — подумала Хомили, — даже напрямик».

Добывайки не обсуждали того, что увидели; расстояние, высота и белизна внушили им благоговейный страх. По приказанию Пода они спрятали всё снаряжение под половицу, где оно было в безопасности и вместе с тем под рукой.

— Будем снова практиковаться завтра, — сказал Под, — и так каждый день.

Пока они закрывали окно, снова подул ветер и заметались листья дуба, серые снизу, как небо. К вечеру пошёл снег. Смеркалось. Положив на место планку и засунув обратно гвозди, добывайки сели поближе к газовой плите и задумались. Выхода из их тюрьмы, по-видимому, не было.

— Мы слишком высоко, — раз за разом повторяла Хомили. — Никогда добывайкам это не шло впрок и никогда не пойдёт.

Наконец шаги миссис Плэттер на лестнице загнали их обратно в картонку. Когда чиркнула спичка и вспыхнуло пламя над газовым рожком, добывайки снова увидели комнату и чёрные провалы окон с горами снега на подоконниках снаружи. Они смотрели, как падают снежинки, как поднимается снежный бордюр.

— Жуткая погода, — пробормотала вполголоса миссис Плэттер, ставя на пол тарелку и блюдо.

Она тревожно взглянула на лежащих вповалку добываек и, прежде чем уйти, открутила побольше газ на плите. Затем погасила рожок и вышла, и они, как всегда, поужинали в темноте.

Глава семнадцатая

Снег, холод, мороз продолжались до начала февраля. Но вот однажды, проснувшись утром, добывайки увидели, что идёт тёплый дождь, а по небу несутся лёгкие облака. Листья на ветке дуба блестящие, словно покрытые глазурью, казались чёрными на светлом фоне, их серебристая подкладка была больше не видна.

— Южный ветер, — довольно объявил Под, как опытный предсказатель погоды. — Похоже, что начинается оттепель.

За прошедшие недели добывайки не теряли зря времени. Несмотря на тяжёлый снег на подоконнике, они каждый день для практики раскрывали окно и довели эту процедуру до настоящего искусства. Добывайки узнали, что строительство дома-клетки немного задерживается, но их гардероб уже прибыл и лежит между листами папиросной бумаги в картонной коробке здесь, в мансарде. Для них не составило труда поднять крышку и не только осторожно осмотреть все туалеты, но даже потихоньку примерить их. У портнихи оказались куда более ловкие пальцы, чем у миссис Плэттер, и шила она из куда лучшей материи. Там был серый костюм для Пода, правда, рубашку заменяло нечто вроде манишки с воротником и нарисованным галстуком; там было платье с плиссированной юбкой для Арриэтты и два передничка, чтобы не запачкать его. Хомили пришлось по вкусу её новое зелёное платье «с небольшим турнюр», хоть угодить ей обычно было нелегко, и иногда она красовалась в нём до тех пор, пока на лестнице не раздавался сигнал тревоги — шаги миссис Плэттер.

Поду всё это казалось ребячеством. Неужели они забыли, удивлялся он, какая опасность им грозит и какая участь их ожидает? Сейчас, когда погода исправилась, мистер Плэттер снова взялся за постройку их «дома». Однако Под их не упрекал. Пусть потешатся, решил он, наперекор злой судьбе.

Но сам он совсем пал духом. «Лучше нам всем умереть, — сказал он жене и дочери как-то раз, — чем провести всю жизнь в клетке на виду у человеков». Он часами сидел, уставившись невидящим взглядом в одну точку.

Под погрузился в такое уныние, что Хомили и Арриэтта перепугались. Они перестали наряжаться и шептались о чём-то друг с другом в уголке. Они пытались развеселить его шутками и смешными историями, они откладывали для него немногие лакомые кусочки, которые изредка им перепали. Но Под, по-видимому, потерял аппетит. Даже когда они напоминали ему о том, что в воздухе пахнет весной и скоро наступит март, «а в марте с нами всегда что-нибудь случается», он не выказывал интереса.

— Что-нибудь, и верно, с нами случится, — сказал он и снова погрузился в молчание.

Однажды, в то время как он сидел печально в углу картонки, к нему подбежала Арриэтта и взяла его за руку.

— Мне пришла в голову мысль, — сказала она.

Под попытался улыбнуться и ласково сжал ей пальцы.

— Нам ничто не поможет, девонька, — сказал он, — надо глядеть правде в глаза.

— Нет, поможет, — настаивала Арриэтта, — послушай меня, папа. Я нашла то самое, что нам нужно.

— Да, дочка? — ласково сказал он и, слегка улыбнувшись, отвёл ей волосы со щеки.

— Да, — сказала Арриэтта. — Мы можем сделать воздушный шар.

— Что?! — воскликнул Под.

Голос его прозвучал так резко, что привлёк внимание Хомили, которая поджаривала на газовой горелке ломтик бекона.

— Нам даже не надо его делать. — Арриэтта так торопилась, что слова обгоняли одно другое. — Здесь, в коробках, куча шаров, а там — гора корзинок из-под клубники, и у нас есть чертежи и схемы и все объяснения... — Она потянула его за руку. — Пойди посмотри... я нашла это в одном из номеров «Иллюстрированных лондонских новостей».

В журнале на развороте в две страницы была подробная, написанная специалистом и снабжённая чертежами и фотографиями статья, посвящённая свободному воздухоплаванию, интерес к которому в то время вновь сильно возрос.

Под мог считать и складывать, но читать он не умел, поэтому Арриэтта, двигаясь со строчки на строчку, прочитала ему статью вслух. Под внимательно слушал, стараясь получше вникнуть в смысл.

— Ну-ка ещё разок, девонька, — время от времени говорил он, хмуря брови от усилия всё понять.

— Так... мама, подвинься, пожалуйста, — сказала Арриэтта, потому что Хомили, устав стоять, внезапно села на страницу журнала. — Ты сидишь как раз на том месте, где говорится о скорости ветра...

До сознания Хомили постепенно дошло, что задумали Под и Арриэтта, и теперь она только бормотала:

— О боже... О боже милостивый...

Видно было, что у неё натянуты нервы, что она ни жива ни мертва от страха, но, памятуя о том, какая участь их ждёт здесь, смирилась с меньшим злом.

— Тут всё ясно, — сказал Под после того, как они несколько раз перечитали параграф о чём-то, что автор статьи называл «покровом», или «оболочкой». — Теперь давай разберёмся в той части, где говорится о клапанной верёвке и подвесном обруче. Это наверху второго столбца.

И Под с Арриэттой снова шли по странице к её верхнему краю, и терпеливо, отчетливо, хоть и спотыкаясь порой на длинных словах, Арриэтта перечитывала вслух то, что просил отец.

В доступном теперь ящике с инструментами они нашли огрызок карандаша. Под вытащил из него грифель и заточил конец, чтобы Арриэтте было чем подчёркивать самые важные места и делать списки.

Наконец на третий день углублённой подготовительной работы Под объявил:

— Вник!

Он за это время совершенно преобразился; то, что вначале казалось плодом фантазии Арриэтты, могло стать реальным фактом, и Под был достаточно практичен, чтобы это понять.

Первым делом требовалось разобрать на части сачок. От этого зависел успех всей их затеи. Хомили должна была кусочком лобзика, взятым в ящике для инструментов, разрезать верёвку, которой сетка была привязана к ободу. Затем Под распилит обод на части и снимет бамбуковую рукоятку.

— Сачок должен исчезнуть, — объяснил Под, — словно его и не было на свете. Нельзя допустить, чтобы они увидели обод без сетки,

а когда мы распилим его, ничего не стоит упрятать куски под пол.

На это понадобилось меньше времени, чем они ожидали, и, когда они положили на место планку и засунули в дырки гвозди, Под, который редко пускался в рассуждения, вдруг сказал:

— Ну не странно ли, если подумать, что этот старый сачок, которым нас поймали, окажется орудием нашего спасения?

Когда в ту ночь добывайки легли спать, тело у них ломило от усталости, но на сердце было легко. Под некоторое время лежал без сна, обдумывая важную задачу, которую им предстояло решить утром. Удастся ли наполнить воздушный шарик газом из газового рожка? У него было беспокойно на душе: иметь дело с газом опасно, даже со взрослыми человеками бывали несчастные случаи, не говоря уж о непослушных детях. Ещё когда они жили в Фирбэнке, он предупреждал Арриэтту насчёт газа, и она, хорошая девочка, не пропустила его слов мимо ушей, всегда помнила, что с газом шутки плохи. Конечно, он примет все меры предосторожности, они распахнут окно, закроют кран в газовой плите и подождут, пока горелка остынет. Давление в газовом рожке хорошее; сегодня вечером, когда миссис Плэттер его зажгла, газ с рёвом вырвался наружу; ей всегда приходится, вспомнил Под, немало прикручивать рожок. На каменную доску можно забраться через манекен. Что толку тревожиться, решил Под наконец, они должны, чего бы это ни стоило, сделать проверку и поступать затем в зависимости от результатов. Однако утекло немало времени — для Пода оно вообще остановилось, — пока он уснул.

Глава восемнадцатая

Операция прошла прекрасно. Надетый горлышком на носик газового рожка и привязанный верёвкой к положенной на пол подкове шарик сперва вяло повис на горелке, но затем — к их несказанной радости — внезапно стал торчком и начал раздуваться. Он делался больше и больше, пока не превратился в огромную тугую полупрозрачную сферу сочного багряного цвета. Под, удобно усевшись на аляповатых завитках кронштейна, наклонился вперёд и закрыл кран газового рожка.

Затем, словно накладывая жгут, он затянул горлышко шара выше носика рожка и снял с него шар. Тот подскочил в воздух, но тут же резко остановился: ведь он был привязан к верёвке, которую Под закрепил на подкове.

Арриэтта и Хомили, стоявшие на полу возле подковы, только ахали и охали, глядя на шар. Арриэтта подбежала к верёвке и, повиснув на ней всем телом, стала качаться взад и вперёд, заставляя шар стучаться о потолок.

— Осторожней! — крикнул Под с груди манекена.

Он медленно спускался вниз, ставя ноги на специально воткнутые для этого булавки. Когда он добрался до круглой клетки ниже бёдер, спуск сделался быстрее — Под перескакивал одним прыжком с одного проволочного обруча на другой, расположенный ниже.

— Держим все вместе, — сказал он, подбегая, и тоже схватил верёвку. — Тяните! — крикнул он. — Тяните изо всех сил! Перехватывайте повыше. Одна за другой, одна за другой.

Перехватывая верёвку руками, они тянули, дёргали, качали, и постепенно шар опустил-

ся вниз. Верёвку быстро продели в дырку для гвоздя в подкове, завязали двойным узлом, и — пожалуйста! — вот он на привязи, покачиваясь, вращается то в одну, то в другую сторону.

Под вытер пот со лба рукавом.

— Слишком маленький, — сказал он.

— Слишком маленький? — воскликнула Хомили.

Она чувствовала себя пылинкой рядом с этой танцующей тёмно-красной громадой, внушавшей ей благоговейный страх. И вместе с тем наслаждалась своим могуществом, заставляя шар одним щелчком пальцев подскакивать и крутиться вокруг своей оси.

— Конечно, слишком маленький, — объяснил ей Под озабоченно. — Иначе нам не удалось бы так легко опустить его вниз. Шар такой величины может выдержать только одну Арриэтту, но нас троих — нет. Да ещё сетка и корзина. К тому же мы должны взять балласт.

— Как же нам быть? — в смятении спросила Хомили.

— Мне надо подумать, — сказал Под.

— Что, если нам сесть на диету и похудеть? — предложила Хомили.

— Бесполезно. А ты и так худая как щепка, — сказал Под. У него был очень встревоженный вид. — Нет, мне надо подумать.

— У них есть тут один большой шар, — сказала Арриэтта. — Лежит в отдельной коробке. Больше этого. Во всяком случае мне так показалось.

— Что ж, давайте посмотрим, — сказал Под, но голос его звучал безнадежно.

Новый воздушный шар действительно казался больше, на сморщенной резине были какие-то белые знаки.

— Я думаю, это надпись, — сказала Арриэтта, переворачивая крышку коробки. — Да, тут сказано: «Напечатано согласно вашей инструкции». Что бы это могло означать?

— Мне всё равно, что это значит! — воскликнул Под. — Меня интересует только его размер. Да, он больше, — продолжал добываяка, — гораздо больше и тяжелее. Этот шар подойдёт по всем статьям. Почему бы нам его не испробовать, раз уж огонь потушен, а окно открыто.

— А что делать с этим? — спросила Хомили с пола. Она резко ударила шар, он задрожал и стал крутиться.

— Лучше проткнём его, чтобы он лопнул, — ответил Под; он стал спускаться на пол, перебравшись со стола на верёвочную лестницу, свисавшую с согнутых булавок на спинке кресла. — И спрячем остатки. Что ещё остаётся?

И Под проколол шар булавкой. Раздался оглушительный взрыв. Шар, быстро съёживаясь, бешено запрыгал по комнате; Хомили с визгом кинулась под манекен. В комнате сильно запахло газом.

— Вот уж не думал, что он лопнет с таким шумом, — сказал Под, всё ещё держа в руке булавку. На его лице удивление боролось с испугом. — Ну, неважно, при открытом окне запах скоро уйдёт.

Новый воздушный шар был более громоздким, и забираться с ним на каминную полку было нелегко, так что, прежде чем надевать его на газовый рожок, Полу пришлось немного отдохнуть.

— Можно, я поднимусь и помогу тебе, папа? — позвала его Арриэтта с пола.

— Нет, — сказал он, — ещё минутка, и я отдышусь. Просто я немного запыхался...

Более тяжёлый, чем первый, шар дольше оставался обвислым, но наконец, поскрипывая и постанывая от усилий, он встал стоя и продолжал понемногу наполняться.

— О, — восхищённо шепнула Арриэтта, — какой красивый...

Шар был густо-розового цвета, но с каждым мгновением, раздуваясь, делался всё светлей. Постепенно на нём стали проступать буквы. Первое слово было «стоп!» (с восклицательным знаком). Арриэтта, читавшая его вслух, понадеялась про себя, что это не будет дурным предзнаменованием. Под ним появилось слово «Бэллихоггин», а ещё ниже было написано помельче: «Всемирно известный игрушечный городок и чай на берегу реки».

Шар становился всё больше и больше. У Хомили сделался встревоженный вид.

— Осторожней, Под, — взмолилась она. — Смотри, как бы он не лопнул.

— Ещё немного он выдержит, — ответил Под.

Однако Хомили и Арриэтта не сводили с шара обеспокоенных глаз. Но вот наконец розовый в свете качающегося над его головой чудища Под сказал:

— Пожалуй, хватит, — и, откинувшись к стене, выключил газ. По пути вниз Под взял мерную ленту, висевшую на кронштейне, и измерил букву «й» в слове «чай». — Ровно три дюйма, — сказал он, — будет по чему проверять объём, когда станем надувать шар в следующий раз.

Под теперь частенько употреблял термины, принятые в воздухоплавании, и приобрел порядочный запас слов, касающихся балласта, строп, канатов, крюков и якорей.

На этот раз, взлетев к потолку, шар приподнял подкову и потащил её по полу. Хомили, не

растерявшись, села на подкову верхом, а Арриэтта подпрыгнула и вцепилась в верёвку.

— Вот это уже лучше, — сказал Под, слезая вниз знакомым путём по груди манекена.

Он так спешил, что оступился на булавке, но, наклонившись, тут же загнал её по самую шляпку, чтобы на неё можно было безопасно ставить ногу. Дальше стал спускаться медленнее, сдерживая своё нетерпение. Когда же достиг пола, то был растрёпанный и красный, несмотря на холодный воздух из открытого окна.

— Поддаётся? — спросил Под Арриэтту, не успев перевести дыхание.

— Нет, — с трудом выговорила Арриэтта.

Добывайки все вместе ухватились за верёвку и попытались стащить шар вниз, но он только крутился под потолком, словно притянутый туда магнитом.

— Хватит, — сказал Под, после того как они все вместе поджали ноги и немного покачались, держась за верёвку, что никак не отразилось на шаре. — Отпускайте. Мне надо снова подумать.

Хомили и Арриэтта сидели, не открывая рта, и тревожно смотрели, как, сосредоточенно наморщив лоб, Под меряет ногами комнату. Вот он отвязал шар от подковы и с верёвкой в руках провёл его взад и вперёд по потолку. Шар легонько подпрыгивал, но послушно двигался следом за Подом по начертанному им пути.

— Время не ждёт, Под, — наконец сказала Хомили.

— Я знаю, — ответил Под.

— Я хочу сказать, — с беспокойством продолжала Хомили, — как мы его спустим? Я думаю о Мейбл и Сидни. Его надо спустить до ужина, Под.

— Я знаю это, — сказал Под. Он пересёк комнату и остановился у стола. — Нам требуется что-нибудь вроде лебёдки... вроде ворота с червяком и червячным колесом.

Он поднял глаза на круглую ручку ящика с инструментами.

— Червяком и червячным колесом?.. — недоумевающе переспросила Хомили. — Червяком? — повторила она, словно не веря своим ушам.

Арриэтта, бывшая к этому времени в курсе всего, что касалось воздухоплавания, и знакомая с различными лебёдками, громко рассмеялась.

— Это такая штука, — объяснила она, — которая помогает поднимать тяжесть... ну, например, ты поворачиваешь ручку... — Она резко остановилась, в уме внезапно мелькнула любопытная мысль. — Папа, — взволнованно позвала Арриэтта отца, — как насчёт музыкальной шкатулки?

— Музыкальной шкатулки? — тупо повторил Под.

Арриэтта кивнула. И тут до него дошло, о чём она говорит. Лицо его просияло.

— То, что нам нужно! — воскликнул он. — Ты попала в самую точку. Это нам и вал, и рукоятка, и червяк, и червячное колесо, и всё остальное!

Глава девятнадцатая

Не прошло и минуты, как они открыли музыкальную шкатулку, и Под, забравшись на поставленный стоямя спичечный коробок, внимательно осмотрел механизм.

— Тут есть одна трудность, — сказал он Хомили и Арриэтте, когда они влезли на коробок

и стали с ним рядом. — Я с ней справлюсь, но мне нужен подходящий инструмент. Я говорю об этих язычках, — показал он.

Заглянув внутрь шкатулки, они увидели, что он имеет в виду ряд узких металлических пластинок, свисающих со стержня; это были молоточки, которые, задевая вращающийся цилиндр, извлекали из каждого штырька на его поверхности одну звонкую нотку.

— Эти язычки надо снять, не то запутается балластная верёвка. Если они сварены со стержнем, тут придётся попотеть, но мне кажется, они все держатся на шурупах.

— Мне тоже так кажется, — сказала Арриэтта, наклоняясь вперёд, чтобы было лучше видно.

— Ну, с шурупами мы быстро управимся, — сказал Под.

Пока Под лазал в инструментальный ящик, Хомили и Арриэтта в последний раз послушали свою единственную песенку.

— Как жаль, что не удалось сыграть остальные, — сказала Арриэтта. — А теперь мы их никогда не услышим.

— Если мы выберемся отсюда живыми, — сказала Хомили, — я согласна до конца своих дней не видеть никаких музыкальных шкатулок и не слышать, что они играют.

— Ну, живой ты отсюда выберешься, — решительно заверил её Под.

Он уже вернулся, неся в обеих руках самую маленькую отвёртку, какую смог найти, но и она была величиной с него самого. Под залез на стержень, расставил ноги и, держа ручку отвёртки на уровне груди и крепко её обхватив, сунул остриё в канавку винта и стал вращать рукоятку. Первые обороты дались с трудом, но затем отвёртка пошла как по маслу.

— Точёные... как в часах, — заметил Под, отвинчивая остальные шурупы. — Тонкая работа эта шкатулка.

Вскоре они смогли снять со стержня все пластинки и обвязать вокруг цилиндра нижний конец балластной верёвки; она свободно свисала вниз, слегка качаясь, в то время как шар плавал под потолком.

— Ну, — сказал Под, — делаю первый оборот; посмотрим, что из этого выйдет.

Затаив дыхание Хомили и Арриэтта глядели, как Под, вцепившись в ручку шкатулки, тащит её вниз. Верёвка натянулась, как струна. Под напряг силы, и шар медленно, но верно стал опускаться. Задрав голову так, что стала болеть шея, они не спускали с него тревожных глаз, пока наконец — качаясь и подёргивая швартов — шар не очутился прямо перед ними.

— Неплохо, да? — сказал Под довольным голосом. Но выглядел он очень бледным и усталым.

— Что нам делать теперь? — спросила Хомили.

— Вернуть шар в прежнее состояние, — сказал Под.

— Выпустить газ, — добавила Арриэтта, так как у Хомили был недоумевающий вид.

— Нам надо сделать что-то вроде платформы, — сказал Под, — и перекинуть её через шкатулку — что-нибудь такое, по чему можно будет ходить...

Он посмотрел по сторонам. Под горелкой газовой плиты, на которой стояла жестянка с клеем, он увидел покоробленный от жара овальный кусок жести, положенный, чтобы уберечь пол.

— Это нам подойдёт.

Добывайки уже очень устали, но всё же смогли дотащить жестяную крышку до шкатулки

и взгромоздить её наверх. Отсюда Поду было удобнее развязывать верёвку, стягивающую горло шара.

— Я бы на вашем месте, — сказал Под Хомили, — отошёл подальше. Спрячьтесь лучше под стол. Кто знает, что может натворить этот шар.

Когда горло шара полностью освободилось, он поднялся по кривой в воздух, а затем, снова спустившись, несколько раз ударился о пол. С каждым его прыжком запах газа становился сильнее. Смотревшей на него из-под стола Арриэтте казалось, что шар умирает в конвульсиях. Наконец весь газ вышел, шар, сжавшись в комок, неподвижно лежал на полу.

— Ну и денёк! — сказала Хомили. — А нам ещё надо закрыть окно...

— Что ж, мы зря время не теряли, — сказал Под.

Но к тому моменту, как они закрыли окно — сложный и утомительный процесс — и спрятали все следы своего опыта под полом, они еле держались на ногах. Хотя ещё не совсем стемнело, добывайки заползли в картонку и устало растянулись под одеялом. Они были совершенно разбиты.

Когда мистер и миссис Плэттер принесли им ужин, все трое, потеряв всякую связь с окружающим миром, спали глубоким сном. Они не слышали, как вскрикнула миссис Плэттер, увидев, что газ на плите погас. Не слышали они и того, как, втягивая носом воздух и оглядывая комнату, мистер Плэттер недовольно сказал:

— Надо быть поаккуратнее с газом, Мейбл, здесь ужасно пахнет.

Миссис Плэттер негодуяще заявила, что её винить не в чем.

— Ведь сегодня утром газ зажигал ты сам, Сидни.

— Нет, то было вчера, — сказал он.

И так как каждый из них знал, что другому (если его припереть в стене) ничего не стоит солгать, они не поверили друг другу и не пришли ни к какому заключению.

— Так или иначе, — подвёл наконец черту мистер Плэттер, — погода сейчас тёплая, и газ больше не нужен...

И больше горелка не зажигалась.

Глава двадцатая

Следующие десять дней были посвящены серьёзному эксперименту под контролем и руководством Пода.

— Медлить нам сейчас нельзя, — объяснил Хомили и Арриэтте Под, — но и горячку пороть тоже не годится. Нам надо составить план работы и выполнять всё в своё время, а не за один раз. Мы поставили перед собой большую задачу, Хомили, не стоит ничего делать наспех. Тише едешь — дальше будешь.

— Но когда они открываются, Под?

— «Чай на берегу реки»? Первого апреля, если дом-клетка будет закончен.

— Спорю, он уже готов. А сейчас середина марта.

— Ты ошибаешься, Хомили. Им ещё не прислали зеркального стекла и ручки, которая должна его поднимать. И у них что-то случилось со стоком воды. Их затопило, помнишь? Ты что — не слушаешь, когда они говорят?

— Нет, если они говорят об этой клетке, не слушаю и слушать не хочу, — сказала Хоми-

ли. — У меня сразу начинаются мурашки. Как они принимаются об этом толковать, я тут же лезу под одеяло.

За эти десять напряжённых дней Под и Арриэтта столько ходили по страницам «Иллюстрированных лондонских новостей», что почти стёрли ногами буквы. Им пришлось отказаться от мысли о том, чтобы управлять клапаном для выпуска газа при помощи верёвки, протянутой в корзину сквозь шар. Под объяснил Арриэтте, что этому мешает характер оболочки. Он дотронулся ногой до чертежа:

— Когда оболочка сделана из шёлка... как здесь, можно пропустить клапанную верёвку сквозь горло шара... но резина эластична, она выжимает из себя газ... если мы оставим горло шара открытым, как показано на рисунке, через десять минут нас не будет в живых.

Под был огорчён этим, потому что он уже придумал, как установить клапан туда, где он и должен быть — на верхушку оболочки, — и практиковался в этом на меньших шарах, которых было в мансарде великое множество.

А пока, в то время как Хомили, вооружившись наточенной Подом иглой, придавала сетке от сачка нужную форму, сам Под вместе с Арриэттой изучал параграф «Равновесие и уменьшение силы тяжести». В балластной верёвке был сделан целый ряд петель, к которым, наполнив шар газом, они прицепляли самые разные предметы (корзинку из-под клубники, не доделанную ещё сетку, один-два ключа, полое кольцо для подвешивания занавесок, рулон отрывных билетов по полтора шиллинга штука, дающих право на вход в Бэллихоггин) и за которые цеплялись сами. Наконец наступил день, когда они добились устойчивого равновесия. Стоило Арриэтте

оторвать один за другим полдюжины полутора-шиллинговых входных билетов, и шар поднялся на два фута, а стоило Поду зацепить за петлю ключик от чемодана, и шар со стуком шмякался на пол.

Однако добываяки всё ещё не нашли способа контролировать количество газа в шаре. А значит, подняться они могли, но спуститься — нет. Развязывать сторожевой узел на горле шара, даже хотя бы немного расслабить его, думал Под, всё же рискованно. Может произойти взрыв (они видели это уже не раз), и всё сооружение — воздушный шар, корзина, балласт — вместе с воздухоплавателями камнем упадёт на землю.

— Мы не можем искушать судьбу, — сказал Под Арриэтте. — Нам знаешь, что нужно? Нижний клапан с рычагом управления...

И в десятый раз за день Под полез в ящик с инструментами.

Арриэтта присоединилась к Хомили, сидевшей в уголке возле картонки, чтобы ей помочь. Сетка уже приобрела нужную форму. Хомили по указанию Поды и Арриэтты прошила её посередине более толстой и прочной ниткой; поскольку она делила шар на две равные половины, проходя по самой большой окружности, её вполне уместно называли «экватор». Сейчас Хомили прикрепляла к сетке подвесной обруч; когда сетку наденут на шар, он опояшет горло, и они повесят на него на стропах корзину. В качестве подвесного обруча они использовали полое кольцо с прута для занавесок, благо уже было известно и не раз проверено, какой у него вес.

— Мама, сетка — просто прелесть! Ты настоящая мастерица!..

— Это совсем нетрудно, — сказала Хомили, — стоит только понять, в чём тут секрет. Не труднее, чем плести кружева.

— Ты придала ей такую красивую форму...

— Ну, твой отец всё для меня рассчитал...

— Нашёл! — раздался крик Пода из ящика с инструментами.

В течение долгого времени его не было ни видно, ни слышно, и вот теперь наконец он появился, держа какой-то цилиндрический предмет больше его самого.

— Во всяком случае, я так думаю, — добавил Под и, бережно положив его на стол, вылез наружу. В руке у него был кусочек лобзика.

Арриэтта со всех ног бросилась бежать через комнату и вскарабкалась к нему на стол. Длинный предмет оказался самопишущей ручкой без колпачка; один зубец выпачканного чернилами золотого пера был сломан. Под уже разобрал свою находку на части, и теперь золотое перо лежало на столе вместе с прикреплённой к нему резиновой трубкой, а пустой корпус — отдельно, рядом.

— Я распилю корпус вот здесь, — сказал Под, — чуть ниже рычага для заправки ручки чернилами, затем отрежу самый кончик резиновой трубки — так, чтобы она выступала за край корпуса дюйма на полтора. Затем, — продолжал он бодро, но, пожалуй, слишком подробно, словно читал наставление (из раздела «Делай сам», подумала Арриэтта, вспомнив «Советы домашним хозяйкам» в своём календаре), — мы снова свинчиваем всё вместе — и что мы имеем? Мы имеем самопишущую ручку без колпачка с отпиленной задней частью корпуса, из которого торчит кусок резиновой трубки. Тебе всё понятно?

— Пока — да, — сказала Арриэтта.

— Затем, — продолжал Под, — мы отвинчиваем золотое перо...

— А ты сможешь? — спросила Арриэтта.

— Конечно, — сказал Под. — Тут всегда сменные перья. Я тебе покажу.

Сев верхом на корпус, Под сжал его коленями и быстро отвинтил золотое перо.

— Видишь, — сказал он, кладя его в сторону, — теперь там, где оно было, у нас круглое отверстие, ведущее прямо в резиновую трубку. Посмотри...

Арриэтта заглянула внутрь корпуса.

— Да, — сказала она.

— Вот и всё, — закончил Под.

«Всё? Что — всё?» — подумала Арриэтта, но выразила она свою мысль более вежливо:

— Боюсь, я не совсем...

— Ну, что тебе не ясно? — нетерпеливо сказал Под, словно его огорчила её непонятливость. — Мы вставляем передний конец ручки в горло шара — после того как его надуем, конечно, — чуть пониже сторожевого узла. И крепко обматываем верёвкой. Я берусь за заправочный рычаг, как за рукоятку, и тяну его, пока он не встанет под прямым углом к корпусу. Это рабочее положение, когда газ надёжно перекрыт. Затем мы развязываем сторожевой узел, и дело сделано. Не забывай: корпус ручки и резиновая трубка свисают задним концом в корзину. Ты следишь за мной? Ну, неважно, — продолжал он доверительно. — Ты скоро всё поймёшь. Так вот, — Под довольно вздохнул, — стоя в корзине, я протягиваю руку к рычагу, медленно подвожу его к корпусу... и газ выходит через резиновую трубку! Попробуй сама, — радостно предложил он, — рычаг двигается легко.

Наступив одной ногой на корпус пера, Под несколько раз поднял и опустил рукоятку. Арриэтта тоже попробовала это сделать: изношенный долгим употреблением заправочный рычаг свободно скользил в пазу.

— А затем, — продолжал Под, — я снова ставлю рычаг так, чтобы он отходил от корпуса под прямым углом... и газ снова заперт. Неплохой клапан, да?

— Поразительно, — сказала Арриэтта, но тут ей внезапно кое-что пришло в голову. — А как же быть с газом — ведь он пойдёт прямо в корзину?

— Он останется позади нас! — вскричал Под. — Неужели ты не понимаешь, дочка, — газ всё время поднимается, и поднимается быстрее, чем опускается шар. Я всё это обдумал; вот почему я хотел, чтобы резиновая трубка была длиннее, чем корпус; мы можем этот её конец повернуть куда захотим, но куда бы мы его ни повернули, газ будет рваться кверху, а мы будем падать вниз. Понимаешь? Мы даже можем с самого начала приподнять конец кверху и прикрепить его к корпусу. Почему бы и нет?

Несколько минут Под молчал, обдумывая эту мысль.

— Да и газа будет не так много... стоит мне приноровиться. Надо только выпускать его постепенно.

В последующие дни, полные волнующих событий, Арриэтта не раз вспоминала Спиллера. Как бы ловко он приладил сетку — дело Хомили и Арриэтты, — когда шар стал наполняться газом из рожка! В то время как Под регулировал подачу газа, они голыми руками или при помощи костяного крючка для вязания подтягивали ячейки — очень утомительное занятие. Заключённая в сеть оболочка росла, раздувалась, пока буква «й» в надписи «Чай на берегу реки» не приобрела нужных размеров.

— «Экватор», — сказал им Под, — должен делить шар ровно пополам, чтобы подвесной обруч висел прямо и корзина не кренилась.

Как бы Арриэтте хотелось, чтобы Спиллер был вместе с ними, когда они в первый раз подвешивали корзину к подвесному обручу стропами из рафии! Они делали это, стоя на платформе, перекинутой через открытую музыкальную шкапу; чтобы удержать корзинку, в неё для веса положили ключи.

А в тот раз, когда они впервые поднялись под потолок и Под, осторожно орудуя рычагом клапана, мягко посадил их на землю! Уж Спиллер не дал бы Хомили выпрыгнуть из корзины, как только она коснулась пола. Это была роковая ошибка: с ужасающей скоростью шар снова взмыл вверх и ударился о потолок с такой силой, что Под и Арриэтта чуть не вылетели из корзины на голову Хомили, которая, заливаясь слезами, в отчаянии металась вниз. Прошло немало времени, пока им удалось спуститься, хотя они полностью открыли клапан. Всё это совершенно вывело Поду из равновесия.

— Ты должна помнить, Хомили, — хмуро сказал он, когда снова привязанный к музыкальной шкапу шар медленно съёживался, освобождаясь от газа, — что ты вешишь столько же, сколько два ключа от кожаного саквояжа и полтора рулона входных билетов. Ни один пассажир не должен выходить, а тем более выскакивать из корзины до тех пор, пока шар не сожмётся до конца. — У Поды был очень серьёзный тон. — Нам повезло, что тут есть потолок. Представь, что мы были бы на открытом воздухе... Знаешь, что произошло бы?

— Нет, — хрипло прошептала Хомили, вытирая щёки тыльной стороной руки и в последний раз всхлипывая.

— Мы с Арриэттой взлетели бы на двадцать тысяч футов, и нам был бы каюк.

— О господи! — прошептала Хомили.

— На такой огромной высоте, — продолжал Под, — газ стал бы расширяться так быстро, что разорвал бы оболочку. — Под укоризненно посмотрел на жену. — Разве что у нас хватило бы присутствия духа открыть клапан и держать его открытым во время подъёма. Но в этом случае, начав наконец спускаться, мы спускались бы слишком быстро. Нам пришлось бы всё выбросить за борт — балласт, снаряжение, одежду, продовольствие, возможно, даже одного из пассажиров...

— О нет, нет! — шептала Хомили.

— И несмотря на всё это, — закончил Под, — мы, вероятно, всё равно потерпели бы крушение.

Хомили молчала; внимательно взглядевшись ей в лицо, Под продолжал, но теперь уже мягче:

— Это не увеселительная прогулка, Хомили.

— Я знаю! — горячо сказала она.

Глава двадцать первая

Но когда (28 марта) они в последний раз распахнули окно и, оставив его открытым, медленно поплыли на воздушных волнах навстречу бледному весеннему солнцу, Арриэтте это показалось настоящей увеселительной прогулкой. Момент отлёта наступил неожиданно, ведь он зависел от погоды и ветра, и предсказать его было трудно. Вечером они легли спать как обычно, а утром, ещё до того как Мейбл и Сидни принесли им завтрак, Под, изучающе посмотрев на ветку дуба за окном, объявил, что настал Знаменательный День.

Арриэтте трудно было в это поверить, да и сейчас по-прежнему казалось невероятным. Они

летели совершенно бесшумно, словно во сне... Только что они были в комнате, пропитанной удушливым запахом заточения, а в следующий миг лёгкие, как пушинка, парили над необъятной панорамой, над окутанными светло-зелёным покровом лугами и холмами, теряющимися вдаль.

Пахло влажной землёй; на мгновение этот свежий аромат уступил место чаду из кухни миссис Плэттер. Отовсюду доносилось множество негромких звуков: звяканье велосипедного звонка, топот лошадиных копыт и ворчливый мужской бас «но, милая...». Затем вдруг послышался голос миссис Плэттер, которая стояла у окна:

— Надень пальто, душенька, если ты собираешься быть там долго...

Посмотрев вниз на гравиевую дорожку, добывайки увидели мистера Плэттера, который, держа в руке сумку с инструментами, направлялся на островок. Сверху он выглядел очень странно — голова казалась ниже плеч, а прямо из-под них мелькали ноги.

— Будет достраивать клетку, — сказала Хомили.

Они рассматривали — без особого любопытства — игрушечный городок мистера Плэттера, казавшийся с высоты планом, и реку, которая, змеясь, уходила к трём тополям, которые Под называл ПЗ¹.

За последние несколько дней он пристрастился к сокращениям воздухоплавательных терминов, например, называл музыкальную шкатулку ВП² или ТО³. Сейчас, поднявшись над поблёски-

¹ Посадочная зона.

² Взлётная площадка.

³ Точка отрыва.

вающей шиферной крышей дома, они осторожно выясняли, какова их ОВ¹.

После многократных пробных подъёмов к потолку и спусков на пол добывайки привыкли к корзине и чувствовали себя в ней как дома. Арриэтта — она отвечала за балласт — взглянула на родителей. Под стоял, положив руку на рычаг самопишущей ручки, другими словами — на рукоятку клапана, со спокойным и сосредоточенным видом. Хомили, хоть и бледная, деловито перекладывала на другое место моток якорного каната, так как один зубец якоря просунулся через дно корзины.

— Может, за что-нибудь зацепиться, — пробормотала она.

Якорь был сделан из двух открытых английских булавок, прочно примотанных проволокой одна к другой. Под, много дней подряд при помощи листьев дуба изучавший направление ветра, заметил, в то время как плавно, словно вальсируя, они кружили над крышей:

— Ветер попутный, но слишком слабый. Два билета, Арриэтта, — добавил он, не спуская глаз с дерева. — Немного подождём, посмотрим, что это даст.

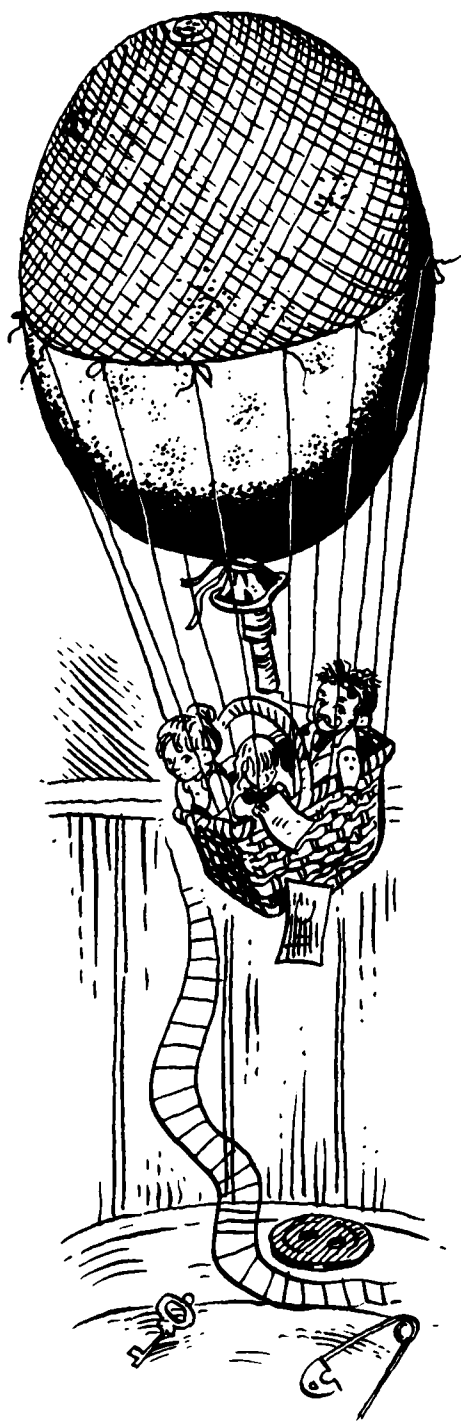
Арриэтта оторвала от рулона два билета и кинула их за борт. Они, трепеща, опустились на шифер крыши, скользнули вниз и замерли.

— Ещё два, — сказал Под и тут же, глядя, как неотвратимо надвигается на них дерево, добавил: — Лучше три.

— Я бросила уже на шесть шиллингов, — запротестовала Арриэтта.

— Хорошо, — сказал Под, заметив, что шар идёт вверх. — Пока хватит.

¹ Оптимальная высота.

— Но я уже кинула, — сказала Арриэтта.

Они пролетели над дубом на безопасном расстоянии, шар продолжал подниматься, земля уходила вниз.

Хомили посмотрела за борт.

— Осторожней, Под, — сказала она.

— Всё в порядке, — успокоил её Под, — сейчас я его спущу.

Несмотря на то что конец резиновой трубки был поднят, они почувствовали слабый запах газа.

Даже на такой высоте все звуки были отчётливо слышны. До них доносился стук молотка — это мистер Плэттер сколачивал для них клетку — и, хотя казалось, что железная дорога далеко, гроыхание колёс на стрелках. В то время как они снижались — быстрее, чем ожидал Под, — их увлекло воздушным течением за пределы сада и понесло по нисходящей спирали над шоссе; его широкая, освещённая солнцем лента, извиваясь, терялась вдали. С одного бока лента эта казалась обтрёпанной — из-за тени, падавшей от живой изгороди и хилых придорожных деревьев. По шоссе медленно ползла крестьянская повозка; спереди с поводьями в руках сидела женщина, сзади спал мужчина.

— Мы удаляемся от нашей ПЗ, — сказал Под. — Пожалуй, брось вниз ещё три билета — здесь ветер слабее, чем наверху...

Поднимаясь, они пролетели над одним из построенных мистером Плэттером домиков, их затопил поток металлических звуков — кто-то упражнялся в игре на пианино. Залаяла собака.

Подъём ускорился — благодаря трём законным билетам и четвёртому, брошенному Арриэттой им вдогонку. Она сделала это, поддавшись внезапному порыву, и сразу поняла, что совершила ошибку. Они должны подчиняться пилоту,

от этого зависит всё, даже их жизнь, а как он может управлять воздушным кораблём, если она будет нечестно выполнять команды? Шар продолжал подниматься, а Арриэтту всё сильнее мучила совесть. Они летели над большим лугом, где паслись коровы, и с каждой секундой они на её глазах становились всё меньше. Однако дрожащее «му-у» прорезало спокойный воздух и достигло их ушей. Арриэтта услышала песню жаворонка, а когда они пролетали над вишневым садом, почувствовала клейкий аромат нагретых солнцем почек и распустившихся цветов. «Больше похоже на середину апреля, чем на конец марта», — подумала она.

— Спиллеру бы очень понравилось, — сказала Арриэтта громко.

— Возможно, — довольно сухо отозвалась Хомили.

— Когда я вырасту, я, наверно, выйду за него замуж.

— За Спиллера? — удивлённо воскликнула Хомили.

— А чем он плох? — спросила Арриэтта.

— Ну, я не говорю, что он чем-то особенно плох, — нехотя признала Хомили, — особенно если его отмыть и привести в приличный вид... Но где, ты думаешь, вы будете жить? Ведь он не сидит на месте.

— Я буду ездить вместе с ним, — сказала Арриэтта.

Хомили уставилась на неё.

— Интересно, что ты ещё скажешь? И где — на воздушном шаре! Выйти замуж за Спиллера! Ты слышал, Под?

— Да, слышал, — ответил он.

Они всё ещё поднимались.

— Ему нравится жить на открытом воздухе, — сказала Арриэтта, — и мне тоже.

— Выйти за Спиллера! — пробормотала про себя Хомили, она никак не могла это переварить.

— И если мы всё время будем ездить с места на место, нам будет легче приезжать к вам в гости...

— Значит, уже дошло до «мы»? — сказала Хомили.

— ...А я не смогла бы этого делать, — продолжала Арриэтта, — если бы я вышла замуж в семью, которая постоянно живёт в Бедфордшире.

— Но тебе только шестнадцать! — воскликнула Хомили.

— Семнадцать... почти что, — сказала Арриэтта. Немного помолчав, она добавила: — Думаю, мне следует ему об этом сказать...

— Под! — воскликнула Хомили. — Ты слышишь? Может быть, на неё подействовала высота или ещё что-нибудь — у девочки ум зашёл за разум.

— Я пытаюсь поймать ветер, — сказал Под, он не мигая смотрел наверх, туда, где лёгкое, прозрачное облачко чуть заметно плыло к солнцу.

— Понимаешь, — спокойно продолжала Арриэтта (она вспоминала свои беседы с мисс Мензиз, её голубые глаза, полные слёз), — он такой стеснительный и так много разъезжает, что может сам и не додуматься до того, чтобы меня спросить. А потом ему надоест жить в одиночестве, и он женится на какой-нибудь, — Арриэтта приостановилась, — на какой-нибудь ужасно милой добывайке с толстыми ногами...

— Где ты видела добываек с толстыми ногами? — воскликнула Хомили. — Об этом и слыхом не слыхать. Разве что у твоей тёти Люпи... Хотя своими глазами я её ног не видела... — добавила она задумчиво, глядя наверх, словно следуя за взглядом Пода. — Но что за глупости

ты говоришь, Арриэтта! Начиталась в этом своём журнале всякой ерунды. Да вы со Спиллером словно брат с сестрой!

Только Арриэтта хотела сказать, но не сразу смогла найти подходящие слова, что детская дружба — неплохая проверка для будущего союза, как что-то заслонило от них солнце и в корзине стало вдруг холодно и сыро. Верхушка оболочки скрылась в тумане, земля внизу стала не видна.

Добывайки уставились друг на друга. Всё исчезло, существовала лишь корзина в красных клубничных пятнах, окружённая белой стеной, и они трое, напуганные до полусмерти.

— Ничего страшного, — сказал наконец Под, — мы попали в облако. Я немного выпущу газ.

Они молча смотрели, как он это делает, не сводя глаз с его твёрдой руки на клапанном рычаге. Им казалось, что он едва движется.

— Самую малость, — объяснил он спокойно. — Сетка намокла, а вода — вещь тяжёлая. Это нам поможет. И, кажется, мы нашли ветер.

Глава двадцать вторая

Внезапно они снова очутились под безоблачным небом; лёгкий ветерок нёс их ко всё ещё далекой ПЗ.

— Не удивлюсь, — весело сказал Под, — если мы наконец достигли своей ОВ.

Хомили поёжилась:

— Мне это вовсе не понравилось.

— И мне, — согласилась с ней Арриэтта.

В корзине ветер совсем не чувствовался, и она повернула лицо к солнцу, с благодарностью нежась в его вернувшихся вдруг лучах.

Они пролетели над группой домов, расположенных вокруг небольшой приземистой церкви. Возле лавки стояли кучкой три человека с корзинами в руках, и до добываек донёсся взрыв сердечного смеха. В саду за домом какая-то женщина — они видели её со спины — развешивала на верёвке бельё; оно висело совсем неподвижно.

— Там, внизу, почти нет ветра, — заметил Под.

— Да и здесь не больно много, — отозвалась Хомили.

Несколько минут они молча глядели на землю.

— Не понимаю, почему никто из них не взглянет вверх, на небо! — неожиданно воскликнула Арриэтта.

— Люди редко смотрят вверх, — сказал Под, — слишком заняты собственными делами. — Он приостановился, подумал. — Разве что услышат внезапный грохот... или увидят яркую вспышку или что-нибудь в этом роде. Им не надо всё время быть начеку, как добывакам.

— Или птицам, — сказала Арриэтта, — или мышам...

— И всем тем, на кого охотятся, — добавил Под.

— А на людей кто-нибудь охотится? — спросила Арриэтта.

— Насколько мне известно — никто, — сказал Под. — А пошло бы им на пользу, побывали бы в нашей шкуре, попробовали бы хоть раз в жизни, каково это. — Под снова замолчал, затем добавил: — Говорят, они охотятся друг на друга...

— Быть того не может! — возмущённо воскликнула Хомили (для неё, воспитанной согласно строгому кодексу добываек, где первое правило — один за всех и все за одного, слова Пода

были равносильны обвинению всей человеческой расы в людоедстве). — Нехорошо так говорить, Под. Ни одно живое существо не может упасть так низко.

— Но я слышал это своими ушами, — не уступал ей Под. — Иногда в одиночку, а иногда скопом — куча на кучу.

— Человеки на человеков?! — переспросила Хомили. — Подумать только!

У неё не укладывалось это в голове.

Под кивнул:

— Да, человеки на человеков.

Поражённая его словами, Хомили посмотрела вниз на велосипедиста, точно даже представить себе не могла подобную испорченность натуры. Велосипедист выглядел самым обыкновенным человеком, а на таком расстоянии был даже похож на добывайку; он ехал, сворачивая то влево, то вправо, по нижнему склону холма, пока не скрылся в воротах кладбища. Хомили недоверчиво проводила его глазами.

Внезапно до них донёсся запах тушёной баранины с луком, затем пахнуло ароматом кофе.

— Дело идёт к полудню... — сказал Под; не успел он кончить фразы, как часы на церкви пробили двенадцать. — Меня беспокоят эти вихри, — сказал Под некоторое время спустя, когда шар снова пошёл по спирали вниз, оставив реку сбоку. — Они как-то связаны с тем, что земля нагревается от солнца.

— Может быть, перекусим? — внезапно предложила Хомили.

У них было с собой несколько тонких ломтиков ветчины, кусочек сыра, несколько зёрнышек варёного риса из пудинга и большая долька апельсина, чтобы утолить жажду.

— Лучше ещё подождём, — сказал Под, держа руку на рычаге клапана.

Шар шёл вниз.

— Почему? — спросила Хомили. — Скоро два часа.

— Знаю, — сказал Под, — но лучше ещё немного повременить... если мы выдержим. Может быть, нам придётся выбросить груз... при угрозе аварии... а как ты выбросишь провиант, если он уже съеден?

— Не пойму, о чём ты толкуешь, — проворчала Хомили.

— О том, чтобы кинуть еду за борт, — объяснила Арриэтта; по приказу Пода она оторвала ещё два билета.

— Понимаешь, — сказал Под, — тут то одно, то другое, вот я и выпустил слишком много газа...

Хомили ничего не ответила. Несколько минут прошло в молчании.

— Мне не нравится, как мы крутимся, — проговорила Хомили, — сперва церковь была справа, теперь она слева. Понимаешь, трудно сказать, где ты, когда каждую минуту видишь что-нибудь другое.

— Всё будет в порядке, — сказал Под, — стоит нам поймать ветер. Оторви ещё парочку, — сказал он Арриэтте.

Этого оказалось достаточно: они плавно поднялись вверх и, подхваченные воздушным течением, медленно поплыли к реке.

— Если мы не потеряем этот ветер, — сказал Под, — нам ничто не грозит.

Он пристально смотрел вперёд, туда, откуда, испещрённые солнечными бликами, к ним приближались, становясь всё отчётливей, три высоких тополя.

— Сейчас мы летим прекрасно.

— Ты думаешь, мы можем попасть в Литл-Фордэм?

— Вполне вероятно, — сказал Под.

— Если хочешь знать моё мнение, — сказала Хомили, прищуриваясь, так как полуденное солнце резало ей глаза, — тут всё дело случая — попал или промазал.

— Не совсем, — сказал Под и выпустил немного газа. — Мы станем снижаться медленно, постепенно. Когда окажемся близко от земли, скинем балластную верёвку, она действует вроде тормоза. И как только я отдам приказ, Арриэтта сбросит якорь.

Хомили снова замолчала и не отрываясь смотрела вперёд. Как ни убедительно звучали слова Пода, она не могла не волноваться. Река, змеясь и петляя, плыла им навстречу, пока наконец не оказалась прямо под ними. Дул лёгкий ветерок. Этот ветерок шелестел листьями трёх тополей и колыхал их ветви, протянутые к добывайкам, — казалось, деревья кивают им и манят к себе. Шар приближался к тополям, словно его тянули на канате.

Под выпустил ещё немного газа.

— Пожалуй, размотай балластную верёвку, — сказал он Арриэтте.

— Уже?

— Да, — сказал Под. — Надо быть наготове.

Земля, слегка поворачиваясь, всё надвигалась. Вот кроны дубов отодвинулись в сторону, и добывайки увидели впереди, под углом к горизонту, так давно утраченный Литл-Фордэм.

— Не верю своим глазам, — прошептала Хомили, когда вне себя от радости они глядели вниз, прямо в сад мистера Потта.

Им были видны рельсы, поблёскивающие на солнце, флюгер, сверкающий на верхушке колокольни, неровные крыши домов вдоль узкой Главной улицы и печная труба их собственно-

го, милого сердцу Виноградного домика. Им был виден палисадник перед домом мистера Потта и за тёмной зеленью изгороди из боярышника — солнечный кусок улицы. По ней большими шагами, свободно, молодо шла фигура в костюме из твида. Добывайки знали, что это мисс Мензиз, которая направляется домой пить чай. «А мистер Потт, — подумала Арриэтта, — уже успел уйти».

Воздушный шар спускался всё быстрее.

— Осторожней, Под, — взмолилась Хомили, — ты окунёшь нас прямо в реку.

И тут в дальнем конце сада возникло что-то похожее на полупрозрачную ленту. Опустившись ещё ниже, они увидели, что это крепкая проводочная сетка, идущая вдоль берега реки. Мистер Потт принял меры предосторожности и надёжно оградил свои сокровища.

— Давно пора, — мрачно сказала Хомили. Затем вдруг отчаянно вскрикнула и прижалась к стенке корзины: река стремительно вздымалась им навстречу.

— Приготовь якорь! — крикнул Под.

Но в этот самый момент корзина ударилась о воду и накренилась набок; в тучах брызг их потащило вперёд. Все трое потеряли равновесие и, по колено в бурлящей воде, вцепились в стропы; шар плясал на волнах. Поду удалось закрыть клапан, а Арриэтта, держась одной рукой, другой пыталась освободить якорь. Но Хомили, прежде чем ей успели помешать, в панике кинула за борт кусок сыра. Под её вопли шар резко подпрыгнул вверх, а затем так же резко остановился. Рулон билетов пролетел между добывайками и, упав в реку, поплыл по течению. Если бы добывайки не держались за стропы, они последовали бы за рулоном; их подбросило

в воздух, а затем они свалились друг на друга обратно в корзину; английские булавки, из которых был сделан якорь, застряли в проволочной сетке. Ограда так тряслась, скрипела и гнулась, будто её вот-вот выдернет из земли, а когда Под, уцепившись за рычаг клапана, посмотрел вниз, он увидел, что остриё одной английской булавки отходит в сторону.

— Одна лапа скоро соскочит, — сказал Под.

Корзина чуть не перевернулась в воздухе, казалось, её рвут на части: сверху — освободившийся от балласта шар, снизу — тормозящий его движение якорь. Газ выходил слишком медленно. Это была гонка на время.

Добываек не переставая заливало водой. Они стояли, прижавшись спинами к бывшему полу, упираясь ногами в боковую стенку. Белые как мел, тяжело дыша, они неотрывно смотрели вниз. Угол между раскрытой булавкой и её остриём делался всё больше.

Внезапно Под принял решение.

— Возьми балластную верёвку и передай мне, — сказал он Арриэтте, — она мне понадобится. Я спущусь на берег по якорному канату.

— Ой, Под! — жалобно воскликнула Хомили. — А если мы вдруг взлетим без тебя?

Но Под будто не слышал.

— Быстрой! — крикнул он Арриэтте.

И когда дочь подтащила к нему мокрую верёвку, Под взял в руки её свободный конец и, перепрыгнув через борт корзины, стал на якорный канат. Они видели, как он скользит вниз, к земле, зажав балластную верёвку под мышкой, как становится поустойчивее наверху ограды, как спускается на две ячейки вниз, как быстро, орудуя одной рукой, продевает конец верёвки сквозь ячейку и крепко завязывает её двойным узлом.

Затем его маленькое квадратное лицо поднялось к ним.

— Крепче держитесь за стропы, — крикнул Под, — сейчас немного дёрнет!

Он передвинулся на несколько ячеек в сторону, чтобы ему было удобнее следить за булавкой.

Она выскочила из сетки с резким металлическим щелчком быстрее, чем они ожидали, и взмыла по дрожащей кривой, как хлыстом перерезав воздух. Шар сделал безумный прыжок вверх, но был остановлен привязанной к ограде верёвкой. Казалось, он напрягает последние силы, стремясь освободиться, но всё было тщетно. Хомили и Арриэтта прильнули друг к другу, смеясь и плача одновременно в приступе безудержной радости. Под успел поставить их на мёртвый якорь в самый последний момент.

— Ну, теперь вам ничто не угрожает! — весело крикнул Под. — Осталось только ждать.

И, задумчиво посмотрев вокруг, он полез по сетке на землю.

— Ты куда, Под? — пронзительно позвала его Хомили.

Он приостановился и снова поднял лицо наверх.

— Подумал, не заглянуть ли мне домой — из нашей трубы идёт дым, похоже, там есть кто-то.

— А мы как же? — крикнула Хомили.

— Вы постепенно опуститесь, ведь газ будет всё время выходить, — тогда переберётесь через ограду. Но я скоро вернусь, — добавил он.

— Где это видано! — воскликнула Хомили. — Уйти и оставить нас одних!

— Ну а что ты хочешь, — спросил Под, — чтобы я стоял тут, внизу, и любовался на вас? Я не задержусь там, и если, скажем, это Спиллер, он нам, конечно, поможет. У вас всё в по-

рядке, — продолжал Под. — Когда шар спустится на воду, подтащите к себе балластную верёвку — подтянетесь к самому берегу.

— Где это видано! — повторила Хомили, словно не веря своим глазам, в то время как Под слезал по ограде.

Глава двадцать третья

Дверь Виноградного домика была не заперта, и Под распахнул её. В незнакомом Поду очаге горел огонь, на полу спал Спиллер. Когда Под вошёл, он вскочил на ноги. Они уставились друг на друга. Узкое лицо Спиллера выглядело усталым, глаза запали.

Под медленно улыбнулся.

— Хелло! — сказал он.

— Хелло! — ответил Спиллер и с тем же непроницаемым видом нагнулся, поднял с пола несколько ореховых скорлупок и бросил их в огонь. Пол тоже был новый, заметил Под, из дерева медового цвета; перед очагом лежал вязаный коврик.

— Давненько не виделись, — бросил Спиллер, глядя в огонь.

Под заметил, что в очаг была вделана небольшая железная плита.

— Да, — подтвердил Под. — Мы всю зиму прожили в мансарде.

Спиллер кивнул.

— Ты ведь знаешь, — сказал Под, — такая комната наверху человеческого дома.

Спиллер снова кивнул и отшвырнул обломок упавшей из очага скорлупы за решётку. Весело треща, скорлупа ярко вспыхнула.

— Не могли оттуда выбраться, — сказал Под.

— А-а, — неопределённо протянул Спиллер.

— Пришлось сделать воздушный шар, — продолжал Под, — и вылететь через окно.

Спиллер затаил дыхание и бросил на него выжидательный взгляд.

— Арриэтта и Хомили сейчас там, в корзине. Шар зацепился за проволочную сетку.

Глаза Спиллера метнулись было к окну, но отсюда проволочная сетка была не видна, и он снова уставился в пол.

— Наподобие лодки? — спросил он, помолчав.

— В некотором роде, — улыбнулся Под. — Хочешь посмотреть? — вскользь спросил он.

Что-то промелькнуло на лице Спиллера — искра, которая тут же погасла.

— Почему бы и нет? — согласился он.

— Это может быть тебе интересно, — сказал Под с ноткой гордости в голосе.

Он снова обвёл глазами комнату.

— Я вижу, тут всё переделано, — заметил Под.

Спиллер кивнул:

— Проточная вода и всё прочее...

— Проточная вода! — воскликнул Под.

— Угу, — сказал Спиллер, двигаясь потихоньку к дверям.

Под посмотрел на трубы над раковиной, но не тронулся с места, чтобы открыть кран. На столах и полу валялась в беспорядке добыча Спиллера: ласточкины яйца, пустые скорлупки, орехи, зёрна и на листке одуванчика шесть сморщенных копчёных пескариков.

— Жил здесь это время? — спросил Под.

— Случалось, — ответил Спиллер, переминаясь с ноги на ногу у самого порога.

И снова глаза Пода обвели комнату. Несмотря на хаос, устроенный Спиллером, общий её характер всё равно был виден: простые, удобные

стулья, столы с деревянной столешницей, которые можно мыть щёткой, деревянный кухонный шкаф с полками для посуды, половики ручной вязки — всё в народном стиле и всё очень практичное.

— Пахнет человеками, — заметил Под.

— Пожалуй, — согласился Спиллер.

— Может, немного приберём? — предложил Под. — Не займёт много времени. — И словно в оправдание добавил: — Для неё главное — первое впечатление, если ты понимаешь, что я имею в виду. Уж такая она. И... — внезапно он остановился: тишину распорол резкий звук.

— Что это? — спросил Спиллер.

— Воздушный шар! — вскричал Под и, вдруг побелев, посмотрел в окно — ноги у него стали словно ватные. — Он лопнул! — И, оттолкнув в сторону Спиллера, Под кинулся к дверям.

Хомили и Арриэтта, напуганные, но неведимые, из всех сил вцепились в проволочную ограду. Пустая корзина свободно болталась на сетке шара, похожей сейчас на птичье гнездо; клочья лопнувшей оболочки переплелись со стропами и даже, казалось, с проволокой.

— Мы так славно его спустили, — услышал Под запыхавшийся голос Хомили, когда они со Спиллером поднимались вверх с ячейки на ячейку.

— Не двигайтесь с места! — крикнул Под.

— ...Спустился, как во сне, Под, — продолжала Хомили, — как птичка...

— Очень хорошо, — отозвался Под, — только сейчас стойте спокойно, не сходите с места.

— ...А потом ветер переменялся, — не умолкала Хомили, плача, но по-прежнему крича во

всё горло, — и закружил нас... и бросил прямо на эту колючую сетку... Но шар так чудесно спускался, Под, лёгкий как пушинка. Правда, Арриэтта?

Но Арриэтта, которой гордость не позволяла, чтобы её спасали, уже была далеко внизу. Спиллер во весь дух карабкался ей навстречу; они столкнулись в ячейке сети.

— Ты лезешь не по той стороне, — сказал Спиллер.

— Я знаю. Я скоро перейду.

На глазах её были слёзы, щёки пылали, косы расплелись, и волосы рассыпались по плечам.

— Помочь? — спросил Спиллер.

— Спасибо, не надо. Справляюсь сама. — И, стараясь не встретиться с его любопытным взглядом, Арриэтта поспешила вниз.

Она чуть не плакала: всё должно было быть совсем иначе, Спиллер никогда не поймёт, что такое воздушный шар, раз он не видел его надутым; одними словами не передать, что им пришлось пережить, через что пройти, чтобы его сделать, и какого головокружительного успеха они достигли. Что они могли теперь показать? Старую корзинку из-под клубники в красных пятнах, несколько лоскутьев съёжившейся резины и клубок спутанных верёвок. Всего несколько минут назад они с матерью так ловко, так красиво спускали шар на землю. Оправившись от панического страха и овладев собой, Хомили, как это часто с ней бывало, вдруг успокоилась. Возможно, она поняла, что она снова дома, увидела, как их городок, такой же, как раньше, мирно нежится под полуденным солнцем, а из трубы Виноградного домика неожиданно струится в небо дымок — трепещущий на ветру приветственный вымпел: значит, дом обитаем и огонь

только что разожжён. И разожжён он не мисс Мензиз, которая уже давно скрылась из виду, и не Подом, который ещё не успел подойти к дому. Кем же тогда, как не Спиллером? Арриэтта и Хомили почувствовали себя среди друзей и, гордые успешным побегом, жаждали показать своё мастерство. Они аккуратно свернули верёвки и канаты, сложили снаряжение и прибрали в корзине. Они выжали мокрые платья, а Хомили даже причесалась. Затем методично и спокойно взялись за дело так, как наказывал Под.

— Ужасно! — воскликнула Арриэтта, взглянув наверх, когда она добралась до последней ячейки сетки.

Она увидела, как отец показывает матери, куда ей поставить ногу, увидела Спиллера, который залез на самый верх ограды — а как же иначе? — и деловито изучает обломки крушения. Арриэтта в полном унынии сошла с сетки на землю, сорвала лист подорожника и, бросившись навзничь на это пружинистое ложе и заложив руки за голову, стала хмуро глядеть на небо.

Когда Хомили при помощи Пода спустилась наконец вниз, у неё тоже был расстроенный вид.

— Это не мы, мы всё делали правильно, — повторяла она. — Просто ветер переменялся.

— Я знаю, знаю, — утешал её Под, — забудь об этом... Шар сослужил свою службу, а дома тебя ждёт сюрприз. Вы с Арриэттой идите вперёд, пока мы со Спиллером соберём здесь что можно.

Когда Хомили увидела все новшества в доме, её стало трудно узнать. «Как будто, — подумала Арриэтта, глядя на её выражение, — она попала в рай». Сперва, не веря своим глазам, она застыла на месте, затем, дав волю радости

и волнению, забегала как безумная по комнатам, рассматривая одно, трогая другое, переставляя третье и сопровождая всё это восторженными восклицаниями.

— Они разделили верхнюю комнату надвое, теперь там есть комнатка и для тебя, Арриэтта. Погляди только на раковину, прошу тебя, Арриэтта! Вода из крана и всё остальное! А что это за штука на потолке?

— Лампочка от ручного фонарика, — сказала Арриэтта, как следует её разглядев. А за чёрным ходом под навесом они нашли большую квадратную батарейку.

— Значит, у нас теперь есть электричество, — прошептала Хомили, отступая от навеса. — Лучше здесь ничего не трогать, — продолжала она с благоговейным страхом, — пока не придёт отец. И помоги мне собрать барахло, которое разбросал здесь Спиллер, — проговорила она взбудораженно. — Да, мне жаль то несчастное создание, которому придётся вести хозяйство в его доме...

Глаза её сияли. Она повесила своё новое платье перед огнём сушиться и, радуясь, что снова видит старые вещи, переоделась в них. Арриэтта — она всё ещё почему-то была в плохом настроении — обнаружила, что её старое платье ей мало.

— У меня в этом платье дурацкий вид, — недовольно сказала она, пытаясь одёрнуть вязаный жакет.

— Да кто тебя здесь увидит, — сказала Хомили, — кроме отца и Спиллера?

Всё это время, не жалея сил и не покладая рук, она чистила, мыла, перекладывала, переставляла. Скоро ни одна вещь не стояла на прежнем месте, комната приняла довольно странный вид.

— Да, трудно что-нибудь сделать, когда и кухня, и столовая, и гостиная — всё вместе, — с трудом переводя дыхание, заметила Хомили, обозревая плоды своего труда. — И я всё ещё не уверена насчёт этого шкафчика.

— А что с ним не так? — спросила Арриэтта, мечтавшая об одном — сесть и отдохнуть.

— Пожалуй, когда он стоял на старом месте, было лучше.

— Неужели нельзя оставить всё это мужчинам? — сказала Арриэтта. — Они скоро вернутся... к ужину.

— В том-то и дело, — сказала Хомили. — Если двигать, то двигать сейчас, до того, как я принялась за стряпню... Там, где он сейчас, он выглядит ужасно, — сердито продолжала она. — Портит всю комнату. Ну-ка, Арриэтта, берись... На это уйдёт одна-две минуты.

Но когда кухонный шкафчик попал на своё прежнее место, сделалось видно, что вся остальная мебель стоит вкривь и вкось.

— Стол хорошо уместится вон там, — сказала Хомили, — если мы немного подвинем комод. Ты берись за один конец, Арриэтта...

И они сделали ещё несколько перестановок; наконец Хомили была довольна результатом.

— Хлопотно, конечно, — весело сказала она, обводя глазами комнату, — но вполне оправдывает себя. Сейчас здесь куда уютней, правда, Арриэтта? Чувствуешь, что всё стоит, как надо.

— Да, — сухо проговорила Арриэтта, — потому что всё вернулось на свои места.

— Что ты имеешь в виду? — воскликнула Хомили.

— Что всё находится там, где было с самого начала, — сказала Арриэтта.

— Глупости! — сердито оборвала её Хомили, но когда она посмотрела вокруг, в её взгляде не было уверенности. — Ну, пожалуй, табурет и правда стоял под окном. Но нам некогда тратить время на споры, мужчины вот-вот вернутся, а я и не бралась за ужин. Будь хорошей девочкой, сбегай к ручью и принеси несколько листиков кресс-салата.

Глава двадцать четвёртая

Позднее, когда, поужинав и вымыв посуду, они все четверо собрались у очага, Арриэтта почувствовала, что Спиллер начинает действовать ей на нервы. Он просто помешался на этом воздушном шаре, иначе не скажешь. Прошло каких-то несколько часов, а он уже никого не видит, никого не слышит, ни о ком и ни о чём не думает, кроме этих дурацких лоскутов сморщенной резины, надёжно спрятанных в задней комнате бакалейной лавки вместе с остальными воздухоплавательными принадлежностями. Конечно, когда, желая привлечь внимание Спиллера, Арриэтта рассказывала за ужином об их приключениях, он слушал, но стоило ей на миг замолчать, блестящие чёрные глаза тут же обращались к Поду, и он, как всегда сухо и немногословно, засыпал его вопросами: «Промасленный шёлк вместо резины для оболочки в следующий раз? Шёлк добыть нетрудно, а масло найдётся у мистера Потта...» Его интересовало всё: скорость ветра, балластные верёвки, швартовка, якоря, как наполнить оболочку газом — вопросам не было конца, и задавались они по какой-то непонятной ей причине только Поду. Самый скромный вклад в разговор с её стороны

Спиллер, казалось, пропускал мимо ушей. «А я знаю обо всём этом не меньше папы, — сердито говорила себе Арриэтта, сжавшись в комочек в тёмном уголке. — Даже больше, если уж на то пошло. Кто его всему научил? Я». Она уныло обвела взглядом освещённую комнату: задёрнутые занавески, поблёскивающая посуда на кухонном столике — покой, комфорт. Даже этим всем они были в некотором смысле обязаны ей, ведь именно она набралась смелости заговорить с мисс Мензиз и, заведя с ней дружбу, рассказать ей о привычках и потребностях добываек. Сидят тут уютненько у очага, довольные собой. Им-то хорошо, у них ничего нет на душе. И, наклонившись вдруг к самому огню, Арриэтта сказала:

— Папа, ты можешь меня выслушать?

— Само собой, — ответил Под с улыбкой, глядя на её разбуряившееся от пламени лицо.

— Я должна сказать вам что-то, — тяжело дыша, начала Арриэтта. — Раньше я не могла. Но теперь могу...

Сердце Арриэтты учащённо забилося, она видела, что даже Спиллер внимательно слушает её.

— Это про наш дом, про то, почему они так здесь всё устроили, про то, откуда они узнали, что именно нам нужно...

— Что нам нужно?.. — повторил Под.

— Да, иначе почему они всё это сделали?

Под не торопился с ответом.

— Я не знаю, почему они это сделали, — сказал он наконец, — так же как не знаю, почему они построили церковь или железную дорогу. Возможно, меняют обстановку во всех домах по очереди...

— Нет, — воскликнула Арриэтта, и голос её задрожал, — ты ошибаешься, папа! Они обста-

вили заново только один дом — наш дом... потому что они всё про нас знают, и любят нас, и хотят, чтобы мы тут остались!

Наступило короткое напряжённое молчание. Затем Хомили пробормотала еле слышно:

— О господи боже мой!

Спиллер, неподвижный, как статуя, пристально глядел на Арриэтту немигающими глазами.

Наконец Под медленно сказал:

— Объясни, что ты имеешь в виду, дочка. Откуда они о нас знают?

— Я ей рассказала, — ответила Арриэтта.

— Ей? — повторил Под, растягивая «е», как всегда, когда он волновался.

— Мисс Мензиз, — сказала Арриэтта, — той, высокой, с длинными пальцами, которая пряталась за чертополохом.

— О боже мой... — снова прошептала Хомили.

— Но ведь не случилось ничего плохого, мама, — стала успокаивать её Арриэтта. — Нам нечего бояться. Ты будешь здесь в безопасности... в большей безопасности, чем была когда-нибудь в жизни. Они станут о нас заботиться и защищать нас, они никому не дадут нас в обиду, обеспечат нас всем, что нам надо... всегда, всю жизнь, до конца наших дней. Она мне обещала.

Хомили, хотя её по-прежнему била дрожь, казалось, немного успокоилась.

— Что об этом думает твой отец? — еле слышно спросила она и посмотрела на Пода. Арриэтта тоже повернулась к нему.

— Не говори ничего, папа... Подожди. Прошу тебя. Пожалуйста. Подожди, пока я не рассказала тебе всё, чтобы ты мог... — Но, взглянув на его лицо, она оробела и закончила, запинаясь: — Ну, чтобы ты сам мог всё увидеть своими глазами.

— Что увидеть? — сказал Под.

— Что всё в порядке.

— Что ж, продолжай.

Торопливо, словно оправдываясь, Арриэтта принялась рассказывать о своей дружбе с мисс Мензиз с самых первых дней. Описала им характер мисс Мензиз, её верность друзьям, её доброту, её таланты и её мужество. Не забыла о «дорогом Гэдстоне» и об Обри, «лучшем друге» мисс Мензиз. (В том месте Хомили покачала головой и прищёлкнула языком. «Печально, когда случаются такие вещи, — сказала она задумчиво. — История вроде этой произошла с моей сестрой Миллигрэм; Милли тоже так и не вышла замуж. Стала собирать крылья дохлых мух, делать из них веера и всякое такое. Красивые они были при ярком свете, так и переливались всеми цветами радуги...») И о мистере Потте: какой он добрый, по словам мисс Мензиз, какой деликатный и так искусно придумывает всё и мастерит, словно он сам — добывайка.

— Это точно, — внезапно проговорил Спиллер, прервав её.

Он сказал это с таким чувством, что у Арриэтты возникло в уме какое-то смутное воспоминание.

— Так это он тот добывайка, о котором ты нам как-то рассказывал? — спросила она, взглянув на Спиллера. — Тот, который живёт один?

Спиллер лукаво улыбнулся.

— Точно, — подтвердил он, — я сам много чему от него научился... любому добывайке есть чему поучиться у него.

— А зачем это надо, если ты живёшь на всём готовом? — спросил Под. — Не к чему и руки приложить... Продолжай, Арриэтта, — сказал он, так как она вдруг задумалась.

— А это всё. Во всяком случае, сейчас мне больше ничего не приходит в голову.

— Что ж, хватит и этого, — сказал Под.

Он пристально смотрел на неё, сложив на груди руки, с серьёзным, даже мрачным выражением.

— Ты не должна была так делать, — медленно сказал он, — неважно, что мы от этого имеем.

— Послушай, Под, — быстро вставила Хомили, — должна — не должна, она это сделала, а сделанного не воротишь, сколько бы ты её ни бранил. Я хочу сказать, — Хомили обвела взглядом комнату, посмотрела на сияющую посуду на кухонном столике, на кран над раковиной, на незажжённую лампочку под потолком, — мы многим ей обязаны.

— Это всё пахнет человеками, — сказал Под.

— Запах выветрится, — возразила Хомили.

— Ты уверена? — спросил Под.

Потеряв терпение, Арриэтта внезапно вскочила с табурета перед огнём.

— Ну что вам ещё надо?! — негодуя вскричала она. — Я думала, вы будете мной довольны... будете гордиться мной... Мама всегда мечтала о таком доме, как этот! — И, нащупав задвижку, она распахнула двери и выбежала в лунную ночь.

После её ухода в комнате застыла тишина. Все молчали, но вот раздался тихий скрип стула — это встал Спиллер.

— Куда ты? — небрежно спросил Под.

— Посмотрю, как там на причале.

— Но ты же вернёшься сюда опять? — спросила Хомили; её вновь обрётённый уютный дом просто обязывал к гостеприимству.

— Спасибо, — сказал Спиллер.

— Я пойду с тобой, — попросил Под.
— Ваше дело, — сказал Спиллер.
— Хочу подышать свежим воздухом, — сказал Под.

Стоявшая в тени от дома Арриэтта видела, как они прошли, освещённые луной. Когда они уже скрылись в темноте, она услышала, как отец говорит: «...зависит от того, как на это смотреть». «На что — это?» — спросила она себя. Неожиданно Арриэтта почувствовала себя сиротливо: у отца с матерью был их дом, у Спиллера — барка, у мисс Мензиз — мистер Потт и игрушечный городок, у мистера Потта — мисс Мензиз и игрушечная железная дорога, а у неё — никого и ничего. Арриэтта протянула руку и схватила за стебель одуванчик высотой с фонарный столб, который вытянулся до окна её спальни. Поддавшись внезапному порыву, она сломала стебель пополам; серебряные зёрнышки разлетелись во все стороны, сок залил ей руки. С минуту она стояла, глядя, как блестящие копья, распрямившись, плывут в темноту, а затем, вдруг озябнув, повернулась и вошла обратно в дом.

Хомили по-прежнему сидела у огня, там, где они оставили её, и мечтала. Она уже подмела перед очагом и зажгла свечку, поставив её на стол. Видно было, как она наслаждается своим новым домом, как она всем довольна. Сердце Арриэтты внезапно пронзила острая боль.

— Ты бы хотела всегда здесь жить? — спросила она, подвигая к огню табурет.

— Да, — сказала Хомили, — тут теперь так уютно... Но почему ты об этом спрашиваешь? А ты разве не хотела бы?

— Не знаю, — сказала Арриэтта. — Все эти люди летом. Вся эта пыль. Весь этот шум...

— Да, — согласилась Хомили, — убирать придётся часто. Но нет худа без добра — зато теперь у нас проточная вода и кран.

— Придётся сидеть взаперти, пока не уйдут посетители...

— Ничего не имею против, — сказала Хомили, — работы в доме не впрокорот, а взаперти я сидела почти всю свою жизнь. Уж такова твоя доля, если ты родилась добывайкой.

С минутой Арриэтта молчала.

— У Спиллера же другая доля, — сказала она наконец.

— У него-то? — нетерпеливо вскричала Хомили. — Сроду не знала ничего об этих диких добывайках; особая раса, говорил мой отец. А может, одичавшие домашние добывайки.

— Куда они подевались?

— Разбрелись кто куда, наверно. Попрятались в кроличьих норах и кустах.

— Я имею в виду — отец и Спиллер.

— А-а, они... Спустились к ручью посмотреть на причал. И на твоём месте, Арриэтта, — голос Хомили стал серьёзней, — я бы легла спать до того, как вернётся отец. Постель уже приготовлена, новые простыни и всё прочее, и, — она задохнулась от гордости, — там у тебя под покрывалом — шёлковое пуховое одеяло!

— Они идут, — сказала Арриэтта, — я их слышу.

— Скажи им «спокойной ночи» и беги наверх, — тревожно настаивала Хомили. Щёлкнула задвижка, и она понизила голос до шёпота: — Боюсь, ты немного расстроила его этим своим рассказом о мисс... мисс...

— ...Мензиз, — закончила Арриэтта.

Глава двадцать пятая

Когда Под вместе со Спиллером вошёл в комнату, его лицо светилось каким-то странным светом, и причиной тому были не ночные ароматы листьев и трав и холодная, как луна, вода в ручье. «В нём чувствуется сила и спокойствие, — подумала Арриэтта, подойдя к отцу, чтобы поцеловать его на ночь, — но он где-то очень далеко от нас». Ничего не сказав, Под механически клюнул её в ухо, но когда она повернулась, чтобы уйти, позвал обратно.

— Минутку, Арриэтта. Садись, Спиллер, — сказал он.

Он подтащил к себе стул, и они опять сели у очага.

— В чём дело, Под? — обеспокоенно спросила Хомили. Она протянула дрожащую руку и привлекла Арриэтту к себе. — Ты что-то там увидел?

— Нет, — сказал Под, — только луну, воду, двух летучих мышей да предательский дым из нашей трубы.

— Тогда пусть ребёнок ложится спать, у нас был долгий день...

— Я думал всё это время, — сказал Под.

— ...такой долгий, что кажется, будто прошло целых два, — продолжала Хомили, — я хочу сказать, если оглянуться назад.

Неужели они действительно ещё сегодня утром проснулись узниками, а сейчас здесь, у себя дома, сидят все вместе у очага?! Этому трудно было поверить. И очаг не такой, как прежде, а куда лучше, а уж о доме, таком, как этот, можно было только мечтать.

— Возьми свечку, — сказала она Арриэтте, — и ложись в кровать. Спиллер может спать

внизу. Если хочешь умыться, захвати с собой воду из крана, её здесь хоть отбавляй.

— Это нам не подходит, — внезапно прервал её Под.

Все обернулись и посмотрели на него.

— Что нам не подходит? — запинаясь, спросила Хомили.

Под махнул рукой.

— Всё это. Ничего нам здесь не подходит. Ровным счётом ничего. И Спиллер со мной согласен.

Арриэтта кинула взгляд на Спиллера; по его лицу трудно было что-нибудь прочесть, но она заметила упрямый огонёк в глазах и короткий, без улыбки кивок головой.

— Что ты имеешь в виду, Под? — Хомили облизала губы. — Неужели наш дом?

— Да, именно, и ничего другого, — сказал Под.

— Но ведь ты его даже по-настоящему не видел, — запротестовала Хомили. — Ты не пробовал зажигать свет и воду не включал. Ты не поднимался наверх. Ты бы только посмотрел, что они сделали на лестничной площадке, какой там вход к Арриэтте в спальню...

— Это ничего бы не изменило, — сказал Под.

— Но тебе нравилось тут, Под, — напомнила ему Хомили, — до того как эта парочка забрала нас отсюда. Ты снова свистел и напевал во время работы, как в старые времена в Фирбэнке. Правда, Арриэтта?

— Тогда мне было неизвестно, — сказал Под, — то, что известно теперь: что эти люди про нас знали.

— Понимаю, — удручённо сказала Хомили и уставилась на огонь. Плечи её сгорбились, кисти вяло повисли.

— Но они не такие, как все, — принялась Арриэтта уговаривать Пода. — Не такие, как Мейбл и Сидни; понимаешь, они — ручные. Я сама приручила мисс Мензиз.

— Их нельзя приручить, — сказал Под, — рано или поздно они отбиваются от рук — тогда, когда меньше всего этого ждёшь.

— Только не мисс Мензиз! — запротестовала верная Арриэтта.

Под наклонился вперёд.

— Они этого не хотят, — объяснил он, — просто делают. Они не виноваты. В этом они ничем не отличаются от нас: мы тоже не хотим причинить зло, мы просто делаем его.

— Ты никогда никому зла не делал, Под, — запротестовала Хомили.

— Сознательно — нет, — согласился он и посмотрел на дочь. — Арриэтта тоже не хотела причинить нам зла, когда разговаривала с этой мисс. Но она сделала это — она ввела нас в обман; в своём неведении мы строили планы на будущее, мы трудились, не жалея сил, а Арриэтта всё знала, но скрыла правду. И это не принесло ей радости, да, девочка?

— Да, — призналась Арриэтта, — но всё равно...

— Ладно, ладно, — прервал её Под спокойно, без укоризны. — Я понимаю, как всё это вышло.

Он вздохнул и посмотрел себе на ладони.

— И она увидела нас раньше, чем мы увидели её, — сказала Арриэтта.

— Я сразу её увидел, — сказал Под.

— Но ты не знал, что она видит тебя.

— Ты могла бы мне об этом сказать.

Отец говорил так ласково, что глаза Арриэтты наполнились слезами.

— Прости меня, — прошептала она.

Несколько секунд Под молчал, затем сказал:

— Видишь ли, у меня были бы тогда другие планы.

— Мисс Мензиз не виновата, что Мейбл и Сидни захватили нас.

— Не спорю. Но если бы я знал правду, всё было бы иначе. К тому времени, как они тут появились, нас бы и след простыл. Давно были бы в хорошем, укромном местечке.

— В каком? — спросила Хомили.

— Ну, таких мест — пруд пруди, — ответил Под. — Спиллер знает одну мельницу недалеко отсюда — да, Спиллер? — где живёт только один человек. Старый, к тому же близорукий. У него никого не бывает — ни живой души, кроме возчиков, что привозят зерно на помол. Это для нас более подходящее место, Хомили.

Хомили молчала. Видно было, что она усиленно думает. Руки, лежавшие на коленях, крепко сжимали одна другую, плечи снова распрямились.

— Она нас любит, папа, — сказала Арриэтта, — мисс Мензиз по-настоящему любит нас.

Под вздохнул.

— Не пойму — за что и почему. Но, возможно, это и так. Любят же они своих домашних животных — кошек, и собак, и птиц, и тому подобное. Как твоя двоюродная сестра Эгглина любила свою мышку — кормила её из рук, учила всяким штукам, протирала ей шкурку бархатной тряпочкой. А чем кончилось? Мышка убежала от неё к другим мышам. А у среднего сына твоего дяди Хендрири был однажды таракан-прусак. Держал его в клетке из чайного ситечка. Ну и жирный он стал! А всё равно, твоя мать говорила, вряд ли он счастлив. Ни разу не

голодал за всю свою жизнь таракан этот, но из ситечка выбраться всё равно не мог.

— Я, кажется, понимаю, что ты хочешь сказать, — неуверенно проговорила Арриэтта.

— Спиллер-то понимает, — сказал Под.

Арриэтта взглянула на Спиллера: узкое лицо было неподвижно, но глаза горели неукротимым огнём. Таким неукротимым, что Арриэтта быстро отвела взгляд в сторону.

— Ты можешь представить себе Спиллера в этом вот доме, — продолжал Под, — где можно жить на всём готовом, а всякие леди будут заглядывать в окна?

— Она не заглядывала! — пылко вскричала Арриэтта. — И никогда не будет!

— Кто знает, — сказал Под. — А уж если одному из людей станет известно, где и когда нас можно увидеть, рано или поздно об этом прослышат все. Кому-нибудь шепнут на ушко под секретом, а тот расскажет всем остальным. А эти Мейбл и Сидни... Куда они кинутся, когда увидят, что мы убежали? Сюда, конечно. И скажу вам почему: они будут мерить всех на свой аршин и подумают, что здешние люди нас украли.

— Но у нас теперь есть проволочная сетка, — напомнила ему Арриэтта.

— Да, — согласился Под, — на этот раз они посадили нас в крепкую клетку, как кур в курятнике. Но что ещё хуже, — продолжал он, — нас в любой момент может поймать кто-нибудь из посетителей. Это только вопрос времени. Каждый день их наезжает сюда великое множество, они всюду, если так можно выразиться, запускают глаза. Нет, Хомили, всем этим кранам и выключателям грош цена. И кухонным столикам и пуховым одеялам тоже. За праздную жизнь

приходится платить втридорога, как мы узнали, когда жили у Люпи. Важно другое: идти своим путём да чтобы у тебя было легко на душе, а здесь у меня на душе никогда не будет легко.

Наступило молчание. Хомили поворошила огонь ржавым гвоздём, который Спиллер приспособил под кочергу, и угольная пыль вспыхнула неожиданно ярко, осветив стены, и потолок, и кружок задумчивых лиц.

— Так что же делать? — спросила наконец Хомили.

— Уходить отсюда, — сказал Под.

— Когда? — спросила Хомили.

Под обернулся к Спиллеру:

— У тебя на барке только балласт?

Спиллер кивнул.

— Значит, как только нагрузим барку.

— Но куда мы пойдём? — в полном недоумении спросила Хомили. Сколько раз, подумала она, ей приходилось задавать этот вопрос!

— Туда, где нам место, — ответил Под.

— А где нам место?

— Ты знаешь это не хуже меня, — сказал Под. — Там, где тихо и спокойно, в каком-нибудь укромном уголке, который человекам не найти.

— Ты имеешь в виду эту мельницу?

— Да. Думаю, она нам подойдёт, — сказал Под. — И я следую примеру Спиллера — а уж его-то ни один из людей не видел. Там есть доски, вода, мешки, зерно и та еда, которую готовит для себя мельник. Там можно устроиться в доме и гулять под открытым небом. А если Спиллер будет держать свою барку наготове, что помешает нам приплывать сюда иногда вечером за добычей? Ты согласен со мной, Спиллер?

Спиллер кивнул. Снова наступила тишина.

— Но ведь не сегодня, Под, нет? — сказала Хомили; у неё сделался вдруг очень усталый вид.

Под покачал головой.

— И не завтра. Нам понадобится несколько дней, чтобы нагрузить барку, и мы не станем спешить. Если мы будем осторожны и погасим огонь, им и в голову не придёт, что мы вернулись. Погода стоит хорошая, и делается всё теплей. Нет нужды пороть горячку. Я сначала хорошенько там всё осмотрю, прикину, что нам будет нужно... — Под тяжело поднялся на ноги и потянулся. — А сейчас главное, — сказал он, сдерживая зевоту, — поспать. Часов двенадцать, не меньше.

Подойдя к шкафчику, он взял с полки тарелку и медленно, методично стал собирать золу, чтобы засыпать тлеющий уголь. В комнате стало темней.

Внезапно Хомили сказала:

— А можно нам попробовать лампочку?

— Электрическую? — спросил Под.

— Только один раз, — умоляюще повторила она.

— Почему бы и нет, — сказал Под и подошёл к выключателю у двери.

Хомили задула свечу, и тут же вспыхнул пронзительно-яркий свет. Хомили закрыла глаза ладонями. Арриэтта, часто моргая, с интересом глядела кругом: белая, лишённая теней, комната неприязненно смотрела на неё в ответ.

— Ой, мне это не нравится! — воскликнула Арриэтта.

— Мне тоже, — согласилась с ней Хомили.

— Но что ни говори, папа, — продолжала Арриэтта, словно всё ещё надеялась на признание своих заслуг, — а сами мы никогда бы этого не сделали. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Я — да, а вот ты поймёшь, что я хочу сказать, только когда станешь постарше.

— При чём тут возраст? — возразила она.

Под кинул взгляд на Спиллера, затем на Арриэтту. Вид у него был серьёзный, сосредоточенный, казалось, он старательно подбирает слова.

— Видишь ли, тут такое дело, — начал он, — и постарайся взять в толк, о чём я говорю. Скажем, когда-нибудь у тебя будет свой дом. Может быть, и семья — если тебе повезёт встретить хорошего добывайку. Думаешь, тебе по-прежнему захочется водиться с людьми? Да ни за что. — Он покачал головой. — И я скажу тебе почему: ты не захочешь ставить под удар свою семью. И своего добывайку. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Да, — ответила Арриэтта.

Она смутилась, не знала, куда деть глаза и руки, и была рада, что стоит лицом к отцу, а к Спиллеру спиной.

— Когда-нибудь нас не станет, — продолжал Под, — некому будет за тобой присматривать, и я говорю тебе сейчас: никогда разговоры с людьми не приводят добывайку к добру. Неважно, какими эти люди кажутся, о чём они толкуют, что тебе обещают. За всё приходится платить слишком дорогой ценой. Нельзя играть с огнём.

Арриэтта молчала.

— И Спиллер со мной согласен.

Со своего угла у очага Хомили видела, как глаза Арриэтты наполняются слезами, как она старается проглотить комок в горле.

— Хватит на сегодня, Под, — быстро сказала она, — давай погасим свет и ляжем в постель.

— Пусть она раньше даст нам обещание, — сказал Под, — здесь при электрическом свете, что она никогда больше не заговорит с людьми.

— К чему это обещание, Под... Она понимает... Как в детстве с газом. Давайте скорее ляжем.

— Я обещаю, — сказала вдруг Арриэтта. Сказала громко и внятно и тут же разрыдалась.

— Вот уж это ни к чему, дочка, — сказал Под, быстро подходя к ней, в то время как Хомили поднималась со своего места. — Ни к чему плакать, девонька, я говорил это для твоей же пользы.

— Я знаю, — всхлипывала Арриэтта, прикрыв лицо руками.

— Тогда в чём дело? Ну, скажи нам. Из-за мельницы?

— Нет, нет, — продолжала она рыдать. — Я думала о мисс Мензиз...

— А что с ней? — спросила Хомили.

— Раз я обещала с ней не говорить, кто ей теперь всё расскажет? Она так и не узнает, что мы убежали из тюрьмы, не узнает о Мейбл и Сидни. Не узнает о воздушном шаре. Не узнает, что мы вернулись. Никогда ни о чём не узнает. Всю жизнь она будет спрашивать себя, что с нами случилось. Будет лежать ночью без сна и думать, думать...

Под и Хомили обменялись взглядами поверх поникшей головы Арриэтты. Ни один, по видимому, не знал, как быть.

— Я не обещал, — внезапно сказал Спиллер хрипло.

Все обернулись и посмотрели на него. Арриэтта отняла руки от лица.

— Ты? — воскликнула она недоверчиво.

Спиллер, потирая ухо рукавом, не отводил от неё глаз.

— Ты хочешь сказать, — продолжала она, до того удивившись, что забыла и своё залитое слезами лицо, и смущение, которое последнее время

испытывала при Спиллере, — что ты вернёшься сюда и всё ей расскажешь? Ты, кого никто ни разу не видел? Ты, кто всегда в укрытии? Ты, от кого обычно не услышишь и слова?

Спиллер коротко кивнул, глядя ей прямо в глаза настороженным твёрдым взглядом.

Молчание нарушила Хомили:

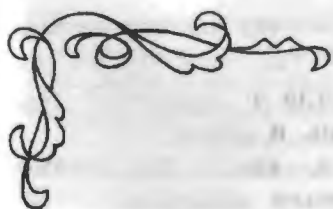
— Он это сделает ради тебя, дочка.

А затем, сама не зная почему, рассердилась. «Мне надо постараться полюбить его, — сказала она сама себе с раздражением. — Мне не остаётся ничего другого».

Видя, что недоверие на лице Арриэтты сменяется радостным изумлением, Хомили обернулась к Поду и резко сказала:

— Да погаси ты этот свет, ради всего святого! И все в постель. Завтра рано вставать.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДОВЫВАЙКИ

Глава первая	7	Глава одиннадцатая	78
Глава вторая	15	Глава двенадцатая	83
Глава третья	23	Глава тринадцатая	90
Глава четвёртая	26	Глава четырнадцатая	99
Глава пятая	33	Глава пятнадцатая	104
Глава шестая	42	Глава шестнадцатая	114
Глава седьмая	49	Глава семнадцатая	120
Глава восьмая	57	Глава восемнадцатая	127
Глава девятая	63	Глава девятнадцатая	136
Глава десятая	70	Глава двадцатая	148

ДОБЫВАЙКИ В ПОЛЕ

Глава первая	157	Глава одиннадцатая	255
Глава вторая	164	Глава двенадцатая	261
Глава третья	171	Глава тринадцатая	270
Глава четвёртая	186	Глава четырнадцатая	279
Глава пятая	188	Глава пятнадцатая	284
Глава шестая	206	Глава шестнадцатая	293
Глава седьмая	213	Глава семнадцатая	301
Глава восьмая	226	Глава восемнадцатая	311
Глава девятая	232	Глава девятнадцатая	323
Глава десятая	244		

ДОБЫВАЙКИ НА РЕКЕ

Глава первая	333	Глава пятая	379
Глава вторая	346	Глава шестая	385
Глава третья	364	Глава седьмая	389
Глава четвёртая	372	Глава восьмая	393

Глава девятая	400
Глава десятая	406
Глава одиннадцатая	413
Глава двенадцатая	420
Глава тринадцатая	427
Глава четырнадцатая ..	432
Глава пятнадцатая	441
Глава шестнадцатая	447

Глава семнадцатая	453
Глава восемнадцатая...	457
Глава девятнадцатая ...	465
Глава двадцатая	470
Глава двадцать	
первая	483
Эпилог	488

ДОБЫВАЙКИ В ВОЗДУХЕ

Глава первая	495
Глава вторая	501
Глава третья	508
Глава четвёртая	513
Глава пятая	517
Глава шестая	526
Глава седьмая	531
Глава восьмая	535
Глава девятая	541
Глава десятая	550
Глава одиннадцатая	554
Глава двенадцатая	558
Глава тринадцатая	562
Глава четырнадцатая ..	567
Глава пятнадцатая	569

Глава шестнадцатая	576
Глава семнадцатая	578
Глава восемнадцатая...	583
Глава девятнадцатая ...	588
Глава двадцатая	592
Глава двадцать	
первая	599
Глава двадцать	
вторая	606
Глава двадцать	
третья	614
Глава двадцать	
четвёртая	621
Глава двадцать	
пятая	629

ISBN 978-5-699-65608-0

9 785699 656080

ЭКСМО

